ОСОБЫЙ АРХИВ

РАССЕКРЕЧЕНО

А. КОЛПАКИДИ
О. ЛЕМЕХОВ

ГЛАВНЫЙ ПРОТИВНИК

ЦРУ против России

А. Колпакиди
О. Лемехов

ГЛАВНЫЙ ПРОТИВНИК

ЦРУ против России

«ВЕЧЕ»
Москва
2002

УДК 882-3
ББК 66.4
К 61

Вниманию оптовых покупателей!

Книги различных жанров
можно приобрести по адресу:
129348, Москва, ул. Красной сосны, 24,
издательство «Вече».
Телефоны: (095) 188-88-02, 188-16-50, 182-40-74;
т/факс: 188-89-59, 188-00-73.
E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

**С лучшими книгами издательства «Вече»
можно познакомиться в Интернете на сайте
www.100top.ru**

ISBN 5-94538-007-5

© Колпакиди А.И., Лемехов О.И., 2002.
© Вече, 2002.

Вся вторая половина XX века прошла под знаком противостояния двух сверхдержав — СССР и США. Они конкурировали всюду — на земле, в небесах и на море, в политике, геополитике, экономике. Причем явная конкуренция сопровождалась не менее упорным и ожесточенным тайным противостоянием. Истории Центрального разведывательного управления — одной из самых мощных и наиболее известных спецслужб США, и ее работе против Советского Союза и посвящена эта книга.

Много лет нам внушали, что перестройка — это исправление нашей искалеченной тоталитаризмом жизни под мудрым и чутким руководством «мирового сообщества». Сейчас этому не верят даже школьники. Очевидно, что перестройка была очередным этапом войны сверхдержав, заранее спланированным наступлением, что этот бой мы проиграли и этот факт принесет миру непредсказуемые бедствия. Не последнюю роль в этой операции сыграло ЦРУ, но войну спецслужб ему выиграть не удалось, равно как и разгромить советскую разведку и контрразведку. Эта книга — о подробностях тайной войны и ее законах.

Тот, кто прочтет ее, узнает немало интересного. Например, то, что советская перестройка поразительно напоминает планы, разработанные ЦРУ и принятые американским правительством за тридцать лет до ее начала. Против кого нацеливал Збигнев Бжезинский острие своего удара. Кто и когда придумал слово «диссидент». Каковы традиции американской «гуманитарной помощи». Некоторые пикантные подробности биографий «прорабов перестройки». Как агенты ЦРУ оценивали количество советских самолетов. Кто такие «кроты» и во что обходится спецслужбам охота на них. Как советские спецслужбы оборонялись от «перестройки». И многое, многое другое...

Глава 1

ДИПЛОМАТИЯ ШТЫКА И ДОЛЛАРА

(1917—1920)

Русско-американские отношения в период Гражданской войны и иностранной интервенции

«Стратегия века»

К началу XX века промышленная революция, стремительное развитие транспорта и связи, новые, невиданные ранее виды вооружений позволили ведущим державам мира всерьез мечтать о мировом господстве.

Главным претендентом на всемирную гегемонию была и оставалась Великобритания, обладавшая крупнейшей на Земле колониальной империей. По размерам территориальных владений немногим уступали ей Россия и Франция — старые соперники «туманного Альбиона». Жадно рвалась к новым территориальным владениям недавно возникшая Германская империя. Угроза со стороны молодого, стремительно развивающегося и голодного конкурента была столь велика, что по большому счету именно она, а не туманные «дипломатические соображения», заставила объединиться в единый военно-политический союз трех старых соперников. Европа неотвратимо катилась к страшной разрушительной бойне.

В это время на другой стороне земного шара, отгороженной океаном от кипящего европейского котла, вызревал еще один претендент на мировое господство — Соединенные Штаты. Не имея рядом с собой сколько-нибудь сильных соседей, способных умерить их аппетиты, они существовали практически в идеальных тепличных условиях, беспрепятственно расширяясь территориально и развиваясь экономически. Уже к середине XIX века это государство захватило гигантское пространство от Атлантического до Тихого оке-

ана. Правящие круги США развернули активную политико-экономическую экспансию в двух основных направлениях — Латинской Америки и бассейне Тихого океана. Параллельно шел бурный экономический рост, и еще до Первой мировой войны Соединенные Штаты стали крупнейшей индустриальной державой мира, обогнав прежнюю «мировую фабрику» — Англию. США уверенно занимали первое место на планете как по темпам промышленного развития, так и по общему объему промышленного производства. Солидный индустриальный базис предрасполагал к борьбе за мировое господство.

Заявку на мировую гегемонию Соединенные Штаты сделали уже в 1910 году. В нашей стране эта доктрина известна по имени тогдашнего президента США Тафта.

США при более мощной, чем в Европе, промышленности имели более слабые по сравнению со Старым Светом вооруженные силы. И вот, вместо того чтобы усиливать армию и готовиться к войне, этот президент сформулировал концепцию «долларовой дипломатии», предусматривавшую приоритет мирной экономической экспансии над военной. «Доллары будут сражаться вместо солдат, доллары будут разить гораздо эффективнее, чем снаряды», — говорил Тафт. План американского президента предусматривал превалирование экономического давления над военным, с постепенным уменьшением военной составляющей экспансии до минимума, отдавая приоритет глобальному экономическому наступлению в масштабах всей планеты. Янки и сейчас ведут ту же политику. Впрочем, они не задумываясь идут на любые человеческие жертвы ради своих политических и экономических интересов при одном условии: если эти жертвы — не американцы. При этом они устраивают истерики на всю планету по поводу любого убитого в военном конфликте американского солдата.

В общих контурах была продумана Тафтом и политика в отношении основных геополитических конкурентов. Первоочередной целью Америки, естественно, было максимально возможное экономическое ослабление Европы, в первую очередь динамично развивающейся Германии. В качестве обязательного условия план Тафта предусматривал развал Британской империи. Что касается России, то на первом

этапе она должна была быть изолирована. В дальнейшем же предполагалось искусственное подогревание ее агрессивности, чтобы весь остальной мир сплотился перед лицом «русской угрозы» (естественно, под руководством Соединенных Штатов). Наряду с экономической блокадой и общим ослаблением России планировалась и ее культурная изоляция. Составители плана Тафта полагали, что, находясь одновременно в экономическом и культурном вакууме, Россия настолько отстанет, что будет вынуждена капитулировать перед Западом даже без военного воздействия только из-за того, что не сможет противостоять его экономической экспансии.

Как показали последующие события, правящие круги США на протяжении почти целого столетия настойчиво претворяли план Тафта в жизнь. По ходу дела менялись отдельные детали, вносились те или иные коррективы, но сама стратегическая направленность плана подчинения всего мира звездно-полосатому флагу оставалась неизменной.

Кому война, а кому мать родна

Неизвестно, какими темпами пошла бы реализация плана Тафта и состоялась бы она вообще, если бы не разразившаяся вскоре Первая мировая война. В то время как народы Европы истекали кровью на полях сражений, американцы отсиживались за океаном, наживаясь на поставках воюющим сторонам. За 1914—1919 годы американский экспорт увеличился с 2,4 до 7,9 миллиарда долларов, то есть в 3,2 раза. Общая чистая прибыль монополий США составила в этот период 33,6 миллиарда долларов.

В результате войны кардинально изменилась и финансовая ситуация в мире. К 1914 году Соединенные Штаты были должны различным европейским странам около 5 миллиардов долларов. В свою очередь, американские инвестиции за границей составляли около 3 миллиардов долларов, что было в 10 раз меньше заграничных инвестиций Англии, в 6 раз — Франции и в 4,5 раза меньше германских капиталовложений. Благодаря военным заказам Америка не только ликвидировала свой долг Европе, но из должника сдела-

лась кредитором — к концу Первой мировой войны европейские страны были должны США 11 миллиардов долларов. Кроме того, за годы войны более чем вдвое увеличились частные инвестиции американских монополий за рубежом, составившие к 1919 году сумму около 6,5 миллиардов долларов.

Естественно, при таких прибылях Америка была кровно заинтересована в том, чтобы мировая война продолжалась как можно дольше и все участвовавшие в ней европейские страны как можно больше истощили друг друга. Сменивший Тафта на посту президента Вильсон говорил, что Соединенным Штатам невыгодна быстрая победа как Германии над Англией, так и Англии над Германией. США явно тяготели к странам Антанты, и им следовало вступить в войну. Что они и сделали 6 апреля 1917 года.

В результате Первой мировой войны США быстрей, чем предположили бы самые смелые прогнозы, обрели столь желаемое Тафтом экономическое сверхмогущество. Благодаря войне Америка за четыре года стала крупнейшим кредитором и сосредоточила у себя свыше половины мирового золотого запаса. Существенно усилились американские позиции и в производстве мировой промышленной продукции. К 1920 году США добывали около половины мировой добычи каменного угля, три пятых производства чугуна и стали, две трети добытой нефти и 85% мирового выпуска автомобилей.

На Европу с неба падали бомбы, а на Америку вместо них свалилось финансово-экономическое могущество. Окрыленный им, Вудро Вильсон с 1917 года взял курс на завоевание «мирового лидерства» и в политической области. Однако здесь ему пришлось пережить жёсткое разочарование. Американские претензии отказались признать даже союзные Англия и Франция, несмотря на огромные военные долги Вашингтону. На Парижской мирной конференции 1919 года Вильсон потерпел крупное дипломатическое поражение. Послевоенная Версальская система мира в Европе также была создана без участия США. Результатом поражения стали жестокое разочарование и рост изоляционистских настроений, возобладавших в правящей верхушке США. Сторонники этих настроений настаивали на том, что

Америке следует заниматься своими делами и не вмешиваться в европейские.

Таков был общий фон, на котором вырабатывалась политика Соединенных Штатов по отношению к России. А интерес к нашей стране, особенно к неисчерпаемым сокровищам ее недр, обозначился в американских деловых кругах еще до Октябрьской революции. «Американские компании, — писал еще в 1916 году посол США в Российской империи Фрэнсис, — уже смотрят жадными глазами на имеющиеся в этой стране залежи ископаемых, запасы водной энергии, возможности железнодорожного строительства. На пароходе, с которым будет отправлен этот пакет, возвращаются на родину несколько американцев, но среди них нет ни одного, который бы не собирался вернуться в Россию, так как все считают, что на земле нет другого поля деятельности, подобного этому»[1]. Лишь относительно сильная монархическая власть умеряла ненасытную жадность американских монополий. После Февральской революции это препятствие было ликвидировано. Изначально продажное демократическое правительство отдавало страну во власть любого, кто пожелает ее купить.

Однако и в определении общей политики стран Антанты по отношению к России ведущую роль играли Англия и Франция. США и здесь приходилось довольствоваться вторыми ролями. Однако стремительно усиливавшийся американский империализм вскоре начал активно заявлять свои интересы, сферой которых по преимуществу являлся русский Дальний Восток.

Шпионы и дипломаты

Самостоятельной разведывательной службы в Соединенных Штатах в начале XX века еще не было. Сбор информации о зарубежных странах американские правящие круги осуществляли несколькими путями. Во-первых, этим традиционно, со времени своего возникновения, занимался государственный департамент, выполняющий в США функции министерства иностранных дел. В рамках госдепартамента была создана специализированная разведслуж-

ба, занимавшаяся организацией разведки в ключевых регионах и обработкой информации, поступающей из многочисленных посольств, миссий, консульских и иных представительств. Возглавлял ее специальный помощник государственного секретаря, а кадры для него подбирались из числа дипломатов. Россия, являвшаяся зоной особого внимания США, была охвачена достаточно широкой сетью американских дипломатических представительств. Перед Октябрьской революцией Соединенные Штаты имели в Петрограде кроме посольства еще и консульство, в Москве — генконсульство, а также консульства в Архангельске, Мурманске, Самаре, Тифлисе, Екатеринбурге, Омске, Томске, Чите и Владивостоке.

Вторым официальным каналом поступления информации было разведывательное управление армии США (Джи-2). Хотя военная разведка сухопутных войск существовала в различных организационных формах со времени образования США, собственно Джи-2 было создано в начале 1917 года, накануне вступления Америки в Первую мировую войну. Помимо собственно оперативной разведки сухопутных войск, разведуправлению армии были подчинены аппараты американских военных атташе за границей. Пользуясь статусом дипломатической неприкосновенности, военные атташе могли безопасно собирать интересующие их военные сведения.

Также существовали военно-морская разведка и информационная служба министерства торговли.

Помимо этих официальных органов существовали и достаточно многочисленные неофициальные каналы получения информации. Крупнейшие американские компании издавна вели экономический шпионаж за границей и при необходимости делились информацией с правительством. Не была обойдена их вниманием и дореволюционная Россия. Как отмечают специалисты, крупнейшей организацией экономической разведки в царской России была «Русско-американская торговая палата», имевшая помимо штаб-квартиры в Москве отделения в Петрограде, Киеве, Ташкенте, Одессе и других крупных городах империи. Возглавлял палату К.И. Гучков, брат которого стал в 1917 году военным министром Временного правительства — какие люди, какие связи! А заместителем председателя и казначеем пала-

ты был старый шпион, инженер В.А. Бари. Наконец, в России находились многочисленные американские неправительственные миссии, такие как миссии Красного Креста, Ассоциации христианской молодежи и целый ряд других. Большинство этих «общественных организаций» при случае поставляли необходимую информацию, а также были готовы выполнить и другие особые задания. Так, например, под видом миссии американского Красного Креста, используемой в качестве легального прикрытия и возглавлявшейся полковником Томпсоном, разведка США создала в Петрограде свою агентурную сеть, которая снабжала ее политической информацией.

Стоит ли удивляться, что Февральская революция не стала для США полной неожиданностью? Американские правящие круги увидели в этом событии реальную возможность прибрать к рукам эту далекую и богатую страну. Демократическое Временное правительство предоставляло неизмеримо более благоприятные условия для проникновения, чем царское, и США были кровно заинтересованы в укреплении нового режима. Для европейских же союзников важнее всего было удержать Россию в войне, чтобы Германия продолжала сражаться на два фронта. Но революцию куда легче начать, чем остановить — почему-то этот факт упорно забывают политические провокаторы всех времен и народов. В стране продолжалось революционное брожение, активно использовавшееся большевиками.

Естественно, Соединенные Штаты всеми силами стали поддерживать угодный себе режим — в первую очередь экономическими мерами. В мае 1917 года Вашингтон предоставил Временному правительству первый заем в сумме 100 миллионов долларов. Вскоре он был увеличен до 175 миллионов. Всего же к октябрю 1917 года общая сумма американских займов, предоставленных правительству Керенского, достигла 325 миллионов долларов — не слишком большая ставка в игре, главным выигрышем в которой была богатейшая страна мира.

После Февральской революции в Россию прибыло несколько миссий, состав которых был лично подобран тогдашним американским президентом Вудро Вильсоном — чрезвычайная миссия во главе с бывшим государственным

секретарем США Рутом и техническая миссия, возглавляемая инженером Стивенсом. Среди членов делегаций были два крупных военных разведчика — начальник генерального штаба США генерал Хью Скотт и адмирал Джеймс Гленнон. В состав миссии Стивенса включили также инженеров-железнодорожников для изучения вопросов, имеющих отношение к работе Уссурийской, Восточно-Китайской и Сибирской железных дорог (Сибирь и Дальний Восток — зона особых интересов!), а также для оказания «технической помощи» Временному правительству.

По приезде в Петроград Стивенс был назначен советником министра путей сообщения, и обе миссии под видом помощи развернули в России активную шпионскую деятельность. Генерал Скотт и адмирал Гленнон энергично повели антиреволюционную пропаганду, призывая продолжать войну против Германии. Оба разведчика свободно перемещались по стране, а последний даже проник на Черноморский флот.

Пользуясь правами кредиторов, американцы начали активно вмешиваться во внутренние дела России. Посол США Фрэнсис настойчиво требовал от Временного правительства действенных мер в борьбе с революцией. Как впоследствии он сам написал в мемуарах «Россия из окна американского посольства», американский дипломат предлагал министру Временного правительства Терещенко организовать убийства Ленина и других большевистских лидеров, на что бесхребетные «временные» так и не решились. Опасность революции нарастала, и вместе с ней нарастала истерика дипломатов. 26 сентября 1917 года послы Англии, США, Франции и Италии предприняли совместный демарш и вручили Временному правительству специальную ноту, в которой недвусмысленно требовалось принять «решительные мероприятия» против революционных действий народных масс. В противном случае послы угрожали прекращением военных поставок, поставок продовольствия и кредитов. Глава Временного правительства Керенский впоследствии говорил, что если бы кому-нибудь удалось тогда опубликовать эту ноту «с разъяснением кто, где, когда и как помогал ген. Корнилову», то не только сразу же наступил бы конец союзу

России и Антанты, но и пришлось бы «к зданиям союзных посольств до отъезда послов поставить хорошую охрану»[2].

Американцы внимательно отслеживали ситуацию в далеком от них Петрограде. 7 октября 1917 года начальник миссии американского Красного Креста полковник Томпсон телеграфировал в Вашингтон: «...Большевики активно добиваются господства на Всероссийском съезде рабочих и крестьянских депутатов, назначенном на текущий месяц. В случае успеха будет образовано новое правительство, последствия могут быть пагубные — вплоть до сепаратного мира. Используем все возможности, но требуется немедленная поддержка, иначе будет поздно»[3]. Поддержку они получили, но все равно было поздно. Все предпринимаемые Западом меры по спасению Временного правительства оказались запоздалыми и недостаточными (если вообще возможно сделать правительство из парламентских болтунов). Единственно, американцам удалось спасти Керенского, которому они помогли бежать из Зимнего дворца на машине под американским флагом, любезно предоставленной бывшему премьеру секретарем посольства США в Петрограде Уайтгаузом. (Впрочем, профит от бывшего премьера не стоил потраченного бензина.)

3 ноября того же года в кабинете Томпсона состоялось секретное совещание руководителей союзных военных миссий в России на предмет выработки совместного плана действий ввиду большевистской революции и, что беспокоило их еще больше, ожидавшихся мирных переговоров с Германией. На совещании присутствовали английский генерал Нокс, французский — Ниссель, американский — Джедсон, сам Томпсон и другие заинтересованные лица. Ниссель сообщил, что его правительство уже выделило фонды для пропаганды. Чуть позже, 20 ноября 1917 года, председатель комитета общественной информации США Крил направил своему представителю в России Сиссону телеграмму, в которой, указав на всю опасность мирных переговоров, предложил объединить усилия всех американских представителей в Петрограде и Москве и начать кампанию для разъяснения «высоких целей» войны и «верности демократическим идеалам». Крил предлагал сделать ставку на эсе-

ров и указывал Сиссону: «Пусть Брешковская и другие выступают с заявлениями и переводят памфлеты. Нанимайте ораторов, арендуйте залы».

Антанта и США, отлично осведомленные о внешнеполитических планах большевиков, крайне отрицательно восприняли Октябрьскую революцию и немедленно предприняли меры для удушения нового режима в зародыше. Уже в ночь на 26 октября 1917 года при содействии Запада в Петрограде был создан контрреволюционный Комитет спасения Родины и революции. 26 октября его представители установили контакт с английским посольством, а 28 октября — с американским послом Фрэнсисом. Фрэнсис в тот же день телеграфировал в госдепартамент США о создании Комитета и о том, что Керенский с войсками находится в 20 км от Петрограда. На следующий день американский посол в Швеции Моррис сообщил государственному секретарю Р. Лансингу, что Комитет спасения ведет борьбу с большевиками и «получает поддержку американского и английского посольств». Однако попытка Комитета спасения организовать в Петрограде юнкерский мятеж провалилась, опорные пункты заговорщиков были окружены революционными войсками и уже к середине 25 октября юнкера сдались. Революция, о необходимости которой так долго говорили большевики и которую вызвали на голову свою и державы мечтающие о демократии болтуны, победила.

Уже 7 ноября 1917 года на совещании дипломатических представителей государств Антанты в Петрограде было принято решение не признавать Советскую власть. Однако признание признанием, а для того, чтобы сохранить Россию в войне, все средства хороши. 10 и 11 ноября начальники военных миссий стран Антанты, к которым присоединился и представитель армии США подполковник Керт, в коллективной ноте главнокомандующему генералу Духонину выразили энергичный протест против заключения какого-либо перемирия с Германией и Австро-Венгрией и потребовали от него направить всем политическим партиям и армии обращение о необходимости сохранения порядка и дисциплины на фронте. 11 ноября Духонин получил сообщение из Вашингтона, что США прекращают поставки военного снаряжения и продовольствия в Россию.

Американские представители заверили главнокомандующего, что поставки продуктов будут возобновлены, как только большевиков отстранят от власти. Однако от власти оказался отстранен сам Духонин, сначала смещенный со своего поста за отказ подчиниться распоряжениям Советской власти, а затем убитый собственными солдатами. Даже после начала переговоров в Брест-Литовске американские представители вместе с послами стран Антанты все еще пытались убедить большевиков возобновить войну с Германией, обещая щедрую материальную помощь. В том, что эти обещания никто не собирался выполнять, признавался впоследствии сам американский президент Вильсон, писавший, что не могло быть и речи о помощи большевикам против Германии.

Ведя переговоры с Советской властью, Антанта и США в то же время продолжали оказывать активную помощь ее противникам. После разгрома Комитета спасения ставка в конце 1917 года была сделана на Каледина и поддерживавших его казаков. Президент Соединенных Штатов Вильсон принял решение о предоставлении ему тайной финансовой помощи через английские и французские банки. 13 декабря 1917 года по распоряжению президента американскому послу в Лондоне была послана телеграмма, в которой предлагалось немедленно приступить к организации помощи Каледину. Посол должен был заверить генерала, что его борьба с Советской властью пользуется сочувствием со стороны американского правительства и что ему в этой борьбе будет оказана поддержка США. Но гораздо весомее любых слов были 500 тысяч долларов, переведенные нью-йоркским «Нейшнл сити бэнк» для финансирования калединского мятежа.

Помимо финансовой, американцы оказали атаману и организационно-техническую помощь. По указанию государственного департамента для установления непосредственной связи правительства США с восставшими на Дон был отправлен опытный разведчик — американский консул в Москве Де Витт Пул. 5 декабря 1917 года Пул прибыл туда, встретился с генералом Алексеевым и атаманом Калединым. Американцы сразу же начали содействовать им в формировании добровольческих частей. Казначей Русско-американской

торговой палаты, все тот же Бари, должен был содействовать в вербовке и отправке на юг белогвардейских офицеров. Консульство США в Яссах развило бурную деятельность по созданию отряда во главе с генералом Дроздовским. Консульство, с разрешения командующего румынским фронтом генерала Щербачева, приглашало русских офицеров на американскую службу, согласившимся же настойчиво предлагалось стать добровольцами белой армии. Однако надеждам Антанты и США на Каледина также не суждено было оправдаться.

Не бездействовала американская агентура и в Сибири и на Дальнем Востоке. На Транссибирской магистрали сосредоточила большую часть своих кадров посланная еще при Временном правительстве американская техническая миссия во главе со Стивенсом. Активную шпионскую деятельность во Владивостоке развернул местный американский консул Колдуэл. В своих письмах госсекретарю Лансингу он настойчиво советовал добиться максимального, насколько это возможно, расширения союзной агентуры в Азиатской России. Русский Дальний Восток все больше оказывался в зоне особого внимания США.

Окончательно принципиальная линия политики по отношению к России была выработана в Вашингтоне в июле 1918 года. Именно тогда были рассмотрены все «за» и «против» и принято решение о всесторонней поддержке контрреволюции вплоть до интервенции.

Пир хищников

Однако изначального единодушия по «русскому вопросу» в американских правящих кругах не было. Естественно, «демократические ценности» тут были ни при чем — на весах лежали совсем другие гири. Как бы то ни было, и президент Вильсон, и его ближайший советник Хауз, и военный министр Бейкер заняли колеблющуюся позицию. А самым активным сторонником вмешательства был государственный секретарь Лансинг. Свою позицию он закрепил в двух меморандумах об американской политике в России, которые он вручил президенту.

Госсекретарь был категорически против дипломатического признания РСФСР. В первом меморандуме он утверждал, что «Россия как нация никогда не попадет под власть петроградских большевиков. Гораздо вероятнее, что она распадется на отдельные части, требующие предоставления независимости»[4]. Этот исход более чем устроил бы американцев как экономически, так и политически. Вместо сверхдержавы, опасного соперника и конкурента, кучка «самостийных» территорий, с абсолютно амбициозными и абсолютно продажными правительствами, с которыми любой, имеющий баксы в кармане, может делать, что хочет. Разве так оно в конце концов и не вышло?

Во втором меморандуме обосновывалась необходимость установления в стране военной диктатуры, ибо «надежда на образование прочного русского правительства основывается в настоящий момент на военной диктатуре... Единственным очевидным ядром для организованного движения, достаточно сильного, чтобы сменить большевизм и образовать правительство, вероятно, будет группа высших офицеров во главе с генералом Калединым, атаманом донских казаков». Вильсон одобрил план Лансинга и, как уже отмечалось, распорядился оказать помощь Каледину. Изучавший этот вопрос американский историк В. Вильямс констатирует, что американская интервенция в Россию была решенным делом «еще между 10 и 12 декабря 1917 года». Однако началась она не сразу. Надо было подождать других. Доллары долларами, а штыки тоже не помешают, и лучше, если погибать в боях будут не американцы.

Союзники тоже не дремали. 22 декабря 1917 года в Париже состоялась англо-французская конференция. На ней было решено: оказать помощь белогвардейским правительствам и Финляндии, а также разделить территорию России на зоны влияния. Согласно Парижской конвенции, Англии отходили казачьи земли и Кавказ, Франции — Бессарабия, Украина и Крым. В основу дележки были положены стратегические интересы английского и французского империализма: первый интересовали нефтяные районы Кавказа, а второй — угольные и железорудные месторождения Украины.

Исходя из стратегической линии Лансинга и решений Парижской конференции, советник президента Вильсона пол-

ковник Хауз так определил американскую политику в отношении России: «1. Признание временных правительств, которые создались или предполагалось создать в различных районах России. 2. Предоставление помощи этим правительствам и через эти правительства». Кавказ предлагалось рассматривать как часть Турецкой империи, а в отношении Средней Азии — предоставить одной из держав «ограниченный мандат для управления ею на основе протектората». Что касается Сибири, то там, в зоне своих особых интересов, американцам хотелось бы видеть отдельное от Великороссии правительство[5]. На Дальнем Востоке Соединенным Штатам, равно как и странам Антанты, приходилось учитывать еще и позицию Японии, также имевшей свои интересы в этом регионе. В конечном итоге самураи там переиграли всех, и если бы большевики не победили...

Хорошо знавшие обстановку на месте американские дипломаты настаивали на необходимости скорейшего вторжения и давали правительству конкретные рекомендации. 21 февраля американский посол в России Фрэнсис отправил госсекретарю Соединенных Штатов Лансингу телеграмму: «Я серьезно настаиваю на необходимости взять Владивосток под наш контроль, а Мурманск и Архангельск передать под контроль Великобритании и Франции...»[6].

Трудность — небольшая, правда заключалась в том, что никаких формальных юридических оснований вводить свои войска на русскую территорию у Соединенных Штатов не было. Конгресс США войну Советской России не объявлял, администрация Вильсона никаких заявлений о разрыве дипломатических отношений с РСФСР не делала — хотя бы по той простой причине, что всякие отношения отсутствовали в принципе, никаких обращений о присылке американских войск из России правительство в Вашингтоне не получало. Надо было как-то замаскировать акт агрессии против иностранного государства. Как показывает вся история XX века, в таких случаях в США немедленно вспоминают об интересах рассеянных по всему свету американских граждан и сохранности американского имущества. Так и в этом случае: правительство США тут же вспомнило об американских складах военного имущества, которые надо было охранять, и о 70-тысячном чехословацком корпусе, ко-

торому неплохо было бы помочь в его продвижении по Транссибирской магистрали.

Об этом корпусе разговор особый. Все знают о том, что, находившиеся в Сибири чехословаки хотели вернуться на родину, заключили уже об этом соглашение с местными органами Советской власти, но по малопонятной причине вдруг подняли мятеж. Однако менее известно, что не кто иной, как американский генеральный консул в Иркутске Гаррис, вмешался в ход переговоров, заверил чехов и белогвардейцев в том, что Америка будет им активно помогать, а консул Де Витт Пул настойчиво требовал, чтобы чехословаки захватили Транссибирскую дорогу и начали военные действия. Антанта и США рассматривали корпус как свою ударную силу против большевиков, и в результате таких «дипломатических» воздействий чехословаки скоро прекратили переговоры с местными Советами. Так что удобный предлог для вмешательства в русские дела американцы, как мы видим, создали себе сами.

Точку под решением о начале интервенции поставил Брестский мир, заключенный большевиками с Германией 3 марта 1918 года. Как мы уже писали, Антанта и США всячески старались сорвать его заключение. Когда же мир был подписан, американский президент Вильсон сделал «дружественный» жест, заявив, что желает оказать России помощь в борьбе с Германией. Это заявление дало повод послать в Мурманск американский крейсер «Олимпия», который усилил наращивающуюся на севере группировку интервентов. В общем-то, «дружественная помощь» Запада не заставила себя долго ждать — после окончательного согласования военными штабами планов интервенции соединенные англо-американо-французские силы высадили десант с кораблей и оккупировали Мурманск. Произошло это 9 марта 1918 года. Вооруженная интервенция западных демократий началась через 6 дней после заключения Брестского мира. Последние призрачные надежды на то, что большевики в последнюю минуту одумаются и не выйдут из войны, рухнули, и с Россией можно было больше не церемониться.

На Дальнем Востоке начали действовать японцы, спешившие отхватить свой кусок от «русского пирога». 5 апреля 1918 года их войска высадились во Владивостоке. Пред-

логом для вторжения стало убийство 4 апреля двух японских служащих во владивостокской торговой конторе «Исидо». Японская дипломатия была к союзникам максимально предупредительна и почтительна. В день высадки японского десанта во Владивостоке государственный департамент получил торжественное заверение японского правительства: «Никакие действия не будут предприняты без полного согласия с союзниками или правительством США»[7]. Как показали дальнейшие события, японцы низко кланялись, пряча за пазухой отточенный меч.

Самураям не составило никакого труда обойти американцев — «ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад!». Самоуверенные янки находились в плену сладкой иллюзии собственного верховенства и всемогущества. Настроение того времени хорошо передает беседа, которая состоялась в августе 1918 года между уже известным нам консулом Соединенных Штатов в Иркутске Гаррисом и помощником военного атташе, американским разведчиком майором Слоутером. Оба разведчика абсолютно уверены в том, что Америка держит в своих руках все нити контроля за положением в Сибири, да и вообще во всем мире, и не собирается уступать своего верховенства никому другому. Разведчик-дипломат и разведчик-военный доносят в Вашингтон: «Мы знаем нашего президента, мы знаем нужды союзников, и мы знаем, как и Гинэ, что Соединенные Штаты сейчас диктуют политику союзников в России и в Европе — в политическом плане. В России Соединенные Штаты будут расходовать живую силу и деньги под руководством компетентных людей»[8]. Под последними Гаррис и Слоутер, очевидно, подразумевали себя.

Однако в действительности Япония точно так же, как и Америка, рассматривала русский Дальний Восток как зону своего влияния и отнюдь не собиралась, несмотря на все дипломатические заверения, подчиняться руководству США. На их стороне было и территориальное, и многократное численное превосходство высадившихся там японских войск над американскими (в самый разгар интервенции соотношение было следующим: 70—75 тысяч солдат и офицеров армии микадо против 10—12 тысяч американских военных). Вместо обещанного безоговорочного повиновения оккупа-

ционным войскам США на Дальнем Востоке уже на следующий год пришлось столкнуться с плохо скрываемой враждебностью и закулисными интригами со стороны японцев.

Пока же правительству Соединенных Штатов казалось, что все идет как нельзя лучше. 25 мая 1918 года начался подготовленный разведками Антанты и США мятеж чехословацкого корпуса, захватившего Транссибирскую магистраль на огромной территории от Пензы до Владивостока. Под прикрытием 70-тысячного корпуса, который Антанта поспешила объявить частью своих сил, начали формироваться эсеро-меньшевистские правительства в Самаре и Омске. Правительство США взяло на себя заботу о снабжении чехословацкого корпуса оружием и с этой целью предоставило ему заем в 12 миллионов долларов.

Ключевой датой стало 6 июля 1918 года. В Москве в этот день произошло убийство германского посла Мирбаха и вспыхнул левоэсеровский мятеж, оперативно, впрочем, подавленный с помощью латышских стрелков. Чуть более длительными оказались мятежи в Ярославле, Муроме, Рыбинске и других мелких городах. В тот же день Антанта объявила Владивосток международной зоной, а в Вашингтоне 6 июля состоялось секретное совещание у президента Вильсона, на котором было принято окончательное решение о крупномасштабной интервенции в Россию. На совещании было решено действовать на Дальнем Востоке совместно с Японией. Американским войскам предписывалось «закрепиться во Владивостоке и оказывать содействие чехословакам». В перспективе предполагалось, что чехословаки в союзе с белогвардейцами будут продвигаться на запад, пока не соединятся с войсками интервентов, высадившимися в Мурманске на севере, и англичанами, захватившими Баку, на юге.

Во исполнение этого плана была усилена северная англо-американо-французская группировка, которая начала активные действия 2 августа. Использовав организованный ими же в Архангельске белогвардейский мятеж, суда интервентов с войсками вошли в порт и захватили город. В Архангельске было образовано эсеро-белогвардейское правительство — «верховное управление Северной области». Двигаясь на соединение с ним, чехословацко-белогвардейские войска 6—7 августа заняли Казань. Сломив слабое со-

противление большевиков, интервенты установили на севере европейской части России режим массового террора. В августе командующий войсками оккупантов генерал Пул издал приказ о применении смертной казни к тем, кто занимается большевистской пропагандой. Только через архангельскую тюрьму за один год оккупации прошло 38 тысяч человек арестованных, из которых 8 тысяч было расстреляно и свыше тысячи умерло от голода, болезней и побоев. Тюрьмы на островах Мудьюг и Иоканьга были превращены в настоящие «лагеря смерти». В Мудьюгской тюрьме, рассчитанной на 100 человек, сидело 350 заключенных. Люди там ежедневно умирали от голода, холода, болезней и истязаний. По свидетельствам немногих выживших, заключенных фактически не кормили, при этом заставляя выполнять непосильную физическую работу. Именно в установлении режима террора была одна из основных ошибок интервентов. Режим, восстановивший против себя население огромной страны, победить не может. Но тюрьмы, расстрелы и истязания аукнулись позже. А пока что для интервентов все складывалось хорошо.

Основные силы американцев были брошены на Дальний Восток. Первый отряд армии США высадился во Владивостоке 16 августа 1918 года. Поскольку на Уссурийском фронте белочехи и белогвардейцы оказались в тяжелом положении, объединенные японо-американо-англо-французские войска уже в 20-х числах августа были брошены в бой, на помощь чехословакам. Основные же силы американцев во главе с генерал-майором Гревсом прибыли во Владивосток на транспорте «Томас» 1 сентября. Как уже отмечалось, их численность составила 10 тысяч человек.

Нельзя сказать, что операция была тщательно подготовлена. Даже сам генерал Гревс, неожиданно для себя назначенный командующим американскими войсками в Сибири, не был толком осведомлен о стратегических замыслах Белого дома и госдепартамента. В своих мемуарах (носящих, кстати, красноречивое название: «Американская авантюра в Сибири») генерал честно признался: «Я командовал войсками Соединенных Штатов, посланными в Сибирь, и должен признать, что не знал, чего, собственно, Соединенные Штаты пытались достичь путем военной интервенции».

Внешне все выглядело прекрасно: пользуясь техническим и численным преимуществом, объединенные силы интервентов и белочехов с белогвардейцами смогли достаточно быстро разгромить или оттеснить большевистские войска и занять основные центры. 18 сентября они были вынуждены оставить Зею — последний опорный пункт Советской власти в этом регионе. Однако большевики ушли в тайгу и перешли там к партизанским действиям, а карательные экспедиции белых и интервентов, в первую очередь японцев, не разбиравших особо, кто перед ними — партизан или крестьянин, вызвали взрыв ненависти со стороны местного населения. Реалистично смотревший на вещи Гревс был вынужден признать, что его экспедиционный корпус вызывает «ненависть со стороны более чем 90 процентов населения»[9].

Достаточно быстро стало понятно, что на Дальнем Востоке разгорается настоящая партизанская война, и погасить ее невозможно. Проницательный Гревс почти сразу понял, что оптимизм относительно быстрого «искоренения большевиков» в Сибири не оправдан, а войска интервентов здесь ожидают тяжелые испытания с непредсказуемым исходом. Кроме того, пробыв во Владивостоке четыре недели, командующий американским корпусом был вынужден рапортовать в Вашингтон, что среди местной русской элиты ему «не удалось обнаружить вселяющий доверие объект приложения сил и средств для оказания какой-либо военной помощи» — дальневосточные белые генералы или уже были куплены японцами, или не вызывали никакого доверия. Генералу оставалось вслед за Наполеоном и прочими бессильно повторять: «Будь проклята эта страна!» Интервенты основательно увязли в дальневосточной авантюре, однако надежд своих пока не похоронили.

Шпион, отправившийся на холод

Широкомасштабные военные операции интервентов были чрезвычайно удобной почвой и прикрытием для деятельности разведки. Вскоре после высадки войск на Дальнем Востоке в распоряжение Гревса из Вашингто-

на было прислано 15 кадровых офицеров военной разведки. Их отправили в города, расположенные по Транссибирской железной дороге, где они должны были собирать сведения о военном, политическом и экономическом положении Сибири.

При штабе деникинской армии для связи с американским правительством находился специальный представитель США, адмирал Мак Келли. Благодаря этому американская военная разведка, важнейшими центрами которой являлись военные миссии США, распространила свои действия на юг России. Одна такая миссия возглавлялась упомянутым выше спецпредставителем и находилась при штабе Деникина, а вторая, самая крупная, с февраля 1919 года обосновалась в Одессе и возглавлялась подполковником Риггсом, бывшим военным атташе США в Петрограде. Разведывательная деятельность миссии Риггса распространилась на всю Украину, Крым, Дон и Северный Кавказ.

Однако военные были лишь верхушкой айсберга, основанием которого стали многочисленные неправительственные организации. Летом 1918 года правительство Соединенных Штатов создало Комиссию экономической помощи России. На нее была возложена задача координации действий таких американских «гуманитарных» организаций, как Красный Крест, Ассоциация христианской молодежи и ряда других. С их помощью американцы предполагали расширить масштабы своего шпионажа в России, финансировавшегося «попутно» из средств, ассигнованных вашингтонским правительством на оказание «экономической помощи» нашей стране. Так, Ассоциация христианской молодежи, число инструкторов которой на оккупированной территории Сибири превышало сотню, создавала там спортивные общества, отряды бойскаутов, открывала клубы и кинотеатры, стремясь внедриться во все слои общества. Активно действовали члены Ассоциации в Москве и Петрограде, где их деятельностью непосредственно руководил американский посол.

Чрезвычайно удобным прикрытием для разведчиков являлась церковь. Долгое время одним из резидентов американской разведки в Петрограде был Дж. Альберт Саймонс, с 1907 года бывший там пастором протестантской миссионерской церкви. После Октябрьской революции благочести-

вый пастор создал шпионскую группу, завербовав в нее около 50 человек. Не отставала и метрополия. В июле 1918 года в Чикаго был срочно проведен съезд американских и английских баптистов, обсудивший методы ведения подрывной работы в Советской России. На съезде было решено усилить «распространение христианства» на подвластной большевикам территории. Вскоре баптистский институт в Филадельфии уже сформировал отряд так называемых крестоносцев для отправки в РСФСР. В Лондоне «крестоносцы» попытались получить визы на въезд в Советскую Россию, а когда им было отказано, то все равно нелегально проникли в Россию с территории Польши с помощью польской разведки. Правда, вскоре все новоявленные «крестоносцы» были переловлены чекистами.

Не обошли вниманием американские разведчики и национальные окраины. Американский консул в Закавказье Смит установил постоянный контакт с одним из лидеров грузинских меньшевиков Е.П. Гегечкори. В декабре 1918 года Баку, Тбилиси и Батуми посетила американская миссия, возглавлявшаяся ректором Чикагского университета, профессором международного права Джедсоном. Целью этой миссии было детально выяснить положение в Грузии. Естественно, информация «миссионеров» интересовала любая — как официальная, так и не подлежащая оглашению.

Продолжали шпионаж и дипломаты. После переезда Советского правительства из Петрограда в Москву представители стран Антанты и США перебрались в Вологду. Странное место для посольства, не правда ли? Для посольства — да, но не для деятельности, которой занимались в то время иностранные представительства. С февраля по июль 1918 года этот город, расположенный на перекрестке стратегических дорог, ведущих в Москву и Петроград, и примерно посредине между интервентами, наступавшими с севера, и белочехами, подходящими с востока, стал координирующим штабом для всех русских антибольшевистских сил. Ну и, конечно, главным центром разведывательной деятельности западных посольств.

Хотя ведущую роль в Вологде играли англичане и французы, американцы под руководством своего посла Фрэнсиса также вносили вклад в общее дело. Так, в апреле 1918 года

в Москве была раскрыта контрреволюционная организация, финансировавшаяся американцем В.А. Бари и вербовавшая белых офицеров для отправки на юг. Бари действовал при содействии американского генконсульства в Москве, которое после его ареста сразу выступило с протестом и предоставило официальное поручительство, настаивая на освобождении своего подзащитного до суда. В самой Вологде члены американской военной миссии установили связь с контрреволюционными силами и при их помощи собирали сведения о составе и численности размещенных в этом районе советских войск, а также войск, направлявшихся через Вологду на север и на восток. После разгрома левоэсеровского мятежа в Москве, опасаясь разоблачения своей подрывной деятельности, иностранные послы покинули 23 июля 1918 года Вологду и переехали в Архангельск, под защиту пушек англо-американо-французской эскадры.

Деятельность американской разведки на русской земле не ограничивалась большевистским тылом и главными театрами военных действий. Свои интересы заокеанские разведчики распространяли и на другие, менее значимые регионы. Одним из таких объектов стала Закарпатская Украина. Как только там была создана Карпато-русская армия под командованием французского генерала Энноке, президент Вильсон незамедлительно отправил в Закарпатье опытного разведчика Бенджамена Паркера. Паркер, имевший чин полковника, стал советником Энноке. Кроме того, он привез с собой в Ужгород большую группу помощников, офицеров американской армии и американских священников. Офицеры стали членами Специальной военной миссии (под прикрытием которых обычно работала Джи-2), а священнослужители составили штат американской духовной миссии, во главе которой встал пастор Гордон. Деятельность американских военных и духовных миссионеров вскоре охватила все Закарпатье и прилегающие регионы. Но Паркеру и этого было мало, и он дополнительно организовал в Ужгороде отделение Комитета общественной информации США с разветвленной сетью представителей по всему краю. Вся эта агентура в Закарпатье занималась в первую очередь экономическим шпионажем, а также поставкой вооружения петлюровцам, действовавшим на территории Украины.

Другим регионом, интересовавшим Вашингтон, было Закавказье. В 1919 году правительство Соединенных Штатов отправило туда специальную военную миссию в составе 40 человек. Составленная для миссии инструкция предписывала провести обстоятельное политическое, экономическое и военно-географическое обследование Закавказья и прилегающих к нему областей. В это же время на территории Армении развернула свою деятельность Американская администрация помощи, учредившая в Европе свою миссию, во главе которой почему-то стояли кадровые разведчики. Впрочем, удивляться не приходится — как это часто бывало, и тогда, и теперь благотворительная вывеска служила лишь удобной ширмой для насаждения своей резидентуры в интересовавшей Америку стране. В первую очередь вербовке подлежала наиболее пригодная для этого часть местной элиты, и один из представителей США в Армении, капитан Мур, первым делом потребовал дать ему список членов дашнакского правительства этой закавказской республики с подробной характеристикой их прошлой политической деятельности. Биографические сведения были необходимы западным разведчикам не просто для общего образования, а для облегчения установления контакта с теми людьми, которых они хотели привлечь к себе на службу.

Проявляла американская разведка активность и на самой окраине империи — в Средней Азии. С началом Гражданской войны работу в этом направлении развернул генеральный консул США в Ташкенте Дэвис. После установления Советской власти в Туркестане вместо Дэвиса генеральным консулом Соединенных Штатов в Ташкент был назначен Тредуэлл — опытный разведчик. В тесном контакте с английскими спецслужбами он начал готовить в этом регионе государственный переворот. Тредуэлл установил тесный контакт с туркестанскими эсерами, националистической буржуазией, баями, духовенством, находившимися в Ташкенте белыми офицерами и бывшими царскими генералами. Пользуясь тем, что Советский Туркестан был отрезан от Центральной России войсками атамана Дутова, заговорщики намеревались поднять антисоветский мятеж в городе, приурочив его к моменту подхода колчаковских войск. 18 января 1919 года восстание в Ташкенте началось.

Оно было быстро подавлено частями Красной Армии. В ходе расследования, проведенного Туркестанским ЧК и особым отделом Реввоенсовета Туркестанской республики, выяснилось, что фактически руководили заговором и снабжали заговорщиков деньгами консул США Тредуэлл и его английские коллеги.

В по́ле зрения американской разведки оказалась и Прибалтика. Уже в марте 1919 года туда отправилась специальная американская военная миссия во главе с подполковником Грином. Одной из ее задач было создать в регионе опорные пункты для ведения разведки против Советской России. Миссия Грина была удачной, и очень скоро города Рига и Лиепая стали транзитными пунктами по заброске американских агентов на территорию РСФСР. Специальный представитель Соединенных Штатов в Прибалтике Джон Гейд в телеграмме от 19 декабря 1919 года, направленной в государственный департамент с грифом «секретно и доверительно», сообщал, что «латвийское правительство весьма охотно окажет Соединенным Штатам услугу, разрешив 150 иностранцам... высадиться в Либаве, гарантирует их переброску до большевистского фронта и обеспечит их переход через фронт», что и было сделано. Помимо этого, правительства новообразованных прибалтийских государств весьма охотно делились с Вашингтоном самостоятельно добытой ими секретной информацией о России.

По иронии судьбы, именно в это время неплохо узнал Россию и будущий глава Центрального разведывательного управления, известный американский разведчик Аллен Даллес. В 1918 году, еще подвизаясь на дипломатическом поприще, он уже был тесно связан со сбором разведывательной информации. В частности, ему принадлежит меморандум под названием: «Литва и Польша — последний барьер между Германией и большевиками». В этом документе, представленном правительству США, Даллес предлагал использовать территорию этих двух государств в качестве плацдарма для нападения на РСФСР.

Греко-американец и его тросточка

После провала левоэсеровского мятежа западные державы немедля разработали новый план свержения Советской власти, который начал осуществляться с августа 1918 года. В отечественную литературу он вошел под названием «заговора послов». Поскольку главную роль в подавлении мятежа эсеров в решающий момент сыграли латышские стрелки, несшие охрану Кремля, то было принято простое решение — подкупить руководство латышских стрелков, с их помощью расстрелять Ленина и других крупных большевистских руководителей и ликвидировать Советскую власть. Основную роль в новом заговоре играли британский представитель Локкарт и английский шпион Рейли, но не стояли в стороне от него и американцы: генеральный консул Соединенных Штатов в Москве Де Витт Пул и посол Фрэнсис. Генеральное консульство США стало фактически штаб-квартирой заговорщиков, где происходили их нелегальные совещания. Внесли свою лепту американцы и в финансирование заговора. Так, из 700 тысяч рублей, переданных английским шпионом Рейли командиру латышей Берзиню при первой встрече, 200 тысяч были предоставлены американцами, а остальные 500 тысяч — французами.

Однако сам Берзинь выполнял задание ЧК, и обо всех деталях заговора с самого начала было известно Дзержинскому. В ночь на 1 сентября 1918 года чекисты без особого труда арестовали в Москве большинство заговорщиков, в том числе и самого Локкарта. Узнав о провале «заговора послов», Де Витт Пул и французский генеральный консул в Москве Гренар успели укрыться в норвежской миссии. Но так повезло далеко не всем заговорщикам. Ксенофон Каламатиано был задержан у самых ворот миссии. Этот коммерсант сложного происхождения, сын греческого купца и русской дворянки, представитель американской фирмы «Дж. И. Кейс Трешинг Машин Компани», начиная с марта 1918 года возглавлял американскую «Информационную службу» в Советской России. Более того, как вспоминал впоследствии Пул, само создание такой службы было его идеей.

Причина, которой американцы обосновали необходимость создания собственной информационной службы в России, была до изумления наивной. Пул заявил наркоминделу Чичерину, что «из-за полного запрещения всей прессы, кроме большевистской, Генеральное консульство сочло необходимым нанять информационных агентов»[10]. На самом же деле это была чрезвычайно секретная, прекрасно законспирированная шпионская сеть, построенная по иерархическому принципу. То есть Каламатиано знали два-три человека, каждый из которых, в свою очередь, был связан еще с двумя-тремя, и так сверху донизу. Такой принцип прекрасно страховал сеть в случае ареста низовых исполнителей — но не в случае ареста кого-либо с «верхних этажей», увы... потому что случилось именно это.

Сеть, организованная Каламатиано, объединила около 30 человек, мужчин и женщин, которые отправлялись в самые разные уголки Советской России и скрупулезно собирали там информацию, в основном военную. Причем это были отнюдь не писари и поварята. Так, агент номер 12, подготовивший для американцев превосходные карты с фронтов, по данным советских исследователей, был Е.М. Голицын, бывший подполковник генерального штаба, сотрудничавший с большевиками. (Каламатиано же утверждал, что это — шеф мобилизационного отдела Красной Армии по Ярославской области.) Не терял времени и сам начальник службы, имевший обширные связи в самых разных кругах общества. Кстати, уже в июне 1918 года его агенты доносили о готовящейся попытке государственного переворота. Так, агент под номером 11 сообщал, что «на встрече, состоявшейся 26 июня, было твердо решено взяться в Москве за главное, то есть сбросить большевиков. Активного начала здесь ожидают не позднее чем примерно через 2,5 недели. Предполагается тесный контакт с союзниками, и в случае неуспеха союзники помогут с эвакуацией военных сил организации»[11]. Кстати, в сроки, указанные агентом, действительно была предпринята попытка переворота, известная как восстание левых эсеров.

После начала американской интервенции консул и другие официальные лица решили выехать из Советской России. Естественно, «неофициальные лица» должны были ос-

таться, 25 августа в Генеральном консульстве США состоялась встреча, целью которой было договориться о совместных действиях на большевистской территории английской, американской и французской информационных служб. Кроме официальных представителей там присутствовали Каламатиано, француз полковник де Вертимон (Анри), французский же журналист Рене Маршан и англичанин — широко известный Сидней Рейли.

В конце августа 1918 года Каламатиано собрался в поездку по Сибири. 30 августа он выехал из Москвы — в тот самый день, когда было совершено покушение на Ленина. По пути в Сибирь он заехал в Самару, к семье, которую заблаговременно отправил туда из ставшей опасной Москвы. Там же и узнал о начавшемся «красном терроре». Среди арестованных были и агенты «Информационной службы».

Надо отдать должное нашему герою. Никто бы не упрекнул его, если бы он остался на контролируемой белыми территории. Однако отчаянный грек решил все-таки прорваться в Москву, к Пулю, для которого имел информацию и несколько писем. Однако он опоздал. 13 сентября он выехал из Самары, 18 сентября прибыл в Москву — как раз в тот самый день, когда консул, в последний момент ускользнув от ЧК, перешел финскую границу.

Агенты ЧК ожидали его дома. Но домой Каламатиано не пошел. Решив во что бы то ни стало доставить по назначению письма, он направился в консульство, где уже ждала засада. Он был арестован, так и не сумев добраться до входа. Сначала Каламатиано заявил, что он американец и пришел за своим паспортом, но ему не поверили. При нем был паспорт на имя С.Н. Серповского, что было бы странно для американца. Впрочем, в ЧК знали о встрече 25 августа, да и сеть «Информационной службы» была уже во многом раскрыта.

Умный грек не стал отрицать всего напропалую. Так, например, он признал присутствие на встрече, но заявил, что не слышал ничего ни о каких заговорах и диверсиях. Признал существование «службы», однако утверждал, что информация, которую они собирали, носила лишь коммерческий характер. Агенты, как объяснял он на суде, «занимались

сбором и военной информации, потому что когда через определенные станции проходили составы с войсками, то транспортировка промышленных товаров становилась невозможной, и это надо было знать. Информация о Красной Армии в районах, прилегающих к фронту, была необходимой, чтобы представлять, насколько защищены от немцев имевшиеся там склады и товары»[12]. И так далее, все в том же духе.

На одном из допросов внимание следователей привлекла большая трость, которую Каламатиано всегда носил с собой. Внутри сего предмета роскоши обнаружился тайник, содержавший цифровой код, записи и денежные расписки. Хозяина трости заставили расшифровать документы, после чего удалось установить всех 30 агентов «Информационной службы». Текст инструкции для агентов гласил: «В сообщении следует зашифровывать особо важные данные следующим образом: номера войск обозначаются как количество пудов сахара и патоки, а также цена на них. Дух войск — положение в сахарной промышленности. Номера артиллерийских частей — мануфактура и цены на нее. Дезертирство из рядов Красной Армии — эмиграция из Украины»[13]. Увлекательное, в общем, было чтение для чекистов...

В ноябре — декабре 1918 года состоялся суд. Локкарта, Рейли, французского консула Гренара и Вертимона судили заочно. Каламатиано кроме шпионской деятельности обвинили в том, что он знал об их планах и принимал участие в заговоре. Несмотря на все попытки преуменьшить свою вину и доказать, что он случайно оказался в числе заговорщиков, революционный трибунал приговорил его к расстрелу.

Однако казнен глава «Информационной службы» не был. Его решили использовать как заложника — в данном случае это было весьма гуманно. Сначала думали обменять на кого-либо из советских деятелей, захваченных американцами, а затем, в августе 1921 года, «обменяли» на поставки продовольствия, освободив из тюрьмы как свидетельство улучшения отношений между Советской Россией и США. В Штаты он вернулся, преисполненный ненависти к большевикам, и тут же предложил свои услуги госдепартаменту, заявив о готовности работать против Советской России. В 1923 году ему предложили работать в военной разведке США, но приступить к новой работе он не успел. В 1923 году

на охоте он отморозил ногу, началась гангрена, и 9 ноября Ксенофон Каламатиано умер. Что же касается его начальника — бывшего консула Пуля, то с деятельностью этого человека мы еще встретимся — с 1949 по 1951 год он занимал пост президента Национального комитета за Свободную Европу. Но об этом комитете речь впереди...

Омский правитель в английском мундире

Эсеро-меньшевистское правительство в Омске в борьбе с большевиками оказалось совершенно беспомощным. Тогда, наученные горьким русским опытом, заграничные «благодетели» сделали новую ставку. На сей раз их избранником стал офицер — адмирал Колчак, бывший командующий Черноморским флотом. Новый претендент на роль спасителя России был хорошо известен американцам: летом 1917 года именно Колчак возглавлял в Соединенных Штатах военно-морскую миссию Временного правительства. Не был он незнаком и англичанам. Во многом благодаря этому выбор Запада пал именно на Колчака.

В октябре 1918 года адмирал в вагоне английского генерала Нокса был привезен с Дальнего Востока в Омск. Там Колчака немедленно ввели в состав Уфимской директории — он получил в ней пост военно-морского министра. 18 ноября того же года адмирал по заданию представителей США, Англии и Франции совершил в Омске государственный переворот, ликвидировал Уфимскую директорию и объявил себя «верховным правителем и верховным главнокомандующим сухопутными и морскими вооруженными силами России». Заокеанские покровители быстро добились формального подчинения ему всех белогвардейских армий, находящихся под командованием Деникина, Врангеля и Юденича.

Однако, являясь ставленником зарубежных держав, адмирал был полностью зависим от них — у него не было собственных каналов поставок вооружения и снаряжения. Именно об этом говорилось в популярной в то время частушке: «Мундир английский, погон французский, табак япон-

ский, правитель омский». Американский генерал Гревс говорил, что Колчак не продержался бы и месяца без помощи союзников — и на самом деле так оно и было. По этой прозаической причине «верховный правитель России» был обязан согласовывать все свои военные операции с представителями высшего межсоюзнического командования — главнокомандующим союзными войсками французским генералом Жаненом и его помощником, английским генералом Ноксом. Заметное влияние на политику Колчака оказывали и американцы — командующий экспедиционным корпусом генерал Гревс и консул Соединенных Штатов в Иркутске Гаррис. Не добившись столь желанного мирового лидерства в Версале, Вашингтон стремился получить его хотя бы в «русском вопросе». В ход опять пошел основной американский козырь в стиле президента Тафта — военно-экономическая помощь.

По инициативе американцев состоялось официальное признание адмирала на высшем государственном уровне. 12 июня 1919 года Соединенные Штаты, Англия, Франция, Италия и Япония признали за Колчаком верховную власть в России и заверили его в своей полной поддержке. «Колчаковское правительство, — писал американский посол в Японии Моррис государственному секретарю Лансингу 16 августа 1919 года, — не может продержаться без открытой поддержки нашего правительства. Благодаря нашей своевременной и активной поддержке Колчак удержится, мы окажемся в преимущественном положении для того, чтобы содействовать и руководить делом реконструкции России...»[14]. Именно в этих целях Моррис и был командирован из Токио в Омск с инструкциями президента Вильсона. Наобещал на свою голову...

Американцы всерьез ставили на Колчака. Еще до официального признания Соединенные Штаты передали адмиралу все кредиты, которые предназначались для Временного правительства, и обеспечили его войска всем необходимым снаряжением. Американская помощь действительно была солидной. Уже к марту 1919 года правительство Соединенных Штатов передало Колчаку через генерала Гревса более 200 тысяч винтовок, 100 пулеметов, 22 орудия, 4,7 миллиона патронов и много другого вооружения, снаряжения и иму-

щества. В течение 1919 года Колчак получил из США 392 994 винтовки и 15 618 патронов. Только в июле того же года, по указанию американского президента Вильсона, «верховному главнокомандующему» было отправлено 12 тысяч револьверов системы «кольт» вместе с 1 миллионом патронов к ним, 268 тысяч трехлинейных винтовок и 15 миллионов патронов. Первоначально 100 тысяч винтовок предназначалось для переотправки армиям Деникина. Однако, когда выяснилось, что Деникин получает 300 тысяч винтовок из Румынии, все вооружение было отправлено Колчаку.

Кроме того, Соединенные Штаты послали колчаковским армиям 100 аэропланов, броневики, танки, 400 грузовых и легковых автомобилей, паровозы, рельсы, сталь, железо, инструменты, большое количество санитарного имущества, медикаменты и много других нужных и полезных в ведении войны вещей. Американская нефтяная компания «Стандарт ойл» снабжала флот Колчака нефтью. О том, каким мощным разведывательным обеспечением сопровождалась эта американская помощь, мы уже говорили. Стоит только добавить, что участие в дальневосточной авантюре принял будущий организатор и руководитель Управления стратегических служб — главной американской разведывательной организации во Второй мировой войне, предтечи ЦРУ — У. Донован. Во время иностранной интервенции он некоторое время был представителем Соединенных Штатов при «верховном правителе Российского государства» Колчаке.

Помимо Колчака, Соединенные Штаты оказывали военно-экономическую помощь и белым генералам, сражавшимся с Советами на других фронтах. Однако, в отличие от Дальнего Востока, там США не могли рассчитывать даже на первенство в экономической помощи, принадлежащее Англии и Франции. Так, при содействии бывшего посла Временного правительства Б.А. Бахметьева Вашингтон к 1 августа 1919 года отправил Деникину вооружение, боеприпасы и обмундирование в количестве, достаточном для оснащения стотысячной армии. В частности, на юг России пошло 100 тысяч винтовок, более 3 миллионов патронов, свыше 300 тысяч пар сапог.

Не был обделен вниманием Соединенных Штатов и угрожавший Петрограду генерал Юденич. Ему американское

правительство отправило 25 тысяч винтовок, другое военное снаряжение и продовольствие на семи судах. Все эти грузы были доставлены на английских и американских судах через Ригу и Либаву.

«Мечты, мечты, где ваша сладость?..»

Однако американцам не удалось добиться лидерства даже в «русском вопросе». Одной экономической помощи, как бы ни была она велика, оказалось недостаточно. Доллары не смогли в полной мере заменить солдат. Относительно небольшая численность американского экспедиционного корпуса в общем составе сил вторжения сводила на нет претензии США на общее руководство.

По английским сведениям, к февралю 1919 года общая численность иностранных войск в России составила 202 400 человек, в том числе 44 600 английских солдат и офицеров, 13 600 французов, 13 700 американцев, 80 тысяч японцев, 42 тысячи чехословаков, 3 тысячи итальянцев, 2500 сербов и 3 тысячи греков. Позднее Япония довела численность своих войск в Сибири до 150 тысяч человек и стала бесспорным лидером. Все иностранные силы в Сибири расположились в тылу войск Колчака, главным образом по линии железной дороги — основной артерии снабжения войск оккупантов и белогвардейцев. В частности, американские и японские войска расположились в шахматном порядке по Транссибирской магистрали к востоку от Байкала. Однако справиться со стремительно нараставшим партизанским движением они были явно не в состоянии.

Кстати, существенную военно-экономическую помощь могла оказать белогвардейцам и Англия, что, учитывая солидный размер экспедиционного корпуса, выводило ее в глазах русских союзников на первое место. 12 сентября 1919 года министр иностранных дел в правительстве Колчака достаточно откровенно телеграфирует своему представителю в Париже Сазонову: «Вполне учитывая, что без материального участия Америки... никакой план помощи нео-

существим, мы в то же время не переставали рассматривать Лондон как важнейший центр реальной опоры»[15].

Второй, самой основной причиной, сводящей на нет все претензии Соединенных Штатов (как и иностранных держав вообще) на верховенство в России, стало ожесточенное сопротивление русского народа Колчаку, казачьим атаманам и поддерживающим их интервентам. Это, кстати, не могло укрыться от глаз тех американцев, кто смотрел на ситуацию трезвыми глазами. Уже в марте 1919 года командующий американским экспедиционным корпусом генерал Гревс отмечал, что своим террором казаки восстановили против себя практически всех крестьян, что в будущем, несомненно, крайне плачевно скажется на положении белых и их иностранных союзников: «Крестьяне считают — и вполне обоснованно, — что если бы здесь (в Сибири. — *М.Л.*) не было союзных войск, то не было бы и жестоких зверств, которые творятся сейчас. Естественно, поскольку Соединенные Штаты имеют здесь свои войска и вносят свой вклад в происходящие события, возмущение местного населения распространяется и на Соединенные Штаты. Большевики, разумеется, в полной мере используют эти зверства в своих целях. Их лидеры говорят крестьянам, что единственным шансом избежать этих расправ является присоединение к ним и что позже они возьмут в свои руки контроль над всей Сибирью. Крестьяне, доведенные до отчаяния, несомненно, присоединятся к любому, кто пообещает избавить их от зверств со стороны казаков»[16].

Еще более удручающая картина рисуется в секретном донесении офицера военной разведки подполковника Р.Л. Эйхельбергера, посланном директору Отдела военной разведки в Вашингтон 7 ноября 1919 года. Основная мысль доклада военного разведчика четко сформулирована во втором пункте его письма: «2. Поддержка, оказанная правительству Колчака со стороны Соединенных Штатов, я убежден, своим побудительным мотивом имела искреннее желание помочь правительству, которое могло бы с успехом быть использовано в борьбе с большевизмом. Однако я пришел к выводу, что механизм такого рода, каким является колчаковское правительство, успешно бороться с большевизмом не в состоянии»[17].

Далее Эйхельбергер подробно аргументирует свою точку зрения. Оценки подполковника весьма красноречивы: «5. Самая значительная слабость Омского правительства состоит в том, что подавляющее большинство населения находится в оппозиции к нему. Грубо говоря, примерно 97% населения Сибири сегодня враждебно относится к Колчаку». Причину подобного явления незаинтересованному наблюдателю определить было нетрудно: «Точно так же, как в прошлом царское правительство довело массы до последней черты, что и породило большевизм со всеми его ужасами и иррациональными теориями, точно так же и сейчас колчаковское правительство способствует росту большевизма и вызывает озлобление масс по отношению к Омскому правительству и союзным правительствам, которые его поддерживают. Год назад в Сибири большевизм переживал период спада, русские устали от войны, и если бы в этот момент группа добропорядочных людей сумела бы дать людям твердое и справедливое правительство, большевизм в Сибири умер бы естественной смертью. Сегодня, я полагаю, большевиков в Сибири стало в десять раз больше, чем год назад»[18].

Итоговый вывод американского разведчика звучит как смертный приговор белому режиму: «18. В заключение я со всей уверенностью заявляю, что Омское правительство ведет борьбу против демократии. Правительство в России, которое хочет успешно противостоять большевизму, должно добиться того, чтобы большой процент населения Сибири разорвал с идеей Советов. Как мне представляется, для колчаковского правительства в его нынешнем виде нет иной перспективы, кроме одной — своей деятельностью оно только способно увеличить число сторонников большевиков»[19].

Однако трезвый взгляд на вещи был в то время в Америке непопулярен. Подавляющее большинство руководства Соединенных Штатов, его дипломатического корпуса и прессы предпочитало верить, что адмирал Колчак, имея за спиной японцев, американцев, белочехов и располагая мощной материальной поддержкой Запада, в конечном итоге сокрушит большевиков.

И наконец третьей существенной причиной, перечеркивающей все американские планы верховенства в русских

делах, стало поведение Японии. Нарастив свою группировку в Сибири до того, что она почти в десять раз стала превосходить по численности американский экспедиционный корпус, самураи стали полностью игнорировать претензии Соединенных Штатов на руководящую политическую роль. От былой вежливости и предупредительности не осталось и следа. В своем меморандуме о положении в Сибири, предназначенном начальнику штаба армии США, генерал-майор Гревс уже 21 марта 1919 года был вынужден признать: «1. Положение здесь становится настолько острым, что, по моему мнению, вполне вероятно, что Соединенные Штаты окажутся втянутыми в дело, которое, по многим признакам, обещает стать серьезным... Японцы, бесспорно, опасаются, что Соединенные Штаты захватят плацдарм в Сибири, а их замыслы помешать Соединенным Штатам отличаются предельной грубостью. Они практически купили казачьих атаманов к востоку от озера Байкал, а также вооружили и оснастили войска, действующие под командованием этих казачьих атаманов. Применяя террористические методы... эти казаки восстановили против себя практически всех крестьян. Казачьи атаманы, особенно Иванов-Ринов, запрещают любые издания, в которых не поддерживается полностью их политика, а японцы, в этом не приходится сомневаться, субсидируют некоторые газеты, особенно «Дальний Восток», развернувшие кампанию против Соединенных Штатов»[20].

Оставаясь в тени, японцы исподтишка провоцировали обострение отношений между казаками и американцами, и немало успели в этом начинании. Дошло до того, что, как констатирует чуть позже Эйхельбергер, казачьи офицеры начали пороть розгами американских солдат. Вместе с верхушкой казаков японцы прилагали все силы к тому, чтобы заставить местных жителей поверить в то, что большинство их затруднений вызвано присутствием американских войск в Сибири. Однако местные жители не были склонны отличать американца от японца и ненавидели всех без разбору со всеми вытекающими отсюда в обстановке партизанской войны последствиями. Короче говоря, мочили всех.

Одним из первых в Америке генерал Гревс понял, что пора выходить из дальневосточной авантюры. Рискуя соб-

ственной карьерой, командующий экспедиционным корпусом попытался донести эту нехитрую истину до своего руководства в Вашингтоне еще в начале 1919 года: «Я надеюсь, что мы сможем добиться успеха, однако положение таково, что Соединенным Штатам придется либо еще глубже увязнуть в здешней ситуации, либо выйти из игры»[21]. Сам Гревс явно склонялся ко второму варианту, отлично понимая всю бесперспективность и обреченность сибирской политики США. Однако американское руководство не прислушалось к мнению своего генерала, знающего ситуацию на месте, и продолжало оказывать помощь Колчаку. Еще в конце того же, 1919 года госсекретарь Лансинг утверждал, что борьба против Советской России является «правом и интересом, если только не долгом Соединенных Штатов Америки и других просвещенных наций земного шара...»[22]. И только окончательный разгром большевиками «верховного правителя России» вынудил американское руководство выйти из сибирской авантюры. Доллары, правда, так и ухнули в бескрайние сибирские болота — впрочем, в долларах разжиревшая на войне Америка недостатка не испытывала.

Дипломатия «черная» и «белая»

Даже после начала интервенции американские дипломаты подчеркивали, что они не собираются «вмешиваться во внутренние дела русских». Великолепный образчик «невмешательства» по-американски дал сам консул господин Пул. 21 сентября 1918 года он писал: «...Мы не должны допустить, чтобы нас втянули в детали русской политики... Мы всегда должны руководствоваться общим принципом, который заключается в том, что не следует мешать русским выбирать свое собственное правительство (имеется в виду два предлагаемых варианта — правительства Самары и Омска. — *Авт.*), в то время как мы оказываем военную поддержку чехам и способствуем экономическому возрождению страны. Какие бы обстоятельства ни вынудили нас выразить свои общеполитические симпатии, эти симпатии должны быть, естественно, в пользу здравого

и прогрессивного либерализма... Вы должны ясно понимать, что Соединенные штаты стоят за истинную демократию в противоположность абсолютизму, с одной стороны, и автократии большевизма — с другой»[23]. Как мы видим, уже тогда право народов на самоопределение понималось американцами как выбор между разными партиями в рамках западной демократии, и никак иначе. Что ж, за сто лет они нисколько не изменились!

Еще в начале 1919 года американский президент попытался провести чрезвычайно важную акцию на высшем дипломатическом уровне. 22 января он от имени всех стран Антанты обратился ко всем правительствам России с предложением о перемирии и созыве мирной конференции. Однако в этом с виду таком гуманном плане было одно маленькое «но»: перемирие предлагалось заключить на основе сохранения занимаемых к этому времени территорий. Под видом помощи русскому народу в прекращении братоубийственной гражданской войны президент Соединенных Штатов стремился осуществить основную стратегическую цель Запада — надежно законсервировать раздробленность России. Попутно, кстати, западные державы фактически закрепляли за собой находившиеся под их влиянием Сибирь, Украину, Кавказ, противопоставив их Центральной России.

Советское правительство вело свою дипломатическую игру и, по крайней мере, на словах (а может быть, и на деле) приняло предложение Вильсона о перемирии. Американская разведка, всецело поддержанная руководством страны, немедленно воспользовалась представившейся возможностью. Под предлогом выяснения условий, на которых Советское правительство согласно вести переговоры, американский президент отправил в Москву своего эмиссара — опытного разведчика Уильяма Буллита. Его послужной список за последние годы говорит сам за себя. В 1917 году он возглавил Бюро центральноевропейской информации государственного департамента США. Справлялся со своими обязанностями Буллит неплохо и быстро оказался в президентском окружении. Во время Парижской мирной конференции 1919 года он уже занимает чрезвычайно ответственный в тот момент пост — должность руководителя отдела секретной информации при американской делегации. Поэтому, когда

руководителям Запада потребовалась точная информация о прочности большевистского режима, его сильных и слабых сторонах, политической, экономической и военной базе, выбор Вильсона не случайно пал на него.

В поездке в Советскую Россию Буллита сопровождали журналист Линкольн Стеффенс и агент американской разведки капитан Уольер Петтит. Помимо всего прочего, американскому эмиссару было поручено добиваться права свободного въезда подданных союзных держав в Советскую Россию и обеспечения им полной безопасности, то есть фактически права свободно заниматься шпионажем и другой подрывной деятельностью.

Переговоры с Советским правительством и лично с Лениным Буллит вел в марте 1919 года. Были учтены дополнения и уточнения обеих сторон, выработан окончательный проект соглашения. Однако американская инициатива провалилась из-за категорического отказа белых правительств участвовать в предполагавшейся мирной конференции, а также позиции Великобритании и Франции, настаивавших на продолжении войны с Советской Россией.

Но дипломатические инициативы никоим образом не мешали вести с Советской Россией дипломатическую войну, одной из целей которой было отрезать большевистскую Россию от основных источников сырья и постепенно удушить ее экономически. Все порты на побережьях Северного Ледовитого океана, Тихого океана и Черного моря находились в руках белых и иностранных интервентов, а Прибалтика с Финляндией отделились, и у большевиков для торговли с остальным миром оставался один-единственный порт — Петроград на Балтийском море. Внешняя торговля Советской России велась в основном через нейтральные скандинавские страны. Именно на них Англия и Соединенные Штаты оказали мощный нажим.

В ноябре 1918 года правительству Норвегии от имени союзных правительств предложили незамедлительно порвать отношения с РСФСР под предлогом прекращения «большевистской пропаганды». Предусматривался и еще целый ряд мер, в том числе нажим на местные банки, чтобы прервать финансовые сделки большевиков. Скандинавские правительства запросили, будут ли они в дальней-

шем кооперироваться с остальным миром в борьбе против большевиков или останутся нейтральными. А чтобы северные страны до конца осознали опасность большевистской угрозы, в случае нейтралитета им пригрозили политической изоляцией, блокадой, прекращением продовольственной помощи и исключением из состава участников предстоящей мирной конференции, куда их намеревались пригласить.

25 ноября 1916 года английский посланник вручил соответствующий меморандум министру иностранных дел Норвегии. 5 декабря американский представитель в Стокгольме Моррис провел политический ликбез об опасности большевистской пропаганды со шведским министром иностранных дел. Под влиянием американских аргументов последний проникся важностью задачи, пообещал отозвать всех шведских представителей из Советской России и выслать из страны советских. Вскоре последовало соглашение между представителями Швеции, Норвегии и Дании о разрыве отношений с Советской Россией и высылке всех ее дипломатических и торговых работников из скандинавских стран. Как отмечал М.М. Литвинов, особую роль в этом решении сыграла американская дипломатия.

Не довольствуясь этим в своем стремлении обеспечить полную блокаду Советов, объединенные западные военно-морские силы в течение 1919 года полностью блокировали Финский залив и Балтийское море. Петроградский порт был взят под усиленный надзор, и ни одно торговое судно не могло войти в него. Руководящую роль в этой операции играл британский флот, направивший на Балтику 72 военных и вспомогательных судна. 26 боевых кораблей выставила Франция, 14 — Соединенные Штаты и 2 — Италия. Базировался весь этот флот в гаванях, еще недавно принадлежавших Российской империи — Ревеле, Риге, Гельсингфорсе и Выборге. Аналогичная морская блокада, хоть и в гораздо меньших размерах, была установлена и на Черном море. На протяжении 1919 года и частично в 1920 году в портах Грузии и Крыма постоянно находились 2 крейсера и 4—5 миноносцев английского флота, 2—3 американских миноносца, 6—7 французских и 2—3 итальянских военных судна.

Своим гражданам правительство США настойчиво рекомендовало не торговать с Советской Россией и не получать там концессий. Госсекретарь Лансинг не раз подчеркивал, что его правительство не разрешит торговым судам Америки отправляться в балтийские порты РСФСР. США почти полностью поддержали политику экономической блокады России, провозглашенную в 1919 году на Парижской мирной конференции, не пожелав только публично подписываться под угрозой агрессивных действий со стороны союзного военно-морского флота на Балтике против судов нейтральных государств.

Правда, уже на следующий год руководству Запада стала ясна неэффективность экономической блокады против России. Помимо чисто экономических причин, снятие блокады имело и определенные политические цели. Четче всех об этих надеждах сказал Ллойд Джордж: «В тот момент, когда будет установлена торговля с Россией, коммунизм уйдет». Еще одна мечта, которая не сбылась...

Крах сибирской авантюры

К концу 1919 года в Гражданской войне произошел коренной перелом. Все основные силы белых, на которые делали ставку Соединенные Штаты и державы Антанты, оказались бесповоротно разбиты. Деникинская армия, еще в октябре угрожавшая Москве, была наголову разгромлена, а ее остатки укрылись в Крыму. Полное поражение в Сибири потерпел и адмирал Колчак, войска которого были вынуждены оставить Омск и Красноярск. 4 января 1920 года Колчак отказался от звания верховного правителя России, передал власть на Дальнем Востоке атаману Семенову, а сам перешел под покровительство Чехословацкого корпуса. Последнее, впрочем, не спасло ему жизнь, и 7 февраля бывший верховный правитель был расстрелян.

Надеяться на то, что белогвардейцы смогут разгромить большевиков, больше не было никакой возможности, даже закрыв глаза и заткнув уши. Бесперспективность дальнейшей помощи белым стала очевидной даже за океаном. Бессмысленным стало держать и ограниченные оккупацион-

ные контингенты на территориях, еще удерживаемых белогвардейцами. Даже госсекретарь Лансинг, один из главных инициаторов и горячих сторонников американской интервенции, в феврале 1920 года честно признался, что «использованию больших активно действующих сил американской армии в Сибири помешал не недостаток сочувствия этой идее, а сложившиеся условия, которые просто-напросто сделали абсолютно невозможным проведение этого курса»[24].

Но кроме причин, общих для всех государств-интервентов, в Соединенных Штатах действовали еще два специфичных обстоятельства. Во-первых, чрезвычайно острое разочарование после дипломатического поражения Вудро Вильсона на Парижской конференции 1919 года привело к всплеску в Америке изоляционизма, стремления свести к минимуму свое участие во всех международных делах. Во-вторых, после отставки Колчака власть на Дальнем Востоке перешла в руки казачьих атаманов, целиком находившихся под влиянием Японии. Резкое усиление позиций основного конкурента Америки в самом значимом для нее регионе делало дальнейшее вмешательство в русские дела вдвойне бессмысленным.

Под давлением всех этих непреодолимых обстоятельств правительство Соединенных Штатов приняло наконец решение о выводе своих войск с русской территории. Причем в ряде случаев оно даже опередило своих союзников. Так, с севера России американские войска ушли уже летом 1919 года, в то время как основные войска Антанты эвакуировались из Архангельска и Мурманска лишь к октябрю того же года. Затем пришла очередь покидать и столь приглянувшийся янки Дальний Восток. 9 января 1920 года правительство США официально заявило, что в ближайшие месяцы американские войска будут окончательно выведены из России.

Но, выводя собственные войска, администрация Вильсона подталкивала Японию к продолжению интервенции. В меморандуме государственного департамента японскому посольству в Вашингтоне, составленном 30 января того же года, особо подчеркивалось, что «американское правительство не будет иметь никаких возражений, если у Японии возникнет решение продолжать одностороннее размещение

своих войск в Сибири, или послать подкрепление в случае необходимости, или продолжать оказывать помощь в операциях Транссибирской или Китайской восточной железнодорожных магистралей»[25].

Пока госдеп чокался с японцами за успех их безнадежного дела, основная часть экспедиционного корпуса Соединенных Штатов погрузилась на военные транспорты и 1 апреля 1920 года покинула Владивосток. 21 месяц топтали американские оккупанты русскую землю, прежде чем их авантюра закончилась окончательным провалом. Вместе с ними эвакуировались чехословацкие, английские и другие войска интервентов. Оставались одни японские самураи, которые любой ценой старались удержать под своим контролем богатейшие земли Дальнего Востока и были вынуждены признать свое поражение и эвакуироваться из Владивостока лишь 25 октября 1922 года.

Но последний американский солдат покинул дальневосточную землю позже последнего японца. К апрелю 1920 года была эвакуирована большая часть экспедиционного корпуса США в Сибири, но не весь корпус. Соединенные Штаты на всякий случай оставили в своих руках стратегически чрезвычайно удобную позицию — остров Русский под Владивостоком. В случае необходимости этот остров легко мог стать плацдармом для развертывания крупных сил, способных контролировать основной русский порт на Тихом океане. Именно с этой выгодной позиции американские стратеги в суматохе общей эвакуации «забыли» вывести своих солдат. Этот последний отряд армии Соединенных Штатов по требованию главнокомандующего Народно-революционной армии Дальневосточной республики И.П. Уборевича был снят крейсером «Сакраменто» и направился к берегам Америки лишь в ноябре 1922 года.

В противовес царским долгам

Как известно, в ответ на требование «мирового сообщества» выплатить царские долги правительство Советской России выставило счет за интервенцию. Каков же был ущерб от «миротворческой миссии» западных стран?

Его чрезвычайно трудно было определить в цифрах. Но предварительные подсчеты, проведенные в 1922 году, дали гигантскую цифру в 39 миллиардов золотых рублей, что превышало четвертую часть всего довоенного достояния России. Последующие подсчеты уточнили сумму ущерба, определенного почти в 50 миллиардов золотых рублей. В результате Гражданской войны, иностранной интервенции и блокады промышленное производство в России сократилось в 1920 году по сравнению с 1913 годом в 5 раз, добыча угля — в 3 раза, нефти — более чем в 2 раза, выплавка чугуна — в 33 раза. Хлопчатобумажных тканей в 1920 году фабрики вырабатывали примерно столько же, сколько в 1857 году. На одних только железных дорогах рельсов было снято в общей сложности на 1700 верст и разрушено 3672 железнодорожных моста. Промышленное производство упало до 4—20% от довоенного уровня.

Огромные потери понес и русский народ. В ходе Гражданской войны и интервенции погибло 8 миллионов человек. Значительная часть убийств и материального ущерба падает на долю иностранных оккупантов. По данным Общества содействия жертвам интервенции, всего пострадало около 7,5 миллиона человек, или 8,8% населения, занятых интервентами районов. Иными словами, в оккупированных иностранцами регионах почти каждый десятый житель был либо убит, либо ранен, либо подвергся насилию, аресту, ограблению.

Огромны были потери от интервенции конкретно на Дальнем Востоке, где в основном действовали американцы и японцы. Интервенты эксплуатировали угольные копи, золотые прииски, рыбные промыслы, вырубали леса, варварски использовали и расхищали железнодорожный и водный транспорт. Из дальневосточных портов за океан постоянно отправлялись суда с награбленным добром. Только за три месяца 1919 года интервенты вывезли из Приморья более 3 миллионов шкурок ценной пушнины. Вывозилось большое количество лесоматериалов, миллионы пудов ценной рыбы и т.п. Оккупанты разграбили Владивостокский порт, Дальневосточное морское, Амурское, Байкальское и Ленское пароходства, многие железнодорожные, продовольственные, военные склады, различные предприятия и учреждения, приве-

ли в негодность железные дороги. Интервенты помогли белогвардейцам увести из Владивостока в Манилу корабли Сибирской военной флотилии (восемь миноносцев и шесть подводных лодок). Поживились интервенты и золотым запасом России, захваченным Колчаком. В обеспечение поставок и займов адмирал передал Соединенным Штатам 2118 пудов золота, Англии — 2883 пуда, Франции — 1225 пудов и Японии — 2672 пуда золота.

* * *

Эвакуация с Дальнего Востока войск США не означала нормализации американо-российских отношений. Несмотря на попытки созданного в Нью-Йорке неофициального представительства РСФСР во главе с Мартенсом их наладить, администрация Вильсона игнорировала все предложения Советской России о мире и экономическом сотрудничестве. В августе 1920 года в ноте государственного секретаря США Б. Колби было официально заявлено, что американское правительство высказывается за прежнюю политику непризнания Советской России и резко отрицательно относится к каким бы то ни было попыткам нормализации отношений с ней.

Глава 2

ОНИ ДЕРЖАЛИСЬ ДОЛЬШЕ ВСЕХ

(1920—1933)

Россия—СССР и США между крахом интервенции и дипломатическим признанием

...А баба-яга — против!

Провал вооруженной интервенции, бесславно закончившийся для Америки вынужденным выводом ее войск с Дальнего Востока, поражение панской Польши и разгром Врангеля в Крыму положили конец Гражданской войне. Большевистский режим убедительно продемонстрировал всему миру свою прочность. Было ясно, что немедленно уничтожить его вооруженным путем нет никаких шансов. Этот бесспорный факт поставил перед руководством стран «мирового сообщества» серьезный вопрос: какую вести политику в отношении Советской России, так убедительно доказавшей свое право на существование, что не считаться с ней не было никакой возможности.

При обсуждении «русского вопроса» в американских деловых и политических кругах обнаружились серьезные разногласия. Часть реалистически мыслящей буржуазии, а также группа радикальных деятелей, отражавших взгляды фермерства и городских средних слоев, призвали признать существование Советской России, прочность и жизнеспособность утвердившегося в ходе войны коммунистического режима. Они решительно требовали отказа от не оправдавшей себя политики экономической блокады и дипломатического непризнания Советского государства. В случае продолжения этого курса американские капиталисты могут потерять для себя потенциально бескрайний русский рынок — подчеркивали они. Что, в конце концов, важнее — идеалы или интересы? Активными сторонниками установ-

ления торговых, а затем и дипломатических отношений с Россией были американские сенаторы У. Бора, Джозеф Франс, Джеймс Рид, Хайрем Джонсон.

Однако верх в этой дискуссии взяла другая, более крупная и влиятельная группа американских политиков, тесно связанных с крупнейшими монополиями. Она была настроена непримиримо по отношению к большевистскому режиму и категорически возражала против пересмотра позиции Соединенных Штатов в «русском вопросе». Не имея возможности уничтожить вооруженным путем Советскую власть, эта группа настаивала на достижении этой цели (или, по крайней мере, максимального ослабления Советской России) с помощью экономической и дипломатической изоляции. Естественно, что она ратовала за непризнание коммунистического режима в Москве.

Спор по вопросу об отношении к Советской России закончился победой сторонников жесткой линии. Под их давлением новое правительство Гардинга взяло курс на продолжение политики экономической блокады и политической изоляции Советского государства. В ответ на официальное обращение Советского правительства с предложением начать переговоры о нормализации советско-американских отношений, новый государственный секретарь США Ч. Хьюз в ноте, опубликованной 25 марта 1921 года, объявил, что до «коренных изменений» в социально-экономическом строе России о восстановлении торговых и тем более дипломатических отношений между Соединенными Штатами и Советским государством не может быть и речи. Так, начавшись во имя экономических интересов, борьба с большевизмом перешла в идеалистическую плоскость, да так там и осталась.

Эта позиция пребывала неизменным принципом республиканской администрации и в последующие годы. Государственный департамент США выступил с осуждением тех американских предпринимателей и фирм, которые пытались установить коммерческие связи с советскими предприятиями. Более того, тупо прямолинейный в своих принципах Вашингтон не только не участвовал в работе Генуэзской и Гаагской конференций 1922 года, куда впервые были приглашены официальные делегации из Москвы, но и немало спо-

собствовал тому, что заседания этих международных конференций окончились безрезультатно. Янки рассчитывали этим помешать прорыву блокады Советской России, но навредили в первую очередь самим себе.

Жесткая и негибкая политика правительства Гувера очень быстро стала анахронизмом. Попытка организовать единый антисоветский блок на дипломатическом фронте, состоящий из всех великих и малых государств, каждое из которых руководствовалось своими интересами и было раздираемо своими внутренними противоречиями, окончилась неудачей. Причем скорее, чем могли ожидать даже самые смелые сторонники большевизма. Уже в 1920 году Советское правительство официально признали связанные с Москвой тысячами экономических нитей бывшие окраины Российской империи — прибалтийские государства, Финляндия и Польша, а также азиатские государства — Иран, Афганистан и Турция. В 1922 году были установлены дипломатические отношения с Германией. Еще через два года Советскую Россию признали Англия и Франция — две мощнейшие в Европе державы. Европейский антисоветский блок пал. Следующий год ознаменовался установлением официальных отношений с Токио. На этом фоне твердолобая позиция правительства Соединенных Штатов, упорствовавшего в отрицании коммунистического режима, выглядела бессмысленной и недальновидной, да таковой и была на самом деле.

Закостенелая в своем «непризнании» очевидного политика Соединенных Штатов отличалась подчас таким антисоветизмом, который удивлял и не находил поддержки даже у основных западных держав, отнюдь не питавших симпатий к новому строю. Чего стоит одно поведение правительства США во время советско-китайского конфликта в 1929 году. Яблоком раздора тогда стала Китайская Восточная железная дорога, находившаяся в совместном владении Советского Союза и Китая. В июле 1929 года китайская военщина, во главе которой стоял правивший в Маньчжурии Чжан Сюэ-лян, нарушила все международные соглашения о совместном управлении КВЖД и захватила ее. Более двух тысяч советских граждан, работавших в Китае, были брошены в концлагеря, а китайские войска начали провокации на советской границе.

В ход военной авантюры немедленно попыталась вмешаться Америка, в то время весьма активно старавшаяся проникнуть в Китай. Нотой от 25 июля 1929 года госсекретарь Соединенных Штатов Г.Л. Стимсон призвал послов Великобритании, Франции, Италии, Японии и Германии в Китае создать международную «нейтральную комиссию» для совместного управления Китайской Восточной железной дорогой.

Фактически это была попытка интернационализировать советско-китайский конфликт и вовлечь в него — на стороне Китая — Европу, США и Японию. Однако идею открытого вмешательства в конфликт не поддержало ни одно из правительств, к которым этот призыв был обращен. А в одиночку ввязываться в разгоравшуюся на Дальнем Востоке войну Вашингтон не рискнул.

Под «крышей» голода

Отсутствие официального дипломатического прикрытия серьезно мешало вести разведывательную деятельность против России. Но посольскую «крышу» сорвало ураганом войны, и тогда в ход активно пошла вывеска благотворительности. Вскоре после окончания Гражданской войны представился чрезвычайно благоприятный случай проявить милосердие — в 1921—1922 годах Россию поразил небывалой силы голод.

В июне 1921 года А.М. Горький предложил учредить Всероссийский комитет помощи голодающим. Значительная часть антисоветски настроенной буржуазной интеллигенции с готовностью откликнулась на его призыв. Находившееся в крайне тяжелом положении большевистское правительство вынуждено было признать Всероспомгол, хотя и понимало, что в нем многие из его организаторов и сторонников хотели бы получить легальный центр сплочения сил контрреволюции в стране. Члены комитета быстро установили контакты с зарубежными правительствами и эмигрантскими кругами, и Всероспомгол тут же стал использоваться как один из главных источников получения информации о Советской России.

Запад настойчиво добивался от большевиков признания независимости Комитета помощи голодающим. Вынашивались надежды, что в скором времени Комитет возьмет в свои руки управление экономикой страны, а затем и всем государством. Различные стратеги разрабатывали сценарии «тихой контрреволюции», согласно которым предполагалось постепенно забирать власть у Советов, сначала подменив советские органы на местах отделениями Всероспомгола, а затем и Советское правительство заменить широкой коалицией антисоветских сил. Однако западные круги слишком открыто провозглашали свои планы и уже в августе 1921 года Советское правительство ликвидировало Всероспомгол по причине его явной контрреволюционности.

В августе того же года прошли переговоры большевистского правительства с благотворительной организацией Американской администрации помощи (АРА), предложившей безвозмездную помощь голодающим Поволжья. Это были «добрые самаритяне» весьма специфичного толка. Формально АРА являлась организацией нескольких благотворительных, религиозных и националистических организаций, действующих под управлением единой администрации. Возглавлял ее министр торговли Соединенных Штатов Герберт Гувер. Фактически же под прикрытием оказания продовольственной помощи американцы проникали в общественно-экономические и политические круги интересующих их стран, занимались сбором всесторонней информации и, пользуясь вновь обретенными связями, пытались оказать политическое давление в выгодном для Соединенных Штатов направлении. Если это не разведка, то что тогда такое — разведка? По крайней мере, Штирлиц в Германии занимался именно этой деятельностью, а по поводу его профессии ни у кого сомнений не возникает...

Гувер предложил помощь голодающему населению Поволжья, но при этом выдвинул обширный список требований, едва ознакомившись с которым, сразу становилось ясно, чем именно его организация собиралась заниматься в России. Так, глава АРА потребовал полной свободы действий своих сотрудников на советской территории, их непременной экстерриториальности (то есть фактически требовал приравнять их по статусу к дипломатическим работникам,

что обычно практиковалось западными державами в отсталых полуколониальных странах Азии), права организовывать местные комитеты помощи, неподконтрольные государственным органам, и тому подобное. Всего американской стороной было предъявлено 26 требований. В случае если бы они были приняты в полном объеме, то на практике деятельность АРА обернулась бы прямым вмешательством во внутренние дела Советского государства, прикрываемым вывеской благотворительности.

Стремясь получить хоть какую-то помощь извне для смягчения острейшего кризиса, большевики не отвергли с порога американские предложения, а начали с ними переговоры. Внимательно ознакомившись с предложениями Гувера и европейского директора АРА Брауна, Ленин особо указал, что надо поставить условием недопущение «ни малейшей тени вмешательства не только политического, но и административного». Называя про себя обоих заокеанских благотворителей «наглецами и лгунами», глава Советского правительства все-таки начал с ними игру.

19 августа 1921 года Советская комиссия помощи голодающим при ВЦИК выступила с заявлением, где отмечалось, что представители американской администрации помощи стремятся навязать Советскому правительству требования, абсолютно неприемлемые для независимого государства, и преследуют цели, «грозящие подрывом самих устоев нынешнего социального строя России и даже ее независимости». Тем не менее дверь для дальнейших переговоров не захлопывалась. Переговоры проходили на нейтральной территории — в Риге. Постепенно представители АРА, стремившиеся любыми путями попасть на русскую территорию, сняли часть своих ультимативных требований, и в конце концов 20 августа 1921 года между Советским правительством РСФСР и Американской администрацией помощи было заключено специальное соглашение об условиях оказания помощи голодающим детям. Работу в России АРА начала 1 октября 1921 года.

Выполняя взятые на себя обязательства, АРА в течение нескольких месяцев доставила в районы, пораженные голодом, около 25 тысяч тонн продовольствия. Всего же немногим более чем за год американцы ввезли в Россию 28 мил-

лионов пудов продовольствия. Их помощь, безусловно, облегчила положение части голодающих и внесла определенный вклад в дело борьбы с этим бедствием. Но, несмотря на то что заниматься политической деятельностью им было запрещено, АРА одновременно с помощью голодающим активно повела разведывательно-подрывную деятельность в стране.

Секретные службы США незамедлительно воспользовались возможностью легального пребывания на территории Советской России. О том, что «теневая» сторона деятельности Американской администрации помощи в нашей стране была для нее не менее важна, чем официальная, наглядно свидетельствует кадровый состав ее миссии. Еще в то время чекистам удалось определить, что представители АРА — в основном бывшие американские военные советники армий Колчака, Деникина и Юденича. По подсчетам исследователей, аппарат русского отдела АРА, действовавший непосредственно на советской территории, состоял из 300 сотрудников, больше половины которых являлись кадровыми офицерами американских разведывательных служб. Так, директором был полковник Уильям Хаскел, который в свое время был верховным комиссаром на Кавказе, а вернувшись в Штаты, стал одним из руководителей контрразведки при штабе американской армии. Секретарем Хаскеля являлся бывший американский консул в Петрограде, профессиональный разведчик Джон Льерс, который в свое время передал полковнику Робертсону 18 миллионов рублей для ведения подрывной работы против большевиков. Помощники Хаскела Шафрон и Грегг были советниками в белопольской армии. Помощником Льерса был еще один разведчик — Филипп. Разведчиками также были представитель Американской администрации помощи на юго-востоке РСФСР Дрисколь, уполномоченный в Казани — Бойд, на Украине — полковник Гров, в Белоруссии — армейский разведчик Гарди и многие другие. Кюмлер, Кернау и Финк служили в американской тайной полиции. Торнер — для разнообразия — работал в английской разведке. И так далее...

Как они останавливали большевизм

Глава АРА Гувер однажды сказал: «Энергичная «помощь»... является единственной возможностью остановить большевизм». Этим и занималась, прикрываясь мешками с мукой, возглавляемая им организация. Штаб-квартира АРА в Москве, помещавшаяся в старинном купеческом особняке, насчитывала десять отделов. Девять из них имели непосредственное отношение к благотворительности — исполнительный, административный, снабжения, перевозки, связи, сообщения, медицинский, финансовый, автотранспортный. Десятый — так называемый «отдел номер два», или специальный отдел, выполнял те функции, ради которых, собственно, сюда и прибыли благотворители. Все его сотрудники были офицерами генерального штаба или разведки. Все, что добывали другие отделы, здесь обобщалось, систематизировалось и зашифровывалось специальным шифром для отправки в Штаты.

Понятно, что «добрые самаритяне» большую часть своего времени и энергии тратили не на распределение продовольствия и организацию питательных пунктов, а совсем на другое. Сотрудники АРА постоянно разъезжали по стране, причем пытаясь проникнуть даже в те регионы, где совсем не было питательных пунктов, и делать им было совершенно нечего. Они занимались вербовкой агентов и сбором сведений о состоянии промышленности, сельского хозяйства и военного потенциала Советской России. Кроме того, они еще и старались сплотить вокруг себя враждебные новой власти элементы. Под прикрытием благотворительности так удобно было сколачивать организованные антисоветские группы. Так, например, должность заместителя директора Саранского уездного комитета АРА занял эсер И. Козлов, знаменитый тем, что во время мятежа чехословацкого корпуса в 1918 году был председателем крестьянско-эсеровского съезда, провозгласившего себя «верховным хозяином» уезда. Членами того же Саранского уездного комитета АРА были также эсеры П. Буданов, Я. Наровчатский и целый ряд других. Подобная картина наблюдалась и во многих других местных отделениях Американской администрации помощи — как правило, американцы прежде всего ста-

рались оформить к себе на работу враждебно настроенных к Советской власти представителей бывших правящих классов, прежних партий, кулаков и духовенства.

Чем еще занимались работники АРА? В своих частых поездках интересовались не только и не столько голодающими, но и фотографировали города и заводы, занимались топографической съемкой местности, интересовались производством и полезными ископаемыми, бытовыми условиями и настроениями населения. Особенно интересовались транспортом, причем предлагали некоторым работникам НКПС работать на них — на языке разведчиков это называется вербовкой агентуры.

Не брезговали благотворители и банальной контрабандой. Они скупали золото, драгоценности, церковную утварь, произведения искусства. 1 декабря 1922 года московская таможня рискнула вскрыть дипломатическую почту АРА. Там оказались 24 ювелирных изделия на общую сумму, в ценах того времени, в несколько триллионов рублей.

На Украине американцы нередко организовывали свои пункты в тех местах, где еще продолжали действовать антисоветские банды. В мае 1922 года полковник Гров заявил, что его отдел предполагает охватить «продовольственным снабжением» юго-западную часть Донбасса, Киевскую, Волынскую, Подольскую, Харьковскую, Полтавскую и Кременчугскую губернии. Гувер настойчиво требовал активизации подрывной работы в этих районах, хотя по специальному соглашению с правительством Советской Украины все эти регионы не входили в сферу деятельности АРА. Плоды этой деятельности не заставили себя долго ждать. Иной раз они не только не имели ничего общего с помощью голодающим, но, наоборот, обостряли проблему продовольствия. Например, в ночь с 17 на 18 апреля 1923 года агентурой Американской администрации помощи был подожжен элеватор в Николаевском порту.

В Белоруссии, другой советской республике, особым вниманием представителей АРА пользовались приграничные с Польшей районы — Дриссенский, Лепельский и Полоцкий. Столь избирательный интерес был не случаен. В пограничных областях американские разведчики старались не только оживить внутреннюю контрреволюцию, но и всячески

содействовали вооруженным провокациям против Советского государства с территории Польши, где после окончания Гражданской войны нашли прибежище многие не смирившиеся белогвардейцы, да и просто бандиты. Деятельность АРА в этом «негуманитарном» направлении была настолько заметной, что попала в поле зрения Красной Армии. Донесения в штаб западной армии добавляют весьма специфические штрихи к портрету американских «благотворителей»: «Находящееся в Барановичах объединение Американского Красного Креста по оказанию помощи голодающим во главе с капитаном Штальцем снабжает прибывающих с советской территории бандитов обмундированием, продовольствием и якобы полученным из Варшавы оружием и направляет их на Украину»[26].

Некоторое представление о конкретной деятельности АРА дает документальная повесть ветерана органов госбезопасности Александра Полякова «Крах». Там рассказывается о некоторых конкретных акциях американских благотворителей, по которым можно судить, чем доподлинно занималась эта организация.

Башкирия, Уфа. В самый разгар голода туда был направлен эмиссар АРА, который должен был активизировать сбор информации о промышленности и месторождениях Урала. В конце концов, независимо от формы правления, первое, что интересовало американцев в России, были промышленность и ресурсы. Имея информацию, можно было сделать неплохой гешефт даже и при большевиках — например, получить заводы и месторождения в концессию. Но надо же было знать, чего просить...

Были и другие задачи. Надо было установить связь с довольно крупной и хорошо вооруженной местной бандой. АРА уже снабжала ее продовольствием. Метод снабжения был до смешного прост: продукты отправлялись голодающим водным путем, по реке Белой. Незадолго до отправления американцы организовывали утечку информации, банда перехватывала транспорт, и продовольствие попадало по назначению. Не на мужиков же его расходовать, в самом деле! Кстати, этой операцией убивали сразу двух зайцев. Во-первых, помогали контрреволюционным силам, а во-вторых, можно было поднять крик о трудностях транспортиров-

ки грузов и потребовать позволения иметь собственную вооруженную охрану. Нетрудно догадаться, кто, скорей всего, играл бы роль этой охраны, проникая, таким образом, во все уголки многострадальной губернии. Ну и, наконец, если все пойдет хорошо, по условной телеграмме из Москвы аровской агентуре надлежало взорвать депо и мост на реке Белой. Однако из этого ничего не вышло. ВЧК вовремя узнало об аровских планах. Органы госбезопасности Советской России были еще молоды, но американцы не учли, что в них работают люди, имеющие более чем солидный опыт конспиративной работы. Диверсантов заманили в ловушку и обезвредили, а разведчикам из АРА подсунули достаточно качественную дезинформацию, которая и ушла в Штаты.

Новороссийск. Осенью 1921 года, вместе с первым продовольственным транспортом, в порт вошел американский миноносец «Геллерт». Американские моряки не утруждали себя примерным поведением, отчего взаимоотношения американцев с местными жителями и местными властями резко осложнились. В довершение всего радиоточка «Геллерта» круглосуточно занималась антисоветской агитацией. Наконец, местные власти опечатали радиорубку миноносца. Глава миссии АРА полковник Хаскил, казалось, только того и ждал. Он заявил, что даст распоряжение о немедленном прекращении поставок продовольствия через новороссийский порт, если радиорубка не будет открыта. Потребовалось вмешательство Карла Петерсона, представителя ВЦИКа, который выехал на место и оперативно урегулировал конфликт. Рубку открыли, однако миноносцу предложили выйти на внешний рейд и там агитировать, сколько душа пожелает. Хаскил потребовал свободного входа в порт, опять же угрожая прекратить поставки. Одновременно, для того чтобы самолично разобраться в обстановке, он решил съездить на место по очень своеобразному маршруту: туда через Ростов и Дон, обратно — через Донбасс и Харьков, да еще на автомобиле. Хороший вояж!

В ходе своей работы АРА налаживала связь с бывшими белогвардейцами, бандитами — всеми, кто был враждебен новой власти. Их люди сами сколачивали отряды, нападая в том числе и на американские склады. Таким образом опять же продовольствие попадало к тем, кому было предназначе-

но, а во-вторых, можно было требовать введения американских войск для охраны складов и транспортов. А там — чем черт не шутит — может быть, и вооруженная интервенция? Ведь началась же интервенция во время Гражданской войны с заботы о безопасности американских складов.

В свою очередь, пригреваемые АРА антисоветчики честно отрабатывали свой хлеб, стараясь создать американцам условия для еще большего проникновения в страну. Они грабили и сжигали продовольственные склады, убивали советских продработников и коммунистов. Только в одном Самарском уезде с декабря 1921 года по октябрь 1922 года за антисоветские выступления, связанные с американской помощью, было привлечено к ответственности 44 человека. Осенью 1921 года лишь в Пугачевском уезде Самарской губернии бандиты разграбили около 17 тысяч пудов хлеба, принадлежащего Комиссии помощи голодающим. В мае 1922 года Витебский и Гомельский губкомы партии отмечали постоянную подрывную деятельность АРА и характеризовали ее как «скрыто военную организацию», преследующую враждебные РСФСР цели.

Разумеется, деятельность заокеанских «благотворителей» попала в поле зрения и советских спецслужб, недавно сформировавшихся, но уже достаточно опытных. В обзоре ВЧК о деятельности иностранных и контрреволюционных организаций на территории Советской России за январь 1922 года АРА называлась «весьма значительным центром шпионских организаций». При этом авторы обзора особо подчеркивали, что АРА «всячески старается принимать к себе на службу бывших белогвардейских офицеров и других лиц с установившейся контрреволюционной репутацией...». Само собой, что американские благотворители и их отечественные сотрудники находились под пристальным надзором ЧК.

Уже 31 декабря 1921 года Политбюро ЦК РКП(б) обсуждало вопрос о подрывных действиях АРА. В то время был принят ряд мер: действия благотворителей не должны были распространяться на пограничную полосу, районы, пораженные бандитизмом, а также еще на некоторые районы. Свои мероприятия проводила и ВЧК. Пользуясь тем, что американцы усиленно искали контакт с противниками

режима, под видом бывших белых офицеров в АРА были внедрены чекисты.

В игре с «администрацией помощи» нашим спецслужбам надо было пройти по лезвию бритвы. С одной стороны, их задачей было не позволить американцам заниматься антисоветской деятельностью. С другой — нельзя было допустить и прекращения поставок продовольствия. Поэтому ВЧК начала сложную игру. Здесь была и дезинформация, и изобличение конкретной подрывной деятельности, за которым следовала высылка виновных из страны. В 1923 году было запрещено бывшим командирам и служащим РККА и Реввоенсовета служить в иностранных организациях помощи голодающим.

Одной из чрезвычайно успешных операций агентов ВЧК была передача специального шифра, которым пользовалась АРА в своих переговорах с руководством. Чекистам удалось перехватить и расшифровать, например, такие достаточно красноречивые сообщения, как телеграмма Чайдса из Казани: «Высылаю ценные переводы о состоянии промышленности Урала и Сибири». Или телеграмма из Баку от Вудворта: «Остатки разбитых отрядов имама Гацинского концентрируются в Дагестане на Араканском плато. Обеспечил доставку им оружия. Готовлю проведение акций их силами в Грозном и Баку».

Органы Советской власти неоднократно приостанавливали работу подразделений американской администрации помощи в ряде районов страны. В конце концов, к лету 1923 года, несмотря на потребность в продовольственной помощи, деятельность АРА на советской территории была прекращена.

Американская администрация помощи была основным, но далеко не единственным каналом получения информации. Одновременно с ней американские разведслужбы активно использовали для ведения шпионажа с легальных позиций сионистскую организацию «Джойнт». Она также функционировала под благотворительным прикрытием, а ее члены подчас поставляли Соединенным Штатам ценные сведения.

Шпионаж против Советского Союза вели и различные неправительственные организации, и даже частные лица.

Особую активность на этом поприще проявил крупнейший американский монополист Рокфеллер, который активно интересовался как внутренним положением в Советском государстве, так и территориями, прилегающими к СССР. В 1927 году Фонд Лауры Рокфеллер пытался организовать широкое обследование районов, примыкающих к территории Кольского полуострова. В 1932 году Рокфеллер ассигновал крупную сумму денег посетившему Советский Союз французскому специалисту по истории античного мира и средневековья, профессору философии Луи Ружье. Профессор должен был изучить обстановку в СССР и странах, прилегающих к западной границе Советского Союза.

В 1929 году международное общество «Аэроарктика» собралось заняться изучением Советской Арктики — Земли Франца-Иосифа, Новой Земли и Северной Земли. Предполагалось сфотографировать всю арктическую территорию с дирижаблей. При этом представители Соединенных Штатов упорно добивались того, чтобы советским ученым и всем другим участникам экспедиции было запрещено заниматься аэрофотосъемкой, а исключительное право на это было предоставлено одним американцам. Надо ли говорить, что цели ученых были прозрачны и понятны всем? Американцы намеревались заснять с воздуха всю Советскую Арктику и установить наиболее удобные места для посадок самолетов и создания авиабаз. Как отмечала даже сама американская печать, базы, намечаемые к созданию в Арктике, должны были иметь большое стратегическое значение. Ну и в дополнение ко всему на Чукотке, Камчатке и в других северо-восточных районах Советской России в начале 20-х годов функционировали свыше 30 представителей американских компаний, естественным образом совмещавших коммерческую деятельность со шпионажем. В этих условиях «начальник Чукотки» просто обязан был быть еще и чекистом.

Глава 3

ВЫНУЖДЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ

(1933—1941)

СССР и США от установления дипломатических отношений до начала Великой Отечественной войны

Дальше воздерживаться глупо

К началу 30-х годов необходимость в перемене политического курса стала непреодолимой, поскольку как внутреннее, так и внешнее положение США резко изменилось. Экономика страны была поражена глобальным мировым кризисом 1929—1933 годов. Помимо промышленного спада он повлек за собой и ослабление позиций американского капитала и на международной арене, правда, не такое тяжелое, как внутри страны. Так, заграничные капиталовложения США сократились с 16 миллиардов долларов в конце 20-х годов до 13 миллиардов к середине 30-х. В 1932 году на президентских выборах победил президент Франклин Рузвельт, который в первую очередь для преодоления последствий мирового экономического кризиса начал проводить политику «нового курса».

В области мировой политики ситуация изменилась еще более кардинально. Начало президентства Рузвельта практически совпало с приходом к власти Гитлера, резкого усиления агрессивности Германии и Японии, которая подкреплялась ростом экономического и военного потенциалов обеих стран. Наращивание военных мускулов, открытое стремление этих стран к переделу мира резко изменило соотношение сил на мировой арене и поставило перед американской правящей элитой вопрос: как сохранить международные позиции США в столь неприятно изменившейся ситуации?

И по этому вопросу тоже американские правящие круги, уже традиционно, разделились на две противостоящие друг другу группы, получившие название «интернационалистов» и «изоляционистов». Первые исходили из того, что агрессивная политика Германии и Японии, стремящихся к мировому господству, представляет серьезную угрозу для США и в конечном счете столкновение с ними неизбежно. Поэтому «интернационалисты» ратовали за сближение с западноевропейскими демократиями, в первую очередь с Англией, и некоторую нормализацию отношений с СССР. «Изоляционисты» же, напротив, выступали против любых военно-политических союзов с европейскими государствами, призывая пересидеть грядущую войну за океаном и надеясь, что она приведет к взаимному ослаблению обеих противоборствующих сторон, которым после этого Америка легко сможет продиктовать свою волю.

Нечего и говорить, что Рузвельт и его окружение принадлежали к активным сторонникам «интернационализма». Внешняя политика нового президента представляла собой еще более решительный и глубокий разрыв с традициями его предшественников, чем «новый курс» в области экономики. А первым крупным внешнеполитическим актом нового президента стало установление дипломатических отношений с Советским Союзом. В октябре 1933 года Рузвельт письменно обратился с этим предложением к Председателю ВЦИК СССР М.И. Калинину, и 16 ноября того же года дипломатические отношения между Советской Россией и Америкой были установлены. С политикой непризнания СССР, ставшей анахронизмом еще десять лет назад, было покончено.

Однако к этому шагу новую администрацию Вашингтона подтолкнула не только добрая воля президента, но и целый ряд объективных факторов. Во-первых, для выхода из экономического кризиса американская буржуазия активно искала новые рынки сбыта, и проводящий политику индустриализации Советский Союз, готовый разместить за рубежом крупномасштабные заказы на машины и промышленное оборудование, был идеальным партнером. Не забывали американцы и о колоссальных сырьевых ресурсах Советской России. Именно поэтому в июне 1933 года Торговая

палата США высказалась за скорейшее установление дипломатических отношений с СССР.

Во-вторых, более или менее успешное выполнение первого пятилетнего плана, усиление экономической и военной мощи Советского Союза, особенно эффектно смотревшееся на фоне мирового экономического кризиса, бушевавшего в капиталистическом мире, влекло за собой увеличение значимости нашей страны в расстановке сил на мировой арене. Дальше игнорировать большевиков становилось абсолютно бесперспективно, а учитывая усиление и неприкрытую агрессивность Германии и Японии, попросту опасно. И американская элита стала рассматривать нормализацию советско-американских отношений как составную часть поддержания выгодного ей международного «баланса сил», рассчитывая использовать СССР в качестве потенциального противовеса обоим агрессивным государствам.

Кроме этих двух основных причин была и еще одна, третья, довольно специфическая причина. Дело в том, что в межвоенный период внешняя разведка в США была поставлена из рук вон плохо. Как отмечают сами же американские исследователи, в то время Рузвельт и его министры о положении дел в мире больше узнавали из газет и радио, чем из донесений существовавших в то время подразделений разведки. Однако средства массовой информации могли дать более или менее достоверную картину действительности, лишь когда дело касалось относительно открытых демократических государств типа Англии и Франции. А истинное положение дел в тоталитарных странах, таких как СССР и Германии, являлось неизвестным и для журналистов. Если в отношении нацистской Германии хоть какую-то необходимую информацию можно было получить по дипломатическим каналам, то Советский Союз был на карте мира просто большим «белым пятном». Между тем для принятия стратегических внешнеполитических решений правительство остро нуждалось в объективной информации именно о диктаторских государствах. Это обстоятельство также подтолкнуло нового американского президента к скорейшему установлению дипломатических отношений с Москвой. «Американскую администрацию в первую очередь интересовали прочность Советской власти, боеспособность

Красной Армии и состояние экономики, развивавшейся на новой основе. Установление дипломатических отношений с СССР позволило правящим кругам США не только установить экономические и торговые взаимоотношения, но и, используя легальные возможности, попытаться активизировать в Советском Союзе разведывательную деятельность»[27].

«Проблема шпионажа» — шпионов не хватает!

Первым послом США в Москве был назначен опытный дипломат Уильям Буллит. Судя по всему, он был неплохим специалистом своего дела. Под его началом в посольстве и прочих дипломатических представительствах США работали специалисты по России из различных американских секретных служб.

В донесениях госдепартаменту Буллит предсказывал, что СССР станет объектом нападения из Европы и с Дальнего Востока. В полном соответствии с политическими принципами своего государства он рекомендовал американскому правительству, если между Японией и СССР возникнет война (что в действительности чуть было не произошло в ходе конфликтов у озера Хасан и на Халхин-Голе), не вмешиваться в ее ход, но воспользоваться всем влиянием и всей силой США к концу войны, чтобы она закончилась без победы для любой из сторон. Этим предполагалось сохранить равновесие между взаимно ослабленными Советским Союзом и Японией. Буллиту также принадлежит предложение проведения в отношении Москвы политики балансирования на грани разрыва дипломатических отношений.

Однако, несмотря на все усилия, дипломатическое ведомство США не являлось крупным поставщиком разведывательной информации. В 1939 году в госдепартаменте трудилось около тысячи человек, и у него отсутствовала развернутая агентурная сеть. Все проблемы, связанные с безопасностью страны, дипломаты старались переложить на военных. Лишь в ноябре 1940 года госдепартамент учредил наделенный разведывательными функциями Отдел корреляции зарубежной деятельности. Однако из-за своей малочислен-

ности (в 1943 году в нем работало всего 18 человек) толку от его работы было мало.

Ненамного лучше дела в этой области обстояли и в американской армии и на флоте. К началу Второй мировой войны в разведывательном управлении военной разведки (Джи-2) при военном министерстве в Вашингтоне числилось всего 22 человека. (Правда, после начала войны их количество стало стремительно расти, достигнув к декабрю 1941 года почти 500 человек, но подавляющее большинство новых работников не обладало никаким опытом работы в разведке.) Кроме того, в распоряжении Джи-2 были еще военные атташе за границей, которых к 1940 году было 60 человек. Сети иностранных платных агентов за рубежом у армии США не было, как не было и доступа к серьезной информации. Не считая военных атташе, весь остальной аппарат военной разведки изначально был ориентирован на контрразведывательную работу и в первую очередь предотвращение диверсий на армейских объектах.

Гораздо лучше о положении за границей был осведомлен американский военно-морской флот, который имел куда более тесные и глубокие контакты с иностранными государствами, чем армия. К 1941 году около 130 морских офицеров выполняли обязанности атташе и наблюдателей в столицах большинства стран и во всех имеющих военное значение портах. Руководившее их деятельностью Управление военно-морской разведки (УВМР) к 1941 году насчитывало сто пятьдесят человек, большинство из которых опять же не имело навыков разведывательной деятельности. Как и сухопутные коллеги, УВМР главную свою задачу видело в ведении контрразведки и предотвращении актов саботажа и диверсий на территории США.

Единственным крупным достижением американцев в сфере разведки в довоенный период стало создание действенной службы радиоперехвата и дешифровки. К 1940 году над решением этих задач в общей сложности работало около 750 человек, которым удалось добиться крупного успеха — расшифровать японский код.

Помимо того что добываемая развединформация была в массе своей невысокого качества, ее значение еще больше снижалось по причине отсутствия координации между за-

нимающимися разведкой ведомствами и, что еще более важно, не было систематического комплексного анализа даже той информации, которую удавалось раздобыть. (Одним из результатов такой работы стал Перл-Харбор, удар по которому японцы смогли нанести абсолютно неожиданно.) Американский разведчик Р. Клайн так оценивает положение дел в предвоенный период: «Каждый компонент разведслужбы действовал вне связи с другими, не воспринимая свою работу как часть общей миссии, без понимания необходимости координировать свою деятельность с другими разведывательными агентствами, чтобы обеспечить надежное освещение международной ситуации. По состоянию на середину 1940 года, разведывательной работой было занято, вероятно, не более тысячи человек, причем большинство составляли техники из отделов радиоперехвата»[28].

Несмотря на общую слабость американских спецслужб, они героически пытались собирать информацию о Советской России. Ведущую роль в этом играл государственный департамент. Кроме посла-разведчика Буллита благодаря усилиям Джорджа Кеннана, Чарльза Болена и Левеллина Томпсона в стенах госдепа появилась целая плеяда специалистов по Советскому Союзу. Впоследствии, уже в УСС, крупным специалистом по России стал выпускник Колумбийского университета Джеральд Робинсон. Однако информации об СССР все равно не хватало, и американцы не брезговали ни официальными, ни неофициальными способами ее сбора. Так, в 1938 году в Москву был командирован известный американский летчик Линдберг, бывший одним из видных представителей «изоляционистов». Он присутствовал на советском празднике в честь Дня авиации, естественно сопровождавшемся воздушным парадом. По возвращении в США Линдберг сделал доклад, в котором подчеркивал слабость советских ВВС и силу немецких. Сторонникам-то Линдберг угодил, но сколько правды было в его сделанных на глазок оценках — это еще очень большой вопрос.

Рождение спрута

Неизбежное участие США в грядущей схватке за мировое господство настоятельно требовало создания современной и эффективной разведслужбы, а отсутствие ее было чревато огромными жертвами, что и доказал Перл-Харбор. Внезапное и успешное нападение японцев на эту американскую базу 7 декабря 1941 года стало крупнейшим провалом американской разведки. Спецслужба, которая допускает такие провалы, должна быть реформирована — это понимали все.

Кроме того, свою роль в скорейшем реформировании американской резведслужбы сыграла... Англия. Чтобы ускорить вступление США в войну против Германии, Черчилль был готов делиться самой секретной развединформацией, но было, как минимум, необходимо, чтобы по ту сторону океана находился партнер, способный принимать и понимать эту информацию. Поэтому англичане, обладавшие богатейшими разведывательными традициями (начало их разведслужбы восходит еще к временам Елизаветы I), предприняли серию закулисных маневров, чтобы побудить Рузвельта и его ближайшее окружение создать свою разведслужбу по английскому образцу. Ветеран ЦРУ Р. Клайн подчеркивает, что со стороны Англии «самым весомым был дар, связанный с внедрением в сознание американцев концепции центральной разведывательной системы. Концепция эта, единожды сформулированная, уже становилась неуничтожимой. Она пережила войну и в конце концов легла в основу разведывательной системы послевоенного времени — Центрального разведывательного управления»[29].

Но все это было еще впереди. А пока, ощущая недостаток в достоверной информации, Ф. Рузвельт в 1940 году направил в Европу для сбора разведывательных данных бывшего нью-йоркского адвоката У. Донована. (Напомним, что во время Гражданской войны в России Донован был представителем при Колчаке, откуда он вынес как неплохое знание России, так и стойкие антисоветские убеждения.) В рамках своей миссии Донован посетил Англию, где детально познакомился с различными аспектами деятельности ее разведслужбы, Грецию, Турцию, Болгарию и Югославию. По

возвращении Донован не только сделал подробный доклад о положении в Европе, но и 26 апреля 1941 года представил докладную записку о необходимости создания централизованной разведслужбы по образцу английской.

Инициатива получила одобрение президента, и 10 июня 1941 года Донован представил «Меморандум о создании Службы стратегической информации». Основные положения меморандума гласили: «Без надежного информационного обеспечения всякая стратегия беспомощна. Равным образом от информации мало толку, если она не ориентирована на достижение стратегических целей. <...> Крайне важно создать центральную разведывательную организацию, которая будет или сама, или через посредство уже существующих правительственных учреждений добывать нужную информацию относительно потенциальных противников...

Основная цель Службы стратегической информации состоит в создании для президента (в качестве главнокомандующего) и для Совета по вопросам стратегии возможности получать точную и всестороннюю информацию о противнике, информацию, на основании которой можно будет принимать решения о тех или иных военных операциях»[30].

16 июня того же года Рузвельт принял Донована в Белом доме и после беседы с ним предложил ему руководство создаваемой разведслужбой и звание генерал-майора. Донован согласился.

Глава 4

СОЮЗНИКИ ПОНЕВОЛЕ

(1941—1945)

Советско-американские отношения в годы Великой Отечественной войны

Стервятники над полем боя

Очередное изменение международной обстановки на какое-то время вновь поставило проблему взаимоотношений с СССР в центр внимания американского общества. Как известно, после начала Второй мировой войны Сталин воспользовался благоприятной ситуацией и начал войну с Финляндией. В осуждении Советского Союза объединились «интернационалисты» и «изоляционисты». В отличие от Англии и Франции, Америка не заявляла о своей готовности вмешаться в советско-финский конфликт. Правительство Рузвельта ограничилось тем, что открыло Финляндии кредиты на 30 миллионов долларов, поставляло ей оружие и одновременно наложило «моральное эмбарго» на поставку товаров в СССР. Однако в условиях начавшейся новой мировой войны дальше «морального эмбарго» американское правительство не пошло. Успехи Гитлера были столь ошеломляющими, что Рузвельт начал потихоньку выводить США из позиции добровольной изоляции. После принятия закона о ленд-лизе американские войска в апреле 1941 года были введены в Гренландию, а в июле — в Исландию, установив тем самым контроль над стратегическим участком Северной Атлантики и обеспечивая относительную безопасность морского пути в Англию и СССР.

Шаг да шагом ввязываясь в мировую войну, вашингтонская администрация делала все от нее зависящее, чтобы спровоцировать столкновение СССР и Германии. Зная уже в марте 1941 года о планах Гитлера напасть на Советский

Союз, американская администрация решила ускорить неизбежную схватку двух диктаторов, связав тем самым Германии руки на востоке. Для этого заместитель госсекретаря США Уэллес через посла в Вашингтоне передал советскому руководству предупреждение о готовящемся нападении нацистской Германии. Предполагалось, что, получив предупреждение, Сталин успеет подготовиться к немецкой агрессии и гитлеровский план блицкрига будет сорван. Почти одновременно глава ФБР Гувер передал в немецкое посольство в американской столице информацию о том, что СССР якобы намеревается напасть на Германию, как только немецкая армия будет связана крупными военными операциями.

К началу Великой Отечественной войны официальные отношения между СССР и США были достаточно плохими. Мало того что подписание советско-германского пакта о ненападении и война с Финляндией существенно ухудшили отношение Вашингтона к Москве — они еще более ухудшились после заключения в апреле 1941 года пакта о нейтралитете между Советским Союзом и Японией. Сталин благодаря этому пакту получил хотя бы минимальные гарантии безопасности своих восточных границ, но Америка, рассматривавшая Японию как своего потенциального противника на Тихом океане и надеявшаяся на очередную вспышку советско-японского конфликта, была неприятно поражена.

Если по поводу советско-финской войны вашингтонская администрация ограничилась «моральным эмбарго» на торговлю с Советским Союзом, то наказанием за мирный советско-японский договор явились настоящие экономические санкции. А.А. Громыко, работавший в то время при советском посольстве в Вашингтоне, отмечал тогда: «Американское правительство сразу же после заключения указанного пакта дало понять путем усиления экономических репрессий против нас, что оно было недовольно заключением этого пакта»[31]. Итоговый результат этой политики был оценен советским посольством в США следующим образом: «Путем проведения ряда мероприятий американское правительство фактически к концу первой половины 1941 года свело на нет советско-американскую торговлю»[32]. Как мы видим, американское правительство беспардонно вмешива-

лось в двусторонние отношения двух суверенных государств, используя в качестве рычага экономическое давление.

Ситуация кардинально изменилась после вероломного нападения Гитлера на СССР. Теперь Советский Союз поневоле оказался в стане противников Гитлера, и США начали рассматривать его как потенциального союзника. Уже 24 июня 1941 года Вашингтон выступил с заявлением, что «США предоставят России помощь по ленд-лизу». Правда, первоначально это были только слова. В американских правящих кругах было широко распространено мнение, что Советский Союз обречен и его окончательный разгром произойдет через несколько недель или месяцев. И лишь июльский визит в Москву Г. Гопкинса несколько прояснил ситуацию.

7 ноября 1941 года Ф. Рузвельт официально распространил действие ленд-лиза на СССР. Однако американцы не выполнили даже минимальных взятых на себя обязательств. В счет оплаты военных поставок в августе — сентябре 1941 года СССР отправил в США золота на 10 миллионов долларов. Американское же правительство обещало в 1941 году направить в нашу страну помощи на 741 миллион долларов, а реально доставило в СССР за первый, самый тяжелый, год войны всего на 545 тысяч долларов, то есть лишь 0,1% от гарантированного. К примеру, вместо 750 обещанных танков СССР к январю 1942 года получил только 16, а вместо 600 самолетов — лишь 85. Американские поставки были сорваны в самое тяжелое для нас время, тогда, когда СССР истекал кровью и решалась судьба войны на советско-германском фронте — а следовательно, и всей второй мировой войны.

США явно саботировали исполнение своих обязательств перед СССР, и это было отнюдь не случайностью, а частью внешнеполитической стратегии Вашингтона в годы Второй мировой войны. Суть американской позиции на второй день Великой Отечественной войны цинично и откровенно изложил Г. Трумэн, в тот период сенатор, а впоследствии и президент США. «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше»[33]. Понять его нетрудно. Поскольку Вторая мировая война не затраги-

вала непосредственно американскую территорию, то для Соединенных штатов было бы лучше всего, чтобы она длилась как можно дольше. Соперники Америки на поприще мировой гегемонии максимально обескровили бы себя в ней, а США автоматически, не прилагая никаких усилий, оказались бы единственной могущественной державой и могли бы навязывать свою волю остальному человечеству. Да, понять Трумэна нетрудно, но уважения к американскому образу мыслей это не прибавляет ни на грош.

Подобный ход мысли не был достоянием одного лишь Трумэна — он разделялся практически всем высшим американским военным руководством. В августе 1942 года А.А. Громыко дал следующую характеристику: «Стимсон — военный министр, как известно, всегда был настроен антисоветски. Его заместители (разве за исключением Мак-Клоя) также занимают в отношении СССР неблагоприятную позицию... Подавляющее большинство из генералитета армии США питают надежду, и сейчас ее не оставляют, на истощение и гитлеровской Германии, и Советского Союза. Эти надежды совпадают с надеждами руководителей промышленных кругов... Вторая группа генералитета США, вероятно, немногочисленная, но очень влиятельная, все еще лелеет надежду на сговор с Гитлером»[34]. Отношение к СССР со стороны командования американского ВМФ было, по словам Громыко, еще хуже, чем у армейских генералов.

Примерно такую же, разве что более осторожную и дипломатичную, позицию занимал, по сути дела, и президент США Рузвельт. В своей книге «Америка и Россия в изменяющемся мире» Гарриман свидетельствует, «что в войне, которую Красная Армия вела с армиями стран оси, Рузвельт надеялся ограничить участие США лишь использованием их авиации и флота. Всю тяжесть сухопутной войны, влекущей за собой максимальное количество потерь, американский президент великодушно возлагал на плечи Советского Союза. В этой связи становятся понятными и срыв поставок по ленд-лизу, и невероятно долгое затягивание открытия второго фронта, официально обещанного в 1942 году, а открытого лишь спустя два года, когда исход войны был уже окончательно решен. Исключительно своекорыстная и в высшей степени двуличная позиция по отношению к свое-

му «красному» союзнику по антигитлеровской коалиции была характерна для американского руководства буквально с первых же дней войны. Нет, Сталин, как бы к нему ни относиться, несоизмеримо честнее и щепетильнее выполнял свои обязательства перед западными союзниками, будь то помощь американцам во время немецкого контрнаступления в Арденнах или вступление в войну с Японией.

Туманная должность с неограниченными полномочиями

Чтобы хотя бы более-менее успешно участвовать в мировой войне, надо было иметь стратегическую разведку. Огромный вклад в создание этой службы внес ее первый руководитель У. Донован. Его бывшие подчиненные так описывают характер своего шефа: «... Это — полный кипучей энергии ирландец, обладающий живым умом, колоссальной настойчивостью и склонностью делать вещи, которые не только необходимо сделать, но за которые никто, кроме него, никогда не помыслил бы приняться...»[35]. Окружающие прозвали Донована Диким Биллом, и он вполне оправдал эту кличку.

Однако необузданная и не знавшая преград энергия требовалась Доновану не только и не столько для конструктивной работы — создания централизованной разведслужбы почти на пустом месте, но и для преодоления многочисленных бюрократических препон, сопротивления и интриг влиятельных конкурентов. К моменту официального назначения Дикого Билла в США в той и иной степени занимались разведкой целых 8 ведомств: ФБР, Военная разведка «Джи-2», военно-морская разведка, разведка госдепартамента, таможенная служба министерства торговли, секретная служба министерства финансов, иммиграционная служба министерства труда, федеральная комиссия связи, кроме прочего занимавшаяся и радиоперехватом. Нечего и говорить, что все эти ведомства крайне болезненно относились к новорожденному конкуренту. Во многом из-за этих интриг Донован первоначально был назначен не главой новой разведслужбы, а неким «координатором информации».

Однако в силу президентской директивы от 11 июля 1941 года носитель этой туманной должности был наделен полномочиями, «необходимыми для сбора и анализа всех видов информации и данных, могущих иметь отношение к обеспечению национальной безопасности; ему также вменяется в обязанность соотносить эту информацию с другими доступными данными и доводить ее до сведения президента и иных лиц и учреждений по усмотрению президента. Кроме того, он обязан также — по распоряжению президента — предпринимать дополнительные действия, которые могут способствовать получению правительством важной для обеспечения национальной безопасности информации, в данное время ему недоступной»[36]. Пункт второй директивы гласил: «Все правительственные учреждения и агентства будут предоставлять в распоряжение координатора информации все сведения и данные, имеющие отношение к национальной безопасности, если координатор затребует их с одобрения президента»[37]. Должность-то туманная, да, но полномочия огромные. Директива, по сути дела, представляет собой настоящую хартию разведслужбы, которая впоследствии существенно повлияла на деятельность ЦРУ.

Первоначально новая разведслужба называлась Управлением координатора информации (УКИ), а год спустя, 13 июня 1942 года, она была переименована в Управление стратегических служб (УСС), окончательно приобретя полувоенный-полугражданский характер. Стратегическая разведка быстро развивалась во многом благодаря талантам и кипучей энергии Донована. Наиболее наглядно это можно проследить по численности сотрудников новой структуры. К середине Второй мировой войны в УСС работало 13 тысяч человек (включая вашингтонскую штаб-квартиру и зарубежных сотрудников), а к концу — уже свыше 30 тысяч. Эти цифры особенно впечатляют, если вспомнить, что к началу Второй мировой войны разведкой в США по линии всех ведомств занималось около тысячи человек.

Однако, несмотря на мощную поддержку со стороны самого президента, главе УСС удалось выиграть далеко не все бюрократические битвы в вашингтонских коридорах. Так, генерал А. Макартур терпеть не мог стратегическую службу и категорически запретил ей проводить какие бы то ни

было операции на тихоокеанском театре военных действий. Полуштатской организации Донована бравый генерал предпочитал военно-морскую разведку. Всемогущий директор ФБР Э. Гувер попросту не пустил новоявленных конкурентов в свою традиционную вотчину — Латинскую Америку, отстояв ее за контрразведкой. Волей-неволей Донована прошлось ограничиться одной лишь Европой и сконцентрировать свои усилия на этой части света. Да и в самой Европе УСС находилось под контролем Объединенного комитета начальников штабов, без чего военное командование в принципе отказывалось использовать новоявленную разведслужбу.

Многие отличительные черты УСС перешли впоследствии к ЦРУ. Главное, что это была долгожданная централизованная разведывательная система. Кроме того, УСС выгодно отличалось от всех остальных американских разведывательных служб тем, что широко привлекало в свои ряды как представителей делового мира, зачастую из самых высших его слоев, так и интеллектуалов. А. Маклиш сразу обратил внимание Донована, что много полезной информации можно извлечь из открытых источников — газет, журналов и книг. Нужны были люди, умеющие с ними работать, и УСС стало активно вербовать к себе на службу ученых самых разных направлений. Все они вошли в исполинский мозг новой структуры, составлявшей примерно половину численности всего УСС, — Главное управление исследований и анализа (РА). Возглавил управление профессор истории Гарвардского университета У. Лангер и первоначально этот отдел размещался в Библиотеке конгресса США(!).

Как справедливо отмечает биограф Донована, это подразделение «в конечном итоге стало крупнейшим сосредоточением преподавателей и ученых, когда-либо собранных вместе в государственном учреждении. РА сняло сливки с факультетов общественных наук по всей стране, забрав специалистов всевозможных отраслей знаний»[38]. В конце войны только в одном Вашингтоне в мозгу УСС работало 1600 ученых — специалистов в области общественных наук. Третьей отличительной чертой УСС было то, что с самого начала создания УКИ Донован носился с идей создания полувоенных формирований для осуществления диверсионных рейдов в тыл врага, по образцу британских коммандос. То,

что в работе управления был сделан существенный акцент именно на диверсионной деятельности, для осуществления которой в рамках УСС был создан целый Отдел специальных операций, объясняется в первую очередь личными пристрастиями неукротимого Дикого Билла.

Шпионаж против союзника

Кроме Германии и Италии, естественных противников Соединенных Штатов на театре военных действий, острие УСС было всегда направлено и против Советского Союза — официального союзника США в войне с державами оси. В рамках стратегической разведслужбы с самого начала был создан специальный отдел Восточной Европы, который возглавил профессор истории Колумбийского университета Джеройд Робинсон, имевший в Америке репутацию крупнейшего специалиста по России. С нашей страной профессор был знаком не только по книгам — в 1925—1927 годах он посетил СССР. Естественно, самым значительным в данном отделе УСС был «русский подотдел», специализировавшийся на собирании разнообразной информации о Советском Союзе.

Личный состав «русского подотдела» был укомплектован крупными учеными, квалифицированными разведчиками и проживавшими в США белоэмигрантами. Так, в УСС работали такие значительные в эмиграции люди, как внук Л.Н. Толстого Илья, князь С. Оболенский и ряд других. Соединение усилий этих трех групп привело к успеху: из всех зарубежных государств именно Америка располагала лучшей информацией о Советском Союзе. «Оценки РА мощи Советского Союза отличались от выводов англичан, и прилежный исследователь русской истории профессор Джеройд Т. Робинсон из Колумбийского университета, который впоследствии возглавил Русский институт в этом университете, отправился в Англию в имевшееся там сходное с РА ведомство, размещавшееся в Оксфорде. После недельного обсуждения английские коллеги признали: «У вас лучшие ученые, у вас больше информации, мы согласны с вашими оценками». Профессор Лангер настаивает, что ни одно пра-

вительство не имело в своем распоряжении ведомства, хотя бы приближавшегося к РА. «Включая немцев, — добавлял он, — они могли бы учредить такое ведомство, если бы захотели, но не обладали для этого должной компетенцией»[39].

Постепенно острие внимания американских разведчиков стало все больше сдвигаться от своего непосредственного врага — нацистской Германии в сторону союзника, после Сталинградской битвы наглядно продемонстрировавшего, кто является сильнейшей военной державой в мире. А. Даллеса в то время занимал ключевой пост резидента УСС в нейтральной, но чрезвычайно значимой Швейцарии. Американский историк Т. Пауэрс констатирует: «Некая женщина, работавшая на Аллена Даллеса в Берне, полагает, что фокус его внимания — примерно о чем думают, отходя ко сну и просыпаясь по утру, — стал перемещаться от Германии к России уже во время Сталинграда. В УСС, включая Хелмса, принимали как факт советско-американское соперничество на протяжении всей войны»[40].

В результате этих нехитрых соображений филиалам УСС в Лондоне, Стамбуле и Чунцине было приказано установить контакт с разведывательными органами государств, граничащих с СССР, и приступить к вербовке агентуры для шпионажа против своего союзника. Одновременно с этим разведка постаралась максимально использовать возможности, открывавшиеся в связи с ленд-лизом, для проникновения в закрытое советское общество. «На базах, где передавалась военная техника, среди американцев было немало сотрудников разведывательных служб США, которые внимательно наблюдали за советскими представителями, практикуя подслушивание разговоров и провокационные беседы. Некоторые из них имели опыт работы в Москве под «крышей» официальных американских представительств. Группы переводчиков комплектовались в основном из белоэмигрантов или стажеров из разведывательных школ, где изучали русский язык. Все это свидетельствовало о затаенных намерениях американской администрации»[41].

В самом Советском Союзе после создания антигитлеровской коалиции возможности для сбора информации несколько увеличились, хотя и ненамного. Расширились дипломатические и экономические связи между государствами. Через

северные моря пошли караваны. Увеличился штат сотрудников посольства США, были созданы военная и военно-морская миссии военного снабжения. И посольство, и миссии имели своих представителей в важных городах, таких как Мурманск, Архангельск. Поэтому теперь разведчиков можно было забрасывать по легальным каналам. Они приезжали в СССР как сотрудники дипломатических представительств, представители миссий и фирм, моряки, журналисты и т.д.

И все же в деле изучения советского потенциала американцы сталкивались с большими трудностями. В письме Г. Гопкинсу от 15 мая 1942 года глава УСС с сожалением констатировал: «Уверен, что вы представляете себе, что русские, которые очень активно разрабатывают промышленные и военные ресурсы Восточной Сибири, создали в этом районе режим особой секретности. За последние пять лет практически никто не получал права проезда через Восточную Сибирь, за исключением тех, кто путешествовал по Восточно-Сибирской железной дороге. Мой отдел по просьбе ВВС завершил исследование возможностей этой части России с точки зрения воздухоплавания. Специалисты сообщили мне, что полученная информация скудная и ее трудно проверить»[42]. Но Дикий Билл вышел из положения, отправив шпионить в Сибирь Д. Литлпейджа, работавшего в советском золотом тресте.

Американцы всеми способами старались добыть любые сведения, представляющие хоть какой-то интерес. Так, глава американской военной миссии по вопросам снабжения генерал Д. Дин с исключительным упорством добивался от советских военных органов разнообразной секретной военной информации, по роду его деятельности совершенно ему не нужной. Занимались шпионажем и представительства военной миссии США в советских портах Одессе, Владивостоке, Мурманске и Архангельске. Показательна, например, деятельность помощника американского военно-морского атташе Д. Рулларда. В начале войны он был направлен в Архангельск для руководства открытым там военно-морским представительством. Однако помимо обеспечения конвоирования судов, доставлявших в СССР грузы по ленд-лизу, Руллард усердно занимался сбором информации о Русском Севере, которой ему было по роду службы интересо-

ваться совсем не положено. Затем его перевели во Владивосток в качестве помощника военно-морского атташе при генеральном консульстве США в этом городе. Там он продолжил свое второе занятие — помогала ему в этом Ирина Матутис, работавшая у него переводчицей и завербованная американцем. С ее помощью помощник атташе заводил знакомства среди советских военных, работников морского порта и флота и другими интересными ему людьми. Руллард занимался разведывательной деятельностью против СССР на протяжении всей войны.

Надо сказать, что, несмотря на большое количество агентов, отдача от их работы была значительно меньшей, чем можно было бы ожидать. Дело в том, что наши спецслужбы к тому времени были одними из лучших, если не лучшими в мире. Ведомство Берия не зря получало свой паек.

«Изучение и проверка сотрудников различных американских представительств обычно начиналось задолго до их прибытия в СССР. Через 1-е главное управление НКВД-НКГБ органы госбезопасности заблаговременно выясняли, кто, в качестве кого и когда будет направлен из США в СССР. Для сбора этих данных использовались агенты, общавшиеся с американцами. Часто первичные, а иногда даже отрывочные сведения позволяли своевременно начать изучение вновь прибывшего американского разведчика, подобрать соответствующих агентов для подставы ему еще в пути его следования к месту назначения и вести разработку.

На каждого сотрудника посольства США органы госбезопасности, независимо от наличия или отсутствия компрометирующих материалов, заводили дело агентурной разработки и принимали меры к обеспечению ее агентурой. С помощью агентов изучались политические взгляды разрабатываемых, их наклонности, сильные и слабые стороны, служебная деятельность. Агенты держали разрабатываемых под постоянным наблюдением, сигнализировали о малейшем отклонении в их поведении. В ряде случаев через этих же агентов органы госбезопасности воздействовали на взгляды и убеждения разрабатываемых»[43].

...Полученная информация стекалась в мозговой центр УСС и использовалась для составления докладов и обзоров. Многие из документов не рассекречены до сих пор, но их

названия говорят сами за себя. «Политическая ориентация и мораль в СССР» (№ 523 от 23 февраля 1943 года), «СССР и Югославия» (№ 959 от 19 июня 1943 года), «Основы советской внешней политики» (№ 1109 от 1 сентября 1943 года), «Русские цели в Германии и проблемы трехстороннего сотрудничества» (№ 2073 от 11 мая 1944 года), «Возможности и намерения СССР в послевоенный период» (№ 2669 от 5 января 1945 года). Допущенный к этим источникам Д. Гаддис отмечает, что почти во всех докладах тщательно прорабатывается вопрос «увязок», то есть как с помощью кнута и пряника Вашингтону «добиться уступок» от СССР. Американских аналитиков очень интересовала проблема, в какой мере политика Запада сможет определить поведение Советов. В частности, лица, определявшие объемы поставок в СССР по ленд-лизу, пытались определить «подлинные» потребности Советского Союза с тем, чтобы ничего из отправленного не перешло на послевоенный период.

Тем не менее общий уровень американских знаний о СССР можно проследить по открытым в настоящее время источникам. Один из них — подготовленный разведкой еженедельный обзор «СССР — положения, возможности, намерения» от 1 сентября 1943 года. В начале обзора разведчики откровенно признавались: «Необходимо учитывать, что современная информация Соединенных Штатов об СССР фрагментарна и далеко не точная».

В целом авторы выделяют три сферы военно-политических интересов СССР — Европа, Дальний Восток и в меньшей мере Средний Восток. В обзоре был всесторонне проанализирован экономический потенциал Советского Союза и справедливо указано, что самым слабым местом в советской экономике является положение с продуктами питания. Относительно промышленности утверждалось: «Несмотря на то, что имеющаяся в нашем распоряжении информация не позволяет дать точных оценок советского промышленного производства, представляется очевидным, что СССР достиг высокого уровня военного производства ценой тяжелейшего разрушения своих экономических ресурсов, использованных на войну». Авторы обзора предсказывали, что в начале 1944 года начнется большой спад в промышленности вообще и в военном производстве в частности.

Численность Советской Армии приблизительно оценивалась в 10 миллионов человек, при этом отмечался их высокий моральный дух. Характеристика сухопутных войск, ВВС и ВМФ завершалась выводом: «СССР, политически интегрированный, психологически сильный, с экономикой, которая выглядит эффективной, но имеет и явные трещины, в военном отношении противостоит Германии на равных или даже превосходит ее». Подчеркивая, что Советы удерживают инициативу на Восточном фронте, авторы обзора считали возможным, что Сталин пойдет на заключение сепаратного мира с Германией. В документе подчеркивалось, что в целом «Сталин будет бороться за господство в Восточной Европе, он имеет интересы в Иране, в зоне Персидского залива». В анализе советско-японских отношений отмечалось, что СССР не вступит в войну с Японией до ликвидации немецкой угрозы и появления у советского руководства уверенности в возможности выиграть войну на Дальнем Востоке малой ценой. В обзоре явно прослеживается тревога по поводу возможных советских территориальных притязаний на этом потенциальном театре военных действий: «В случае ухода японцев из этого региона или угрожающего им поражения советская военная оккупация этих регионов может достичь масштабов, которые превысят соответствующие возможности других союзников»[44].

После Сталинграда и Курска большинство американских военных и разведчиков пришло к выводу о примерном военном равенстве сил СССР и США и невозможности для одной стороны добиться решающей победы в потенциальном конфликте. В рекомендации, направленной 3 августа 1944 года государственному секретарю К. Хэллу, говорилось: «После поражения Японии первоклассными военными державами останутся только Соединенные Штаты и Советский Союз. В каждом случае это объясняется сочетанием их географического положения, размеров и громадного военного потенциала. Хотя США могут перебрасывать свою военную мощь во многие отдаленные районы мира, тем не менее относительная мощь и географическое положение этих двух держав исключают возможность нанесения военного поражения одной из них другой, даже если на одной из сторон выступит Британская империя»[45]. (И это несмотря

на колоссальные потери СССР во Второй мировой войне.) Военные, как им и положено, были реалистами.

Самой антисоветской из американских спецслужб было УСС — главный конкурент армейской разведки. К запланированной на август 1943 года встрече Ф. Рузвельта и У. Черчилля в Квебеке Дикий Билл подготовил меморандум, на котором собственной рукой поставил номер 121. Текст документа, адресованного высшему американскому руководству, гласил: «Ввиду диспропорции между нашими целями и нашими возможностями предлагаются три альтернативных направления стратегии и политики в отношении Германии и России: 1. Немедленно предпринять попытку урегулировать наши расхождения с Советским Союзом и сосредоточить внимание на общих интересах, которые мы имеем с этой державой. 2. Америка и Великобритания продолжают следовать в течение некоторого времени стратегии и политике, в большой степени независимой от стратегии и политики Советского Союза, в надежде добиться таким путем как поражения Германии, так и укрепления наших позиций на переговорах для достижения некоего урегулирования, враждебного интересам России. 3. Попытаться повернуть против России всю мощь непобежденной Германии, все еще управляемой нацистами или генералами»[46]. Помечтав о том, как было бы здорово, заключив сепаратный мир, бросить все немецкие силы на Восток и завоевать Советский Союз, Донован, который, как разведчик, все-таки отдавал себе отчет в нереальности этого варианта, обращается к более реалистической второй альтернативе. Суть ее аналитики УСС сформулировали так: американское руководство должно «проводить независимую стратегию в надежде на дешевую победу над Германией и лучшую позицию для переговоров с Россией»[47]. Характерно, что и в этом меморандуме прогнозировалось, что к лету 1944 года «нынешняя нехватка продовольствия и живой силы... вероятно, вызовет значительное снижение военных возможностей России». Одно сбылось: действительно, победа в мировой войне досталась американцам малой ценой!

Идеи Донована не встретили сопротивления, и он пошел дальше, начав подкоп под давний официальный запрет Рузвельта вести разведывательную деятельность против СССР. Вскоре запрет был, правда, не отменен, но как бы «ослаблен», и уже

в январе 1943 года в госдепартамент был сделан запрос о засылке в Советский Союз американской агентуры. Дипломаты ответили, что подобные акции могут вызвать серьезные осложнения и нанести ущерб отношениям США со своим союзником и... посоветовали действовать осторожнее и только в контакте с посольством США в Москве.

Четкую антисоветскую направленность имел и целый ряд акций других акций УСС, которые, хоть и проводились на территории третьих стран, своим острием были направлены против Москвы. Американские разведчики попробовали, например, осуществить излюбленный «Балканский план» Черчилля по установлению политического контроля над странами полуострова. Целью плана было перехватить этот лакомый кусочек прямо перед носом Советской Армии и не допустить распространения коммунизма на Запад, за пределы советской территории. Об этом прямо говорил резидент УСС в Берне А. Даллес, подчеркивая, что «путем расширения Польши в сторону востока и сохранения Румынии и сильной Венгрии следует поддержать создание санитарного кордона против большевизма и панславизма»[48]. (Неплохо было бы, чтобы и наши лидеры, как прежние, так и нынешние, брали пример с янки и, выполняя разного рода обязательства перед США, не упускали из виду панамериканизм.) Возрождение старой версальской системы «санитарного кордона» против Советской России позволило бы Америке еще более уверенным тоном вести любые послевоенные переговоры с нашей страной.

Реализация балканского плана Донована была поручена резидентуре УСС в Стамбуле. Глава турецкого отделения УСС полковник Л. Макфарленд создал для этого на Балканах довольно разветвленную разведывательную сеть под кодовым названием «Цереус», охватывавшую Румынию, Болгарию и Венгрию. Однако задуманная с размахом операция Дикого Билла полностью провалилась: часть американских агентов была арестована немцами, пристально следившими за своими союзниками, англо-американские войска были далеко, а Советская Армия — близко, и с этим объективным фактом ничего не могли поделать никакие любые интриги и заговоры.

В этом же ряду стоят попытки американцев тайком договориться с немцами о сепаратной капитуляции на за-

падном фронте. Эта операция получила условное наименование «Кроссворд» и была поручена начальнику швейцарской резидентуры УСС А. Даллесу. Последний, в марте 1945 года, вступил в контакт с генералом СС К. Вольфом, пообещавшим обеспечить капитуляцию немецких войск в Италии. Хотя операция «Кроссворд» и проводилась в абсолютной тайне, но советской разведке удалось оперативно выяснить ее суть, и это послужило причиной для довольно резкого обмена посланиями между Советским Союзом и его западными союзниками. Небольшой дипломатический конфликт положил конец сепаратным переговорам и сорвал еще одну успешно начатую антисоветскую операцию УСС. Спустя 30 лет об этом эпизоде Второй мировой войны был снят один из лучших советских «шпионских» фильмов, о соотношении правды и вымысла в котором спорят до сих пор. Но если штандартенфюрер Штирлиц, по признанию самих авторов, персонаж вымышленный, то переговоры, как мы видим, были вполне реальными.

Попытки Донована кардинально повлиять на расстановку сил в мире с помощью секретных операций относились к области самого радужного идеализма, поскольку полностью игнорировали объективное положение вещей. Неудивительно, что все они окончились крахом. Единственное, что в этих условиях оставалось УСС, — это подбирать различных немецких шпионов и их пособников, имевших опыт работы против СССР, да осуществлять тактическую разведку против Советской Армии после того, как к концу войны советские и американские войска вошли в непосредственное соприкосновение. Так, почти сразу после взятия Берлина русскими войсками туда немедленно отправился шпионить за своим союзником офицер разведки Г. Розицки (впоследствии глава управления по делам СССР в ЦРУ), пытавшийся во время поездки на джипе высмотреть расположение, численность и вооружение советских войск. Руководил же шпионажем против Советской Армии в Германии в последние дни войны Р. Хелмс, в будущем — директор ЦРУ с 1966 по 1973 год. Этот раунд схватки американская разведка проиграла. Однако вскоре ситуация в мировой политике в очередной раз принципиально изменилась.

Глава 5

ПРИНЦИП «ТОТАЛИТАРНОЙ ДЕМОКРАТИИ» ТОРЖЕСТВУЕТ

(1945—1953)

Конец Великой Отечественной войны — смерть Сталина

Янки наглеют на глазах

Разгром общего врага — нацистской Германии положил конец добрым отношениям между Советским Союзом и Соединенными Штатами. С окончанием войны сберегшие свои силы США со спринтерской скоростью устремились к своей заветной цели — мировому господству. Единственным препятствием на этом пути была Советская Россия, мощь сухопутной армии которой нельзя было недооценивать. СССР не собирался добровольно отказываться от оплаченной миллионами жизней увеличившейся сферы своего влияния. Однако оказавшаяся у американцев к концу войны атомная бомба внушила им иллюзию всемогущества. Младенцу ясно, что варварское уничтожение никому не нужных японских городов Хиросимы и Нагасаки отнюдь не было вызвано необходимостью довершить военный разгром и без того уже побежденной Японии. Это была явная демонстрация силы, стремление запугать советское руководство, наглядно продемонстрировав Сталину мощь нового сверхоружия. По этой же причине американцы не только не пошли на установление международного контроля над этим чудовищным оружием, на чем настаивали многие творцы атомной бомбы, но постарались монополизировать его, засекретив даже от своего ближайшего союзника — Англии. Дружба дружбой, а табачок (пардон, бомбы) — врозь!

Планы использования атомной бомбы в качестве рычага давления на Россию зрели у американского руководства

уже давно, за несколько лет до ее применения, еще при Ф. Рузвельте. Военный министр Г. Стимсон так суммировал свое впечатление от бесед с этим президентом по поводу перспектив атомного оружия, зашифрованного в записях под названием S-1: «Необходимо ввести Россию органически в лоно христианской цивилизации... Возможное использование S-1 для достижения этого...»[49]. Вот тебе, бабушка, и Рузвельт — друг СССР, как его еще совсем недавно представляли наши историки. Да и сама «христианская цивилизация», загоняющая новообращенных в свое лоно, потрясая атомной бомбой, выглядит весьма специфически. Президент Рузвельт Библию-то хотя бы по праздникам открывал?

Однако при Рузвельте эти планы хоть и вызревали, но подспудно. Неизбежный перелом в советско-американских отношениях совпал со сменой «богов» на вершине американского политического Олимпа. Президентское кресло после умершего Рузвельта занял Г. Трумэн, и, едва успев занять заветное место, он поспешил продемонстрировать свое отношение к союзнику. На встрече с В. Молотовым в Вашингтоне в апреле 1945 году Трумэн подчеркнуто резко обращался с советским министром, заодно показав провинциально-миссурийский уровень своего дипломатического этикета. Вслед за этим последовала попытка шантажа СССР, а заодно и Англии, внезапным прекращением поставок по ленд-лизу. Однако Япония к тому моменту еще не была разгромлена, союзник мог пригодиться, и новому президенту временно пришлось пойти на попятный.

В благодарность за верность союзническим обязательствам после разгрома Японии последовала новая попытка шантажа. 14 сентября 1945 года американская делегация под руководством М. Колмера посетила Москву, встретилась со Сталиным и вела с ним переговоры по поводу предоставления займа СССР. В обмен на экономическую помощь делегация выдвинула целый список требований. Советский Союз должен был сообщить, какая доля его производства идет на вооружение, предоставить американцам важнейшие данные об отечественной экономике и дать возможность проверить точность этих данных. (Кстати, косвенным образом выдвижение этих требований говорит о неудовлетворительной работе американской разведки, не сумевшей собрать доста-

точно данных об экономическом потенциале СССР. Наши американцам таких вопросов не задавали.)

Далее, Советский Союз должен был взять на себя обязательство не оказывать политической помощи Восточной Европе и доложить американцам содержание торговых договоров с этими странами. Как в СССР, так и в странах Восточной Европы, находящихся под его контролем, Кремль должен был гарантировать полную защиту американской собственности, право распространять американские книги, журналы, газеты и кинофильмы. Наконец, американцы настаивали на выводе советских оккупационных войск из Восточной Европы. В целом, Колмер и его коллеги требовали, чтобы в обмен на американский заем Советский Союз изменил свою систему правления и отказался от своей сферы влияния в Восточной Европе. Получив от Сталина все, что было положено получить в ответ на подобную наглость, обиженные члены делегации порекомендовали президенту и госсекретарю ужесточить американский подход к Советскому Союзу.

Окончательный перелом в двусторонних отношениях произошел в конце 1945 — начале 1946 года. За их стремительным ухудшением не успел угнаться даже госсекретарь Д. Бирнс, также бывший сторонником жесткого подхода к СССР. В декабре 1945 года в Москве произошло очередное заседание Совета министров иностранных дел держав-победительниц, приведшее, к неудовольствию вашингтонской администрации, к позитивным результатам. Бирнсу, сумевшему договориться с Советами, Трумэн отписал 5 января 1946 года: «Если России не показать железный кулак и не говорить с ней жестким языком, то неизбежна новая война. Русские понимают лишь один язык — «сколько у вас дивизий?». Письмо заканчивалось следующей фразой: «Я устал ублажать Советы»[50]. 5 марта 1946 года Трумэн сопровождал английского экс-премьера У. Черчилля в Фултон, где последний произнес свою знаменитую речь о «железном занавесе». Не прошло и года после совместной победы над фашизмом, как бывшие союзники разругались в пух и прах. «Холодная война» была официально объявлена.

Размахивая атомной бомбой

Новый внешнеполитический курс США, развернутый на 180 градусов по отношению к прежнему, начал более чем оперативно наполняться конкретным содержанием. Меморандум 329, подписанный в США 4 сентября 1945 года, то есть на следующий день после официального окончания Второй мировой войны, ставил для американских военных следующую задачу по отношению к их бывшему военному союзнику: «Отобрать приблизительно 20 наиболее важных целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки в СССР и на контролируемой им территории»[51]. В приложении определялись критерии для отбора городов, предложенных Объединенным разведывательным комитетом. Цели для бомбардировок отбирались с учетом:

1) производственных мощностей, особенно производства самолетов и другого вооружения;

2) наличия государственных и административных учреждений;

3) наличия научно-технических учреждений.

Правда, относительно последнего пункта разведчики откровенно признавались в своей неосведомленности: «Мы располагаем лишь неполной информацией о расположении и функциях ведущих научно-исследовательских учреждений, находящихся в ведении Академии наук СССР (ее штабквартира в Москве). Эти институты, возможно работающие в контакте с ведущими университетами, представляют собой главные исследовательские центры. Следует полагать, что значительная часть этих учреждений расположена в отобранных для бомбежки районах»[52]. Можно сколь угодно громко и яростно ругать Берия и его ведомство, но свою задачу они выполняли отлично. Созданный ими режим глобальной секретности помешал американцам точно наметить цели для возможного удара. Тогда янки пошли по простому пути. В списке советских городов, обреченных американцами на уничтожение, значились основные города и промышленные центры страны — Москва, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Ленинград, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск и Ярославль. Кроме

того, в качестве главной коммуникации планировалось также уничтожить и Транссибирскую магистраль. В то время в обреченных на уничтожение городах проживало 13 миллионов человек, которые, по мысли американских стратегов, должны были разделить страшную участь жителей Хиросимы и Нагасаки. Вот такая «христианская цивилизация»...

Если к августу 1945 года американцы располагали всего лишь двумя атомными бомбами, использованными против Японии, то уже к концу этого года их арсенал увеличился на порядок. По мнению аналитиков США, обрушив весь свой потенциал на выбранные цели, Соединенные Штаты смогли бы нанести такой разрушительный удар по промышленным источникам военной силы СССР, что он в конечном счете может стать решающим»[53]. Не успел Советский Союз перевести дух после Великой Отечественной войны, разрушившей половину его европейской территории, как заокеанский союзник начал планировать ему гораздо более масштабное и страшное разрушение.

Единоличное обладание атомным оружием спровоцировало американскую «элиту» показать свое истинное лицо. Ядерный удар планировалось нанести в порядке не только самообороны, но и ничем не спровоцированного нападения. В 1945 году комитет начальников штабов в своем секретном докладе обсуждал желательность нанесения атомных ударов по СССР как в виде «возмездия», так и первыми. Этот комитет рекомендовал атомное нападение не только в случае выступления СССР, но и в том случае, если успехи врага в области экономики и науки указывали на создание возможностей «в конечном итоге напасть на США или создать оборону против нашего нападения»[54].

Итак, 13 миллионов советских мирных жителей должны были быть незамедлительно убиты даже в том случае, если бы американцам вдруг показалось, что Советский Союз может создать эффективную оборону против американского сверхоружия. Уже само законное общепризнанное право на самооборону расценивалось американскими военными как смертельная угроза, требующая незамедлительного возмездия. Оценивать же советские успехи в науке и экономике, а также вероятность «агрессии» должна была, естественно, разведка. Какого уровня была эта разведка, мы уже знаем.

Концепция первого удара была закреплена в 1945 году на официальном уровне — координационным комитетом, объединяющим представителей государственного департамента, военного и военно-морского министерств. Документ этого комитета СВНКК-282 гласил: «Мы не можем допустить, чтобы возобладала ложная и опасная идея — дабы избежать занятия агрессивной позиции, мы позволили первому удару обрушиться на нас. В таких обстоятельствах наше правительство должно быстро добиваться политического решения, одновременно проведя все приготовления, чтобы в случае необходимости самому нанести первый удар»[55].

Однако концепции концепциями, но обсуждать возможность нанесения первого удара и реально нанести его — это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Реально неспровоцированная агрессия против суверенного государства, тем более бывшего союзника по антигитлеровской коалиции, тем более с применением атомного оружия, могла привести к непредсказуемым (точнее, вполне предсказуемым) политическим последствиям. В этом случае США могли оказаться не просто в международной изоляции, но остальной мир мог сплотиться против них, как незадолго до того — против фашистской Германии. Это был как раз тот случай, когда альянс с Советами должен был показаться наименьшим злом. Так и небыл использован «последний довод королей», т.е. война. Зато «предпоследние доводы» применялись в полном объеме.

Уже предварительное планирование высветило для американского военно-политического командования одну неприятную деталь: СССР отличался как от Германии, так и от Японии несколько большим размером территории. Для успешного решения будущих военно-стратегических задач Соединенным Штатам необходимо было иметь достаточное количество современных авиавоздушных и военно-морских баз вблизи советских границ. Это главное условие, без которого США не будут в состоянии в решающей степени воздействовать на СССР в военном, экономическом и политическом отношениях. (О «космической войне» тогда еще даже фантасты не писали.) Именно эта необходимость определила экспансионистскую политику США, стремившихся окружить Россию кольцом своих баз и готовых платить за это

высокую цену. Только наши малахольные «демократы» могли всерьез утверждать, что война в Афганистане была внешнеполитической авантюрой без определенных целей (другое дело, что цели ее в полном объеме так и не были достигнуты). И афганская, и корейская, и вьетнамская войны были выполнением даже не «интернационального», а самого настоящего патриотического долга.

Для обеспечения глобальных военных планов против СССР была необходима соответствующая политико-дипломатическая поддержка, и она не замедлила последовать. Под предлогом «защиты демократии» в Греции и Турции, где шла острая внутриполитическая борьба, а сами страны географически представляли собой идеальные плацдармы для нанесения ударов по Советскому Союзу, 12 марта 1947 года была провозглашена «доктрина Трумэна». Одобренная конгрессом, она официально санкционировала одностороннее военно-политическое вмешательство США в дела других государств, что было кардинальным отступлением от прежних американских традиций. На большую политическую дорогу вышел новый «мировой жандарм».

Спасши «демократию» в первых двух странах, американцы решили спасти всю Западную Европу от советского влияния, а для полной гарантии «спасения» включить ее в зону собственного влияния. С этой целью 5 июня 1947 года был провозглашен знаменитый «план Маршалла», в рамках которого американцами было выделено 12,5 миллиардов долларов. Сам автор честно признавал, что его план — реализация все той же политики «долларовой дипломатии», о чем он и поведал сенатской комиссии по иностранным делам 27 июля 1951 года: «Мы предлагаем доллары, чтобы вооружить не наших людей. Мы предпочитаем делать взнос не людьми, а долларами... Другая сторона (то есть Западная Европа. — Авт.) пусть думает о людях...»[56]

Расчет оказался верным и уже в 1919 году по обе стороны от Атлантики был создан военно-политический блок НАТО, нацеленный против СССР. Впервые в своей истории США вступили в военный союз с европейскими государствами в мирное время. Для оправдания этого еще в 1947 году была провозглашена доктрина «сдерживания». Ее автор, Д. Кеннан, писал, что «главным элементом любой по-

литики Соединенных Штатов по отношению к Советскому Союзу должен быть элемент длительного, терпеливого, но твердого и бдительного сдерживания русских экспансионистских тенденций». Эта доктрина была призвана освятить создание Североатлантического и других военных блоков, которые в идеале должны были полностью окружить СССР и подчинить мир американскому диктату.

«Тоталитарная демократия» — мир по-американски

Пялит руку ваша Свобода
Над тюрьмою Элис-Айланд.
В.В. Маяковский

Следующей вехой по формированию американской внешнеполитической стратегии по отношению к Советскому Союзу стал 1948 год. В марте было установлено, что «разгром сил мирового коммунизма, руководимого Советами, имеет жизненно важное значение для безопасности Соединенных Штатов. Этой цели невозможно достичь посредством оборонительной политики». 18 августа того же года была утверждена секретная директива Совета национальной безопасности СНБ 20/1. Во вступлении четко констатировались насущные интересы Штатов: «Наши основные цели в отношении России, в сущности, сводятся всего к двум:

а) свести до минимума мощь и влияние Москвы;

б) провести коренные изменения в теории и практике внешней политики, которых придерживается правительство, стоящее у власти в России»[57].

В документе детально разрабатывалось основное направление действий вашингтонской администрации как в условиях мира, так и в условиях войны. (Для мирного периода эта директива предусматривала капитуляцию СССР в результате давления извне.) В докладе специального помощника президента К. Клиффорда «Американская политика в отношении Советского Союза», сделанном 24 сентября

1946 года, отмечалось: «Война против СССР будет тотальной в куда более страшном смысле, чем любая прежняя война... К генеральной цели — уничтожению или фатальному ослаблению Советского Союза — ведут два пути: война или... подрывная работа»[58]. Рассматривая перспективы второго пути и его возможные последствия для России, разработчики СНБ 20/1 заранее обеспечивали себе алиби: «Во-вторых, мы обоснованно не должны испытывать решительно никакого чувства вины, добиваясь уничтожения концепций, не совместимых с международным миром и стабильностью, и замены их концепциями терпимости и международного сотрудничества...» Зная язык современной демократии, нетрудно понять, что «концепции терпимости и международного сотрудничества» — это когда выполняется воля Соединенных Штатов, а если где-то американскому плану переустройства мира дают отпор, то это «не совместимо с международным миром и стабильностью». И то верно, какой уж тут международный мир, когда ослушников закидывают бомбами, как это было тридцать лет назад во Вьетнаме или совсем недавно в Сербии. Конечно, концепции независимости с международным миром никак не совместимы. Читаем дальше. «Не наше дело раздумывать над внутренними последствиями, к каким может привести принятие такого рода концепций в другой стране, равным образом мы не должны думать, что несем хоть какую-нибудь ответственность за эти события... Если советские лидеры сочтут, что растущее значение более просвещенных концепций международных отношений несовместимо с сохранением их власти в России, то это их, а не наше дело. Наше дело работать и добиться того, чтобы там свершались внутренние события... Как правительство мы не несем ответственности за внутренние условия в России...»[59] Как США собирались добиваться уничтожения неугодных им советских концепций, мы уже знаем. Список городов, намеченных для ядерного удара, читали. Ну и чем это отличается от Гитлера?

В директиве более или менее четко определялась та внешнеполитическая обстановка, к созданию которой должны были быть направлены все усилия Америки в мирное время: «Речь идет, прежде всего, о том, чтобы сделать и держать Советский Союз слабым в политическом, военном

и психологическом отношениях по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля»[60]. При рассмотрении военного пути решения советской проблемы разработчики особо не вдавались в чисто военные детали, а сконцентрировали свое внимание на конечном результате. Отметив, что полная оккупация всей территории СССР в силу ее огромности нецелесообразна, они выделили несколько вариантов желательного урегулирования в зависимости от исхода боевых действий. «Если взять худший случай, то есть сохранение Советской власти над всей или почти всей нынешней советской территорией, то мы должны потребовать:

а) выполнения чисто военных условий (сдача вооружения, эвакуация ключевых районов и т.д.), с тем чтобы надолго обеспечить военную беспомощность (во многом выполнено в ходе «перестройки». — *Авт.*);

б) выполнение условий с целью обеспечить значительную экономическую зависимость от внешнего мира»[61]. (Полностью выполнено в ходе «экономической реформы». — *Авт.*)

Особо подчеркивалось, что все эти условия должны быть жесткими и явно унизительными для коммунистического режима, напоминая этим Брест-Литовский мир 1918 года с Германией. (Впрочем, о таком унижении, которое было реально достигнуто после 1985 года, они и не мечтали.)

Эта секретная директива СНБ 20/1 для нас исключительно важна также и потому, что там впервые со всей определенностью дается понять, что смертельным врагом Соединенных Штатов является не только коммунистическая идеология и порожденный ею советский коммунистический режим. Врагом номер один США является сильная Россия как таковая, вне зависимости от формы ее политического устройства. Особенно наглядно это проявляется при рассмотрении американскими стратегами того исхода войны, при котором будет в принципе уничтожена Советская власть. Авторы документа задают и сами же отвечают на следующий принципиальный вопрос: «Так какие же цели мы должны искать в отношении любой некоммунистической власти, которая может возникнуть на части или всей русской территории в результате событий войны? Следует

со всей силой подчеркнуть, что независимо от идеологической основы любого такого некоммунистического режима и независимо от того, в какой мере он будет готов на словах воздать хвалу демократии и либерализму, мы должны добиться осуществления наших целей, вытекающих из уже упомянутых требований. Другими словами, мы должны создать автоматические гарантии, обеспечивающие, чтобы даже некоммунистический и номинально дружественный к нам режим:

а) не имел большой военной мощи,

б) в экономическом отношении сильно зависел от внешнего мира,

в) не имел серьезной власти над главными национальными меньшинствами,

г) не установил ничего похожего на «железный занавес».

В случае если такой режим будет выражать враждебность к коммунистам и дружбу к нам, мы должны позаботиться, чтобы эти условия были навязаны не оскорбительным или унизительным образом. Но мы обязаны не мытьем, так катаньем навязать их для защиты наших интересов»[62]. Как показали последние события, в отношении к России американское руководство до сих пор руководствуется этим программным документом. И не стоит обольщаться: коммунистическая, демократическая или монархическая Россия всегда будет рассматриваться американскими стратегами как преграда на пути к мировому господству. Идеальным вариантом было бы, если бы здесь была ядерная пустыня с подземными рудниками.

Но кое в чем откровенность заокеанских стратегов нам полезна. Она облегчает распознавание реально, а не на словах патриотической власти в нашей стране. Та власть, которая по этим четырем пунктам проводит политику, противоположную заявленной авторами директивы, может считаться пророссийской. Если же она выполняет их предписания, то она враждебна интересам России, что бы она при этом ни говорила, как бы ни крестилась и какие бы песни ни пела.

Впрочем, в утешение плачущим можно вспомнить не приветствуемого у нас ни коммунистами, ни демократами

русского публициста Ивана Солоневича. Мысли по изучении курса русской истории его осенили примерно следующие. Было татарское иго. Где сейчас татары? А Россия стоит. Были поляки. Где они? А Россия стоит. Были немцы. Где сейчас Гитлер? А Россия стоит. Мы-то свои проблемы решим. Нам не привыкать строить на пепелищах. А что думают американцы делать со своим черным меньшинством, неуклонно превращающимся в большинство? С надвигающимся экономическим кризисом, грозящим в несколько раз снизить уровень потребления в обществе потребления? С ростом во всем мире антиамериканских настроений при том, что альтернативы — «коммунистической угрозы» — больше не существует?

Но мы отвлеклись. Вернемся в 40-е годы. Параллельно с глобальным политическим планированием шло и чисто военное планирование третьей мировой войны. По приказу комитета начальников штабов к середине 1948 года был составлен план «Чариотир». Согласно ему, в первые тридцать дней планировалось сбросить 133 атомные бомбы на 70 советских городов, в том числе 8 атомных бомб на Москву и 7 бомб — на Ленинград. На втором этапе, который должен был продлиться еще два года, предполагалось сбросить на СССР еще 200 атомных и 250 тысяч тонн обычных бомб. Не успел год закончиться, как по американским штабам был разослан новый план «Флитвуд».

Однако во всех этих планах заокеанские стратеги были вынуждены учитывать тогдашний уровень ядерного оружия, которое в тот период могло уничтожать лишь города, но было относительно малоэффективно против обычных вооруженных сил. Это обстоятельство, помноженное на обширность Советского Союза, вынуждало американцев признать, что, несмотря на уничтожение своих основных центров, русские войска смогут перейти в наступление и занять ключевые районы Евразии, поскольку на суше Советская Армия была гораздо сильнее американской. При подобном раскладе сил третья мировая война могла затянуться на неопределенный срок, и ее исход был более чем туманен. Принцип «доллары вместо солдат» в данном случае был неприменим, воевать пришлось бы своими силами. По поводу боеспособности русской армии, только что с грохотом прокатив-

шейся по Европе, ни у кого не было никаких иллюзий. Даже в случае полной победы потери американцев были бы колоссальны. А к военным потерям, как показал пример относительно бескровной вьетнамской войны, избалованное американское общество относилось резко отрицательно. Взбесившиеся от страха американские обыватели попросту скинули бы президента, как муху со стены.

Поскольку СССР тоже не собирался сидеть сложа руки и ждать, пока американцы исполнят свои стратегические планы, противостояние двух сверхдержав нарастало, и военный психоз постепенно становился нормой жизни. Так, оперативный план САК ЕВП 1—49, представленный комитету начальников штабов главнокомандующим американскими ВВС 21 декабря 1948 года, исходил уже из того, что война с Советским Союзом начнется до 1 апреля 1949 года. Стоит отметить, что почти к этой дате — а именно 4 апреля 1949 года — был официально образован военно-политический блок НАТО. Однако и этому плану не суждено было осуществиться — 25 сентября 1949 года ТАСС опубликовал официальное заявление о том, что Советский Союз располагает ядерным оружием.

Сначала американцы не поняли, что, собственно, произошло. Их первоначальная реакция была чисто механистической — новый план «Тройан», согласно которому начало войны передвигалось на 1 января 1950 года, а список целей расширялся до 100 советских городов, на которые в течение первых трех месяцев надлежало сбросить примерно 300 атомных бомб и 20 тысяч обыкновенных бомб. Однако постепенно осознание того, что мир переменился, что у Америки с СССР военно-стратегический паритет, пришло к американцам. Теперь в случае атомной войны участь Хиросимы и Нагасаки разделят не только советские, но и американские города.

Постепенно американцы стали понимать и другое: одним лишь массированным ядерным ударом третью мировую войну выиграть невозможно. Вывод о том, что одной атомной бомбы для победы над Советским Союзом явно недостаточно, нашел свое отражение в принципиально новом плане «Дропшот», разработанном комитетом начальников штабов по указанию правительства в 1949 году. По-

скольку стало очевидно, что начать превентивную войну против СССР в 1950 году нельзя, ее начало в очередной раз перенесли — на сей раз на 1 января 1957 года.

Первым принципиальным отличием этого плана от всех предыдущих было то, что он изначально предполагал: против Советского Союза на стороне США выступят все страны НАТО, которые поставят большинство наземных сил для будущих боев. (Все, что угодно, лишь бы воевать не своими руками!) В первый период войны предполагалось сбросить на СССР свыше 300 атомных и 250 тысяч тонн обычных бомб, которые должны были уничтожить до 85% советской промышленности. На втором этапе наступление с воздуха продолжается, а на третьем этапе при продолжающихся массированных бомбардировках в наступление переходят 250 дивизий НАТО общей численностью в 6 миллионов 250 тысяч человек. Всего же для выполнения плана «Дропшот» в полном объеме предусматривалось использование вооруженных сил стран-участниц численностью в 20 миллионов человек. Четвертый, заключительный, этап предусматривал оккупацию Советского Союза и его союзников силами 38 дивизий или 1 миллиона человек. Из них 23 дивизии должны были располагаться на территории нашей страны, которая заблаговременно подразделялась на четыре оккупационные зоны, которые, в свою очередь, делились на 22 подрайона.

Как видим, американские планы относительно России отличались от гитлеровских только одним существенным моментом — нацисты не предусматривали использование атомного оружия, и то всего лишь по той причине, что к тому времени оно не было еще изобретено.

Прекраснодушные вы наши...

Однако американцы были достаточными реалистами, чтобы понять: одной только военной силой СССР сломить не удастся. Поэтому вторым принципиальным отличием плана «Дропшот» было то, что в нем, наряду с чисто военными действиями, официально предусматривалось качественно новое явление — психологическая война, которую предполагалось вести как в мирное, так и в военное

время. Задолго до реального появления в Советском Союзе «диссидентов», американский военный план предусматривал их использование — своих союзников по ту сторону фронта. «Диссиденты» рассматривались заокеанскими стратегами как эффективное оружие против СССР, занимая в их арсенале достойное место наряду с атомной бомбой. Соответствующий текст плана гласил: «Будет труднее применять методы психологической войны к народу СССР, чем к народу Соединенных Штатов... (Это что же, надо понимать, что в США, в числе прочих, разрабатывались и планы психологической войны против собственного народа? — *Авт.*) Но психологическая война — чрезвычайно важное оружие для содействия диссидентству и предательству среди советского народа; подорвет его мораль, будет сеять смятение и создавать дезорганизацию в стране...

Широкая психологическая война — одна из важнейших задач Соединенных Штатов. Основная ее цель — уничтожение поддержки народами СССР и его сателлитов их нынешней системы правления и распространение среди народов СССР осознания, что свержение Политбюро в пределах реальности... Эффективного сопротивления или восстаний можно ожидать только тогда, когда западные союзники смогут предоставить материальную помощь и руководство и заверить диссидентов, что освобождение близко...»[63]. Что любопытно: в своих планах откровенные американцы фактически приравнивают диссидентство к предательству. И кто скажет, что они не правы?

Психологическая война занимала весьма важное место в общей стратегической концепции плана «Дропшот»: «Анализ: Начало или усиление психологической, экономической и подпольной войны, направленной как на дружественные, так и на вражеские группы или страны, сильно увеличит шансы на быстрое и успешное завершение войны, ибо поможет преодолеть волю врага в борьбе, поддержит моральный дух дружественных групп на вражеской территории, поднимет мораль дружественных стран и повлияет на отношение нейтральных стран в отношении союзников.

Этот тип войны может применяться и в мирное время как против СССР, так и дружественных стран, но она должна быть решительно усилена с началом боевых действий с

максимальным использованием психологических последствий воздушного наступления. Она потребует участия всех видов вооруженных сил для оказания помощи другим ведомствам в ее проведении...

Задача: Добиться интеграции психологической, экономической и подпольной войны и военных операций»[64].

Таким образом, если наивные коммунисты еще допускали возможность «мирного сосуществования двух противоположных общественно-политических систем», то американские демократы напрочь отвергли возможность сосуществования США и СССР на одной планете. Примечательна и готовность использовать методы психологической войны не только против потенциального врага, но и против дружественных Америке стран, и даже, как мы видели, против собственного народа. Доводящий политиков до безумия призрак мирового господства поглотил все.

То, что США не прочь поживиться даже за счет своих официальных союзников, имеющих колонии (Англии, Франции, Голландии, Бельгии, Португалии, Испании), стало ясно все в тот же год. Укрепив свои позиции в Европе с помощью «доктрины Трумэна» и «плана Маршалла», навязав свою волю западноевропейским «маршаллизованным» правительствам, Вашингтон принялся за их колонии в «третьем мире». Официально это нашло свое отражение в «четвертом пункте» программы действий правительства США, провозглашенной Трумэном при приеме президентских полномочий на новый срок 20 января 1949 года. Этот пункт провозглашал намерение США оказывать технико-экономическую помощь колониальным странам при условии, что они будут «учиться демократии» у Америки. «Четвертый пункт» стал точкой отсчета американского колониализма. В разоренном войной мире разбогатевшей на войне Америке совсем нетрудно было таким образом устанавливать свое господство в отсталых странах, вытесняя оттуда прежних колонизаторов.

Концепция психологической войны против Советского Союза сохранялась и в дальнейших американских планах. Так, 7 апреля 1950 года президенту Трумэну была представлена новая директива СНБ-68. Она рекомендовала, с одной стороны, резко увеличить военные приготовления США и их союзников, а с другой — «в целом сеять семена разруше-

ния внутри советской системы, с тем чтобы заставить Кремль, по крайней мере, изменить его политику... Но без превосходящей наличной и легко мобилизуемой военной мощи политика «сдерживания», которая, по своему существу, есть политика рассчитанного и постепенного принуждения, не больше чем блеф»[65]. Исходя из этого, рекомендовалось: «Нам нужно вести открытую психологическую войну с целью вызвать массовое предательство в отношении Советов и разрушать иные замыслы Кремля. Усилить позитивные и своевременные меры и операции тайными средствами в области экономической, политической и психологической войны с целью вызвать и поддержать волнения и восстания в избранных стратегически важных странах-сателлитах»[66].

Директива СНБ-68 определяла следующие конечные цели Америки:

«1. Мы должны быть сильными в утверждении наших ценностей в нашей национальной жизни и в развитии нашей военной и экономической мощи.

2. Мы должны руководить строительством успешно функционирующей политической и экономической системы свободного мира...

3. Но, помимо утверждения наших ценностей, наша политика и действия должны быть таковы, чтобы вызвать коренные изменения в характере советской системы, срыв замыслов Кремля — первый и важнейший шаг к этим изменениям. Совершенно очевидно, что это обойдется дешевле, но более эффективно, если эти изменения явятся в максимальной степени результатом действия внутренних сил советского общества...

Победу наверняка обеспечит срыв замыслов Кремля постепенным увеличением моральной и материальной силы свободного мира и перенесением ее в советский мир таким образом, чтобы осуществить внутренние изменения советской системы»[67].

На бумаге все эти планы и доктрины выглядели очень хорошо, однако против такого могучего и опытного противника, как Сталин, эти методы стоили немного. Америка уже три года официально проводила в жизнь доктрину «сдерживания» коммунизма, когда 25 июня 1950 года Северная Корея, за спиной которой стояли СССР и Китай, напала на Южную

Корею, где господствовал проамериканский режим. Затянувшаяся на три года кровопролитная война наглядно показала примерное равенство сил двух сверхдержав и их союзников. Развязанная на Корейском полуострове локальная авантюра чуть было не переросла в полномасштабную третью мировую войну, поскольку американские военные, оказавшиеся неспособными одержать победу обычным вооружением, более 20 раз поднимали вопрос о нанесении ядерных ударов по территории СССР и КНР. Но не посмели.

Черный ход, ведущий к перестройке

Время шло, и внешнеполитическая доктрина США становилась все более и более жесткой. Республиканцы, теоретиком которых был Д. Даллес (брат будущего директора ЦРУ), раскритиковали недостаточно антикоммунистическую политику «сдерживания» и взамен нее провозгласили новый курс — на «освобождение» от коммунизма народов, находящихся «под советским господством». (Особенно пропагандировалось «освобождение» во время американской избирательной кампании 1952 года.)

Новая доктрина быстро наполнялась реальным содержанием — правда, пока что не военным, а всего лишь административным. 10 октября 1951 года Трумэн подписал Закон 1951 года о взаимном обеспечении безопасности, именуемый также Законом 165. В сто первую статью этого закона вошла поправка сенатора Ч. Керстена об официальном ассигновании 100 миллионов долларов на подрывную деятельность против СССР и других социалистических стран. Эта огромная сумма (всему «третьему миру», по программе «четвертого пункта», в 1952 году США выделяли лишь 147 миллионов долларов) предназначалась для «любых отобранных лиц, проживающих в Советском Союзе, Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании... или лиц, бежавших из этих стран, либо для объединения их в подразделения вооруженных сил, поддерживающих Организацию Североатлантического договора, либо для других целей»[68]. В 1956 году конгресс принял решение об ассигновании дополнительно еще 25 миллионов на подрывную деятельность

против социалистического лагеря. Кроме того, 20 июня 1952 года конгресс США принял новый закон, который разрешал использовать для финансирования вышеуказанной подрывной деятельности любые дополнительные суммы за счет средств, отпущенных на мероприятия Североатлантического блока. Нечего и говорить, что все эти колоссальные по тем временам средства проходили через ЦРУ и другие разведорганы.

Это, конечно, мелочи, когда речь идет о торжестве демократии и прав человека, но принятием Закона 165 правительство США грубо нарушило обязательства, которые оно приняло на себя в 1933 году, при установлении дипломатических отношений между нашими странами. В соглашении по этому поводу особо оговаривалось, что правительства США и СССР взаимно обязуются «не создавать, не субсидировать, не поддерживать военные организации или группы, имеющие целью вооруженную борьбу» против другой страны, и «предупреждать всякую вербовку, предназначенную для подобных организаций и групп».

Идеи тайного проникновения и разложения противника были собраны и обобщены в начале 50-х в плане «глубокого подрыва», который предусматривал следующие мероприятия:

«1. Научно-исследовательская подготовка, то есть всестороннее изучение стран Восточной Европы с помощью широкой сети специальных учреждений.

2. «Психологическая обработка» объекта тайной войны — применение непрерывно действующей во все нарастающих масштабах и темпах системы подстрекательской пропаганды, направленной на то, чтобы максимально накалить атмосферу в данной стране. В частности, мыслилась широкая организация так называемой пропаганды шепотом с целью всяческого инспирирования контрреволюционных настроений.

3. Последовательное осуществление обширной программы различных мероприятий с целью маскировки ведущейся подрывной пропаганды (инсценировка представлений о якобы «революционных настроениях масс», будто бы выступающих против «коммунистической тирании»; маскировка контрреволюционной агентуры под «борцов за свободу» и т.п.).

4. Подготовка интервенции в страну — объект тайной войны (создание плацдармов, формирование на их территории военных контингентов и подготовка их для ведения «малой войны»; обучение тактике уличных боев и диверсионно-террористической деятельности; предварительная массовая заброска в эту страну подрывной агентуры; создание в ней опорных пунктов; мобилизация сил внутренней реакции и разработка плана взаимодействия с ней).

5. Осуществление интервенции по «испанскому» варианту (мероприятия по переброске через границу воинских формирований; снабжение сил контрреволюции вооружением, боеприпасами и специальным снаряжением).

6. Тактика «малой войны» в действии, провоцирование вооруженных столкновений и в результате их инсценировка «возмущения народных масс»; вооруженное нападение на заранее намеченные объекты (склады оружия, центральные партийные и государственные учреждения, органы госбезопасности и учреждения связи); раздача оружия всем желающим и вовлечение их в мятеж; освобождение из тюрем врагов народно-демократического режима и уголовных элементов и использование их в качестве участников «национальной революции»; организация «волны устрашения» — широчайшего террора против прогрессивных элементов путем убийств, грабежей, насилий; нарушение хозяйственной жизни страны с помощью провоцируемых забастовок («всеобщих», локальных, кратковременных, «итальянских»); срыв работы транспорта и средств связи; нарушение нормального снабжения населения продовольствием.

Все эти подрывные действия, по замыслу их организаторов, должны привести страну, против которой они направлены, в состояние полной анархии и хаоса, когда сравнительно легко можно было бы реализовать свои конечные цели — реставрировать в стране буржуазный строй. <...>

Весьма показательной «новинкой» в «стратегии» и «тактике» американской разведки является ставка на внедрение своей агентуры в рабочие организации, создание псевдорабочих организаций, направляемых агентами контрреволюции, «политическая обработка» рабочих масс в ходе «малой войны», то есть контрреволюционных выступлений.

Особенно важной частью плана операции «Ход с черного хода» были тщательно засекреченные мероприятия, относящиеся к проникновению в систему государственной безопасности социалистических стран.

К разработке деталей этой крупномасштабной операции были привлечены сотни специалистов различных профилей, а в реализацию вовлечены десятки тысяч агентов»[69].

Большинство из этих планов были реализованы в свое время и в своем месте. Тут можно вспомнить и польскую «Солидарность», и «народные восстания» в Румынии, и многое, многое другое...

Одновременно в рамках доктрины «освобождения» шло массированное наращивание обычных и ядерных вооружений. Только прямые военные расходы в 1953 году в три с половиной раза превысили уровень 1950 года. К гонке вооружений были привлечены и союзники — на апрельском заседании совета НАТО в 1953 году американцы навязали своим соратникам по блоку концепцию «постоянного наращивания сил», согласно которой европейские государства должны больше были все больше и больше заботиться о своей обороне, прибегая к помощи США лишь в крайнем случае. Как будто в еще не оправившейся после войны Европе у властей не было других забот!

Видя, что войну в Корее выиграть все равно не удастся, вашингтонская администрация высокопарно заявила, что в своем планировании она не собирается опускаться до «локальных войн». В качестве панацеи от всех бед сразу доктрина «освобождения» предусматривала нанесение мощного ядерного удара по противнику, и Д. Эйзенхауэр громогласно заявил: «Коммунистов надо заставить понять, что, если они предпримут крупный агрессивный шаг, мы ударим избранными нами средствами в самый центр коммунистической мощи». Провозглашая, что любой мало-мальски значимый инцидент неизбежно приведет к третьей мировой ядерной войне, новая американская внешнеполитическая доктрина скоро загнала весь мир в тупик, ибо уже тогда было ясно, чем грозит нашей планете эта война.

Глава 6

НОВАЯ ДУБИНКА «МИРОВОГО ЖАНДАРМА»

Разведка перестраивается и перестраивается

Конец Второй мировой и начало «холодной войны» было для американской разведки временем сложных маневров и политических интриг. Как мы уже говорили, несмотря на личную поддержку Рузвельта, УСС было ограничено в своей деятельности одной лишь Европой. Конкуренты не пустили Дикого Билла ни в Латинскую Америку, ни на Тихий океан, и возглавляемое им ведомство так и не стало центральным разведывательным органом США. Трумэн обрисовал бедственное положение американского президента (то есть себя) после окончания войны таким образом: «Необходимая ему информация поступала от различных ведомств. Военное министерство имело свое разведывательное управление — Джи-2, у флота своя разведка — управление военно-морской разведки. С одной стороны, госдепартамент получал информацию по дипломатическим каналам, с другой стороны — министерства финансов и сельского хозяйства имели собственные источники информации из различных частей мира о валютных, экономических и продовольственных проблемах. В войну ФБР вело некоторые операции за рубежом, и в довершение всего Управление стратегических служб (УСС), созданное президентом Рузвельтом и отданное под руководство генерала Уильяма Д. Донована, собирало за границей информацию. Разнобой в методах получения информации свидетельствовал, на мой взгляд, о дурной организации»[70].

Трумэн несколько сгустил краски, но, по сути, он был прав. Все это давно было ясно такому профессионалу, как Дикий Билл. В Европе еще вовсю шла война, а он уже ду-

мал о мире. 18 ноября 1944 года он направил Рузвельту секретный меморандум, в котором обрисовал свое видение центральной разведывательной службы в мирное время.

По Донована, эта служба должна находиться под руководством президента и подчиняться непосредственно ему. Она призвана координировать функции всех разведывательных организаций, вырабатывать политическую линию и определять им цели; собирать необходимую информацию, давать ей окончательную оценку и распространять ее в правительственных кругах; формировать и обучать кадры разведчиков и, наконец, проводить подрывные операции за рубежом.

Меморандум был сверхсекретный, однако информация о нем просочилась в газеты, которые в феврале следующего, 1945 года подняли грандиозный скандал. Инициатива Дикого Билла была подана публике как намерение президента завести свое «гестапо». По времени этот газетный скандал примерно совпал с очередным крупным провалом американской разведки, когда и УСС, и Джи-2 проглядели готовящееся немецкое наступление в Арденнах. В результате в целом правильный меморандум Донована президенту пришлось положить под сукно до лучших времен. Как впоследствии выяснилось, беспрецедентную утечку информации организовал самый серьезный конкурент УСС — могущественный глава ФБР Э. Гувер.

Вскоре Рузвельт умер, и его преемником стал Трумэн. Как отмечают исследователи, УСС было очень личным учреждением Рузвельта. Оружие, изготовленное по руке политического тяжеловеса, оказалось попросту неподъемным для недавнего провинциала. Кроме того, у Донована не было доверительных отношений с новым президентом. Удобным моментом поспешили воспользоваться все многочисленные конкуренты УСС. Кампанию организовал Гувер, а непосредственным поводом были выбраны... жалобы министра финансов Г. Смита на неправильное ведение отчетности в УСС! Кара за непростительную небрежность в оформлении бумажек была жестокой. 20 сентября 1945 года Трумэн подписал постановление о ликвидации ведомства Дикого Билла. Ликвидировалась, однако, лишь организационная форма, а не содержание, которое на халяву досталось конкурентам:

мозговой центр управления РА передавался в ведение госдепартамента, а подразделения агентурной разведки и контрразведка — в военное министерство.

Но неутихающее стремление к мировому господству и разворачивающаяся борьба с СССР очень скоро показали, что без централизованной разведслужбы все-таки не обойтись. Меморандум Донована был извлечен из-под сукна, но руководство процессом захватили военные. С основными идеями этого документа нового президента ознакомил председатель Объединенного комитета начальников штабов адмирал У. Леги... и сразу же отметил, что заместитель начальника разведки ВМС адмирал С. Сойерс уже разработал контрпредложения. Был учтен и немецкий опыт (то есть попросту изложена шпионская программа германского генерального штаба, полученная от немецкого разведчика Р. Гелена).

На этот раз инициатива, украденная у Донована, была успешной. Уже 22 января 1946 года Трумэн своим распоряжением создал Центральную разведывательную группу (ЦРГ), которой вернули некоторые функции УСС. Первым руководителем нового шпионского ведомства был поставлен адмирал Сойерс. Вскоре он Оушел в отставку, и руководство было передано генерал-лейтенанту Х. Ванденбергу из ВВС. Это назначение было крайне выгодным для свежесозданной службы. Новый руководитель был не только представителем военной элиты, но и племянником Трумэна, что вновь обеспечило централизованной разведслужбе личное покровительство президента и самый тесный контакт с главой государства. Чего не могут добиться логика и государственная необходимость, легко делает блат. Уже летом 1946 года Латинская Америка была отнята у могущественного Гувера и передана ЦРГ. Дяде и племяннику удалось то, что не вышло у гораздо более ярких и сильных личностей Рузвельта и Донована. Не желая возрождения старой игры в «перетягивание каната», президент, чтобы упредить нападки, создал орган надзора над ЦРГ — «Национальное разведывательное руководство» в составе госсекретаря, военного министра, министра ВМС и адмирала Леги как личного представителя президента.

При столь мощной поддержке сверху ЦРГ росла как на дрожжах. Если к моменту создания для нее был запланиро-

ван штат всего в 80 человек, то к июню 1946 года в штате ЦРГ было уже 1800 сотрудников. Треть из них работала за границей в составе Управления специальных операций (УСО), в том же Управлении в Вашингтоне трудилось еще около 400 человек, другие 600 исполняли административные функции, а собственно аналитической работой занималось всего 200 сотрудников. На основании их трудов президенту представлялась ежедневная подборка информации о том, что происходило в мире, а первым человеком, обычно посещавшим Трумэна в начале его рабочего дня, был директор ЦРГ.

Тем не менее, по мнению президента, вновь созданная структура еще не отвечала полностью требованиям «холодной войны». Не останавливаясь на достигнутом, он настойчиво искал наилучший вариант. По единодушному мнению исследователей, именно Трумэн внес огромный личный вклад в создание современной американской разведки. С. Сергеев пишет: «Трумэн по праву считается отцом «разведывательного сообщества». Ни одному другому президенту США не удалось сделать так много для организации тотального шпионажа как в своей стране, так и за ее пределами»[71]. В.В. Петрусенко подчеркивает: «Трумэн не только принимал личное активное участие в закладывании фундамента «разведывательного сообщества», но и, как ни один другой президент до него, стремился к усилению разведки, для чего он, в частности, вмонтировал в нее координирующий центр, подчиненный Белому дому. Президент считал «повелительной необходимостью» провести реорганизацию в максимально сжатые сроки»[72].

Для перестройки американской разведки был привлечен бывший резидент УСС в Швейцарии А. Даллес, не замедливший представить свой план организации центральной разведывательной службы. Заключительная реформа разведки была проведена в 1947 году в рамках общей реорганизации государственного аппарата. Принятый в июле 1947 года закон о национальной безопасности предусматривал создание или реорганизацию следующих ключевых ведомств: Совета национальной безопасности, министерства обороны, Комитета начальников штабов и Центрального разведывательного управления (ЦРУ). Централизованная разведка получила свое окончательное имя.

СНБ и ЦРУ

Очень интересным новообразованием стал Совет Национальной Безопасности (СНБ). Это был принципиально новый правительственный орган, возглавлявшийся лично президентом, высший совещательный орган, вырабатывавший консультативные решения по внутренним и международным аспектам безопасности США. По сути дела, СНБ, принимавший все без исключения важнейшие решения, подменил кабинет министров и принял на себя наиболее важные функции правительства — ни за что формально не отвечая. Прямо-таки Оруэлл в нашей (точнее, в их) жизни.

Поскольку по закону ЦРУ подчинялось напрямую СНБ, подобное положение дел создало атмосферу коллективной безответственности в принятии важнейших решений. Сами официальные историографы ЦРУ пишут об этом так: «В конечном итоге большая часть ответственности за размах подрывных действий и любые злоупотребления должна быть возложена на высших государственных деятелей. Процедура принятия решения в СНБ создала атмосферу неопределенности, что позволило рассматривать соответствующие акции без ограничений индивидуальной ответственности...»[73].

Статусу ЦРУ был посвящен раздел 102 закона о национальной безопасности. Пункт «г» данного раздела, сформулированный более чем растяжимо, определял следующие функции новой разведслужбы:

1) консультировать СНБ по вопросам, относящимся к такой разведывательной деятельности правительственных учреждений и ведомств США, которая имеет отношение к национальной безопасности;

2) давать рекомендации СНБ в отношении координации разведывательной деятельности различных ведомств;

3) обобщать разведывательную информацию и составлять ее оценки с точки зрения национальной безопасности, а также доводить ее до сведения определенных членов правительства;

4) выполнять для содействия существующим разведывательным агентствам дополнительные функции общего зна-

чения, которые по решению СНБ будет более эффективно осуществить централизованным путем;

5) осуществлять по указанию СНБ другие функции и обязанности, имеющие отношение к разведке и связанные с обеспечением национальной безопасности.

Согласно пункту «д» раздела 102, все имеющие отношение к национальной безопасности разведывательные данные правительственных ведомств и агентств должны были предоставляться в распоряжение директора ЦРУ для их обобщения, оценки и доведения до сведения определенных кругов. Границы интересов разведведомства определял СНБ и утверждал президент. Тем самым глава Центрального разведывательного управления официально ставился над всем разведывательным сообществом Соединенных Штатов. От прочих американских разведслужб ЦРУ отличалось еще и тем, что было единственным, кто обладал независимым административным статусом, в то время как остальные являлись составными частями военных и гражданских министерств. Формально новая структура появилась на свет 18 сентября 1947 года.

Организационно ЦРУ в начале 50-х годов состояло из четырех управлений. Управление планирования было сформировано на базе Управления секретными политическими операциями и Управления специальных операций. Ему была подчинена вся зарубежная агентурная сеть и находящиеся под различными «крышами» резидентуры ЦРУ за границей. Первым его начальником стал А. Даллес. Научно-исследовательское управление вело научно-техническую разведку, добывая информацию с помощью технических средств разведки и резидентур. Информационное управление обрабатывало как открытые источники, так и сведения, полученные агентурным путем, на их основе составляло доклады о политическом и экономическом положении в интересующих ЦРУ странах, а также выдавало научные прогнозы по различным вопросам. Административное управление обеспечивало материально-техническое обеспечение ЦРУ, а также организовывало бесперебойную работу связи, включая и разработку разнообразных шифров.

Как разведывательная организация, ЦРУ имеет целый ряд специфических свойств. Во-первых, от УСС оно унаследова-

ло не только основной костяк кадров, но и традицию привлекать к себе на службу представителей крупнейших монополий и интеллектуальной элиты страны. Второе — глобализм шпионской деятельности, вполне соответствующий глобальности американских притязаний. Американский исследователь Рэнсом еще на рубеже 50—60 годов писал: «Весь современный мир, его география, экономика и политика, его люди и социальные силы находятся под наблюдением и надзором Центрального разведывательного управления Америки». В-третьих, явная направленность острия всей деятельности управления против СССР как главного врага США. В-четвертых, огромный удельный вес в деятельности ЦРУ занимает не столько собственно разведка, сколько тайные подрывные операции, носящие подчас полувоенный характер, так что его с полным правом можно было бы назвать не разведывательным, а разведывательно-диверсионным управлением.

Судя по всему, эта последняя особенность закладывалась в новую организацию с самого ее начала. Более чем информированный автор Ф. Праути, занимавший ранее пост главного офицера связи Пентагона с ЦРУ, однозначно утверждает: «ЦРУ использует свою функцию разведки для прикрытия... оперативной работы. Больше того, ЦРУ использует собственную разведку как инициатора своих тайных операций. Именно это понравилось в свое время генералу Донована, когда президент Рузвельт спустил его с цепи во главе УСС, и именно это является движущей силой кадровых работников ЦРУ с тех пор»[74].

«Перекошенная» разведка

Первым поводом для проведения тайных операций стала серьезная озабоченность Вашингтона апрельскими выборами 1948 года в Италии. Там были сильны позиции левых сил. Уже на первом заседании СНБ 19 декабря 1947 года была принята директива 4/А, поручавшая тогдашнему директору ЦРУ Р. Хилленкоттеру начать «скрытые действия» с целью «предотвратить победу коммунистов на выборах в Италии». США развязали против Италии полно-

ценную психологическую войну. Ответственность за ее ведение была возложена на директора ЦРУ.

Вообще-то вмешательство во внутренние дела суверенных государств было категорически запрещено основополагающими документами ООН, подписанными также и США. Еще более неприглядным было то, что производилось вмешательство в дела официального союзника Соединенных Штатов. Но до того ли, когда союзник нехорошо себя ведет? Да и из истории мы знаем, что союзнические обязательства США понимали весьма специфично.

Во исполнение этого решения ЦРУ секретно финансировало итальянские буржуазные партии, поставляло им антикоммунистическую информацию, тайно вело широкую пропагандистскую кампанию, создавало подставные организации, члены которых срывали митинги левых партий, распускало слухи о военном перевороте в случае победы левых и т.п. А в качестве дополнительной гарантии свободного демократического волеизъявления итальянцев в момент выборов к берегам Италии был двинут американский флот. В результате всего этого левые проиграли выборы на Апеннинском полуострове.

В Вашингтоне эффект от первого успеха был колоссален. Американские власти решили, что открыто наконец волшебное универсальное средство для решения всех проблем. Незамедлительно решено было всемерно использовать итальянский опыт и сделать его системой. В мае 1948 года, то есть на следующий месяц после выборов в Италии, Кеннан выступил за создание условий, дающих возможность США постоянно осуществлять тайные политические акции.

Инициатива была тут же подхвачена, и 18 июня 1948 года на свет появилась директива СНБ 10/2, согласно которой создавалась специальная организация для осуществления подрывных операций. Ее руководитель назначался госсекретарем, подчинялся ему и министру обороны, а финансы и аппарат получал от ЦРУ (вскоре монополизировавшего этот вид деятельности). Применявшиеся в Италии методы постепенно расширились. К ним прибавились: организация государственных переворотов в «неугодных» государствах с установлением там проамериканских режимов, саботаж и

диверсии, убийства политических деятелей и многое другое, столь же отвечающее международным нормам.

Даже бывший сотрудник и апологет ЦРУ Р. Клайн признает, что наряду с политическими и экономическими мерами тайные акции откровенно предусматривали и квазивоенные (читай «диверсионные») операции. Уже в директиве 10/2 приводился следующий впечатляющий перечень тайных операций: «пропаганда, экономическая война; превентивные прямые акции, включая саботаж, контрсаботаж, взрывание; эвакуационные меры; подрывные действия против враждебных государств, включая поддержку подпольных групп сопротивления и поддержку местных антикоммунистических элементов в подвергающихся угрозам странах свободного мира»[75]. Вероятно, по праву будущего властелина мира Трумэн наделил новую шпионско-подрывную организацию полномочиями грубо вмешиваться во внутренние дела практически всех государств.

Любопытно, что сами американцы великолепно отдавали себе отчет в полнейшей незаконности своих действий. Когда в связи с итальянскими событиями тогдашний глава ЦРУ Хилленкоттер запросил мнение главного юрисконсульта своего ведомства Л. Хьюстона — допустимы ли тайные подрывные операции с точки зрения американского Закона 1947 года о национальной безопасности (не говоря уж о международном праве), то услышал отрицательный ответ. Совершенно ясно понимали это и высшие члены американского правительства, входящие в СНБ. Именно поэтому их директива 10/2 обязательным условием тайных акций ставила «планирование и проведение операций таким образом, чтобы никому, кроме доверенных лиц, не была очевидна какая-либо ответственность за них правительства США и чтобы в случае их раскрытия правительство США могло правдоподобно отрицать какую-либо причастность к ним»[76]. (Неплохо бы написанную большими буквами, чтобы всем было хорошо видно, копию этой директивы вывесить во всех, без исключения, залах «международных трибуналов», начиная от ООН и кончая демократическими правозащитными тусовками. Уж очень они любят обсуждать, не содержится ли нарушений законов в деятельности как советского, так и российского правительства — так пусть на оплот своей демократии посмотрят...)

Категорическое требование всеми силами «отмазывать» правительство США (да и общий дух американской внешней политики) обусловило одно особенно неприглядное свойство тайных подрывных операций ЦРУ — ведомство всегда стремилось осуществить их чужими руками. На себя оно брало лишь планирование, общее руководство, снабжение деньгами, оружием и поддельными документами. А чтобы разведслужбе было еще удобней заниматься тайными войнами, Трумэн в 1949 году провел через конгресс новый закон о ЦРУ, в котором за этой организацией закреплялись две прерогативы: неограниченное и практически неконтролируемое расходование бюджетных средств, а также освобождение от юридического надзора со стороны министерства юстиции.

Господа из Управления очень быстро вошли во вкус, и началось лавинообразное увеличение числа подрывных операций во все возрастающем количестве стран мира. Более чем осведомленный Р. Клайн свидетельствует: «Разразившаяся в июне 1950 года война в Корее вынудила ЦРУ разработать обширную программу тайных политических акций, включая и действия военизированных формирований в Азии. К 1953 году тайные операции осуществлялись ЦРУ в 48-ми странах»[77].

С течением времени под привычную практику подвели и теоретическую базу. В 1981 году вышла в свет книга бывшего заместителя начальника Директората разведывательных операций ЦРУ Т. Шэкли «Третий путь. Американский подход к контрповстанческим операциям», написанная с помощью группы из 13 профессиональных разведчиков, дипломатов и военных. «Третий путь» — это слово из жаргона американских разведчиков. Первый путь — это ведение внешнеполитических дел посредством дипломатии, второй — война, а третий — тайные, в основном полувоенные, операции. Целью «третьего пути», с похвальной откровенностью признает Т. Шэкли, является «подчинение американскому влиянию целых народов и отдельных людей и придание событиям нужного для США характера, и все это без раскрытия источника и организатора данной деятельности»[78]. По простому говоря, не только «мировой жандарм», но и «мировой провокатор».

Гипертрофированное увлечение «третьим путем» привело к резкому перекосу во всей деятельности ЦРУ. Комментируя книгу одного из самых известных деятелей ЦРУ А. Даллеса «Искусство разведки», уже упоминавшийся выше Ф. Праути отмечает: «Хотя Аллен Даллес не сказал этого в своей книге, его концепция разведки предусматривает: 10 процентов обычной разведки и 90 процентов тайной подрывной работы. Другими словами, мы должны, по мысли Даллеса, быть круглосуточно заняты по всему миру, противодействуя по «всем аспектам тайной войны». Под этим он имеет в виду вмешательство во внутренние дела других стран независимо от того, знают или разрешают они это. Именно этим и занимались Соединенные Штаты во всевозрастающей степени, начиная от вмешательства в Берлине и Иране в сороковые годы. Кульминационной точкой этого образа действия была страшная катастрофа во Вьетнаме, где дело началось с крупной операции силами разведки, затем наступила стадия тайной подрывной работы, неизбежно перешедшая в открытую войну в эру Джонсона»[79]. Даже если пропорция и слегка преувеличена, то тем не менее перекос в сторону тайных операций столь велик, что сразу бросается в глаза любому стороннему наблюдателю.

Если взять за точку отсчета объем денежных средств, израсходованных на каждую из сторон деятельности ЦРУ, то получаемое по официальной бухгалтерской отчетности соотношение очень близко к пропорции Ф. Праути. Созданный Д. Эйзенхауэром президентский совет по разведывательной деятельности (ПСРД) в феврале 1957 года докладывал президенту, что тайные подрывные операции поглощают более 80% всего бюджета ЦРУ. Два члена ПСРД отметили, что эта деятельность уже превратилась в самоцель в ущерб собственно разведке: «Налицо возросшее вмешательство во внутренние дела других стран. Этим занимаются способные, высокообразованные молодые люди, которые все время должны что-либо делать, чтобы оправдать свои должности... Не покладая рук сотрудники ЦРУ, снабженные деньгами и привилегиями, возводят на троны королей, разыгрывают интриги, доставляющие им удовольствие, добиваются «успехов» и замалчивают свои провалы. Весь этот бизнес намного проще, чем сбор разведывательной инфор-

мации посредством обычных методов»[80]. Один из авторов доклада Д. Брус (бывший руководящий сотрудник УСС) совершенно справедливо задается вопросом: по какому праву агенты ЦРУ вторгаются в другие страны и в лучшем случае покупают там газеты, дают деньги оппозиционным партиям и поддерживают кандидата на тот или иной пост, что является вопиющим вмешательством в дела дружественных стран. Даже формулирование целей в планах тайных подрывных операций (во внутренней документации ЦРУ) носило стереотипный характер: «срыв планов Советского Союза» или удержание «третьих стран» в «прозападной ориентации». Этими клише неизменно оправдывались все подрывные акции ЦРУ вне зависимости от их подлинной необходимости.

Так что можно с уверенностью сказать, что Центральное разведывательное управление является не столько разведкой в традиционном смысле этого слова, сколько структурой для проведения тайных операций в других странах — несомненно, это одна из наиболее ярких отличительных черт ЦРУ по сравнению с другими разведслужбами. Нельзя не согласиться с утверждением советского исследователя Н.Н. Яковлева: «В широком плане ЦРУ — один из важнейших и, вероятно, самый острый инструмент правящей элиты США для перечеканки мира по американскому образцу, насаждения в нем порядков, угодных Вашингтону»[81]. Практически с момента создания за этим «разведывательным» управлением было юридически закреплено «право» вмешиваться во внутренние дела как друзей, так и врагов Америки. Это наглядно свидетельствует о том, что ЦРУ на самом деле является не столько разведкой, сколько органом для установления американского мирового господства.

О том же говорит и избранное для Совета национальной безопасности название. После Второй мировой войны США были крупнейшей и могущественной державой капиталистического мира — что могло угрожать их безопасности? На самом деле в трактовке вашингтонской элиты «национальная безопасность» США распространялась на все сферы реального или потенциального американского влияния в мире и на те территории, где США планировали установить или укрепить свое господство. По этой логике, зоной

«национальной безопасности» США являлся весь мир, а Совет национальной безопасности, формально являющийся лишь консультативным органом при американском президенте, начал пытаться из Вашингтона определять судьбы всего человечества.

Однако увлечение тайными операциями имело и оборотную сторону. Ею стала относительная слабость ЦРУ как разведки, причем на достаточно длительный срок. Это признают не только враги, но и друзья этой организации. Бывший сотрудник ЦРУ Р. Клайн дипломатично пишет в своей книге: «Один из самых больших секретов ЦРУ состоит в том, что его разведывательная деятельность в значительной степени — как с количественной, так и с качественной точек зрения — опирается на помощь разведывательных служб дружественных стран. Существенная часть получаемых от этих служб разведывательных данных распространяется в Вашингтоне в качестве обычных информационных докладов ЦРУ, так что мало кто знает, в чем тут разница»[82]. Чуть ниже он отмечает большую ценность информации, полученной в результате технического перехвата, констатируя, что «таковые не были бы возможны, когда бы не контакты с нашими союзниками».

Факты свидетельствуют, что Клайн очень поскромничал. По данным исследователей, на первых порах в Европе, важнейшем для США регионе, у американцев не было разветвленной агентурной сети и около 70% секретной информации ЦРУ получало от английской разведки! Пользуясь этим, практичные англичане дали понять, что коли так вышло, то они должны «владеть всеми шпионами», а американцы — финансировать их операции. Скрипя зубами, янки вынуждены были подчиниться этим унизительным условиям, и подчинялись до 60-х годов, пока наконец не покончили с превосходством Великобритании в сфере разведки. Более десяти лет американцы, из-за неуемной тяги к спецоперациям, вынуждены были в области разведки довольствоваться ролью богатого и глупого родственника.

Кадровая служба «Стервятник»

Верное концепции проведения подрывных операций чужими руками, ЦРУ засылало в СССР шпионов и диверсантов, в основном не самостоятельно, а через английскую Сикрет интеллидженс сервис и западногерманскую службу Гелена. Шпионы эти вербовались из разного рода эмигрантов, в том числе и бывших гитлеровцев и их пособников. Идея поживиться кадрами на обломках Третьего рейха стала у американцев претворяться в последовательную политику уже в момент окончания Второй мировой войны. Для поиска полезных людей среди немцев были образованы специальные команды под руководством А. Даллеса (по линии УСС) и генерала Э. Зиберта (по линии военной разведки). Под категорию полезных в первую очередь попадали технические специалисты, физики-ядерщики и специалисты по Востоку.

Нужных людей брали как оптом, так и в розницу. В мае 1982 года бывший сотрудник министерства юстиции Д. Лофтиус передал в печать сведения, что после победы над Германией УСС, а затем ЦРУ тайно обеспечило въезд в США примерно 300 гитлеровским пособникам, совершившим преступления на территории Белоруссии. (А какие именно преступления совершали гитлеровцы на территории Белоруссии, думаю, пока что русским людям объяснять не надо.) Все они впоследствии были использованы в качестве шпионов и пропагандистов против СССР во время «холодной войны».

Однако эта операция выглядит мелкой самодеятельностью по сравнению со сделкой, заключенной с начальником разведывательного отдела «Иностранные армии Востока» штаба германских сухопутных войск генерал-майором Р. Геленом. Тот предусмотрительно скопировал всю имеющуюся у него разведывательную информацию по Советскому Союзу и уже в мае 1945 года поспешил передать ее американцам. Усердие Гелена было оценено, и он был доставлен в Вашингтон, где поразил руководящий состав американских разведслужб своими знаниями об СССР. После чего генерал предложил передать американцам всю гитлеровскую агентуру оптом. Те немедленно согласились, и сначала УСС,

а затем ЦРУ взяло на себя материальное и финансовое обеспечение новой немецкой разведки, укомплектованной старыми нацистскими кадрами.

Генерал Гроу и его дневник

Но надо все же быть справедливыми. ЦРУ не ограничивалось использованием только англичан и немцев. Вскоре американцы начали самостоятельно вести разведку против своего главного врага. Представление, как в то время добывалась разведывательная информация о Советском Союзе, дает история бывшего американского военного атташе в Москве, генерал-майора Гроу.

Итак, генерал-майор Роберт Уолкер Гроу прибыл в Москву в августе 1950 года. До назначения в Москву он несколько лет возглавлял американскую военную миссию в Иране. Должно быть, Иран его и испортил. В современной сверхдержаве с развитой службой безопасности нельзя вести себя так же, как в «третьем мире». Этого-то генерал и не учел, поведя себя с привычной американской бесцеремонностью.

Генерал Гроу любил автомобильные поездки. Сначала он ездил по Москве и Московской области. Туризм — дело хорошее. Но почему-то генерала больше всего интересовали не дворцы и музеи; а промышленные и военные объекты, мосты, высотные здания. Все интересующие его объекты генерал исправно наносил на карту. Причем генерал не брезговал и лазить через заборы воинских частей, подглядывать сквозь дырки в заборах.

Затем генерал переключился на страну. Так, 28 ноября 1950 года он с женой и одним из сотрудников съездил в Псков, где пытался попасть на военный аэродром, и даже сфотографировал мост через реку Великую. Сотрудники МГБ отобрали у генерала пленку. Однако это его только воодушевило. В течение 1951 года генерал побывал во Владимире, Орле, Калуге, Тбилиси, Муроме, Ельце, Пензе. И везде интересовался воинскими частями и промышленными предприятиями.

Естественно, МГБ заинтересовалось энергичным генералом. И тут выяснилось нечто совершенно невероятное:

военный атташе вел дневник! Сотрудники МГБ довольно быстро нашли доступ к этому интимному документу и сфотографировали его. Результаты доложили Сталину. Должно быть, вождь получил немалое удовольствие, читая страницы дневника.

«20 января. Суббота. Буш и я в течение трех часов в снегопад разъезжали по восточной и юго-восточной частям города: обнаружили три зенитные батареи.

21 марта. Среда. Поул зашел ко мне, сообщил данные о зенитной батарее в Ленинграде и подтвердил наши наблюдения, произведенные здесь. Вечером я составил проект доклада о заводе, за которым мы ведем наблюдение в течение шести месяцев»[83]. И т.д., и т.п.

Записывал атташе в дневник и свои размышления и пожелания: «Наши разведывательные органы должны стараться постоянно выискивать и сообщать как достижения, так и слабые стороны противника. Мы должны использовать все средства, чтобы подорвать доверие и преданность советских людей к своему строю. Мы должны заставить потерять веру в коммунистическое руководство»[84]. Какое открытие, какая глубина мысли!

После этого встал вопрос: что делать с генералом? С одной стороны, полученных легальным путем доказательств его шпионской деятельности вроде как бы не было, а не пойман — не вор. Высылать американского военного атташе напрямую, еще больше обостряя и без того непростые советско-американские отношения, не хотелось. Кроме того, если действовать легально, можно было засветить используемых агентов — а они еще пригодятся. И тогда решено было скомпрометировать генерала, благо глупость его превосходила всякое разумение.

В декабре 1951 года в Западном Берлине появилась книга английского офицера Р. Сквайрса «Дорогами войны», где использовался текст дневника Гроу. Секрет прост: фотокопии дневника были переданы в министерство государственной безопасности ГДР, которое и снабдило ими автора книги, упомянувшего, в свою очередь, что материалы он получил во время пребывания военного атташе в английской зоне оккупации Германии. Скандал был колоссальный. Генерал был тут же вызван в Штаты для объяснений и обратно уже

не вернулся. Летом 1952 года генерал-майор Гроу был осужден американским военным трибуналом за проведение разведывательной работы без должной конспирации. Надо бы за глупость — но за глупость не судят.

Можно привести и еще примеры. В августе 1946 года правительство США обратилось к правительству СССР с просьбой разрешить помощнику американского военно-морского атташе выполнять функции представителя по морским перевозкам и по обслуживанию команд судов США в Одессе. Ответ был положительный. Представителем в Одессе был назначен лейтенант Дрейер, кадровый офицер разведки ВМС. На новом месте службы лейтенант завербовал сотрудника одесской таможни Е., который, по его заданию, собирал секретную информацию и передавал ее вернувшемуся в Москву Дрейеру. В апреле 1948 года во время одной из таких встреч в здании московской таможни прямо в момент передачи информации Е. и Дрейер были пойманы с поличным.

Каковы данные, таковы и прогнозы

Не успело ЦРУ в январе 1946 года появиться на свет, как уже в марте получило приказ: совместно с разведкой армии, авиации и флота в максимально кратчайший срок дать самую квалифицированную оценку Советскому Союзу. Как вспоминали потом участники этого проекта, широко задуманное исследование началось в атмосфере лихорадочной поспешности. Протекало оно не лучше, чем началось, поскольку каждое из участвовавших в проекте ведомств преследовало только свои выгоды и тянуло общее одеяло на себя. (Несмотря на всю спешку, исследование заняло целых два года и окончилось лишь в марте 1948 года.)

Согласно таблице, опубликованной Рэнсомом, разведка США через своих тайных агентов получала 20% информации. 25% в совокупности давало печать, радио, туристы, опубликованные документы и другие открытые источники информации. Примерно столько же информации можно было извлечь из докладов государственного департамента и пра-

вительственных учреждений за границей. Больше всего, а именно 30%, разведывательной информации давали военные атташе, аккредитованные при посольствах. Надо думать, примерно такое же соотношение было справедливо и относительно СССР — с необходимой поправкой на, как говорили сами американцы, «беспрецедентную эффективность советских сил безопасности».

Нечего и говорить, что получаемые подобным образом данные были скудны и фрагментарны и на их основе нельзя было делать серьезные выводы. Как свидетельствует Р. Клайн, в этот период аналитические труды ЦРУ в основном сводились к составлению ежедневных докладов президенту по данным текущей разведки. Поздно, только в 1949 году, центральное «разведывательное» управление начало обращать особое внимание и на имеющее стратегическое значение положение дел в научной и технологической областях, для чего было создано специальное аналитическое подразделение.

С глобальными прогнозами американцы постоянно попадали пальцем в небо. Окончательное взятие коммунистами власти в Чехословакии, произошедшее в начале 1948 года, так напугало американцев, что они со дня на день ждали советского вторжения в Западную Европу и, как следствие, третью мировую войну. Это не так смешно, как могло бы показаться, если учесть, что среди ожидавших начала войны был и командующий американскими войсками в Европе, генерал Лукас Клей.

Как вспоминает тот же Р. Клайн, в Вашингтоне тогда на каждом углу слышались предсказания, что третья мировая война разразится, как только Советскому Союзу удастся создать свою атомную бомбу. (Надо думать, что среди предсказателей было немало и сотрудников того ведомства, в котором служил Клайн.) На следующий год советское ядерное оружие было создано, но война, вопреки всем ожиданиям, не разразилась. Несмотря на это, ЦРУ с завидным постоянством продолжало «прогнозировать» неизбежную советскую агрессию на следующий год, а когда тот проходил, передвигало нападение СССР еще на год. Бывший член Совета национальных разведывательных оценок ЦРУ Форрест ван Слик отмечает: «В анализах разведки не было сомне-

ний, что русские нападут в Европе. Решался лишь вопрос, когда это произойдет: в 1950 или 1951 году или они подождут до 1955 году»[85].

В обстановке военного психоза, постоянного ожидания советской агрессии и столь же постоянной разработки планов собственного превентивного удара, в угаре от успешных подрывных операций рождались самые бредовые замыслы. Как вспоминает Т. Пауэрс, в один прекрасный день 1950 года в одно оперативное управление ЦРУ явились три полковника связи ВВС и принесли с собой очередную «заявку», заверив, что она тщательно продумана. Исходя из того, что начало третьей мировой войны, по очередным данным американских аналитиков, было назначено на 1 июля 1952 года, военные хотели от ЦРУ, чтобы к этому сроку на каждом советском аэродроме был бы диверсант с грузом взрывчатки. Согласно тщательно продуманному гениальному плану, в момент начала войны все аэродромы взрывались, Советский Союз оставался без авиации и становился беззащитным перед американским ударом.

Несколько обалдевшие от смелости и стремительности воздушных асов разведчики уже было согласились и обещали выполнить заявку, но один из сотрудников ЦРУ, все же несколько усомнился и спросил (!!!) у военных, сколько же всего у Советов аэродромов. Полковники бодро ответили, что их около двух тысяч. Только тут до разведчиков стало доходить, что по этой заявке им менее чем за два года надо будет подготовить и отправить по крайней мере две тысячи агентов, и с ними неизвестно сколько тонн взрывчатки. «Тщательно» продуманная идея угасла сама собой, но все здесь изумительно — и тупость военных, и вопиющая неосведомленность разведчиков, не знающих даже, сколько аэродромов имеется у их главного врага, и бестрепетная готовность тут же выслать на это неведомое количество неведомо где расположенных аэродромов диверсантов. «А че?! Ты нам только укажи, боярин, а мы враз...»

Другим, может быть, менее колоритным, но не менее показательным примером могут служить глубокомысленные размышления уже упоминавшегося Гроу, записанные им в своем дневнике в 1951 году. Нисколько не сомневаясь в скором начале войны и победе Америки, военный атташе

писал: «Новая проблема заключается в том, что мы должны делать, чтобы заполнить пустоту, которая образуется после уничтожения советского режима. Новое руководство не может быть образовано импровизированным способом, оно должно быть создано заранее»[86]. Учитывая, что еще продолжалось железное правление Сталина, нельзя не признать — американский разведчик нашел себе самую актуальную тему для беспокойства!

Реальная война, начавшаяся на Корейском полуострове в июне 1950 года, показала, что неплохо бы все-таки перейти от прогнозов даты нападения и забот о формировании будущего русского правительства к более тщательному изучению своего главного врага. Хотя и несколько прибедняясь, Р. Клайн пишет: «...Понадобился такой стимул, как корейская война, чтобы ЦРУ начало набирать силу, получило фонды и обзавелось штатом достаточным, чтобы действовать как поистине центральная разведывательная организация. Можно сказать, что ЦРУ в том виде, в каком оно известно теперь, оформилось и вышло на арену действительно к 1953 году»[87]. Для усиления советского направления главой ЦРУ в октябре 1950 года был назначен генерал У.Б. Смит, сразу после окончания войны работавший американским послом в Советском Союзе и потому считавшийся знатоком русских.

Новый глава ЦРУ был фигурой колоритной и в некоторой степени даже легендарной, подобно одному нашему известному военачальнику времен Гражданской войны, ставшему героем многочисленных анекдотов. Формальное образование генерала не превышало уровня средней школы. Придя в армию еще во время Первой мировой войны, он шаг за шагом делал военную карьеру. Сослуживцы характеризовали его как человека проницательного и динамичного, обладавшего самым ровным в мире характером — он всегда пребывал в гневе. Тем не менее ему хватило ума создать (или, по крайней мере, не угробить идею создания) Управление национальных оценок — аналитическую организацию, занявшую самую верхнюю ступень в иерархии ЦРУ.

«Фабрика диссидентов»

Но еще до прихода Смита ЦРУ начало осуществлять ряд крупномасштабных проектов, направленных против Советского Союза. В первую очередь это была психологическая война — любимое детище СНБ. Официальная история ЦРУ гласит: «Дипломаты и военные, разумеется, хотели сохранить контроль за тайными операциями «психологический войны», но не хотели нести ответственности за оперативную работу. Министерства боялись разоблачения их связи с проведением этих деликатных операций. ЦРУ предоставляло все преимущества для проведения тайных операций. Больше того, по положению на 1947 год треть сотрудников ЦРУ были выходцами из УСС. Наличие кадров бывшего УСС, имевших опыт в этих делах в военное время, давало возможность ЦРУ быстро планировать и проводить надлежащие действия. Это, в сочетании с имевшимся аппаратом обеспечения за рубежом, дало возможность ЦРУ немедленно приступить к действиям. Кроме того, ЦРУ располагало неподотчетными фондами для шпионажа, следовательно, не было необходимости обращаться к конгрессу за дополнительными ассигнованиями»[88].

На что же расходовались как «основные», так и «дополнительные» ассигнования? Существенная часть их шла на психологическую войну. Еще в 1948 году, во время истории с итальянскими выборами, директивой СНБ 4/А этот род операции определялся следующим образом: «Ведение пропаганды, в том числе с использованием анонимных, фальсифицированных или негласно субсидируемых публикаций, политические действия с привлечением лиц без гражданства, изменников и поддержка политических партий; квазивоенные методы, включая помощь повстанцам и саботаж; экономические действия, связанные с валютными операциями»[89].

ЦРУ быстро набирало опыт, и уже в 1949 году в служебных наставлениях американских спецслужб «психологическая война» определялась так: «Координация и использование всех средств, включая моральные и физические (исключая военные операции регулярной армии, но используя их психологические результаты), при помощи которых унич-

тожается воля врага к победе, подрываются его политические и экономические возможности для этого; враг лишается поддержки, помощи и симпатии его союзников и нейтралов или предотвращается получение им такой поддержки, помощи или симпатий; создается, поддерживается или увеличивается воля к победе нашего собственного народа и его союзников; приобретается, поддерживается и увеличивается поддержка, помощь и симпатии нейтралов»[90].

Теперь все эти методы в превосходной степени были задействованы против СССР. Исходя из них, американцы и начали действовать. Для уничтожения воли врага к победе, как полагали советологи, прежде всего необходимо разрушить в умах советских людей так называемый «комплекс Ленина». Что это такое, знали только они, а точнее, и они не знали, поскольку, прежде чем разрушать, этот комплекс следовало изучить. ЦРУ щедро профинансировало целый ряд специальных научных проектов. Один из наиболее засекреченных носил название «Гарвардский». Профессор Стратфордского университета С.П. Новиков характеризует его так: «Об этом «Гарвардском проекте» известно, что в нем содержится обширное психологическое исследование новой эмиграции из СССР, так сказать, гомо советикус, что над ним работали лучшие американские советологи, что на этот проект было ассигновано несколько миллионов долларов и что он был подготовлен в 1945—1951 годах в основном в Мюнхене. В процессе работы над этим проектом сотни советских беженцев подверглись специальным психологическим исследованиям вплоть до интимнейших интервью на сексуальные темы, где каждое слово записывалось на магнитофон. Давались и другие тесты, где с помощью психоанализа выясняли различные психологические комплексы. Одним из таких комплексов был «комплекс Ленина»[91]. Программа-минимум «Гарвардского проекта» состояла в том, чтобы посеять в будущих советских поколениях сомнения в ленинизме, являющемся «ошибкой истории». (Впрочем, против этого трудно что-либо иметь. Можно сказать, что на этой стадии «Гарвардский проект» работал на Россию.) Программа-максимум предполагала разрушение любви к Родине и замену патриотизма «общечеловеческими ценностями». Этот проект каждый год дополнялся новыми научными

разработками. Гарвардский университет и созданный при нем «Русский исследовательский центр» был не единственным центром тщательного изучения Советского Союза. 1 июня 1946 года при Колумбийском университете также был открыт Русский институт, руководителем которого стал Д. Робинсон — советолог и руководитель русского отдела в УСС. К выполнению этой задачи привлекались и другие научные заведения.

Теоретики психологической войны делали ставку в первую очередь на разложение интеллигенции: «...Психологическая война — это использование способности современного мира рассуждать. Гораздо более может быть выиграно обольщением и обманом, чем принуждением. Пишущий мир, читающий мир, ученый мир — все они живут рассуждениями... Общественный разум — это что-то вроде сосуда с водой, в который фразы и мысли вливаются, как кислоты, причем заранее известно, какая должна произойти реакция... Мысли, умело внедренные в сознание людей, — это пули, разящие насмерть...»[92]. Абсолютно точное описание того, что произошло с нашей интеллигенцией, поставившей разум над совестью, не сообразив, что в интеллектуальных играх побеждает не тот, кто прав, а тот, кто более изощрен в рассуждениях. Всю перестройку можно квалифицировать как одно колоссальное обольщение. Вот уж поистине горе от ума!

Советы ученых мужей не пропали втуне. Планированием зарубежной пропаганды в Вашингтоне стал заниматься специальный орган — «Аппарат по связям с общественностью за рубежом». В 1949 году ему из государственного бюджета было выделено 31,2 миллиона долларов, а в 1950-м — 47,3 миллиона. Хотя суммы по тем временам были гигантские, но все равно этого показалось мало, и в 1951 году в США был создан новый орган — Управление психологической стратегии, подчиненное непосредственно президенту. Функции новой структуры заключались в том, чтобы «предусмотреть и обеспечить более эффективное планирование, координацию и проведение психологических операций в пределах принятой национальной политики». Управление отвечало «за формулирование общих психологических целей, программ и политики, за их распространение в качестве руководящих указаний среди департаментов и

агентов, ответственных за психологические операции, и за координацию и оценку национальных психологических усилий». И снова Оруэлл и жизнь! Возглавить данное Управление психологической стратегии было предложено директору ЦРУ.

В порядке «национальных психологических усилий» в 1949 году «группа граждан» образовала в Нью-Йорке Национальный комитет за свободную Европу, в состав которого вошли будущий президент США Д. Эйзенхауэр, будущий директор ЦРУ А. Даллес, американские генералы, послы, военные. Высокопоставленные и облеченные властью американцы, трепетно пекущиеся об освобождении Европы, которая их об этом совсем не просила, внесли в международную политику ощутимый аромат паранойи. А еще говорят, что она не заразна!

Затем пошло как у Агаты Кристи — чем дальше, тем увлекательней. Радиостанция этого комитета расположилась в Мюнхене и занялась активным вещанием на социалистические страны. Эфирных ресурсов радиостанции «Свободная Европа» его учредителям показалось мало. В 1951 году, также «частными лицами», был образован Американский комитет освобождения от большевизма. Освобождать, по-видимому, предполагалось опять же не Америку, потому что радиоцентр этого комитета разместился все в том же Мюнхене. Поначалу он назывался «Освобождение», а затем был переименован в «Свободу». Эта радиостанция начала регулярное вещание на СССР, уж не знаю, по многозначительному совпадению или нет, с марта 1953 года, на 16 языках народов СССР. Американское руководство, сияя честными голубыми глазами, утверждало, что обе радиостанции не принадлежат США и содержатся на частные пожертвования. Но на самом деле их финансировало и укомплектовывало кадрами ЦРУ, что даже не особенно скрывалось.

Задачи подрывных радиостанций сформулировал один из первых руководителей Комитета освобождения Келли: «Основной целью радиостанции являются формирование мышления и направление воли народов Советского Союза на необходимость ликвидации коммунистического режима... Работая под видом эмигрантской, она имеет возможность говорить от имени соотечественников, критиковать порядки

в СССР и призывать население к антисоветским действиям»[93]. А политический советник комитета «Свободная Европа» О. Джексон, выступая перед сотрудниками радиостанции РСЕ в ноябре 1951 года, так определил ее назначение: «РСЕ — это служба психологической войны. Наша организация учреждена для провоцирования внутренних беспорядков в странах, на которые мы ведем вещание. Военное вмешательство вообще имеет смысл только в том случае, если народам интересующих нас стран будет привит импульс к вооруженным действиям внутри страны»[94]. Откровенен, как киношный ковбой!

Помимо радиостанций, были созданы сотни других боевых организаций психологической войны. Например, в ноябре 1951 года специально для выходцев из Восточной Европы было открыто учебное заведение Колледж свободной Европы. Заместителем председателя попечительского совета там стал только что упоминавшийся Джексон, а основной курс специального обучения преподавал бывший заместитель начальника военно-морской разведки США капитан А. Сэбэлот. Нетрудно догадаться, что преподавали такие педагоги отнюдь не английскую философию и не банковское дело. Слушателей колледжа учили даже не столько шпионажу, сколько ведению подрывной пропаганды: как маскировать свои агентурные задачи, не навлекая на себя подозрения, как вовлекать в свои сети людей, не прибегая к прямой вербовке, а используя их чувства и слабости. Чтобы будущий агент специального назначения был вне всяких подозрений, он должен был действовать самостоятельно, не поддерживая на месте никаких конспиративных связей, не собирая и не храня у себя никакой агентурной информации. Потихоньку, крайне осмотрительно следовало расширять рамки влияния. Действуя подобным образом и не занимаясь шпионажем в традиционном смысле слова, подобный агент был бы почти незаметен даже для самых бдительных спецслужб. Ну, несогласный и несогласный! Правда, при Сталине несогласным быть тоже было опасно — но ведь Сталин не вечен. Избранное население обрабатывали с помощью слухов, писем, листовок, радиопередач и иных средств. «Фабрика диссидентов» начала действовать.

Парашютисты

В основном в это время американцы вели шпионаж против СССР руками англичан и немцев. Но постепенно и они начали включаться в эту деятельность. Кадровые разведчики как действовали на территории нашей страны, так и продолжали действовать. Но все больше и больше, пользуясь послевоенной неразберихой, стали использовать агентов, легальных и нелегальных, уже проживающих в СССР и возвращающихся на родину. Сразу после войны для заброски агентов в основном использовались легальные каналы — они проникали в страну вместе с репатриантами и реэмигрантами. Что касается вербовки агентов из числа советских граждан — то, наряду с традиционными способами вербовки, активно привлекались к сотрудничеству бывшие пособники оккупантов, агенты немецкой разведки, которых на территории СССР после окончания войны было множество. Так, только в последние месяцы перед победой в советский тыл было переброшено несколько сотен немецких агентов с радиостанциями. Теперь НКВД и разведки бывших союзников соревновались: кто быстрей этих агентов отыщет.

Естественным источником кадров для вербовки шпионов и диверсантов стали русские, украинские и иные группы национальной эмиграции, находившиеся в США. Русские белоэмигранты собирались вокруг «Толстовского фонда», «Русско-американского союза защиты и помощи русским людям вне СССР», «Комитета помощи русским православным людям в рассеянии» и других организаций. Одной из таких структур стал пресловутый Народно-трудовой союз, сотрудничавший во время войны с фашистами. Особое удобство составляло то, что эта организация базировалась вне американской территории.

Первоначально НТС взяли на содержание англичане, но вскоре подключились и американцы. По указке обоих патронов в 1950 году руководители Союза создали в Бад-Хомбурге (Западная Германия) школу, где готовили кадры для подрывной работы против СССР. Сверх того американцы выдали им 50 тысяч долларов для строительства новой радиостанции близ Франкфурта-на-Майне.

Благодатным садом, где в изобилии произрастали потенциальные шпионы, стали и украинские националистические объединения — пресловутая ОУН (Организация украинских националистов), ОДВУ (Организация друзей возрождения Украины), «Гетман» (организация сторонников бывшего гетмана Скоропадского) и ряд других. Украинская диаспора в Западном полушарии, насчитывавшая в то время уже более миллиона человек, еще пополнилась за счет бежавших на Запад пособников нацистов. Для того чтобы объединить и лучше организовать антисоветскую эмиграцию, американская разведка в 1952 году создала и профинансировала новую структуру — Центральное объединение послевоенной эмиграции (ЦОПЭ).

На территории СССР в качестве наследства войны оставались многочисленные и достаточно сильные вооруженные националистические организации. На Украине, кроме уже упоминавшейся ОУН, существовала «Украинская повстанческая армия» (УПА). В Литве действовали две основные националистические организации (не считая мелких банд): «Армия освобождения Литвы» (ЛЛА) и «Союз литовских партизан». В Латвии — «Латышское национальное партизанское объединение», «Латышская организация сопротивления», «Видземский штаб партизанского объединения». В Эстонии — «Эстонский национальный комитет» и «Союз вооруженной борьбы». Все это были военные формирования, насчитывавшие по нескольку тысяч человек. Естественно, разведка бывших союзников по антигитлеровской коалиции вовсю использовала эти организации в своих целях.

(Впрочем, существование националистов использовали и советские спецслужбы. Помимо прямой агентурной работы, в конце 40-х начале 50-х годов органы госбезопасности СССР и Латвийской ССР вели с американской, английской и шведской разведками оперативную игру «Дуэль», по образцу знаменитого «Треста». В ней также использовалась легендированная националистическая организация, от имени которой удалось успешно внедрять в эти западные спецслужбы агентов советской разведки, обезвреживать засланных агентов и заниматься дезинформацией. Естественно, «Дуэль» была не единственной игрой подобного рода.)

Опираясь на все эти кадры, ЦРУ с 1949 года приступило к крупномасштабной программе массированного заброса по

воздуху в СССР агентов с радиопередатчиками. Предполагалось, что эти агенты встретят радушный прием со стороны местного населения, которое легко будет организовать в диверсионно-шпионские группы. Однако — и кто бы мог подумать! — советские люди почему-то не рвались начинать подпольную борьбу. Да и органы госбезопасности работали эффективно. Забрасывать агентов удобнее всего было в те районы СССР, где было много банд, на которые, предположительно, можно было опереться. Но в этом расчете была и обратная сторона: парашютистов ждали именно там. В книге «История советских органов госбезопасности» приводится несколько таких случаев.

В августе 1951 года в небе над Молдавией было отмечено появление самолета-нарушителя. Тут же на розыски предполагаемых парашютистов отправились оперативно-розыскные группы молдавского МГБ. С воздуха местность осматривали с самолетов. В результате через сутки на станции Бендеры одним из оперативников был задержан подозрительный человек. Во время обыска у него нашли оружие, поддельные документы, шпионское снаряжение, деньги и ампулу с ядом, которую он пытался проглотить, но не сумел. На допросе неизвестный признался, что он — агент американской разведки Османов. Как оказалось, работники милиции задержали и второго, но, будучи менее опытными в ловле шпионов, не сочли его подозрительным и отпустили. Саранцева, напарника Османова, задержали лишь долгое время спустя в одном из городов Средней Азии.

Другая подобная история произошла в Латвии. Все началось так же, как и в Молдавии. В августе 1952 года, после нарушения воздушной границы Латвии, был организован розыск предполагаемых парашютистов. В результате обнаружили двоих. Один сначала отстреливался, а потом покончил с собой, приняв яд. Другой же, сдавшись, заявил, что он... агент советской разведки под псевдонимом Пилот. Поскольку это заявление подтвердилось, глупо было упускать такой случай, и латвийская госбезопасность начала с американской разведкой оперативную игру «Метеор».

Иностранные разведки верили в существование националистических организаций еще долгое время после того, как с ними было покончено. Только после 1956 года они с недоверием стали относиться к сведениям о существова-

нии в СССР националистического подполья. Несколько раньше, в 1954 году, ЦРУ прекратило масштабную выброску агентов с парашютами, поскольку результаты не оправдывали крупных затрат и потерь. Обсуждая с сотрудниками провал этого плана, новый директор ЦРУ А. Даллес задумчиво отметил: «По крайней мере, мы получаем опыт, необходимый для следующей войны».

Что видит шпион с горы Арарат?

Заброска агентов по воздуху в европейскую часть СССР осуществлялась в основном с американских баз в Западной Германии. Не менее заметная активность наблюдалась и на южных границах Советского Союза. Уже в октябре 1949 года в Стамбуле был создан филиал ЦРУ, который возглавил Лемборн, в недалеком прошлом — заместитель начальника УСС. Для сбора информации англичане и американцы активно начали использовать гору Арарат, с которой можно было обозревать советскую территорию. Вдоль советско-грузинской границы вскоре появилась цепь станций слежения и филиалов разведслужб. Об истинных целях США в этом регионе откровенно поведали грузинскому эмигранту Маглакелидзе при его вербовке в июле 1949 года военный атташе Соединенных Штатов в Италии полковник Банше и майор Фаррис: «Вооруженное вторжение без разведывательной подготовки не стоит гроша. Мы хотим организовать настоящую разведывательную службу вдоль всей советско-турецкой и советско-иранской границ. Для осуществления этой задачи нам нужны, главным образом, грузины и армяне. Нам необходимо собрать полную разведывательную информацию о Закавказье и организовать там саботаж и диверсии...»[95]. Однако и на этом направлении американские спецслужбы не могли похвастаться особыми успехами — их агенты разделили участь своих коллег с европейского направления.

По причине очевидного провала массового заброса шпионов в Советский Союз американцы были вынуждены искать иные пути получения необходимой информации. Суть этого поворота лучше всех выразил новый глава ЦРУ А. Дал-

лес 15 октября 1959 года: «Мы чувствуем, что научная сторона сбора разведывательной информации должна быть доведена до такого уровня, когда радары и электронные приборы будут иметь тенденцию занять место разведчицы Маты Хари, действовавшей несколько десятилетий тому назад»[96]. Понимая, что от обычных шпионов с радиоаппаратурой информацию в нужном объеме получить не удастся, в Соединенных Штатах в 1952 году был разработан план новой крупномасштабной операции под кодовым названием «Моби Дик», согласно которому планировалось на протяжении ближайших лет запустить в воздушное пространство СССР и других социалистических стран тысячи воздушных шаров для ведения аэрофотосъемки интересующих объектов. В качестве маскировки объявили о начале широкой научной программы метеорологических исследований. Операция «Моби Дик» началась в середине 50-х, но также не принесла тех результатов, на которые рассчитывали ее инициаторы.

Акция «Моби Дик» была лишь незначительным элементом общей тенденции — усиленного внедрения последних научных достижений в дело сбора разведывательной информации. Для централизации усилий на этом направлении была создана принципиально новая организация. Вспомнив удачный американский опыт дешифровки японских кодов до и во время Второй мировой войны, Трумэн направил в октябре 1952 года госсекретарю и министру обороны меморандум о создании Агентства национальной безопасности (АНБ). Согласно меморандуму, агентство должно было заниматься сбором разведывательной информации за границей путем «перехвата электромагнитных сигналов» систем связи других стран. Станции резидентуры АНБ стали действовать на многих из 400 военных баз и 2000 опорных пунктах Пентагона, расположенных за пределами американской территории.

И здесь американцам бесценную помощь оказали их союзники. Р. Клайн со знанием дела свидетельствует: «Сведения, добываемые службой перехвата, бесценные — говорим ли мы о тех временах или о сегодняшних. И, кстати, многие в Вашингтоне, кто имеет возможность знакомиться с результатами работы служб перехвата, не знают, что таковые не были бы возможны, когда бы не контакты с нашими

союзниками. В частности, ценнейшие данные поступали от разведки средствами связи и другого рода служб перехвата (радар, ракетная телеметрия и т.д.), базирующихся вдоль границ Советского Союза и Китая»[97]. Действительно, средства технической разведки давали самые надежные (по сравнению с любыми другими источниками информации) материалы для аналитиков в Вашингтоне.

Клайн «забыл» отметить только одну «мелочь»: радиоперехват и другие средства технической разведки США использовали не только против своих врагов из социалистического лагеря, но и против друзей и союзников, с готовностью предоставивших американцам базы на своей территории. Первый такого рода скандал вспыхнул всего через два года после создания АНБ (тогда американцев уличили в том, что они ведут шпионаж против Голландии — своего официального союзника по НАТО), и с тех пор аналогичные скандалы случаются в Западной Европе более или менее регулярно.

Разбросанная по всему миру американская радиоэлектронная аппаратура улавливает все сигналы и перехватывает вышедшие в эфир радиограммы, которые впоследствии оцениваются, сортируются и анализируются. В АНБ существует мощный дешифровальный отдел, занятый разгадыванием кодов других стран. Параллельно с ним действует и шифровальная служба, которая разрабатывает шифры практически для всех государственных учреждений США и занимается проблемами обеспечения безопасности передачи зашифрованной американской информации. Поясняя основные цели своего агентства, директор АНБ генерал-лейтенант Л. Форер летом 1981 года определил их так: «накопление внешней разведывательной информации путем расшифровки иностранных электромагнитных сигналов и защита электронных коммуникаций США. С помощью электронной разведки США получают значительную информацию, недоступную любым другим средствам»[98]. Кстати, что АНБ не только самый молодой член американского «разведывательного сообщества», но и наиболее секретный — режим внутренней безопасности в нем еще более строгий, чем в ЦРУ, его окружает тщательно создаваемая атмосфера молчания, и по сравнению с Центральным разведывательным управлением о его деятельности известно ничтожно мало.

Глава 7

ПРОТИВОСТОЯНИЕ, ИЛИ ПОЧЕМУ НЕ НАЧАЛАСЬ ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

(1953—1964)

Советско-американские отношения в эпоху Хрущева

Военное планирование, так называемые стратегические планы являются по большей части интеллектуальным упражнением, в котором плановики выбирают наилучший путь ведения войны против возможных противников. Но действия противников неизбежно окажут существенное влияние на военное планирование.

Форрестолл, министр обороны США, 1948 год

Корея: первое противостояние

Начавшаяся в 1950 году формально «локальная» война в Корее, тем не менее, поставила мир на грань третьей мировой войны. После того как американские войска выступили на стороне Юга, а китайские «добровольцы», поддерживаемые советской авиацией — на стороне Севера, война в этой небольшой дальневосточной стране не один раз чуть было не переросла в глобальную схватку двух сверхдержав. Уже к середине 1951 года линия фронта стабилизировалась примерно вдоль 38-й параллели и ситуация в Корее приняла патовый характер. Видя, что обычными средствами победы не добиться, американские стратеги все чаще стали задумываться об использовании ядерного оружия.

Так, 11 января 1951 года бывший министр ВВС и председатель комиссии СНБ по ресурсам Стюарт Саймингтон на секретном совещании предложил нанести удар по матери-

ковому Китаю. Его план, представленный Трумэну в виде секретного документа СНБ-100, предусматривал нанесение внезапного ядерного удара по Китаю и «возможное свержение его коммунистического правительства» с последующим предъявлением ультиматума Советскому Союзу. Президент идею отклонил, но не по причине какого-то особого миролюбия и не из жалости к китайским женщинам и детям. Все было проще. План Саймингтона требовал слишком большого расхода ядерных боеприпасов, запас которых в США был тогда достаточно ограничен. Этим самым он ставил под угрозу новейший план ведения войны «Шейкдаун», предусматривавший удар по СССР примерно 400 атомными бомбами.

Записи в дневнике Трумэна наглядно показывают, как американский президент планировал использовать ядерный потенциал своей страны. 27 января 1952 года Трумэн пишет: «Мне кажется, что сейчас целесообразным решением был бы десятидневный ультиматум, коим Москва извещалась бы, что мы намерены блокировать китайское побережье от корейской границы до Индокитая и что мы намерены уничтожить все военные базы в Маньчжурии, в том числе базы подводных лодок, имеющимися сейчас в нашем распоряжении средствами, и что, если вмешательство не будет прекращено, мы уничтожим все порты или города, необходимые для достижения наших мирных целей». 18 мая того же года планы президента еще более конкретизируются: «Это означает тотальную войну. Это означает, что Москва, Санкт-Петербург, Мукден, Владивосток, Пекин, Шанхай, Порт-Артур, Дайрен, Одесса, Сталинград и все промышленные предприятия в Китае и Советском Союзе будут уничтожены. Это — последний шанс советского правительства решить, желает ли оно существовать или нет»[99].

Подготовка к войне как материальная, так и моральная шла полным ходом. В 1953 году только одни прямые военные расходы более чем в три раза превысили уровень 1950 года. Вовсю пропагандировалась доктрина «освобождения». За несколько дней до вступления в должность госсекретаря Д. Даллес громогласно заявил: «Мы никогда не будем иметь обеспеченного мира или счастливого мира до тех пор, пока советский коммунизм господствует над одной

третью всех существующих народов и по крайней мере пытается распространить свою власть на многие другие... Только поддерживая надежду на освобождение, лишь используя ее, где бы ни представилась для этого благоприятная возможность, мы покончим с этой страшной опасностью»[100]. Сторонники концепции «освобождения» исходили из того, что «коммунизм надо отбросить за границы 1939 году» и «освободить» «порабощенные народы» силой оружия или «мирным» путем, «используя для этого все приемлемые средства в военной, экономической, психологической, дипломатической и других важных областях». (Невольно напрашивается вопрос к господину Даллесу. Мы уже видели, какие средства американские стратеги считали возможными применить в борьбе с нашей страной. И если таковы «приемлемые» средства — то что же тогда «неприемлемые»? Но это к слову...) Кроме всего прочего, реализация этой концепции предусматривала, вопреки достигнутым договоренностям, радикальный пересмотр всех итогов Второй мировой войны.

Любопытно, что сами заокеанские стратеги отчетливо понимали, что «освобождение» «порабощенных народов» в Восточной Европе и свержение там социалистических режимов возможно будет осуществить лишь с помощью подрывной деятельности, а не по естественному порыву самих народов. Видный аналитик Дж. Ф. Кеннан по этому поводу писал: «Необходимые для этого стимулы должны исходить от нас, то есть извне, а не изнутри самой советской сферы»[101]. Этот неудобный факт поставил бы под большой вопрос сам тезис о «порабощении»... если бы просочился наружу. Но соображения Кеннана были, так сказать, «для служебного пользования», а вовне транслировалась доктрина «освобождения».

Поначалу ничего не изменилось и с приходом в Белый дом нового президента. Дуайт Эйзенхауэр победил на выборах во многом благодаря обещанию окончить тянувшуюся войну. Как профессиональный военный, он отлично понимал, что шансов победить в Корее обычным оружием у Америки нет, и... высокопарно заявил, что в своем планировании не собирается опускаться до «локальных войн». Эйзенхауэр неоднократно подчеркивал, что воевать в Корее

нельзя, ибо войну так, как она идет, не выиграть. Свое кредо он сформулировал следующим образом: «Коммунистов надо заставить понять, что, если они предпримут крупный агрессивный шаг, мы ударим избранными нами средствами в самый центр коммунистической мощи»[102]. А поскольку любой локальный конфликт подавался как борьба Америки со злоумышлениями злобных коммунистов, единственным возможным следствием любой частной войны становился ядерный удар по основным центрам Советского Союза. Если применить эту логику к сегодняшним событиям в мире, то идеальным разрешением локального конфликта в Сербии и Македонии стала бы бомбардировка Нью-Йорка и Вашингтона. Впрочем, согласитесь, что известная доля истины в этом есть...

Документы свидетельствуют, что и Эйзенхауэр обращался к мысли о том, чтобы ядерным ударом победоносно разрубить корейский узел. 30 марта 1953 года, уже после смерти Сталина и незадолго до окончания корейской войны, новый президент так обрисовал свое видение ситуации: «Если мы перейдем к более позитивным действиям против противника в Корее, будет необходимо расширить войну за пределы Кореи и будет необходимо применить атомную бомбу». Директор управления планирования политики госдепартамента Боун так расшифровал это положение: «Поскольку в рекомендациях комитета начальников штабов под противником подразумеваются все без исключения коммунисты, то в практическом плане потребуется подвергнуть атомному уничтожению все советские и китайские вооруженные силы и военные объекты на Дальнем Востоке. Более того, предложение комитета начальников штабов означает атомные бомбардировки, по существу, всех китайских городов». В совершенно секретных протоколах заседания Совета национальной безопасности от 31 марта 1953 года зафиксировано, что Эйзенхауэр поднял вопрос об использовании атомной бомбы в корейской войне. Президент отметил, что там, конечно, нет большого количества тактических целей, но если Америка сможет добиться даже незначительной победы посредством использования ядерного оружия, то расходы окупятся. А главным плюсом виделось то, что в результате этой вой-

ны общественность будет убеждена, что ядерное оружие ничем особенно не отличается от обычного. Просто бомба, только большая!

Всего же, по подсчетам исследователей, только в течение 1952—1953 годов руководство США 22 раза обсуждало вопрос о применении атомного оружия против СССР, КНР и КНДР. Целых 22 раза мир стоял на грани ядерной войны. Однако, несмотря на столь мощный соблазн, ни Трумэн, ни Эйзенхауэр не отважились ему поддаться, хотя в тот момент Америка безусловно доминировала по накопленным запасам атомного оружия. Почему?

Америка задумывается о последствиях

Еще в 1950 году Трумэну были представлены секретные доклады Хармона и Халла, которые, на основе всестороннего анализа, показывали, что США не смогут разгромить СССР одним только ядерным ударом, хотя и предполагалось использовать 200 атомных бомб. Трумэн был потрясен осознанием того факта, что даже нападение в соответствии с последним пентагоновским планом «Троян» не могло обеспечить США быстрой и бескровной победы. Из доклада Хармона следовало, что, хотя ядерное нападение и приведет к разрушению 70 основных городов СССР, к гибели 2,7 миллионов советских людей, что 4 миллиона человек будут ранены, а еще 28 миллионов вынуждены жить в резко осложнившихся условиях, но все это «само по себе не приведет к капитуляции, не подорвет корней коммунизма и не ослабит критически власть советского руководства над народом». Вашингтонская элита с изумлением осознала, что в случае конфликта с СССР военная машина Соединенных Штатов технически не способна нанести своему противнику «решающий удар». Из доклада КНШ и плана «Дропшот» следовало, что победа в ядерной войне с Советской Россией будет невозможна до тех пор, пока американский ядерный потенциал не будет наращен в 2—3 раза, не будет создана качественно более мощная водородная бомба, а на вооружение ВВС не поступит гигантский дальний бомбар-

дировщик «В-52» «Стратофортресс». Какой подарочек военно-промышленному комплексу!

Но ведь и СССР не собирался безропотно сидеть на сибирских просторах и ждать своей участи. Ответные меры Советского Союза сулили еще менее радужные перспективы. Согласно докладу Хармона, американский ядерный удар по территории СССР не сможет серьезно подорвать мощь наземной Советской Армии. Она окажется способной к быстрому наступлению на ряд районов Западной Европы, Ближнего и Дальнего Востока. Госсекретарь администрации Трумэна Д. Ачесон отмечал серьезную озабоченность по этому поводу стратегов из Пентагона: «Военные полагают, что, если Советская Армия начнет наступление, они не смогут остановить ее даже с помощью атомной бомбы; такие соображения их чрезвычайно тревожат»[103]. Еще более мрачные перспективы развития советско-американского военного конфликта рисовал отдел планирования политики госдепартамента. В 1952 году он прогнозировал, что после атомной бомбардировки территории СССР и последующего русского контрнаступления в Западную Европу и на Ближний Восток «Советский Союз сможет после ее первой фазы опираться на ресурсы всей Евразии, в то время как мы окажемся заключенными в Западном полушарии... Этим путем он завладеет гораздо большим, чем наш, потенциалом и подготовится к финальным стадиям схватки за превосходящую мощь»[104].

Помимо потерь всех позиций в Европе и Азии, Соединенным Штатам грозил еще и ответный советский ядерный удар. Хотя и гораздо более слабый по своим масштабам, чем американский, тем не менее он способен был обратить в радиоактивную пыль многие города США. Военные на основании данных своих разведслужб полагали, что в 1950 году Советский Союз обладал 10—20 атомными бомбами, к концу 1951 года — 30, а в 1952 году — уже 50 единицами этого оружия. ЦРУ, со своей стороны, при помощи разведывательного сообщества к июню 1953 года подготовило документ «Национальные разведывательные оценки-65». В разделе «Боевые возможности советского блока до 1957 года» отмечалось: «СССР ныне способен вести одновременно воздушные операции против США... континен-

тальной Европы... Японии и островов, прилегающих к Азии». Далее особо отмечалось, что советские бомбардировщики уже могли «достичь целей на всей территории США и попытаться доставить туда весь арсенал атомного оружия»[105]. По оценке Объединенного разведывательного комитета Пентагона, в 1953 году у Советского Союза имелось около 1000 средних бомбардировщиков «Ту-4» радиусом действия в 1700 морских миль (3148 км).

На основании этих и других исходных данных в 1952 году Специальный подкомитет, по оценкам Совета национальной безопасности, подсчитал примерные последствия советского атомного удара по США. В результате комбинированного удара по авиабазам и городам Америки в 1953 года должно было погибнуть 9 миллионов человек и 1/3 всей промышленности, а в 1955 году — 12,5 миллионов человек и 2/3 промышленности. Неожиданный удар только по городам повлек бы за собой 24 миллиона убитых в 1953 году и 31 миллион — в 1955 году. Страна неминуемо должна была погрузиться в хаос, среди выживших могли вспыхнуть любые беспорядки с непредсказуемым исходом. По мнению президента Эйзенхауэра, если война с советским блоком все же произойдет, то после нее вряд ли будут «вообще какие-либо страны существовать в том виде, в каком мы их знаем... Любое отдельно взятое государство, включая США, начав войну свободным, выйдет из нее диктатурой. Такова будет цена выживания». Вообще же перспективой Америки после ядерной войны, по мнению президента, станет только «одно занятие — откапывать себя из пепла»[106]. Понятно, что такая перспектива Эйзенхауэра не устраивала.

Завершала радужную картину последствий даже локальной ядерной войны (после глобальной об этом едва ли стоило думать) и беспокоившая Вашингтон возможность развала возглавляемого им атлантического блока. На заседании Совета национальной безопасности 13 октября 1953 года Эйзенхауэр признал, что использование атомной бомбы в случае возобновления войны в Корее «приведет к опасному развалу солидарности союзников». В более обобщенной форме этот факт нашел отражение и в официальных документах. Директива СНБ-68 отмечает, что применение Вашингтоном ядерного оружия первым не поддержит значи-

тельная часть американского общества, и, кроме того: «Еще больше людей будут придерживаться подобных взглядов в других странах, и особенно в Западной Европе... После такой войны будет, таким образом, крайне трудно создать удовлетворяющий нас международный порядок. Победа в подобной войне мало, если вообще приблизит нас к победе в принципиальном идеологическом конфликте»[107]. А вполне возможное поражение?

При таких перспективах даже часть «ястребов» повела себя сдержанно. Так, на совещаниях в узком кругу даже известный своей агрессивной фразеологией госсекретарь Д. Даллес выступил против тех, кто предлагал воспользоваться существующим американским ядерным превосходством, чтобы свергнуть коммунистические режимы в Китае и Восточной Европе. На заседании СНБ 21 декабря 1954 года он заявил, что подобный курс приведет либо к «всеобщей войне», либо к развалу западного блока, поскольку союзники не поддержат столь агрессивную политику США. Говоря современным криминальным языком, одно дело — пахан, другое — отморозок.

Именно осознание всех этих нерадостных перспектив, а вовсе не миролюбие тогдашних правителей Америки и удержало их от превращения корейской войны в глобальную ядерную схватку. Неизвестно, насколько у американцев и дальше хватило бы благоразумия, но тут, как нельзя более своевременно для судеб мира, случилась смерть Сталина. Война в Корее была во многом его личной войной, так что за смертью генсека вскоре последовало и прекращение боев на Корейском полуострове. Сталин умер 5 марта 1953 года, а уже 27 июля было подписано трехстороннее перемирие между верховным главнокомандующим КНДР, командующим китайскими войсками, с одной стороны, и главнокомандующим войск ООН — с другой. Американцы побоялись превращать конфликт в ядерный, советское руководство после смерти Сталина было занято борьбой за власть, а не внешней политикой. Что же касается Мао Цзэдуна, который впоследствии был не прочь обеспечить победу коммунизма на планете путем мировой термоядерной войны, то у него в тот момент не было атомной бомбы.

На грани войны

Окончание корейской войны, в которой ни одной из сторон не удалось добиться решающей победы, лишь немного разрядило ситуацию. 12 января 1954 года Д. Даллес во всеуслышание заявил, что в любой «критической ситуации» Соединенные Штаты будут обращаться к «устрашающей силе массированного возмездия» и действовать «немедленно средствами и в местах по нашему выбору». Для придания большей значимости этой угрозе, а также предыдущему заявлению об ударе в любой критической ситуации прямо в «самый центр коммунистической мощи», американцы 1 марта того же года взорвали водородную бомбу — оружие следующего поколения. Однако все эти заявления больше напугали не «коммунистический мир», а самих американцев, с ужасом понимавших, что по любому поводу мир, а вместе с ним и Америка, могут скатиться в ядерную пропасть.

Суть своей внешней политики госсекретарь лучше всего сформулировал в 1956 году. По его словам, «многообещающие и обнадеживающие изменения» в коммунистическом лагере могут побудить США пойти в некоторых случаях на риск «мелких локальных конфликтов», не чураясь «балансирования на грани войны». «Способность подойти к грани войны, но не оказаться вовлеченной в нее является необходимым искусством. Если вы попытаетесь обходиться без него, если вы побоитесь проводить такую политику, то вы пропали»[108], — поучал Д. Даллес в интервью журналу «Лайф».

Все это были отнюдь не голословные утверждения. Из-за авантюристической политики американских политических ковбоев мир в те годы действительно балансировал на грани войны. Пользуясь временным превосходством в авиационной технике, Соединенные Штаты устраивали опаснейшие провокации против СССР, которые вполне были способны привести к войне. Так, например, 29 апреля 1954 года три американских бомбардировщика «Б-47» вторглись в советское воздушное пространство. Шли они на высоте, недосягаемой для нашей зенитной артиллерии и самолетов-перехватчиков и, бравируя своей безнаказанностью, вышли на

рубеж Новгород — Смоленск — Киев. Как считают эксперты, эти бомбардировщики летели над советской территорией с оружием, не исключено, что и с ядерным. Впрочем, их полет был небесполезен для нашей медленно раскачивающейся страны — после этого инцидента правительство приказало форсировать разработку современных средств ПВО.

Огромным соблазном для Вашингтона было и желание еще раз испытать атомную бомбу в боевых условиях, запугав заодно всех недовольных. Удобным местом для его применения американским стратегам показался Вьетнам, где в 1954 году в Дьенбьенфу повстанцы окружили французские колониальные войска. Предполагалось сбросить на вьетнамцев с авианосцев от 2 до 6 бомб мощностью в 31 килотонну. На этот раз за план ядерной атаки было не только подавляющее большинство военных из Комитета начальников штабов, но и сам президент Эйзенхауэр. Дело осталось за малым: добиться согласия союзников.

Однако, к удивлению американцев, против этого плана выступила не только Англия, но и, казалось бы, больше всех заинтересованная Франция. В ответ на изумление госсекретаря Даллеса французский министр иностранных дел терпеливо разъяснил, что, если сбросить атомные бомбы рядом с Дьенбьенфу, то французские войска пострадают точно так же, как и противник. Кто бы мог подумать! Должно быть, ослепленные близостью исполнения давней мечты — сбросить атомные бомбы на коммунистов, американцы просто не сообразили, что при этом обрекаются на смерть и войска их союзника по НАТО.

Нечего и говорить, что все это время полным ходом продолжалось составление планов ядерного удара по Советскому Союзу. Согласно одному из них, опять-таки предполагалось нанести по России внезапный удар, а чтобы избежать излишних потерь американских ВВС — сбросить на нашу страну 750 атомных бомб всего за два часа. «Два часа — и останется груда радиоактивных развалин». В докладной генерала К. Андерсона определялись и объекты этого удара — 118 городов и 645 аэродромов[109].

Однако по мере возрастания американской военной мощи янки все чаще стали проговариваться и о своей истинной цели и истинном противнике, которым был отнюдь не «ком-

мунистический режим». Так, в марте 1954 года президенту был представлен «Основной план войны Стратегического авиационного командования (САК)». От всех предыдущих планов превентивной войны он принципиально отличался только одной деталью — в отличие от прежних разработок Пентагона, план САК предусматривал достижение цели «уничтожения нации», а не просто военного поражения Советской России. Для этого 735 американских бомбардировщиков, оснащенных первой серийной атомной бомбой «Мк-6», должны были нанести первый внезапный удар по 1700 наземным советским объектам и 409 аэродромам и превратить их в радиоактивную пыль. Генерал Лемэй обещал, что с помощью «Основного плана войны САК» Америка выиграет третью мировую войну всего за 30 дней[110]. В самом деле, установление, например, православной монархии на территории России никоим образом не решала американские проблемы взаимоотношения с нашей страной. Надо было убрать конкурента раз и навсегда, а для этого лучшим способом было превратить территорию России в радиоактивную пустыню.

Будущий президент Р. Никсон так описал ход заседания СНБ 25 марта 1954 года: «Обсуждалась стратегия США в случае большой войны с Советским Союзом. В комитете начальников штабов возникли разногласия по этому поводу. Президент высказался так пылко, как я никогда не слышал. Он указал: единственный образ действия для нас — с началом войны добиться победы. Ни при каких обстоятельствах мы не должны сдерживаться в нанесении ударов из-за того, что кто-то считает, что тотальная победа создает де больше проблем, чем добытая методами ограниченной войны. Он подчеркнул, что перед лицом врага, имеющего такие виды вооружения, не может быть и речи о ведении ограниченной войны. Дело идет о бомбах фантастической разрушительной силы, потери в первый день войны достигнут 7 миллионов, а на другой, возможно, 8 миллионов человек»[111]. Правда, план Эйзенхауэр в конце концов отклонил...

С ростом ядерного потенциала США и средств его доставки неуклонно (естественно, в сторону увеличения) пересматривались и американские военные планы. Перечень целей стратегической авиации США в 1956 году насчиты-

вал 2997 целей атомных бомбардировок, а на начало 1957 года — уже 3261 объект. Последний американский план третьей мировой войны, разработанный в 1958 года под руководством Эйзенхауэра и названный СИОП (Единый объединенный оперативный план поражения стратегических целей), предусматривал взорвать на территории СССР 18 тысяч ядерных боеголовок. Атомный физик Герберт Йорк, ознакомленный с этим планом, впоследствии признался, что СИОП предполагал «превратить Россию в мусорную свалку».

Под стать этому фантастическому количеству ядерных боезарядов было создано и соответствующее число средств их доставки. К 1959 году на вооружении у Америки находилось 1850 стратегических бомбардировщиков (1366 самолетов «Б-47» и 488 самолетов «Б-52»), не считая при этом целого флота разведывательных самолетов «РБ-47» (более 170 единиц) и более тысячи заправщиков «КС-57» и «КС-135». К этому же времени в строй вошли и первые шесть американских межконтинентальных баллистических ракет «Атлас»[112]. Сами американцы констатируют: «В течение всего этого времени скрытая угроза применения ядерного оружия первыми была фундаментальным элементом нашей внешней политики и политики национальной безопасности»[113].

Тем не менее вся эта колоссальная мощь, которую не раз были готовы использовать, так никогда и не была задействована. Произошло это лишь благодаря точному знанию, что СССР не замедлит ответить ударом на удар и твердой решимости советского руководства любой ценой ликвидировать военное превосходство американцев. Действительно «любой ценой», потому что, в отличие от США, неуклонно богатевших на войнах, сотрясавших Европу, СССР не получил с них доходов. Наоборот, едва оправившись от последствий войны, советская экономика была вовлечена в изматывающую гонку вооружений.

Уже в августе 1953 года в СССР было разработано термоядерное оружие, причем первый транспортабельный образец водородной бомбы создан в нашей стране раньше, чем в Соединенных Штатах. Уязвимым местом оставался способ доставки ядерного оружия до «места назначения».

Но уже в 1954 году у Советского Союза появились дальние бомбардировщики нового поколения «Бизон» и «Медведь», способные наконец нанести ответный удар по континентальной части США. «Окно возможностей» безнаказанно нанести первыми удар по России захлопнулось прежде, чем американцы успели накопить силы. Отныне в ядерной области царил американский идеал — возможности были равными. Вот результат политики Эйзенхауэра: национальная безопасность США, при почти 20 тысячах ядерных зарядов, к концу 50-х стала не больше, а меньше по сравнению с 1953 годом, когда он пришел к власти.

Осознав происходящее, Эйзенхауэр постепенно пришел к мысли о бесперспективности гонки вооружений и необходимости начинать с русскими переговоры о разоружении. Скрипя зубами, несмотря на ожесточенное сопротивление собственной администрации во главе с госсекретарем, президент все-таки поехал в 1955 году в Женеву на встречу глав четырех правительств. Хотя конкретных решений там принято не было, тем не менее «дух Женевы» позволил начать эру более тесных культурных, политических и экономических контактов. В 1958 году было подписано советско-американское соглашение о культурном обмене, а на следующий год США с официальным визитом посетил Хрущев.

ЦРУ срывает разрядку

Эйзенхауэр был достаточно дальновиден, однако Америка еще не созрела для понимания изменившегося соотношения сил. Первым робким шагам этого американского президента по направлению к «разрядке» решительно воспротивилось большинство американской элиты, а ЦРУ дважды становилось непреодолимой преградой на пути президента, срывая его планы. Первый раз это произошло благодаря мифу об «отставании» Америки по числу бомбардировщиков.

Все началось с того, что эксперты из «Рэнд корпорейшн» начали изучать вопрос уязвимости баз Стратегического авиационного командования. Хотя США в тот период располагали огромным превосходством над СССР как по ядерному

оружию, так и по бомбардировщикам, эксперты нарисовали ужасающую картину того, как советским ударом будет уничтожена на земле американская стратегическая авиация и США останутся беспомощными перед «страшными русскими». ЦРУ была поставлена задача — оценить мощь советских военно-воздушных сил. Выполнялась эта задача совершенно изумительным образом. Агенты разведки должны были... оценить общую производственную площадь авиационного завода в Филях и на основании этой оценки рассчитать темпы производства стратегических бомбардировщиков. Должно быть, американские военные заводы несколько отличаются от наших по рациональности использования отведенной им земли. На основании хождений агентов ЦРУ вокруг заводского забора, ограждавшего, помимо цехов, скверики, помойки и пустыри, было сделано заключение о фантастических темпах роста производства советских бомбардировщиков.

Эти «научно» обоснованные подсчеты были подкреплены еще более «научными» наблюдениями. 3 июля 1955 года, в День Военно-Воздушного Флота, американские разведчики во время авиационного парада в Москве старательно подсчитывали бомбардировщики, принимавшие участие в празднике. Получились фантастические цифры. Единственно, чего не сообразили американцы — так это то, что они все время считали одни и те же самолеты, циркулировавшие в районе воздушного парада. Это соображение было слишком примитивно для асов разведки.

Основываясь на этих оценках и наблюдениях, ЦРУ подсчитало, что к 1960 году СССР развернет 500 таких самолетов. Ужасные данные проникли в прессу, и разразившаяся истерия об «отставании по бомбардировщикам» на время существенно ограничила Эйзенхауэру свободу маневра. Правда, миф этот лопнул сразу же после разведывательных полетов самолетов «У-2» над советской территорией, но случилось это не раньше, чем конгресс США утвердил ассигнования на межконтинентальный бомбардировщик «Б-52». Как впоследствии и по другому поводу метко отметил бывший американский посол, а потом ученый влиятельного Брукингского института Р. Гартофф, военно-политическое руководство Америки слишком часто принимает решения в воен-

ной области на базе данных и умозаключений о намерении Советского Союза, где используется принцип «зеркального отражения»: противной стороне приписываются планы и намерения, присущие самой вашингтонской элите. Мы же отметим, что ЦРУ, как тот кассир в магазине, неизменно ошибается в одну сторону. Ту, которая выгодна военно-промышленному комплексу.

Не успела Америка успокоиться после «отставания по бомбардировщикам», как началась истерия о «ракетном отрыве». Правда, на этот раз имеющая под собой некоторые основания. 26 августа 1957 года СССР официально объявил об успешном испытании межконтинентальной баллистической ракеты. Хотя США в создании своей МБР «Атлас» отстали всего на несколько месяцев, впервые Россия в гонке вооружений вырвалась вперед. Первоначально Вашингтон попытался принизить советское достижение, заявив, что советская ракета даже не была прототипом, но 4 октября 1957 года в космос был запущен «Спутник-1», который не только открыл космическую эру, но и наинагляднейшим образом продемонстрировал всему миру русский приоритет в ракетной технике. И в очередной раз поверг всю Америку в тяжелейший шок от осознания своей уязвимости. Правда, реагировали американцы на это известие по-разному. В то время как общество было в панике, ожидая ядерного удара и скупая в его преддверии оружие и консервы для атомных убежищ, трое членов комиссии Гейтера, созданной еще в конце 1957 года для анализа ситуации «отставания по бомбардировщикам», явились к президенту и настойчиво потребовали начать превентивную войну против СССР. Как свидетельствует в дневнике одна из его помощниц, президент весьма вежливо и сердечно выслушал предложение, а потом ответил: «Мы не можем начать такую войну. У нас не хватит бульдозеров сгребать тела с улиц». Бедный президент!

К оценке масштабов «ракетного отрыва» вновь активно подключилось ЦРУ, и в результате коллективных усилий разведывательного сообщества военные эксперты предсказали, что СССР уже очень скоро опередит США по межконтинентальным баллистическим ракетам в соотношении ни больше ни меньше как 15 к 1. На разразившейся новой

истерии опять сделал деньги военно-промышленный комплекс — в ноябре 1957 года Комитет начальников штабов потребовал ассигновать сверх бюджета 1,5 миллиардов долларов на проекты развития управляемых снарядов дальнего действия и стратегической авиации. Программа же развития ракетного оружия вообще приняла чрезвычайный характер. Выступая в том же месяцев в сенате, министр обороны объявил о решении начать производство сразу двух баллистических ракет средней дальности «Тор» и «Юпитер», хотя в действительности нужна была только одна.

Все более и более понимая, что ракетно-ядерная гонка ведет в тупик, Эйзенхауэр стремился нормализовать отношения с Москвой. Визит Хрущева в США был первым шагом к утверждению принципа мирного сосуществования. Вскоре после этого, 17 мая 1960 года, в Париже должна была состояться встреча глав правительств, на которую возлагались еще большие надежды. Однако почти накануне этой встречи руководство разведки направило в советское воздушное пространство самолет-разведчик «У-2», который должен был пересечь всю территорию СССР. Провокация носила особо оскорбительный и вызывающий характер, поскольку проводилась 1 мая, в один из основных советских праздников. Когда пилотируемый Пауэрсом самолет был сбит и Москва получила бесспорные доказательства его американской принадлежности, Хрущев в своей официальной речи язвительно поинтересовался: «Возникает вопрос, кто же послал этот самолет в пределы Советского Союза? Был ли он послан с санкции главнокомандующего вооруженных сил Соединенных Штатов Америки, которым, как известно, является президент, или же этот агрессивный акт был совершен милитаристами из Пентагона без ведома президента?»

Трудный выбор был перед президентом Эйзенхауэром. Расписаться перед всем миром в неспособности контролировать действия собственной администрации (способной, кстати говоря, непродуманными действиями ненароком спровоцировать ядерную войну) или, спасая честь мундира, во всеуслышание заявить, что это именно он послал «У-2» в воздушное пространство чужого государства, и стать, таким образом, первым американским президентом, публично признавшим, что его правительство занимается шпионажем.

Эйзенхауэр предпочел предстать перед общественностью как нарушитель международных норм, а не как слабый президент. Оскорбленный Хрущев выступил в Париже с резким заявлением, и многообещающая встреча в верхах была успешно сорвана. Так ЦРУ снова и снова оказывалось сильнее своего президента.

Великая стройка антихриста

Хотя Эйзенхауэр и отказался от идеи превентивного ядерного удара по СССР, понимая самоубийственные последствия такого шага для самой Америки, но ни он, ни тем более его окружение не отказывались от противоборства с коммунизмом во всех иных формах. Любой намек на коммунизм в «третьем мире» подлежал немедленному искоренению, и многие действия США здесь совершались, исходя из логики планетарного противостояния с Советской Россией.

В 1953 году ЦРУ организовало переворот в Иране, цель которого была двоякой: вытеснить английские монополии из этого богатейшего нефтеносного региона и превратить Иран в плацдарм для войск НАТО, нацеленных на советскую Среднюю Азию. Для обоснования переворота были сочтены убедительными аргументы военных, утверждавших, что «близость важных советских промышленных объектов достаточно выразительно объясняет, почему США необходимо удержать Восточное Средиземноморье и весь район Среднего Востока». На случай третьей мировой войны нефтяные запасы этого региона «имеют огромное значение и могут быть жизненно важными», из чего следовал вывод, что в стратегических интересах Америки следует удерживать «вооруженные силы Советского Союза как можно дальше от нефтяных запасов Ирана, Ирака, Ближнего и Среднего Востока»[114].

Уже реставрация шахского режима в Иране убедительно показала, что внешняя политика США направлена одновременно как против национально-освободительного движения в «третьем мире», так и против СССР. На следующий год настала очередь Гватемалы, правительство которой

осмелилось проводить самостоятельную политику и посягнуло на право американской монополии «Юнайтед фрут компани» беспрепятственно хозяйничать в стране. Тут Вашингтон преследовал сразу две цели. С одной стороны, надо было преподать урок «третьему миру», на примере этой маленькой республики запугать все национально-освободительные силы Латинской Америки, традиционно рассматривавшейся как вотчина США. С другой стороны, руководство компании, имевшее тесные связи в президентской администрации, быстро сориентировалось и представило свою борьбу за банаы как борьбу с коммунизмом. В доверительной беседе глава компании сказал: «Отныне речь будет идти не о конфликте между народом Гватемалы и «Юнайтед фрут». Речь пойдет об угрозе со стороны коммунизма праву собственности, жизни и безопасности Западного полушария». Эйзенхауэр с готовностью одобрил вмешательство ЦРУ во внутренние дела Гватемалы, и эта «маленькая победоносная война» окончательно опьянила сторонников тайных операций в разведывательном управлении. (Кстати, операцией по свержению правительства Гватемалы руководил Ф. Уизнер, заместитель директора ЦРУ по планированию и начальник Управления тайных операций. Во всем ЦРУ не было человека, равного Уизнеру по опыту организации «грязных дел». Вскоре его имя нам встретится в связи с совсем другими событиями.)

При Эйзенхауэре, как и при его предшественниках, Вашингтон активно продолжал политику создания все новых блоков и военных баз, которые в идеале должны были плотным кольцом охватить Советский Союз и другие социалистические страны. «Одним из важнейших элементов глобальной стратегии Вашингтона после Второй мировой войны стала политика создания военно-политических блоков и союзов, призванных установить американскую гегемонию в мире. <...> Блоковая политика была поставлена во главу угла взаимоотношений Соединенных Штатов Америки с их партнерами и, по существу, явилась одной из новых форм экспансии США на мировой арене»[115], — отмечают исследователи. В дополнение к НАТО, ставшему краеугольным камнем американской блоковой политики, и созданному в 1951 году в тихоокеанском регионе блоку АНЗЮС, в

состав которого вошли США, Австралия и Новая Зеландия, американцы активно сколачивали новые военно-политические союзы. В 1954 году было создано СЕАТО, объединившее США, Англию, Францию, Австралию, Новую Зеландию, Пакистан, Таиланд и Филиппины. На следующий год, при активнейшем участии американского госсекретаря Д. Даллеса, был образован Багдадский пакт, включивший в себя Англию, Турцию, Иран, Ирак и Пакистан (после выхода Ирака блок был переименован в СЕНТО). Хоть США формально и не входили в его состав, довольствуясь ролью наблюдателя, но вполне успешно направляли его политику.

Но США и этого показалось мало. Поскольку позиции Англии и Франции после суэцкой авантюры 1956 года были серьезно ослаблены, то в 1957 году Вашингтон изобрел «доктрину Эйзенхауэра», провозгласившую «право» Америки на вооруженное вмешательство во внутренние дела ближневосточных стран. Комментируя ее суть, один американский обозреватель отметил, что «доктрина Эйзенхауэра» фактически означает, что граница США доходит теперь до Кавказа. В порядке реализации доктрины американские войска уже в июне следующего, 1958 года вторглись в Ливан.

В целом же, анализируя суть американской военной стратегии за последние полтора века (естественно, она использовалась и в противоборстве с Советским Союзом), Е. Морозов выделяет ее характерные черты: «В наиболее общем виде эти принципы сводятся к следующему:

— ведение военных действий в непосредственных экономических интересах своей страны с использованием идеологии только в качестве пропагандистского прикрытия;

— использование экономической блокады в качестве основного способа стратегических действий;

— уклонение от решительных столкновений с главными группировками вооруженных сил противника;

— перекладывание основной тяжести борьбы с вооруженными силами противника на своих союзников;

— достижение победы за счет разрушения экономики и терроризирования населения государства (коалиции) противника;

— стремление к вытеснению из конкурентной борьбы как противника, так и союзников»[116]. Воистину, янки пора

сменить устаревший полосатый флаг на зеленый, но не в честь ислама, разумеется, а в честь его величества Бакса.

Другим важнейшим элементом военно-политической стратегии Вашингтона стала базовая политика. С ее помощью правящие круги США стремились и стремятся «проецировать вовне» американскую военную мощь, разместить свои войска во всех ключевых районах планеты. Суть базовой политики изложил еще в августе 1945 года президент Трумэн: «Мы должны делать все, что можем, для того чтобы избавить США от опустошения в случае любого будущего нарушения мира. Именно поэтому США, хотя и не хотят получить территории, или выгоды, или односторонних привилегий как результат этой войны, намерены сохранить военные базы, необходимые для полной защиты наших интересов и мира. Базы, которые наши военные эксперты сочтут существенно необходимыми для нашей защиты и которые не находятся в нашем владении, мы приобретем»[117]. Короче: отрастить как можно более длинные руки, чтобы как можно лучше защитить собственную кожу. Какой лучший способ защиты? Так что все логично...

После Второй мировой войны США сохранили за собой 434 военно-морские базы и 1933 базы ВВС и сухопутных войск на чужой территории, и с тех пор их число не перестает расширяться. Сама их география уже тогда наглядно показывала, против кого направлена «защита» — большинство баз располагалось вдоль границ Советского Союза и социалистического лагеря. Да и сами американцы не скрывали, что цель этой стратегии — «зажать коммунистический мир в крокодиловой пасти разветвленной цепи баз, снабженных межконтинентальными бомбардировщиками, а позднее — ракетами, способными доставить атомные бомбы в любое место Советского Союза»[118]. Как видим, советские эксперты имели полное основание заявлять: «Составной частью агрессивного внешнеполитического курса США, направленного на материальную подготовку к ядерной войне, достижение военного превосходства над СССР и другими странами социализма, а также подавление национально-освободительных движений, является базовая стратегия. Опираясь на широко разветвленную сеть расположенных по всему миру военных плацдармов, Соединенные Штаты по-

всеместно проводят милитаристский курс грубого давления, шантажа и провокаций против независимых государств, нарушают общепризнанные нормы международного права, Устав ООН. С помощью баз США не только стремятся максимально приблизить свою военную машину к границам других государств, против которых Вашингтон замышляет агрессивные акции, но и, стараясь уйти от возмездия, пытаются подставить под ответный удар те государства, где находятся их базы»[119].

Но у базовой стратегии была и другая, не менее важная функция — насаждение и поддержание угодных Вашингтону порядков в масштабах всей планеты. С помощью разбросанных по всему миру баз современные американские политики претворяют в жизнь заветную идею идеолога раннего американского империализма Д. Стронга: «Американская раса обладает непревзойденной энергией... является носительницей великих свобод, чистого христианства и наивысшей цивилизации. Эта раса разовьет особые агрессивные черты, рассчитанные на то, чтоб привить свои учреждения всему человечеству и распространить свое господство на весь земной шар»[120]. Много позже уже Л. Кирпатрик во всеуслышание заявил, что «мы являемся лидерами мира и выполняем эту миссию самостоятельно нашими собственными методами, независимо от того, нравится это остальному миру или нет»[121]. Сами американские аналитики констатировали, что «цели нашей (Соединенных Штатов. — *Авт.*) внешней политики простираются далеко за пределы таких концепций, как национальная безопасность, охватывая целиком мировой порядок»[122]. Ну и чем это отличается от Гитлера? Только одним: Гитлер проиграл.

Уже в начале 60-х заокеанские стратеги выработали общие контуры желательного Америке миропорядка, который в концентрированной своей форме выглядел так: «В проектируемом США «новом мировом порядке» прежде всего предусматривается устранение национальных границ, которые, по мнению государственного департамента, являются лишь барьером и символом «подозрения и страха». Ликвидация национальных границ облегчает также усилия «по созданию всемирной системы более свободной торговли», которой уже давно добиваются американские монопо-

лии. «Свобода», которую хотят повсюду насадить американские империалисты, исключает возможность для какого бы то ни было народа избрать иную систему правления. Любая попытка изменить не только социальный строй, но и правительство, поставленное Вашингтоном, будет рассматриваться, согласно новому «правопорядку», как косвенная агрессия. Если само правительство не сможет подавить народное движение, ему на помощь должны быть брошены вооруженные силы «сообщества». <...> Империалисты США признают лишь единственный путь, по которому должна в дальнейшем развиваться история — американский диктат. Или мир будет построен по американскому образцу, или для обуздания инакомыслящих народов будет применяться «контрпартизанская стратегия»»[123]. А это уже в духе не «Майн кампф», а совсем другой, куда более известной и древней книги. Вспомним: всемирное царство антихриста придет как желанное избавление человечества от голода и войн. В тот момент на пути США к мировому господству непреодолимой преградой стояла Советская Россия. Сейчас, после ликвидации главного препятствия, эта «американская мечта» сорокалетней давности стремительно претворяется в жизнь...

Венгерская провокация...

Однако в то время, в котором мы находимся, до мирового господства США было еще очень далеко. Впрочем, казалось, что с началом хрущевского процесса десталинизации американцы получили наконец вожделенную возможность «освободить» хотя бы одну страну социалистического лагеря от коммунизма. ЦРУ пристально вглядывалось в те страны Восточной Европы, где традиционно присутствовали антирусские настроения. Особенно благоприятные условия сложились в Венгрии в 1956 году.

Событий, происшедших в этой стране, на Западе ждали давно и к ним успели заблаговременно подготовиться теоретически. Поскольку глобальная термоядерная война была неприемлема даже для американского президента, то на первый план выдвигалась «особая», политическая и психологи-

ческая война, которая, по замыслу ее приверженцев, «являлась единственной альтернативой неограниченного ядерного конфликта». По сути дела, это были уже знакомые нам тайные подрывные операции.

Д. Скотт в вышедшей за год до венгерских событий книге «Политическая война» достаточно откровенно определяет ее суть: «Основополагающая цель деструктивного политического поведения заключается в ослаблении, а если возможно, то и в уничтожении противника путем дипломатических маневров, экономического давления, шпионажа и дезинформации, саботажа, терроризма, а также отрыва противника от его друзей и сторонников. Коммунистические правительства надо держать под постоянным нажимом, вбивать клин между ними и их народами»[124]. А генерал Д. Сарнофф к задачам «политической борьбы» отнес организацию террористических акций, усиление враждебной пропаганды и широкую поддержку нелегальных организаций в социалистическом лагере. Все то же, что и при римских цезарях, и во времена фараонов, и в разборках первобытных племен. Стоит ли снова и снова формулировать эти принципы — ведь, воистину, нет ничего нового под солнцем...

Специалист по психологической войне Р. Холт, теоретически обосновавший концепцию операции по свержению социализма в Венгрии, получившей название «Фокус», предложил три метода «мирного освобождения» от коммунистического режима без глобальной войны. Это были путч, произведенный одним из членов руководства страны с последующим дистанцированием от Москвы; народное антикоммунистическое восстание и проведение свободных выборов под международным контролем, за которыми последует распад режима в результате борьбы партий или последовательного разрушения системы Советов. Знакомо, не правда ли? А самым главным фактором считалось «благоприятное международное положение, которое должно позволить расправиться с режимом без вмешательства Москвы». (Читай: обстановка в СССР сейчас сложная, общество растеряно и подавлено, и контроль за социалистическим лагерем ослаблен. Тут не до венгров, у себя бы разобраться.)

Обстановка в Венгрии была накалена. Друг на друга наложились грубые промахи прежнего просталинского ру-

ководства, половинчатая десталинизация, идеологические и политические шараханья из стороны в сторону, возникшая в партии борьбы за власть. Воспользовавшись удобным моментом, Запад резко усилил психологический нажим на страну. Пользуясь тем, что Венгрия имела общую границу с капиталистическими странами, туда активно забрасывались пропагандистские листовки. И перебрасывали — не поверите! — с помощью воздушных шаров. Один английский журналист был свидетелем: только за одну ночь со специальной базы «Свободной Европы» в Венгрию было запущено 3 тысячи шаров с листовками. Раз в полмесяца над страной разбрасывалась газета тиражом в 2 миллиона экземпляров. По данным «Уолл-стрит джорнал», в период с 1954 по 1956 год «Службой печати свободной Европы» в воздушное пространство Польши, Венгрии и Чехословакии было направлено 400 тысяч воздушных шаров с 300 миллионов пропагандистских листовок. Вот уж точно, некуда дурные деньги девать!

Резко активизировалось и направленное на Венгрию радиовещание «Свободной Европы». Ее тогдашний директор Ч.Д. Джексон еще в 1951 году открыто заявил: «Намеченное нами состояло в создании условий для внутренних беспорядков в тех странах, куда дойдут наши передачи... Время думать о возможном оказании им военной помощи наступит тогда, когда народам порабощенных стран удастся собрать у себя на внутренней почве военную силу, которую можно применить на практике»[125]. Всемерно активизировалась и оказавшаяся на Западе венгерская эмиграция, которая с началом событий стала концентрироваться у границ своей бывшей родины в ожидании удобного момента для возвращения.

Когда в результате внутренних факторов и внешних усилий ситуация в Венгрии стала предкризисной, США подкорректировали свою стратегию и приступили к дипломатическому давлению. В конце июня 1956 года состоялось секретное совещание Совета национальной безопасности, на котором обсуждались «новые черты американской политики в отношении Востока». Их суть 29 июня на пресс-конференции огласил госсекретарь Д. Даллес: 1) постоянный и скоординированный нажим на социалистические стра-

ны с целью достижения конечного результата — «полного краха международного коммунизма и, возможно, развала нынешней системы в Советском Союзе»; 2) усиление нажима на союзников СССР с целью их полного «освобождения».

Для более успешного «освобождения» Венгрии в соседнюю с ней Австрию были откомандированы лучшие силы американской разведки. В этой альпийской республике вдруг, как «рояль в кустах», оказался легендарный бывший глава УСС Дикий Билл Донован, который возглавил там «международный комитет спасения». По данным газеты «Вашингтон дейли ньюс», ветеран разведслужбы несколько раз лично ездил в Венгрию, чтобы на месте оценить события и скоординировать действия антикоммунистов. В это же время в Вене появился и второй человек в ЦРУ, лучший в этом ведомстве специалист по «грязным операциям», уже знакомый нам Уизнер, стяжавший свои лавры в Гватемале. По свидетельству американской печати, он «был тесно связан как морально, так и профессионально с венгерской контрреволюцией»[126].

В своих мемуарах ветеран ЦРУ У. Колби пишет: «Со времени создания ОПК под руководством Фрэнка Уизнера ЦРУ имело задачу или считало, что имеет ее, — оказывать военную поддержку в стиле УСС группам сопротивления, стремящимся свергнуть тоталитарные коммунистические режимы. В Венгрии такие группы мы называли борцами за свободу... Как только началось восстание в Венгрии, Уизнер и высшие руководители управления планов, особенно имевшие касательство к подрывной работе, полностью изготовились к действию — прийти на помощь борцам за свободу оружием, обеспечением связи и воздушным транспортом. Именно для такой работы и были предназначены квазивоенные подразделения ЦРУ. Можно доказать, что ЦРУ могло бы выполнить это, не вызвав мировой войны между США и СССР»[127].

Откомандирование на венгерский фронт тайной войны фигур, можно сказать без преувеличения, «главного калибра», лучше всего свидетельствует о том, какое огромное значение придавало ЦРУ событиям в этой стране. Ставки были чрезвычайно высоки: свержение коммунистического режима в Венгрии с ее последующим выходом из Варшавского

Договора могло бы стать вдохновляющим примером для переворотов в других восточноевропейских социалистических странах и сыграть решающую роль в развале всего советского блока.

Тем временем события в Венгрии развивались одновременно по первым из двух вариантов «мирного освобождения», намеченных Р. Холтом. 23 октября 1956 года мирная студенческая демонстрация, в которой участвовало 15 тысяч человек, переросла в вооруженное восстание, участие в котором объединило студентов и уголовников, фашистов и сторонников демократии. Исследователи отмечают специфическую роль, которую в этом, формально «стихийном», восстании играла финансируемая ЦРУ радиостанция «Свободная Европа»: «Возникает вопрос, был ли в Венгрии единый центр, координировавший деятельность всех этих разношерстных подпольных враждебных группировок? Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что внутри страны такого центра не существовало. Роль координатора так называемого «народного сопротивления» выполняли «комитет Свободная Европа» и его специализированные учреждения — через дипломатов, шпионов, различных эмиссаров, через трансляции по радиоканалам «Свободной Европы» целенаправленных программ. Две трети всех разоблаченных подпольных группировок поддерживали непосредственные контакты с Западом»[128]. Как свидетельствуют очевидцы, где бы ни собиралась очередная вооруженная группа, там почти всегда чуть ли не круглосуточно действовал радиоприемник, настроенный на волну «Свободной Европы». Руководствуясь передаваемыми по радио указаниями, восставшие нанесли серию ударов по стратегически важным объектам и расквартированным в Венгрии частям Советской Армии.

Оказавшись в тяжелом положении, в ночь с 23 на 24 октября растерявшийся ЦК ввел в состав Политбюро популярного у оппозиции ревизиониста И. Надя и назначил его Председателем Совмина. На следующий день новый глава правительства ввел чрезвычайное положение и обратился за помощью к Советскому Союзу, который не замедлил помочь союзнику в беде. Начались тяжелые бои между советскими частями и подстрекаемыми из-за рубежа повстанцами. Однако, когда к 28 октября уже наметился перелом, мя-

тежники терпели поражение за поражением и Советская Армия начала вытеснять их из Будапешта, И. Надь внезапно повернул на 180 градусов, объявив о прекращении огня. Он провозгласил восстание (которое раньше сам называл контрреволюционным) национально-демократическим движением и потребовал вывода советских войск из столицы. Опешившее от подобного кульбита советское руководство начало выводить войска, ободренные повстанцы перешли в контрнаступление, взяли штурмом 30 октября Будапештский горком партии и начали террор против коммунистов. Тогда Надь объявил о восстановлении многопартийности, провозгласил Венгрию нейтральным государством и заявил о ее выходе из Варшавского Договора. Тут же он призвал к вводу в Венгрию войск ООН и начал создавать национальную армию на случай войны с СССР.

Однако просоветские силы в Венгрии быстро оправились от шока. Уже 2—3 ноября было создано оппозиционное Венгерское революционное рабоче-крестьянское правительство во главе с Я. Кадаром, которое опять-таки незамедлительно обратилось с просьбой о помощи к Советскому Союзу. После консультаций с Китаем, Югославией и союзниками по Варшавскому Договору советское правительство 4 ноября отдало своим войскам приказ приступить к ликвидации мятежа, который, когда за него взялись всерьез, продержался недолго и был успешно подавлен уже к 10 ноября.

За океаном часть наиболее агрессивно настроенных «ястребов» требовала незамедлительного открытого вмешательства США в венгерские события. Как вспоминают люди в окружении госсекретаря, в последние дни октября «некоторые советники Даллеса под воздействием напряженности момента торопили его принять решение о вмешательстве США в Венгрии; однако другие сразу же отвергли эти рекомендации, напомнив о жутких последствиях термоядерной войны»[129]. Само ЦРУ рвалось в бой, уверяя, что благодаря своим тайным операциям оно сумеет вырвать Венгрию из-под советского господства, не доводя при этом до лобовой схватки США и СССР. Однако, как с горечью пишет Колби, «президент Эйзенхауэр рассудил иначе. Какие бы сомнения ни существовали в ЦРУ в отношении политики Вашингтона в этих делах, отныне они навсегда исчезли.

Было установлено раз и навсегда: США, твердо стоящие на позициях сдерживания Советов в их существующей сфере влияния, не будут пытаться освободить ту или иную территорию в границах этой сферы... ибо ценой этого может оказаться третья мировая война»[130]. Резонные соображения. Должно быть, президент представил, как бы повели себя США, если бы русские вмешались в конфликт в Гватемале. На этот раз президенту удалось пересилить свое разведывательное ведомство.

«Рыцари плаща и кинжала» по-разному восприняли ущемление взятого на себя безоговорочного «права» вмешиваться во внутренние дела других государств. Если У. Колби ограничился тем, что излил горечь в своих мемуарах, то возомнивший себя после Гватемалы всемогущим и непобедимым Ф. Уизнер с горя покончил жизнь самоубийством. Слабонервные какие, однако, у американцев диверсанты...

Однако аналитики из ЦРУ в упор не замечали то, что каждодневно видел перед собой их президент. А именно: одновременно с венгерскими событиями разразился другой, не менее крупный международный кризис — Суэцкий. 23 октября, в день начала венгерского восстания, Англия и Франция окончательно скорректировали план действий против дружественного Египта. Руководство этой страны было неприемлемо для Запада по причине совершенно непростительного для страны «третьего мира» поведения: независимого внешнеполитического курса, включающего дружественные отношения с СССР и — о, ужас! — национализацию Суэцкого канала. 29 октября Израиль вероломно напал на своего соседа, а за день до этого западные державы поставили на повестку дня Совета Безопасности «венгерский вопрос». Надеясь на то, что Советский Союз увяз в венгерских событиях и ему не до Египта, 31 октября Англия и Франция также вступили в войну.

Но выкладки теоретиков опять дали сбой. Каждый мерит по себе. Может быть, в такой стране, как Венгрия, могла бы «увязнуть» Франция — но что такое Венгрия для СССР? 5 ноября, на следующий день после того, как Советская Армия начала подавление венгерского восстания, Хрущев заявил Англии, Франции и Израилю, что готов применить силу, в том числе и ядерную, для сокрушения агрессоров. Конеч-

но же, США не остались в долгу и тоже начали угрожать СССР ядерным ударом. Мир снова оказался на грани ядерной войны, и открытое американское вмешательство в венгерские события запросто могло заставить противоборствующие стороны перейти эту роковую грань.

Поскольку США не поддержали своих союзников в суэцкой авантюре и в ООН вместе с СССР выступили за прекращение огня в Египте, агрессоры 7 ноября вынуждены были прекратить боевые действия и начать вывод войск. Следует отдать должное твердости Хрущева: в условиях борьбы на два фронта все-таки сумел сохранить в сфере советского влияния как Венгрию, так и Египет.

...и карибское противостояние

Раздражение и обида янки за неудачу в Венгрии нашли выход в принятом конгрессом США 17 июля 1959 года законе «О порабощенных народах». Истинными вдохновителями этого закона были даже не «ястребы» из американской политической элиты, которые все-таки в большинстве своем были уроженцами США, а различные группы эмигрантов, о которых один американский политик писал: «В нашей стране есть шумные и влиятельные элементы, которые не только хотят войны с Россией, но имеют ясное представление, ради чего ее нужно вести. Я имею в виду беглецов и иммигрантов, особенно недавних, из нерусских областей Советского Союза и некоторых восточноевропейских стран. Их идея, которой они страстно, а иногда беспощадно придерживаются, проста — Соединенные Штаты должны ради выгоды этих людей воевать с русским народом, дабы сокрушить традиционное Российское государство, а они установят свои режимы на различных «освобожденных» территориях...»

Принятый верховным законодательным органом США акт имел не просто антисоветское или антикоммунистическое, а столь явное антирусское содержание, что это испугало даже автора доктрины «сдерживания» Д. Кеннана. Он следующим образом охарактеризовал этот закон: «Резолюция обязывает Соединенные Штаты в рамках, посильных

для конгресса, «освободить» двадцать два «народа», два из которых вообще не существуют, а название одного, по-видимому, изобретено нацистской пропагандистской машиной во время прошлой войны... Невозможно представить худшее, чем хотели заставить нас сделать эти люди, — связать нас политически и в военном отношении не только против советского режима, но также против сильнейшего и самого многочисленного этнического элемента в традиционном Российском государстве. Это было бы безумием таких неслыханных масштабов, что при одной мысли об этом бледнеет как незначительный эпизод даже наша авантюра во Вьетнаме...»[131]. Однако это безумие было совершено, и Америка законодательно обязалась разрушить не только коммунистическую систему, но и русское государство.

По иронии истории, в тот же самый год, когда американский конгресс официально обязался «освободить» от советского господства 22 народа Восточной Европы, под самым боком Соединенных Штатов один народ действительно освободился — но не от советского, а от американского владычества. Собственную доктрину, развернутую на 180 градусов, американцы восприняли до невозможности болезненно. Речь идет о Кубе.

В январе 1959 года на Кубе под руководством Ф. Кастро произошла революция, низвергнувшая проамериканский режим Батисты. Латинскую Америку США издавна привыкли считать своей неприкосновенной вотчиной, и это событие встревожило Вашингтон. Но не очень. Бороться с неугодным поведением неугодных людей на этом «пылающем континенте» американцы привыкли.

Для ликвидации режима Кастро правительство Эйзенхауэра пошло по традиционному пути. В 1959 году оно инспирировало несколько контрреволюционных заговоров, включая мятеж У. Матоса в провинции Камагуэй. Параллельно, используя почти полную экономическую зависимость Кубы от США, американцы начали оказывать мощнейший нажим в экономической области: сначала были сокращены, а затем и полностью прекращены закупки сахара — основного продукта кубинского экспорта, и прекращены поставки на остров нефти и нефтепродуктов. Однако этот разносторонний нажим не оказал желаемого воздействия на кубинское

правительство по очень простой причине: оно знало, где искать помощь. По мере возрастания американского давления Гавана все больше и больше поворачивалась лицом к Москве. Быстро оценив все потенциальные выгоды, СССР начал закупать у Гаваны сахар и поставлять ей нефть и оружие. Благо нефти и вооружения у нас много... правда, сахару тоже много, но ради такого союзника можно и поменьше свеклы сажать.

Решить кубинскую проблему Эйзенхауэр не успел и передал ее в наследство сменившему его в Белом доме Д. Кеннеди. Новый президент, видя, что предпринятые меры не обуздали неукротимого Фиделя, пошел дальше. В начале 1961 года США разорвали дипломатические отношения с Кубой и объявили ей экономическую блокаду. В апреле того же года ЦРУ организовало и финансировало вторжение кубинских контрреволюционеров на Плайя-Хирон, закончившееся, правда, грандиозным провалом. Стремясь любой ценой локализовать опаснейший для себя революционный очаг, США в феврале 1962 года добились исключения Кубы из Организации американских государств. Кубинское руководство, полагая, что американцы готовятся к прямой интервенции, попросило о помощи Советский Союз. Хрущев не медля приказал отправить на остров советские ракеты среднего радиуса действия с ядерными боеголовками, бомбардировщики и несколько десятков тысяч солдат — может быть, он и стучал ботинком по трибуне ООН, но он был далеко не трус. Операция по размещению советского оружия на Кубе была проведена в обстановке строжайшей секретности, и на первых порах Америка ничего не знала.

Когда же наконец разведка обнаружила на острове советские ракеты и доложила об этом президенту, разразился знаменитый Карибский кризис. Тот самый, который ближе, чем все остальные международные конфликты, подвел обе сверхдержавы к третьей мировой войне. После Второй мировой войны американцы постоянно и неуклонно окружали Советский Союз базами с нацеленным на него ядерным оружием. Теперь же, узнав, что в ответ в 80 километрах от их берегов установлены советские ядерные ракеты, испытали сильнейшее потрясение. Страх и ярость овладели Америкой, но ярости пока что было больше, чем страха. 22 ок-

тября 1962 года президент США установил военно-морскую блокаду Кубы, задействовав свыше 180 кораблей различных классов, авиационные части, а для вторжения на остров была стянута 100-тысячная армия.

Американским кораблям было предписано осматривать все советские суда, идущие на Кубу. Москва объявила это «беспрецедентными и агрессивными действиями», ведущими к войне. Достоинство великой державы не позволяло нам разрешить американцам контролировать наши отношения с третьей страной и досматривать наши корабли в нейтральных водах. В Атлантике появились советские подводные лодки. Американские военные, верные привычке размахивать оружием, призывали президента нанести удар по Кубе, уничтожить советские ракеты и захватить остров. Кеннеди медлил, понимая, что в ответ последует советский удар по американской территории, на которой сто лет не рвались снаряды. Строить планы ядерного удара было легко, вот ударить по-настоящему...

А Америкой тем временем овладевал страх. В стране раскручивалась беспрецедентная пропагандистская истерия. Обывателю, и без того до смерти перепуганному внезапным появлением советских ракет у него под боком, усиленно внушалась мысль о смертельно опасном советском превосходстве. О масштабах лжи красноречиво свидетельствует заявление сенатора Фулбрайта (правда, сделанное им гораздо позднее). «Президент Кеннеди утверждал, что существует ракетное отставание. И действительно, такое отставание было, но в обратном порядке. У нас имелось около тысячи единиц такого оружия, а они (Советы. — *Авт.*) располагали примерно восьмьюдесятью, тогда как он сделал все возможное, чтобы страна поверила, что у нас 80 единиц, а у них (у Советского Союза. — *Авт.*) — тысяча. Это совсем не было так, но общественность поверила, что мы отстаем»[132].

Однако пропаганда пропагандой, а паритет паритетом. Новую сущность этого понятия выразил тогдашний министр обороны США Р. Макнамара, написав в своей книге, опубликованной в 1986 году: «Я удивлю вас, заявив, что, по моему убеждению, советско-американский паритет существовал в октябре 1962 года во время кубинского ракетного кризиса. Соединенные Штаты имели тогда приблизительно 5 ты-

сяч боезарядов на стратегических силах, в то время как СССР имел только 300. Несмотря на преимущество 17:1 в нашу пользу, президента Кеннеди и меня удерживало от мысли о ядерном нападении на СССР понимание, что, хотя такой удар разрушил бы Советский Союз, у него сохранились и были бы запущены по США десятки зарядов. Это привело бы к гибели миллионов американцев. Никакой ответственный политический лидер не навлек бы на свою страну подобную катастрофу»[133]. По ориентировочным американским подсчетам, в случае начала всеобщей ядерной войны в результате карибского кризиса общее число жертв в СССР, США и Западной Европе составило бы примерно 50—100 миллионов человек. Это не считая радиоактивного заражения, «ядерной зимы» и прочих долговременных последствий, которых тогда никто не просчитывал.

Именно эти соображения и сдерживали американского президента, не позволяя поддаться безответственному нажиму военных. Однако, когда 27 октября советские ПВО на Кубе сбили американский военный самолет «У-2», пилот которого погиб, обстановка накалилась до предела. Пентагон все настойчивее требовал нанести удар по острову, армии США и остальных членов НАТО были приведены в боевую готовность. По приказу правительства СССР министр обороны Малиновский привел в полную боевую готовность все Вооруженные Силы Советского Союза, то же сделали и другие участники Варшавского Договора. Мир балансировал на самом краю ядерной войны.

В отчаянном усилии предотвратить бойню Кеннеди направил срочное послание Хрущеву, передав его через своего брата Роберта, который подчеркнул, что президенту почти невозможно будет сдержать военных в ближайшие сутки, если Москва не даст позитивного ответа. (Однако! Представьте себе, если бы Сталин заявил, что не может сдержать маршала Жукова... Вот они, «преимущества» демократии.) Утром 28 октября Московское радио открытым текстом передало послание Советского правительства президенту Кеннеди о разрешении карибского кризиса. Счет шел уже на часы и минуты, передать его обычным дипломатическим путем уже не было времени. В последнюю минуту новую мировую бойню все-таки удалось предотвратить. В

результате достигнутой договоренности СССР вернул домой ракеты, а США сняли блокаду и дали Кубе гарантии ненападения. Кроме того, по секретной договоренности Соединенные Штаты также убрали свои ракеты из Турции. Чтобы не приходилось впредь прибегать к помощи радио, для оперативного разрешения потенциальных кризисных ситуаций в будущем между обеими столицами была протянута «горячая линия».

Карибский кризис закончился вничью. Хотя американцы и добились вывода ядерного оружия, расположенного в непосредственной близости от их территории, но взамен они были вынуждены признать вхождение Кубы в советскую зону влияния. В итоге был закреплен военно-стратегический паритет: Соединенные Штаты, считавшие до этого, что только они одни могут вершить судьбы мира, были вынуждены признать равные права в этой области и за Советским Союзом.

Конец иллюзии

Придя в Белый дом, новый президент с удивлением обнаружил, что у Америки в тот момент не было даже планов ведения обычной войны — любой конфликт, даже не с Советским Союзом, предполагалось решать путем тотальной ядерной войны. Американские стратеги настолько увлеклись новой атомной игрушкой, что про традиционные методы ведения войны попросту забыли. Однако карибский кризис доказал, что не все так просто.

Сделанные еще во время корейской войны теоретические выкладки в сочетании с опытом, приобретенным во время карибского кризиса, привели к появлению в американской военно-стратегической мысли начала 60-х понятия «неприемлемого» ущерба. Неприемлемым считался такой ущерб, который должен надежно удержать руководство страны от ядерной агрессии. Подсчитали и решили, что он должен равняться уничтожению 20—25% гражданского населения страны и до 75% ее промышленного потенциала. Американская доктрина стала исходить из установки: «сдерживание» нападения на США должно основываться на облада-

нии способностью выдержать первый удар возможного противника, а потом своим ответным ударом нанести ему «неприемлемый ущерб». Это вновь введенное понятие, вкупе с усилением ракетно-ядерной мощи Советского Союза и уроками кубинского кризиса, заставило администрацию Кеннеди существенно пересмотреть официальную доктрину Вашингтона. Отказавшись от принципа «массированного возмездия», Кеннеди провозгласил новую доктрину — «гибкого реагирования».

Теперь США надлежало ориентироваться не только на большие, но и на малые войны, не только на обязательные удары «по центру», то есть по СССР, но и имеющие самостоятельное значение удары по «периферии» социалистического мира или же комбинированные атаки на «центр» и «периферийные» районы, в которые включались и несоциалистические страны. Существенное внимание предполагалось оказывать странам «третьего мира», освобождающимся от колониализма, чтобы предотвратить их выход из сферы влияния Запада. Однако исследователи уже давно отметили: «Практически каждая провозглашаемая очередная «доктрина» или стратегическая концепция в качестве главного метода противодействия Советскому Союзу предусматривала именно наращивание военной силы, которую можно было бы использовать в качестве угрозы или шантажа (в том числе и атомного), так как в Совете национальной безопасности США прежде всего военные средства рассматриваются в качестве важнейшей основы проведения в жизнь планируемых внешнеполитических решений»[134].

Чудесного преображения волка в ягненка не произошло и на этот раз. Теперь уже, согласно доктрине «гибкого реагирования», в США началась усиленная гонка как ядерного (для удара по «центру»), так и обычных (для ведения малых войн) вооружений. Ориентир был взят на «два с половиной конфликта» — одновременного ведения двух больших и одной малой войны. Гонка ядерных вооружений пошла в масштабах, о которых Эйзенхауэр не смел и мечтать. Так, количество МБР возросло с 63 в 1961 году до 1054 в 1967 году, а запускаемых с подводных лодок «Поларисов» — соответственно с 96 до 656. В распоряжении американских ВМС тогда уже находились 2 подводные лодки с баллистически-

ми ракетами «Поларис», а 12 других таких подводных ракетоносцев строились на верфях, но Кеннеди, однако, приказал добавить к этому числу еще 5 строящихся подлодок и запросил у конгресса ассигнования на строительство дополнительно десяти ракетоносцев. Тут-то и пригодился миф о «ракетном отставании» Америки от СССР.

Не менее стремительно наращивались и обычные вооружения, во многом ради усиления традиционной базовой политики. В результате в 60-е годы США имели «договоры о безопасности» с 43 странами и 2270 военных баз с расквартированными на них 1,5 миллиона солдат на территории 119 государств. По подсчетам экспертов, только за первые 20 послевоенных лет военные расходы Соединенных Штатов в 48 раз превысили их военные расходы за два десятилетия перед Второй мировой войной.

Однако обогнать СССР тогда так и не удалось. Аналогичный рост военной мощи Советского Союза привел президента Кеннеди к той же мысли, к которой ранее пришел и его предшественник — о насущной необходимости договориться с русскими о контроле над вооружениями. Огромную роль в понимании этого сыграл карибский кризис. Шлезингер вспоминает: «Я был свидетелем того, что после кубинского «ракетного кризиса» потрясенный Кеннеди и потрясенный Хрущев стали целеустремленно вести дело к частичному запрещению ядерных испытаний и постепенному снижению международной напряженности»[135]. Самым главным итогом этого процесса стало заключение в 1963 году трехстороннего советско-англо-американского Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех сферах. В том же году были заключены советско-американские соглашения о сотрудничестве в исследовании космического пространства, о мирном использовании атомной энергии и другие. А для идеологического обоснования новых — с точностью до наоборот — процессов в советско-американских отношениях возникла и получила широкое распространение теория конвергенции — «слияния» капитализма и социализма на базе достигнутого в обоих лагерях высокого уровня развития производства.

Термин «конвергенция» заимствован из биологии, где он обозначает процесс образования сходных признаков и фун-

кций в строении живых организмов в результате их приспособления к сходным условиям среды. Сторонники «слияния» исходили из теории, что достижение какой-либо страной уровня технического развития, достигнутого США, приведет к формированию там тех же общественных отношений и социальных институтов, что и в Америке. Социализм и капитализм не противопоставлялись друг другу как непримиримые антагонисты, а в них отыскивались сходные черты, развитие которых должно обеспечить удушение социализма «в дружеских объятиях капитализма». Итогом и доминантой этого процесса должна была быть «социализация капитализма» и «либерализация социализма». На протекание реальных международных процессов эта теория влияла не более чем жевательная резинка на протекание кариеса, но она была выгодна, и ее поддерживали как сторонники советско-американского сотрудничества и мирного сосуществования, так и противники СССР, надеявшиеся с ее помощью размыть социализм. В Советском Союзе этот идеологический «Орбит без сахара» с готовностью восприняла часть диссидентов во главе с академиком Сахаровым.

Попытки диалога между советским и американским лидерами закончилась неожиданно. 22 ноября 1963 года во время поездки в техасский город Даллас президент Кеннеди был убит. Ясности в том, кто стоял за этим убийством, нет и по сей день. Среди многочисленных версий об истинных организаторах покушения есть и достаточно правдоподобная версия о причастности к убийству президента ЦРУ. Подобно тому как сам Кеннеди получил от своего предшественника Эйзенхауэра проблему Кубы, так и сам он оставил своему преемнику Джонсону проблему Вьетнама, куда еще при Кеннеди было послано 16 тысяч солдат и офицеров. А вскоре был отстранен от власти и Хрущев. Страница политической истории перевернулась.

Глава 8

ЭПОХА ДАЛЛЕСА В АМЕРИКАНСКОЙ РАЗВЕДКЕ

Большие проекты с малыми результатами

В первые годы президентства Эйзенхауэра в разведке по инерции еще продолжались крупномасштабные программы, начатые при Трумэне. В первую очередь это была операция «Моби Дик» — шпионская аэрофотосъемка советской территории с воздушных шаров. Каждый такой шар имел грузоподъемность в 650—700 кг и, кроме 300 кг балласта, нес аэрофотосъемочную аппаратуру, большой запас пленки и технические устройства для определения координат снимаемой местности, общим весом до 350 кг. С мая 1954-го по декабрь 1956 года в советское воздушное пространство были запущены тысячи таких шаров. За один только январь 1956 года с американских баз в Турции их было выпущено более 500 штук. Однако плохая управляемость шаров, высокая их стоимость (каждый шар обходился в 50 тысяч долларов), а также хорошая работа ПВО социалистических стран, неоднократно устраивавших выставки сбитой шпионской аппаратуры, заставили в конечном итоге свернуть эту программу.

Как мы помним по венгерским событиям, воздушные шары активно использовались и в психологической войне. Инициатива запусков первых агитационных шаров на территорию социалистических стран принадлежала печально известному «Комитету "Свободная Европа"». А вся операция, как это и положено у разведчиков, получила кодовое наименование — «Просперо». Руководил ею заместитель президента Комитета Р. Яроу. Сама же акция проводилась в рамках еще более крупной программы «Поход за свободу».

Первый воздушный шар «Свободной Европы» поднялся в небо Западной Германии 29 апреля 1954 года, и вскоре процесс принял лавинообразный характер. Когда в феврале 1956 года были подведены промежуточные итоги операции «Просперо», то Комитет «Свободная Европа»» объявил, что к этому времени им было запущено 42 тысячи воздушных шаров с 200 миллионами листовок. Любопытно, что операция «Просперо» была направлена не только против восточноевропейских стран, где в качестве программы максимум предполагалось свергнуть социализм и оторвать их от СССР, но и спецназначением — против расквартированных в этих странах советских войск. Так, власти ГДР в середине 50-х обвинили группу русских эмигрантов из ЦОПЭ в том, что они каждый месяц запускают от 15 до 20 тысяч воздушных шаров с 10—14 миллионами листовок на русском и немецком языках.

Однако по тем же причинам, что и «Моби Дик», масштабная операция с пропагандистскими воздушными шарами также вскоре была свернута. Практичные американцы подсчитали, что эффект от нее явно не оправдывает огромных затрат: с учетом того, что лишь незначительная часть листовок достигала цели, каждая из них по своей стоимости равнялась роскошно изданной книге, упавшей с неба.

Другим крупномасштабным проектом, начатым еще до смерти Сталина, стала операция со знаменитым берлинским туннелем. В 1952 году агенты ЦРУ из контролируемого американцами сектора разделенной немецкой столицы, в обстановке строжайшей секретности, прорыли туннель через границу в Восточный Берлин и подключились к магистральным телефонным линиям Западной группы советских войск в ГДР. Для работы был выбран заброшенный дом вблизи границы, откуда по ночам и рылся туннель. Как свидетельствуют участники операции, самой большой проблемой было спрятать выкопанный грунт, чтобы противная сторона (то есть наши) не заметили работ.

Хотя проект и обошелся в миллионы долларов, но зато, по словам Р. Клайна, принес горы ценной информации о Советском Союзе. Подключившись к секретному кабелю, американцы всегда были в курсе дел и намерений командования советских войск в ГДР, находившихся на одной из са-

мых напряженных линий оформившегося к тому времени глобального противостояния Востока и Запада. Все перехваченные переговоры тщательно фиксировались и направлялись для последующего детального анализа в штаб-квартиру ЦРУ. «Улов был обилен, — свидетельствует Р. Клайн, — и очень полезен для аналитиков-специалистов по советской экономике, науке и вооруженным силам. Не менее полезен он был и для исследовательских отделов текущей разведки как ЦРУ, так и всего разведывательного сообщества»[136]. Эту сложнейшую операцию можно было бы считать одним из самых блестящих успехов американской разведки, если бы не одно маленькое «но»: в 1954 году знаменитый ныне Джордж Блейк, а тогда просто советский агент в английской разведке, узнал о берлинском туннеле и незамедлительно информировал об этом Москву. Поэтому можно предположить, что вплоть до апреля 1956 года, когда туннель был официально «обнаружен», советская сторона использовала его в качестве важного канала дезинформации Запада, о чем ЦРУ и не догадывалось...

Крупномасштабной операцией, по инерции продолжавшейся и при новом руководстве, была массированная заброска в СССР американских шпионов. Западный исследователь Санш де Грамон весьма точно сформулировал критерии, по которым отбирались агенты: «ЦРУ не посылает американца по происхождению с секретной миссией в Советский Союз. Как бы агенты ни научились говорить по-русски, как бы они ни изучили обычаи Советской России, насколько бы ни выглядели подлинными их фальшивые документы, у них было бы очень мало шансов выжить в советском обществе... Агент-американец в России только благодаря чуду останется незамеченным. С 1949 года ЦРУ работало над усовершенствованием своей техники засылки русских эмигрантов в Советский Союз. Внешне ничто не связывает этих людей с американской службой. Большинство их принадлежит к НТС, эмигрантской организации с центром во Франкфурте-на-Майне, которая посылала агентов в Советский Союз еще задолго до Второй мировой войны. С помощью НТС и других эмигрантских организаций ЦРУ контролирует этих агентов, наблюдает за подготовкой и организует их переброску в СССР»[137].

Созданный еще в довоенное время НТС прочно закрепил за собой функцию главного поставщика шпионских кадров для английской и американской разведок, выдержав нелегкую конкурентную борьбу с упоминавшимся выше ЦОПЭ («Центральным объединением политических эмигрантов»). Это объединение было создано в 1952 году в Мюнхене и также активно занималось разведывательной и пропагандистской деятельностью против СССР. Между обеими организациями началась типичная эмигрантская грызня с постоянными апелляциями к общему хозяину. Однако на поприще интриг НТС оказался сильнее, и в 1963 году ЦРУ просто-напросто ликвидировало ЦОПЭ, передав НТС все его имущество.

Итак, в то время шпионы в СССР засылались в массовом порядке. Засылка в основном проводилась по воздуху (но не только), небольшими, надлежащим образом обученными и великолепно экипированными группами в 2—4 человека. Имевший отношение к этой операции Г. Розицки вспоминает: «Агенты ЦРУ засылались в Россию всеми возможными путями: по суше, морем или с воздуха, из Скандинавии, Западной Германии, Греции, Ирана и Японии. Операции ЦРУ являлись настоящим огневым рубежом. Они прорывали фронт противника, прощупывали на месте его оборону, наводняли население подрывной пропагандистской литературой, призывали его к вооруженному сопротивлению существующему режиму»[138].

В свое время в СССР были в моде многочисленные «шпионские» истории. Далеко не все они были вымышленными, ибо реальная жизнь в изобилии поставляла фактический материал. Одним из таких шпионов был Константин Хмельницкий. Родился он в 1924 году в Брянской области. Попал в оккупацию, где был мобилизован сначала в антипартизанскую «бригаду Каминского», а затем во власовскую армию. В конце войны, страшась ответственности, бежал в американскую зону оккупации. Начались годы скитаний по Бельгии, Франции, ФРГ в поисках работы и куска хлеба. За тяжелую работу безвестному эмигранту платили сущие гроши, и неудивительно, что Хмельницкий мечтал вырваться из замкнутого круга нищеты.

Случай свел его с русским эмигрантом, оказавшимся членом НТС, который и провел первичную политическую обработку встреченного соотечественника. Затем последовало полгода учебы в школе НТС в Западной Германии. Помимо идеологических дисциплин, слушателям преподавались такие на первый взгляд странные для мирной жизни предметы, как топография, правила конспирации, умение обращаться с оружием и изготавливать фальшивые документы. Периодически занятия инспектировали американцы из ЦРУ, приглядывавшиеся к новому человеческому материалу. По окончании школы все странности разъяснились — слушателям в открытую предложили работать на американскую разведку в Советском Союзе. Выбор был невелик — или принять предложение, или возвращаться во Францию и влачить жалкое существование безработного иностранца, без денег и без будущего. Хмельницкий, как, впрочем, и другие слушатели, согласился.

Для начала американцы перевезли будущих шпионов в Мюнхен, где в здании своей разведки пропустили через «детектор лжи». Теперь с ними работали уже только американские офицеры. Затем — обследование в госпитале и кратковременный отдых. После отдыха начались интенсивные тренировки. Учили стрельбе, радиоделу, шифровальному делу, изготовлению фальшивых документов, советским законам и порядкам, прыжкам с парашютом. Обучение окончилось в апреле 1953 года.

Перед вылетом агентам поставили задачу: «Основное — собирать сведения о военных базах, аэродромах, оборонных заводах, а также о заводах, имеющих наиболее важное значение... Затем мы должны были добыть любым путем документы, в частности настоящие паспорта, а также вербовать агентов, общаться с людьми, собирать сведения об их политических взглядах, чтобы сообщать, о чем думают советские граждане. Посылать донесения можно было двояким путем: по радио и тайнописью по почте...»[139]. После инструктажа, в ночь с 30 апреля на 1 мая 1953 года, их посадили в четырехмоторный американский самолет без опознавательных знаков и сбросили над территорией Белоруссии. Хмельницкий со своим напарником счел за лучшее явиться с повинной, поэтому их не

осудили за шпионаж, а предоставили возможность свободно жить в Советском Союзе.

Другой группе диверсантов, в которую входили Лахно, Маков, Горбунов и Ремига, повезло меньше. Все они во время войны также сотрудничали с немецкими оккупантами, а по окончании ее бежали в Западную Германию, где и были подобраны американцами. После шпионской подготовки в ФРГ группа была переправлена на американскую базу в Греции. На этом, предпоследнем, участке пути диверсантов курировал майор американской разведки Ф.Г. Ирвинг, в 1951 году трижды приезжавший в СССР под официальным прикрытием дипломатического курьера госдепартамента США. Им было приказано пробраться в Киев и Одессу любой ценой, вплоть до убийства людей, добыть настоящие советские паспорта и по ним осесть в указанных городах. Затем они должны были по радио выйти на связь с американским разведывательным радиоцентром в ФРГ для получения дальнейших указаний. Им предстояло заниматься диверсиями и террористическими актами на территории СССР. Экипировка всех четырех шпионов была солидная: огнестрельное оружие, цианистый калий, четыре коротковолновые радиостанции американского производства, радиомаяки для наводки самолетов на цель, средства тайнописи, приспособления для изготовления фальшивых советских документов, крупные суммы советских денег, золотые иностранные монеты и клише с текстом антисоветских листовок. В ночь на 26 апреля эта группа была сброшена с американского самолета над территорией Украины. Однако, как уже говорилось, им не повезло. Лахно и Маков были арестованы уже на следующий день, а к концу дня пойманы и оставшиеся два парашютиста. Учитывая все обстоятельства дела, Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила всех четырех шпионов к расстрелу.

Вскоре новое руководство ЦРУ сочло за лучшее свернуть и операцию «Редсокс» по массовой заброске агентов в Советский Союз. Американский профессор Д. Ричелсон по этому поводу отмечает: «В 1954 году заброска агентов практически прекратилась. Потери были большими, затраты — значительными, а результаты — минимальными. Появились другие возможности»[140].

Новые возможности, старые методы

К числу таких возможностей относилась работа кадровых разведчиков под дипломатической «крышей». После 1953 года, когда советский режим несколько «потеплел», эта работа усилилась. Таких замечательных историй, как с Гроу и его дневником, больше не случалось, но методы сбора информации намного изощреннее не стали. В книге «История органов госбезопасности» приводится рассказ о том, как осенью 1953 года два помощника военного атташе посольства США решили совершить путешествие на Дальний Восток и что из этого вышло.

Причин запретить поездку не было. Между тем по своим каналам КГБ узнал, что вояж будет разведывательным и что американцев интересует Транссибирская магистраль и военные и промышленные объекты вдоль нее. Надо было устроить все так, чтобы съездить дипломаты съездили, а узнать ничего не смогли.

С ними поступили по-простому. На Дальнем Востоке гостям предложили поездку по Амуру. Естественно, устоять перед соблазном прокатиться на катере по пограничной реке было невозможно. А пока американцы гоняли по Амуру на катере, разглядывая берега, в их номере в гостинице побывали оперативники. Отснятую пленку засветили рентгеновской аппаратурой, а шпионские записи сфотографировали (позже по ним узнали, какие именно объекты интересовали американскую разведку). Естественно, вернувшись в Москву и попытавшись проявить пленки, путешественники поняли, что у них кто-то побывал. Но не пойдешь же жаловаться прокурору, что вот мы снимали-снимали военные объекты, а гадкие агенты КГБ нам пленочки засветили!

В 1955 году группа американских разведчиков собралась посетить Волгоград. КГБ, опять-таки по своим каналам, стало известно, что с собой они везут портативное радиоэлектронное оборудование. На этот раз решено было взять разведчиков с поличным. Их взяли под наблюдение, дождались, пока они смонтируют аппаратуру, и захватили ее прямо в номере гостиницы. Ну и, конечно, аппаратуру изучили до последнего проводка. Технические эксперты Генерального

штаба оценили ее так: «Аппаратура предназначена для решения задач нового, ранее не встречавшегося вида агентурной технической разведки. Аппаратура позволяет вести предварительную разведку импульсных, радиолокационных, радионавигационных станций и систем управления реактивным оружием. Разведывательные данные, получаемые с помощью этой аппаратуры, являются исходными и в совокупности с другими разведывательными сведениями имеют большое значение для разработки технических средств подавления нашей радиолокационной системы в ходе боевых действий... Работа разведчиков с указанной аппаратурой представляет серьезную опасность для обороноспособности нашей страны»[141].

В конце 50-х — начале 60-х годов ЦРУ разработало операцию «Линкольн». Суть ее проста: заставить ученых работать на разведку. Теперь задействованные в операции американские ученые при контактах с советскими коллегами тоже собирали информацию. Сначала операция проводилась только в области ракетостроения, по которому СССР опережал Штаты. Так, в 1959 году таких агентов-ученых было около 70, а в 1960 году — уже около 100 человек. После 1963 года операция «Линкольн» была распространена и на другие области советской науки и техники.

Братья Даллесы определяют политику

С 1953 года в ЦРУ началась эра Аллена Даллеса. Новый шеф американской разведки имел, как минимум, два достоинства. Он был первым профессиональным разведчиком в кресле директора ЦРУ и, кроме того, имел старшего брата. Брат же его был не кто иной, как Джон Даллес, государственный секретарь в правительстве Эйзенхауэра. Благодаря этому обстоятельству роль ЦРУ в американской политике резко возросла. Исследователи отмечают: «Началась в истории американской разведки девятилетняя эра А. Даллеса, отмеченная ее бурным ростом, усилением агрессивности и введением ею таких условий игры на вашингтонской шахматной доске, которые позволяли ЦРУ эффективно выполнять поставленные перед ним задачи. В

сущности, А. Даллес считал необходимым согласовывать свой курс лишь с президентом и братом — государственным секретарем; практически все остальные лица, подключавшиеся к руководству разведывательной деятельностью, играли роль статистов. Получение одобрения на те или иные акции превращалось для А. Даллеса в вопрос административной техники, основная подготовительная работа шла в стенах ЦРУ...»[142].

Благодаря столь удачному раскладу вашингтонской политической колоды, новый шеф ЦРУ имел несколько мощнейших каналов влияния на президента. Во-первых, ЦРУ готовило для главы государства ежедневные информационные сводки — стоит ли объяснять, как умело приготовленная «объективка» может быть использована для обработки того, кому она предназначена. Во-вторых, Даллес-малдший доносил свою точку зрения до президента через своего брата-госсекретаря. В-третьих, то же самое он делал через членов Совета национальной безопасности, порядок информирования которого сохранялся неизменным со времен Трумэна. В своих мемуарах этот бывший президент описывал такую картину: «Всякий раз, когда Совет национальной безопасности собирается рассматривать какие-то планы, скажем политику в отношении Юго-Восточной Азии, он тут же предлагает ЦРУ дать оценку возможных последствий этой политики. Директор ЦРУ участвует в работе Совета и постоянно информирует его членов в связи с той или иной рассматриваемой им проблемой. Его оценки выражают мнение центральной разведки и учитывают точки зрения всех других органов, сообщающих свои рекомендации ЦРУ»[143]. Таким образом, Аллен Даллес держал своего президента под плотным информационным колпаком и обладал широчайшими возможностями, манипулируя доводимой до Эйзенхауэра по различным каналам информацией склонять его к принятию правильных (с точки зрения директора ЦРУ) решений. Тут приходится удивляться не тому, что в большинстве случаев Эйзенхауэр действовал в соответствии с даваемыми главой разведки рекомендациями, а тому, что хоть в каких-то случаях он считал и действовал вопреки ему. Впрочем, как было показано выше, и тогда у А. Даллеса было немало возможностей помешать главе государства действо-

вать сообразно собственному разумению. Влияние на президента было столь заметным, что некоторые исследователи задавались вопросом: а не был ли сам Эйзенхауэр статистом при братьях Даллес?

Оба брата отличались резко выраженными антисоветскими убеждениями и уверенностью в «особой», руководящей роли Америки в мировом сообществе. Свято уверенные в превосходстве «американского образа жизни», они считали себя ни много ни мало спасителями христианской цивилизации от «надвигающейся с Востока большевистской угрозы». Широкому кругу россиян более известен младший из братьев, во многом опять же по знаменитому фильму «Семнадцать мгновений весны», основанному на реальных событиях. Действительно, Аллен Даллес, являясь руководителем швейцарской резидентуры УСС во время Второй мировой войны, вел в нарушение союзнических обязательств сепаратные переговоры с немцами. Аллен Даллес был непросто антисоветски настроен. Он не ограничивался простым неприятием коммунистической идеологии — это было неприятие самого русского народа. Кредо и цель всей своей деятельности этот директор ЦРУ сформулировал следующим образом: «Посеяв в Советском Союзе хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как?

Мы найдем своих единомышленников, своих союзников и помощников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания.

...Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых творцов, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности.

В управлении государством мы создадим неразбериху... Мы незаметно будем способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности.

Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель... Честность и порядочность будут осмеиваться и нико-

му не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, и прежде всего вражду и ненависть к русскому народу — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом.

И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или же понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ оболгать, объявить отбросами общества...»[144].

Читайте! ЧИТАЙТЕ!! Вот оно все — открытым текстом. Говорят, человек задним умом крепок — но хотя бы задним числом знать все это не помешает...

Надо отдать должное Аллену Даллесу — он был чрезвычайно умен и коварен. Этот превосходный психолог хорошо понимал, какие корни народного духа надо подрубить в первую очередь, чтобы без физического уничтожения обратить народ в тупое животное стадо. Хоть сам глава ЦРУ и по совместительству американского масонства не дожил до реализации своих замыслов, начертанный им генеральный план почти в точности был реализован. Не будем походя обвинять всех «прорабов перестройки» в работе на американскую разведку. Многим «отцам российской демократии» в силу их органической скудоумности было попросту невдомек, что они являются лишь послушными исполнителями плана, задуманного за океаном почти сорок лет назад. Ими просто играли — а они позволяли собой играть.

Объективности ради отметим, что А. Даллес творил не на пустом месте. Глава ЦРУ черпал вдохновение из сочинений древнего китайского теоретика Сунь Цзы, творчески приспосабливая его постулаты к требованиям современности. А постулаты эти гласили: «Разлагайте все хорошее, что имеется в стане вашего противника. Вовлекайте видных представителей вашего противника в преступные предприятия. Разжигайте ссоры и столкновения среди граждан вражеской страны. Подстрекайте молодежь против стариков. Мешайте всеми средствами деятельности правительства... Будьте щедры на предложения и подарки для покуп-

ки информации и сообщников. Вообще не экономьте ни на деньгах, ни на обещаниях, так как они приносят богатые дивиденды»[145].

Впрочем, и без древних китайцев мысль о воздействии на народ через изменение в нужную сторону его культуры витала в воздухе, которым дышала вашингтонская элита, после успешных экспериментов в этой области в оккупированных американцами Германии и Японии. Так, например, сенатор Хэмфри в письме президенту Трумэну от 11 июля 1952 года высказывал ему свои соображения о том, как лучше организовать оккупацию Советской России: «Я уверен, что я не выхожу за рамки вероятных событий, предлагая, чтобы наши военные активнейшим образом разобрали несколько альтернатив, которые встанут перед нами в конечном итоге после войны и победы. Это, по необходимости, приведет к заключению, что мы должны оценить значение наших усилий в Германии и Японии по завершении военных действий. Полагаю, г-н президент, что Вы с Вашим острым интересом к истории особенно заинтересуетесь историческим обзором нашей оккупационной политики в этих странах. Для историка культуры, на мой взгляд, нет ничего более интересного, чем тщательный и объективный анализ наших новейших основных усилий оказать решительное воздействие на культуру другого народа прямым вмешательством в процессы, через которые проявляется эта культура»[146].

Президент сохранил это письмо, из чего можно сделать вывод, что идея его заинтересовала. Однако при Трумэне в США смотрели на атомную бомбу как на волшебное решение всех проблем, и возиться с таким сложным, кропотливым и медленным делом, как изменение чужой культуры, не стали. Но впоследствии, когда стало ясно, что атомным оружием проблему взаимоотношений с Советским Союзом не решить, методика скрытого уничтожения народа через изменения его культуры вновь стала актуальной и ее блестящим образом сформулировал А. Даллес. Одна беда — «новую» культуру можно было внедрить в сознание русских только одним способом: на живом примере. Она должна была быть скрытно переведена через границу, позаимствована у боготворимой диссидентами независимой Америки. Так

что сначала пришлось привить все перечисленные Даллесом прелести собственной культуре и заразить ими собственный народ. Со всеми вытекающими отсюда для этого народа последствиями.

ЦРУ выбирает союзника

Для достижения поставленной цели все средства хороши — этот принцип директор ЦРУ взял уже у иезуитов. Вскоре после того как Эйзенхауэр занял президентское кресло, ему в сентябре 1954 года был представлен подготовленный в недрах разведывательного ведомства совершенно секретный доклад о деятельности и задачах ЦРУ. В документе подчеркивалось, что Америке необходима «агрессивная тайная психологическая, политическая и квазивоенная организация, более эффективная, более уникальная и в случае необходимости более беспощадная, чем используемая врагом. Никому не дозволено стоять на пути должного, эффективного и полного достижения этой задачи... В этой игре нет правил. Принятые доселе нормы человеческого поведения неприменимы к этой деятельности. Если США суждено выжить, давние американские концепции справедливости должны быть пересмотрены. Мы должны развивать эффективные службы шпионажа и контрразведки и научиться вести подрывную работу и уничтожать наших врагов более хитроумными, более сложными и более эффективными методами, чем используются против нас. Может оказаться необходимым, чтобы американский народ ознакомился, понял и поддержал эту в основе отвратительную философию»[147]. Даллес в своей деятельности в принципе отрицал не только международное право и элементарную общепризнанную законность. Английскому премьер-министру Идену он открыто заявил, что «в современной обстановке «холодной войны» законы, применявшиеся в прошлом, с его точки зрения, не соответствуют более нынешней ситуации и следует либо пересмотреть их, либо применять гибко»[148]. Сказано это было по поводу тайной операции ЦРУ в Гватемале, но этим же принципом он руководствовался и при проведении всех своих других акций. Дипломатичным

и нарочито растяжимым языком официального документа о них говорилось в директиве СНБ за 1955 год, возлагавшей на ЦРУ обязанность:

«— Создавать и использовать трудности для международного коммунизма.

— Дискредитировать международный коммунизм, уменьшать силу его партий и организаций»[149].

Нельзя отказать Аллену Даллесу в последовательности и целеустремленности. За словами последовали и дела. Именно при нем американской разведкой был сделан первый, чрезвычайно важный шаг, без которого были бы немыслимы все остальные — установлен благодаря частично поднятому Хрущевым сталинскому «железному занавесу» контакт с советскими диссидентами — местными исполнителями предначертаний грандиозного замысла Даллеса. О чем ветеран ЦРУ Г. Розицки авторитетно свидетельствует: «Вероятно, самым ощутимым результатом «психологической войны» было налаживание контактов с диссидентами в Советском Союзе. Первые связи с диссидентскими группами в Москве были установлены на Московском международном фестивале молодежи в 1957 году, который в целом был в основном спонтанным диалогом между советской и западной молодежью. Спустя два года, во время выставки ЮСИА в Москве, в руки представителей Запада попали первые экземпляры подпольной литературы и нелегальных студенческих журналов. Это и ознаменовало начало публикации советских подпольных материалов на Западе, во многих случаях их привозят назад в Советский Союз для более широкого распространения. Сбор и публикация рукописей из Советского Союза к настоящему времени стали крупным бизнесом»[150]. Весьма показательно, что установление связи с «пятой колонной» внутри СССР профессиональный разведчик назвал фактически главным результатом всей «холодной войны».

Осуществить этот, самый первый, контакт в Москве ЦРУ смогло лишь благодаря тому, что заблаговременно широко внедрилось в американское и международное студенческое движение. Ф. Доннер констатирует: «Начиная с 50-х годов Центральное разведывательное управление также стало культивировать связи с университетами с помощью

предоставления тайных субсидий на нужды академических исследований и финансирования через посредство различных фондов и подставных организаций ряда групп, прежде всего Национальной студенческой ассоциации, которые должны были обеспечивать поддержку официальному внешнеполитическому курсу США на международных конференциях. По этой же программе деньги передавались Независимой службе научных исследований, Международной студенческой конференции, Американскому обществу изучения африканских культур, Фонду международного развития и т.д.

ЦРУ использовало и другие формы работы с академическими кругами внутри страны. Агенты Управления в обязательном порядке обращались к профессорам и студентам, получавшим субсидии для работы или учебы за границей, с предложением работать по совместительству в качестве разведчиков во время их пребывания за рубежом. По возвращении студента или преподавателя из-за границы с ним, как правило, проводили беседу и просили составить доклад о своей командировке, или дать ответы на интересовавшие ЦРУ вопросы, или даже представить сделанные во время поездки фотографии. Содействие Управлению стимулировалось щедрым «гонораром», а также перспективой новой субсидии»[151].

Впрочем, никакого особого «ноу-хау» тут нет. Социологические аспекты работы против коммунистического режима в СССР были ясны не только аналитикам ЦРУ, но и обычным людям, знакомым с советской действительностью. Показателем этого является аналитическая записка К. Монголда, работавшего инженером в СССР в 1934—1936 годах. Поданная в 1964 году профессору Э. Голдману, советнику сменившего Кеннеди Л. Джонсона, она быстро оказалась у нового президента и была сохранена в его архиве. К. Монголд писал: «В 1917 году в России был сравнительно слабый средний класс. Сегодня существует большой интеллектуальный средний класс, который, по большей части, не принадлежит к партии. Он может возглавить народную революцию. Этот средний класс также пожелает демократии с конституционными гарантиями... Мы должны идентифицировать наши политические интересы с интересами этого непартийного среднего класса, а не с политическими

интересами «благополучных» коммунистов. Демократическая революция в России приведет к децентрализации и распаду русского могущества. Она дает лучший шанс выиграть «холодную войну», решительным образом без риска вызвать ядерную катастрофу, которая может привести к всеобщему уничтожению...

Но ни одно широкое восстание немыслимо, пока миллионы идеологически обработанных и искренне верящих рядовых коммунистов контролируют все вооруженные силы до чинов майоров, полковников и даже генералов. Лишь деморализовав этих коммунистов и побудив их передраться между собой, можно осуществить народную революцию. Однако идеологически их можно деморализовать лишь аргументацией, которая неопровержима с точки зрения их собственной политической философии...»[152]. Далее в письме бывшего инженера шли практические рекомендации по «промывке мозгов» коммунистам, которые после этого должны были превратиться в нечто среднее между «бесстыдными оппортунистами и убежденными оппозиционерами». Впрочем, не надо валить все на американцев. Они только стимулировали процессы, которые и без того протекали в советском обществе. Коммунизм пал не из-за происков врагов, а в первую очередь потому, что сгнил изнутри. Но если бы он был заменен не чужой для русского самосознания западной демократией, а более органичным для России режимом, то распад коммунизма не привел бы к «существенному ослаблению русского могущества», то есть к катастрофе. И вот тут уж ЦРУ постаралось на совесть. Если даже Монголд понимал, что демократическая революция приведет к распаду русского могущества, то тем более это понимали профессионалы из ЦРУ, которые в ходе психологической войны сделали все от них зависящее, чтобы идея демократии западного образца сделалась главной целью советской интеллигенции, подобно тому как подвешенная перед носом морковка является целью осла. Да и морковка-то пластмассовая...

И ракетное топливо, и речь Хрушева

Неуклонно стремясь реализовать мечту об уничтожении русского народа, А. Даллес не забывал и о своих повседневных обязанностях. Уже в 1954 году по рекомендации СНБ совместными усилиями аналитиков ЦРУ и вооруженных сил была создана оценочная сетка по СССР. «Суть концепции в том, что оценки разведывательными агентствами возможностей и намерений противника обретают особый смысл, если они сопоставлены с оценками возможностей и намерений американских вооруженных сил, — отмечает Р. Клайн, один из создателей сетки. — Такие оценки подготавливаются отделом планирования и операций при ОКНШ. Если обе эти аналитические работы слиты в единое целое и в результате вырабатывается оценка соотношения потенциалов вооруженных сил и вероятного исхода конфликта между ними, это и есть оценочная «сетка», или то, что у военных традиционно зовется «оценкой командующего»[153].

Мы уже описывали комическую историю, как агенты ЦРУ оценивали потенциал советской стратегической бомбардировочной авиации. Впрочем, в данном случае они выполнили свою задачу — ведь от них требовалась не столько точность, сколько официальное подтверждение мифа о советском превосходстве в этой области. С появлением у Советского Союза ракетного оружия внимание американских разведчиков незамедлительно переключилось на этот новый вид вооружений. ЦРУ впервые зафиксировало его испытания лишь летом 1957 года, благодаря самолету-разведчику «У-2», способному делать фотоснимки с 25-километровой высоты. На них можно было распознать любой объект величиной до 30 см. Из этих снимков удалось получить очень немного данных, причем достаточно путаных, но в целом фоторазведка свидетельствовала: СССР производит испытания управляемых ракет, запуская их с территории Казахстана и нацеливая на Камчатский полуостров. Поначалу ни А. Даллес, ни американские власти не придали должного значения сделанным наблюдениям. До триумфального запуска спутника в октябре 1957 года о советских ракет-

ных испытаниях было доложено лишь один раз, на летнем заседании СНБ. Эйзенхауэр тогда поинтересовался, способны ли советские ракеты, если их запустить с Камчатки, достичь территории Соединенных Штатов. Получив ответ, что теоретически они способны поразить цель на Гавайских островах, но не могут долететь до Калифорнии, заседавшие перешли к более важным вопросам.

После судьбоносного события, ознаменовавшего начало космической эры и конец неуязвимости спрятавшейся за двумя океанами Америки, приоритетной задачей всего разведывательного сообщества США стало раскрытие секрета советского ракетного топлива. Вожделенный секрет старались раздобыть любой ценой на любом уровне; дело доходило до того, что находившийся в СССР в июле — августе 1959 года вице-президент Никсон в официальных беседах интересовался составом ракетного топлива, которое использует Советский Союз.

Помимо сбора чисто технических сведений, ЦРУ активно проводило шпионаж и на политическом уровне. Одним из наиболее ярких его достижений на этом поприще стала публикация секретной речи Хрущева на XX съезде КПСС. Хотя речь и была засекречена (на закрытых партсобраниях с ней устно были ознакомлены лишь коммунисты, а остальные советские граждане получили возможность прочесть ее полный текст лишь много лет спустя), тем не менее слухи о ней распространились сначала в Восточной Европе, а затем и по всему миру. Едва лишь услышав об этом тайном выступлении, А. Даллес потребовал от своих агентов любой ценой добыть текст речи Хрущева. «Весной, — как вспоминает Р. Клайн, — (насколько мне помнится, в апреле) текст оказался в наших руках — благодаря посредникам (неамериканцам), заработавшим на этом хорошие деньги. Текст этот направили в нашу штаб-квартиру для изучения, и Даллес настоял, чтобы Фрэнк Уинер, Дик Хелмс и Джеймс Энглтон (глава контрразведки, сыгравший немалую роль в охоте за текстом) проконсультировались с кем-нибудь за пределами служб агентурной разведки на предмет выяснения аутентичности купленного ими документа и определения того, насколько содержание его значимо»[154].

Убедившись, что речь подлинная, глава ЦРУ после некоторых колебаний решил опубликовать ее целиком, и 4 июня 1956 года текст доклада Хрущева появился на страницах «Нью-Йорк таймс», а «Свободная Европа» немедленно принялась расписывать ужасы сталинизма для населения соцстран. Публикация засекреченной речи была сильным ударом в «психологической войне» и способствовала сильному разочарованию в коммунизме среди многих приверженцев этой идеологии по обе стороны «железного занавеса». Трансляция ее по РСЕ сыграла немалую роль в нагнетании и без того накалявшейся обстановки в Венгрии.

Ненужные шпионы

Хотя основной период массовой заброски в СССР шпионов и прошел, тем не менее американская разведка продолжала более или менее интенсивно засылать на советскую территорию своих агентов. А наши спецслужбы продолжали их ловить. Часть историй о пойманных шпионах была опубликована как у нас, так и в зарубежных средствах массовой информации. Вот, например, печальная история Тани Акира, бывшего офицера японской императорской армии, который в 50-х годах соблазнился обещанным богатым вознаграждением и дал согласие работать на ЦРУ.

Для начала его направили в разведывательную школу американского центра «Каунтер интеллидженс кор» на острове Хоккайдо, где обучили радиоделу и русскому языку. По окончании школы выпускник написал обязательство, текст которого гласил: «Я, Тани Акира, во имя торжества демократии, обязуюсь оказывать всякую помощь американской разведке и выполнять добросовестно любые задания, не жалея своей жизни». Новому агенту было присвоено кодовое имя Акимото. Сначала он работал в одном из отделов радиооператором, потом обучал радиоделу агентов, забрасываемых в Советский Союз. Американцы платили исправно, и все шло хорошо до тех пор, пока капитан Грей, один из руководителей «Каунтер интеллидженс кор» (Си-Ай-Си), не приказал Акимото самому отправиться со шпионским зада-

нием на Кунашир. За успешное выполнение операции американцы обещали крупную сумму — 70 тысяч иен.

Высадка на советскую территорию состоялась в конце октября. Погода на море ухудшилась, часты были штормы. Тани Акира вместе с напарником Такакува Ютаки доставили к острову на рыболовецкой шхуне «Сакан Мару». При заброске агентов американцы постарались учесть практически все: шпионы были высажены на Кунашир со стороны Охотского моря (эта сторона острова, по сведениям Грея, слабее охранялась советскими пограничниками), ночью, во время уже начавшегося шторма. Из-за сильных волн японцы с трудом спустили на воду лодку, погрузили в нее снаряжение и доплыли до острова. Расчет Грея был точен, и высадка американских агентов так и не была замечена пограничниками.

Целую неделю два японца собирали важные сведения о Курилах и наносили их на карту. Полученную информацию они каждый день передавали шифром в центр Си-Ай-Си, регулярно меняя позывные и длину волны. Наконец задание было выполнено в полном объеме, и Акимото с напарником поспешили к месту своей высадки, где их должна была забрать все та же шхуна. Однако в условленный день «Сакан Мару» так и не пришла, не пришла она и на второй день, и на третий. Каждый день Тани Акира запрашивал по радио Хоккайдо: в чем дело? Почему нас не забирают? Американцы спокойно отвечали: из-за шторма шхуна не может выйти в море. Однако оба разведчика своими глазами видели, что никакого шторма нет, океан давно успокоился. Только тут до них дошло, что для практичных американцев шхуна оказалась гораздо дороже, чем жизнь двух каких-то агентов-японцев.

На десятый день их отчаянных радиограмм в Си-Ай-Си капитан Грей наконец ответил, что шхуна будет выслана. Она подойдет за ними между двадцатью двумя и двадцатью четырьмя часами и, если у японцев все будет благополучно, то в это время они должны дать две белых вспышки электрическим фонариком, а если нет — то две красных вспышки. Однако на световые сигналы пришла не разведывательная шхуна (которая и не думала выходить в море), а наряд советских пограничников. Когда у заброшенного домика, где

скрывались японцы, неожиданно прозвучал приказ на русском языке: «Кто в доме, выходи, руки вверх!» — то Такакува, чьи нервы были уже на пределе, с испуга пустил себе пулю в лоб, а Акире удалось бежать.

Спрятавшись в зарослях бамбука, Акимото спешно связался с капитаном Греем, рассказал, что у них произошло, и потребовал, чтобы за ним немедленно выслали шхуну. На этот отчаянный призыв последовал холодный ответ американца, подписавший приговор Тани Акира.

— Шхуна из-за плохой погоды выслана не будет, — радировал капитан Грей. — Уничтожьте радиостанцию, шифр и записи. Постарайтесь выкрутиться сами, молитесь Богу. Ваша семья будет получать пособие.

Только в этот момент «борец за демократию» Акимото окончательно понял, что его попросту списали, как израсходованный материал. Вспомнилось ему и последнее напутствие перед отправлением. Все тот же Грей посоветовал ему в критическом случае покончить жизнь самоубийством. Однако Акира не стал следовать этому доброму совету. Он решил украсть какую-нибудь лодку и самостоятельно добраться до Хоккайдо. Осуществить этот план японец не успел — его окружили подоспевшие пограничники...

В другой раз ЦРУ использовали двоих американских студентов. Летом 1960 года под видом сбора материала для своих дипломных работ они отправились путешествовать по Украине, но почти сразу же вызвали подозрение и были арестованы по обвинению в шпионаже. На допросах они показали, что путешествовали на средства, полученные от благотворительного фонда «Норткрафт эдьокейшнл фонд» из Балтимора, штат Мэриленд. Когда история эта просочилась в печать, один дотошный американский репортер решил узнать мнение руководства фонда, и тут выяснилось, что организации с подобным названием нет ни в Балтиморе, ни вообще в США — ЦРУ не позаботилось даже об элементарном прикрытии для своих случайных агентов. Этот случай профессиональный разведчик, опубликовавший под псевдонимом Кристофер Феликс на Западе книгу «Краткий курс секретной войны», приводит как пример недопустимого пренебрежения к элементарным требованиям конспирации.

В разведке мелочей не бывает

Советская контрразведка работала достаточно эффективно, и подобные примеры исчислялись сотнями, если не тысячами, поскольку ЦРУ явно предпочитало брать числом, а не качеством агентов. Агентурная разведка явно не оправдывала себя, и ЦРУ, не отказываясь от дальнейшей заброски агентов в Советский Союз, старательно изыскивало новые способы сбора информации об СССР. Не стесненные в средствах и склонные к технократии, американцы быстро нашли выход. В своей речи 15 октября 1959 года А. Даллес заявил: «Мы чувствуем, что научная сторона сбора разведывательной информации должна быть доведена до такого уровня, когда радары и электронные приборы будут иметь тенденцию занять место разведчицы Маты Хари, действовавшей несколько десятилетий тому назад»[155].

Ведущую роль на этом направлении стало играть созданное незадолго до этого АНБ, опорные пункты которого, как грибы после дождя, выросли по периметру почти всех границ Советского Союза (в деле радиоперехвата Америке, как никогда, пригодились граничащие с СССР союзники). По меткому выражению западных аналитиков, не успела окончиться война, как Япония из главной цели радиоразведки США превратилась в ее главную станцию. На самом северном японском острове Хоккайдо, расположенном лишь в 40 милях южнее Советского Союза, быстро появились две американские станции прослушивания — в Вакканайе и около Титосе. На крупнейшем острове японского архипелага Хонсю расположился третий пост в Сакате, тщательно прослушивающий стык границ СССР, Китая и Северной Кореи. Другие станции подслушивания разместились в японских городах Каката, Камисейе, Ханзе-Собе и Футеме.

По окончании корейской войны американские станции разместились в Сеуле, Пьон-Тэке, Ыйчжонбу и Тэгу. Чрезвычайно удобно расположенная стратегически Турция, с территории которой можно было подслушивать все, что происходило в Северном Причерноморье, на Кавказе и в Средней Азии, скоро оказалась буквально утыкана базами АНБ. Американские электронные уши с жадностью ловили все: от переговоров советских ВВС и ВМС до коммерчес-

кой радиосвязи и радарных сигналов. В качестве головного поста подслушивания ими был избран лежащий недалеко от Стамбула небольшой городок Карамюрсель. Ближе всех к советской границе была выдвинута станция в Трабзоне, другая обосновалась на вершине горы, господствующей над турецким черноморским портом Самсуном. День и ночь наблюдая с помощью радара за советской территорией, именно эта станция с 1955 года держала под своим пристальным наблюдением русскую площадку для запусков ракет в Капустином Яре, расположенную к северо-западу от побережья Каспийского моря. Для слежения за другим советским испытательным центром по запуску ракет в Тюра-Таме (к востоку от Аральского моря) американцы в конце 1963 — начале 1964 года установили гораздо более мощный радар в Диярбакыре, расположенном неподалеку от турецко-сирийской границы. Дополнительные станции радиоперехвата появились и в турецкой столице Анкаре, и к югу от Стамбула, и в Синопе на полуострове Инче.

Третьим ключевым звеном всемирной американской империи радиошпионажа стала Западная Германия. С ее территории американцы прослушивали европейскую часть России, все восточноевропейские соцстраны, а заодно... и своих союзников по НАТО. Разведка флота США обосновалась в Бремерхафене, немецком портовом городе на побережье Северного моря. Их коллеги из ВВС облюбовали Цвайбрюккен и базу в Рейн-Майне, а посты КОМСЕК — Западный Берлин и Дармштадт. Армейская радиоразведка прочно обжила опорные пункты во Франкфурте, Аугсбурге и Габлингене. Масштабы американского радиошпионажа западные специалисты оценили следующим образом: «К середине 50-х годов сверхсекретный План развертывания станций перехвата АНБ предусматривал создание в общей сложности 4120 круглосуточно работающих точек перехвата по всему миру. Это число продолжало возрастать и в последующие годы. К сентябрю 1965 году только армейская радиоразведка насчитывала в своем штате 26 233 сотрудника, работавших в разбросанных по всему земному шару 99 отдельных станциях»[156].

Американцы не упускали ни одной возможности получить хоть какую-либо дополнительную информацию. С

1952 года ЦРУ совместно с ФБР начало вскрывать все без исключения почтовые и телеграфные послания, отправляемые из США в СССР или любую из других соцстран. За всеми посольствами и консульствами коммунистических государств в США был установлен жесткий контроль с обязательной фиксацией всех посетителей из числа американских граждан. Выявленные посетители становились объектами самого тщательного расследования на предмет их благонадежности. Подобным путем спецслужбы пытались выявить русских шпионов. Подавляющее большинство американцев, побывавших в СССР, пусть даже с краткосрочным туристических визитом, прямо или косвенно опрашивались агентами ЦРУ.

Знаете ли вы, что Л. Освальд, объявленный убийцей президента Кеннеди, незадолго до покушения, в 1959—1962 годах, жил в Советском Союзе и работал на радиозаводе в Минске. В служебном документе ЦРУ, которое сразу же по возвращении завело досье на Освальда, был указан перечень интересующих ведомство вопросов: «Мы особенно заинтересованы в информации, которую Освальд может предоставить относительно завода, где он работал, о некоторых районах Минска и... биографических данных, необходимых для ведения досье на отдельных лиц... Однако не нажимайте [на него] при получении нужной нам информации, человек он странный... [поэтому] используйте надлежащие каналы»[157]. Официально допрашивать Освальда никто не стал, но нужную ЦРУ информацию выудил из него некий «психолог», посидевший с ним в ресторане. Случай с Освальдом стал широко известен лишь благодаря его причастности к убийству президента, в то время как тысячи других американцев могут и не подозревать, что рассказанная ими невзначай информация о стране, где они гостили, в конечном итоге фиксируется в многочисленнейших досье ЦРУ.

Чтобы обеспечить надежную «крышу» в «третьем мире», в первый же год президентства Кеннеди при государственном департаменте был создан еще один орган, получивший привлекательное название «Корпус мира». Возглавил его С. Шривер, долгие годы сотрудничавший с ЦРУ, а всемерную помощь новой структуре начали оказывать госдеп, Управление международного развития США, ЮСИА и

ЦРУ. Официально Корпус состоял из «добровольцев» — профессиональных учителей, врачей, инженеров и агрономов, оказывающих «бескорыстную помощь» развивающимся странам «третьего мира». В действительности же каждую кандидатуру в штат этого наследника АРА тщательно проверяли, отбирали подходящих людей и обучали в университете штата Аризоны, где курс подготовки имел странное сходство с программой разведшколы. Кроме того, под крышей «Корпуса мира» работало немало профессионалов из ЦРУ и других американских спецслужб. Помимо своей непосредственной деятельности, активисты этой организации должны были отслеживать обстановку в стране пребывания, докладывать о возможном советском проникновении и по мере сил противодействовать ему.

В ознаменование выдающихся успехов стремительно разрастающегося ЦРУ, а еще более, чтобы подчеркнуть огромное влияния главы разведведомства, была воздвигнута знаменитая штаб-квартира ЦРУ в Лэнгли. Первый камень в ее основание был заложен президентом Эйзенхауэром 3 ноября 1959 года, а само строительство обошлось в гигантскую по тем временам сумму — 46 миллионов долларов. Кстати, проектировала здание нью-йоркская фирма «Харрисон энд Абрамовитц», та самая, что ранее создала и проект штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке.

Однако ни колоссальные средства, ни внушительный штат сотрудников, ни публичное признание заслуг не гарантировали ЦРУ от провалов, подчас довольно серьезных и болезненных. Так, американская разведка не только не смог. а сохранить американские атомные секреты, но даже приблизительно определить срок создания советской атомной бомбы (некоторые прогнозы исходили из того, что это чрезвычайно важное для Америки событие произойдет аж через 20 лет). Она была поражена взрывом первой советской водородной бомбы, который никто не ожидал так скоро, застигнута врасплох публичной демонстрацией реактивных бомбардировщиков дальнего радиуса действия в Москве и сделала относительно них, мягко говоря, крайне ошибочный прогноз. Выступая на пресс-конференции 26 января 1960 года, Эйзенхауэр признал, что три-четыре года назад ЦРУ доложило правительству: усилия Советского Союза направлены

на то, чтобы догнать США по производству тяжелых стратегических бомбардировщиков. Вашингтон увеличил ассигнования на этот вид вооружений почти на миллиард долларов. Однако вскоре весь мир стал свидетелем демонстрации исключительных успехов Советского Союза в ракетостроении и освоении космического пространства. В действительности СССР даже сократил производство бомбардировщиков, сделав упор на развитие ракетного оружия, быстротой создания которого мы здорово напугали американцев.

Не меньше проколов получилось и при оценке положения в различных регионах мира. Да, ЦРУ успешно осуществило перевороты в Иране и Гватемале, но оно подвело свое правительство в оценке положения в Ираке, вышедшем после революции из Багдадского пакта, не предупредило своевременно о кризисной ситуации, назревавшей в 1956 году на Суэцком канале, и в том же году оказалось не в состоянии довести до конца свои планы в Венгрии, полностью провалив столь тщательно подготовленную операцию. А ведь еще директива СНБ № 68, одобренная Трумэном, в апреле 1950 года предписывала «обеспечить коренное изменение природы советской системы», посеять внутри данной системы «семена ее разрушения» и, уж как минимум, «поощрять и поддерживать беспорядки и мятежи в избранных, стратегически важно расположенных странах — соседях Советского Союза»[158]. Поощрить-то венгерский мятеж ЦРУ, конечно, поощрило, но вот поддержать его оказалось не в состоянии.

«Тайный инспектор»

Одним из крупнейших проектов ЦРУ, предпринятых при А. Даллесе, стала воздушная разведка советской территории с помощью самолета-шпиона «У-2» — личная инициатива главы разведывательного управления. Поскольку этот крупномасштабный проект был достаточно дорогостоящим и непосредственно затрагивал область международной политики, потребовалось одобрение самого президента, которое не замедлило себя ждать. Одобрение президента — это важный нюанс всей истории американского

самолета-шпиона. «Нам очень нужна была точная разведывательная информация, — позднее писал об этом Эйзенхауэр в своих мемуарах. — В такой ситуации, как считал Аллен Даллес, необходимо было создать новый сверхвысотный самолет для воздушной разведки. В ноябре 1954 года Фостер Даллес, Чарли Уилсон, Аллен Даллес и другие советники пришли ко мне, чтобы получить санкцию на продолжение программы по производству 30 сверхвысотных самолетов общей стоимостью 35 миллионов долл. Многие конструкторские работы были уже близки к завершению. Я одобрил это предприятие»[159].

Естественно, без чрезвычайно серьезных оснований президент не стал бы прекращать работы по осуществлению уже полным ходом идущего проекта. Однако, наряду с огромными плюсами, у этого плана были и большие минусы. Главный из них — возможное разоблачение этой шпионской акции и его последствия. Практичные американцы сразу же задумались, как не быть пойманными с поличным. «Одним из краеугольных камней плана, — вспоминает далее Эйзенхауэр, — было решение, что самолет в случае непредвиденных обстоятельств будет рассыпаться, а пилот — погибать. На этом настаивали ЦРУ и комитет начальников штабов. Это было безжалостное и ужасное решение, но меня заверили, что молодые пилоты шли на это с открытыми глазами, руководствуясь высоким патриотизмом, бравадой головорезов, определенным материальным стимулом»[160]. Однако обстоятельства дела Пауэрса со всей очевидностью свидетельствуют, что в реальности все было несколько иначе. Да, перед тем как выпрыгнуть с парашютом, летчик должен был привести в действие взрывное устройство, уничтожающее самолет. Но вот молодые пилоты-камикадзе были только красивой сказкой. Действительно, летчика перед выполнением задания снабжали быстродействующим ядом, но и только. Воспользоваться ампулой с цианистым калием или нет, он должен был решить сам — приказа покончить с собой пилотам «У-2» никто не давал и дать не мог. США — не Япония, а президент — не император, и страшно подумать, что могло бы случиться, если бы такой приказ был отдан и информация об этом просочилась наружу. Кстати, Пауэрсу после его

возвращения в Америку никто, во всяком случае официально, не ставил в вину, что он не покончил жизнь самоубийством. Так руководство армии и ЦРУ опять обмануло своего президента.

Выдвинув идею создания единственного и уникального в своем роде самолета «У-2», А. Даллес спешил с ее реализацией. С одной стороны, ясно было, что рано или поздно, и скорее рано, чем поздно, Советский Союз создаст эффективные системы противодействия самолетам, летающим даже на очень большой высоте. С другой стороны, в кругу профессиональных разведчиков он не уставал повторять, что «У-2» сможет собирать информацию «быстрее, точнее и надежнее, чем любой агент на земле». Тем более что от агентов на земле было больше проблем, чем толку. Для чего нужна была эта информация, также не составляло секрета. Командующий военно-воздушными силами НАТО в Центральной Европе, маршал авиации Е. Эмбри с солдатской прямотой заявил: «Атомная война требует точных и новых разведывательных данных о том месте, куда хотят послать это оружие колоссальной силы, чтобы оно причинило возможно больше ущерба»[161].

Пытаясь совместить требования военных и разведчиков с насущной необходимостью нормализовать отношения с русскими, американский президент на встрече в верхах в Женеве в 1955 году выдвинул план «открытого неба». Суть его сводилась к тому, чтобы Советский Союз дал официальное разрешение на полеты американских самолетов в своем воздушном пространстве для фотографирования своей территории, в ответ получив право вести воздушную разведку над территорией США. Однако Москва, расценив этот план как откровенно шпионский, с порога отвергла его (а может быть, наши наземные агенты работали лучше американских и СССР не так уж и нуждался в «открытом небе»). В Америке предусмотрели подобный вариант развития событий. «В случае отказа СССР от взаимной аэрофотосъемки США будут осуществлять инспекцию тайно, — заявил полковник Р.С. Легхорн, — даже перед лицом советского вооруженного противодействия»[162]. После отказа Хрущева Эйзенхауэру ничего не оставалось делать, как пойти по пути, заранее разработанному военными.

Заказ на разработку и создание самолета-разведчика дали фирме «Локхид». Надо отдать ей должное, с поставленной задачей фирма справилась блестяще. «У-2», гибрид одноместного истребителя и планера, обладал целым рядом уникальных технических характеристик. Длина самолета была 15 метров, размах крыла — около 30 метров, взлетный вес — 9300 кг. Машина могла находиться в воздухе в течение 10 часов, пролетая за это время от 6000 до 8000 км. Максимальная скорость нового самолета была 900 км/ч, но самым главным достоинством его было то, что он мог подниматься на высоту до 33 км, что делало его неуязвимым для всех самолетов и ракет того времени. В дополнение к этому корпус самолета, сделанный из искусственных материалов и клееной фанеры, был покрыт особой эмалью, поглощающей радиолучи радаров, что теоретически делало «У-2» первым «самолетом-невидимкой». На его борту специалистами ЦРУ было установлено восемь новейших сверхсекретных фотоаппаратов с высокой разрешающей способностью и общей полосой захвата в 780 км. Кроме того, самолет-шпион был оснащен и сложной аппаратурой для радиоразведки.

Все работы по созданию «У-2» проводились в атмосфере абсолютной секретности. Авиационная база Райт-Паттерсон в штате Огайо, по воспоминаниям очевидцев, охранялась так же тщательно, как ядерный центр в Лос-Аламосе. Практически все соприкасавшиеся с проектом люди, не исключая и сотрудников ЦРУ, прошли серьезную проверку на детекторе лжи. Руководил всей программой Р. Биссел, заместитель директора ЦРУ. Построенный самолет быстро прошел необходимые летные испытания, и уже 1 августа 1955 года «У-2» официально совершал первый вылет. Для эксплуатации самолетов-разведчиков в Центральном разведывательном управлении было создано сверхсекретное подразделение «10—10», специальное подразделение воздушной разведки. Часть других «У-2» предоставили НАСА, и несколько самолетов передали 4028-й эскадрилье 4080-го разведывательного авиакрыла стратегического авиационного командования ВВС США.

Понимая, что необычный самолет рано или поздно привлечет к себе внимание, А. Даллес запустил в прессу упреждающую дезинформацию. Об «У-2» сообщалось, что он

предназначен для исследования погоды и принадлежит НАСА, что созданы три эскадрильи для изучения метеорологической обстановки, расположенные на базах в Атсу (Япония), Инджирлик (Турция) и Эдварс (США). (В действительности же основные силы подразделения «10—10» первоначально размещались в Западной Германии.) После отвлекающей дымовой завесы в середине 1956 года А. Даллес получил разрешение Эйзенхауэра на проведение разведывательных полетов «У-2» над территорией СССР. Президент, конечно же, отдавал себе отчет, что речь идет о грубом нарушении государственного суверенитета Советского Союза, но не мог устоять перед соблазном получить качественно новую развединформацию о главном противнике. Вся операция, первоначально задумывавшаяся как кратковременная, получила в ЦРУ кодовое наименование «Перелет».

Первый полет «У-2» над советской территорией состоялся 4 июля 1956 года. Самолет взлетел с американской авиабазы в Висбадене (ФРГ) и пролетел над Москвой, Ленинградом и Прибалтикой. В отчете говорилось, что самолет-шпион «прошел над двумя наиболее серьезно обороняемыми районами в мире. Полет был удачен. Советская система ПВО не открыла огня». Фотографии, сделанные новейшими фотокамерами с фокусным расстоянием в 90 см, поразили специалистов качеством изображения. Руководитель проекта Р. Биссел отмечал: «Детали были видны настолько четко, что можно было прочесть хвостовые номера на бомбардировщиках».

Окрыленное первым успехом, германское подразделение «10—10» в том же месяце провело еще пять разведывательных полетов над территорией СССР. Самолеты вторгались в советское воздушное пространство на высоте свыше 20 км, большую часть времени планировали с выключенными двигателями, радиопереговоров в эфире не вели. В результате этих полетов аналитики ЦРУ, после расшифровки фотографий, смогли вскрыть многие элементы советской системы ПВО, принципы ее действия, установить аэродромы истребителей-перехватчиков, расположение зенитной артиллерии и радиолокационных станций. Помимо этого, были сфотографированы базы советского ВМФ и другие важные объекты. Сколько всего полетов «У-2» было совершено над

территорией Советского Союза, точных данных нет. По мнению одних исследователей, за время с 1956 по 1960 год было 30 таких полетов. Другие, подсчитавшие полеты всех американских самолетов-разведчиков, а не только одних «У-2», за 10 лет, начиная с апреля 1950 года, полагают, что американцы 81 раз вторгались в воздушное пространство и территориальные воды СССР. По их же данным, 20 самолетов США так никогда и не вернулись на базы.

Однако игра, по мнению американского руководства, стоила свеч. Благодаря новому самолету-шпиону удавалось заглядывать в глубинные области Советского Союза, труднодостижимые для других средств разведки. Отечественные исследователи так оценивают результативность операции «Перелет»: «С 1956 по 1961 год американские разведывательные самолеты «У-2» «Локхид» совершили до 30 безнаказанных полетов над СССР. Они парили над сверхсекретными ракетными полигонами Тюра-Там (Байконур) и Капустин Яр, над Семипалатинским ядерным полигоном, над Сарышаганским полигоном войск ПВО, над стратегической авиабазой в Энгельсе, над базой подводных лодок в Североморске, важными объектами Подмосковья и Ленинградской области. Фотографировали как ракеты, так и самолеты, выходящие на дежурство подводные лодки. [...] Что касается ракет, то американцы не просто сфотографировали ракеты «Р-12» и «Р-14», но определили их дальность пуска — 900—4500 километров. Ракеты запускались в восточном направлении, что тоже контролировалось американскими самолетами»[163]. Полученные путем воздушного шпионажа сведения оказались настолько ценными, что первоначально задуманная как краткосрочная программа «Перелет» в ноябре 1957 года была продлена на один год, затем еще на один и еще на один. Самолеты-разведчики активно использовались не только с западногерманских, турецких и японских баз, как это было предусмотрено первоначальным планом, но и с территории других государств, в частности Пакистана.

Понятно, что при расширяющихся масштабах операций сохранить режим секретности становилось все труднее и труднее. Сначала первое подразделение «У-2» из Висбадена перебазировали в более укромный район Западной Германии — Гибельштадт. Но и это место оказалось недостаточ-

но уединенным, и поэтому основные силы подразделения «10—10» решили сконцентрировать на базе Инджирлик в Турции. Серьезное беспокойство доставляла и пресса. В марте 1958 года «Модел эрплейн ньюс» опубликовала статью, где говорилось (правда, с оговоркой «по неподтвержденным данным»), что самолет «У-2» совершает полеты за «железный занавес» и производит там аэрофотосъемку. Газета «Советская авиация», официальный орган ВВС, опубликовала целую серию статей об «У-2», где называла его «зловещим орудием шпионажа», верно отмечая, что вылеты производятся из Висбадена. Новую пищу для прессы дал новый инцидент. При полете над Сибирью 24 сентября 1959 года у одного из «У-2» сломался мотор. Летчику удалось дотянуть до Японии, однако садиться пришлось не на засекреченной военной базе, а на гражданском аэродроме. Самолет-шпион находился на нем всего пятнадцать минут, но один из любознательных японцев успел сделать фото, которое на следующий день появилось в газетах. Сопутствующая статья описывала часть технических характеристик «У-2», и в ней был сделан вывод, что самолет может использоваться как для метеорологических исследований, так и для разведывательных полетов.

Несмотря на участившиеся инциденты, операция «Перелет» продолжалась. В то время как гнавшееся за секретной информацией высшее начальство в Вашингтоне и Лэнгли все продлевало и продлевало ее строки, летный состав чем дальше, тем больше не мог отделаться от неприятного ощущения, что время готовит им ловушку. Предчувствия не подвели летчиков — последний успешный полет «У-2» произошел 9 апреля 1960 года. Взлетевший с пакистанского аэродрома в Пешаваре самолет выполнил поставленную перед ним трудную задачу: за один раз пролететь над четырьмя сверхсекретными объектами СССР. С высоты 20 км летчик заснял Семипалатинский ядерный полигон, находившуюся рядом с ним базу стратегических бомбардировщиков «Ту-95», полигон зенитных ракетных войск ПВО близ Сары-Шагана и ракетный полигон Байконур. Успех вдохновил ЦРУ, и в следующий раз, 1 мая 1960 года, решено было перелететь всю территорию Советского Союза с юга на север. Пилотировать «У-2» должен был Фрэнсис Пауэрс...

•

Роковой полет

Ставший всемирно знаменитым летчик-шпион никогда не мечтал о карьере разведчика — он всегда хотел стать просто пилотом. Небо манило Пауэрса, и 1 октября 1950 года он добровольцем поступил на службу в американские ВВС. Сначала летное училище, затем производство в офицеры и полеты на реактивных истребителях «Ф-84Ф». Вскоре он женился на Барбаре Мор, секретарше с базы морской пехоты. Словом, обычная военная карьеры, каких тысячи. Однако судьба уже готовила молодому пилоту крутой поворот.

Все началось в апрельский день 1956 года. Вернувшись во второй половине дня на базу Турнер после очередного тренировочного полета, Фрэнсис заметил на доске приказов список, а в нем — свою фамилию. Всем летчикам, указанным в списке, предлагалось в 8 часов утра явиться к майору в штаб авиабригады. На следующее утро все они собрались в кабинете начальника. Майор сразу взял быка за рога:

— Ребята, кое-кто хотел бы потолковать с вами и, возможно, кое-что предложить.

— Что именно? И почему именно мы? — раздались вопросы.

— Выбор пал именно на вас, потому что вы отвечаете определенным критериям: все отличные пилоты, офицеры запаса, добровольно оставшиеся на сверхсрочной службе, имеете допуск по форме «Совершенно секретно». В дополнение ко всему у вас более чем достаточно часов, налетанных на одноместных одномоторных самолетах.

Немедленно посыпались другие вопросы, но майор решительно взмахнул рукой и сказал, что это пока все, что он уполномочен сообщить. Если кто-то заинтересовался и хочет узнать поподробнее, он скажет, когда и куда прибыть для дальнейших переговоров.

Заинтригованы были почти все, в том числе и Пауэрс. Уже тогда ему бросилось в глаза, что встречаться с таинственным незнакомцем пилотам предстояло поодиночке, в разное время, не в служебные часы и за пределами базы. Сам Фрэнсис должен был в семь часов вечера явиться в

мотель «Рэдиум спрингс инн» к некоему Уильяму Коллинзу. Постоялец радушно принял гостя.

— Мне сказали, что вы прекрасный пилот, а прекрасным пилотам надо летать на суперсамолетах, — сразу же польстил он самолюбию летчика. — Как вы на это смотрите?

— Разумеется, положительно, сэр. Но что я должен делать? Быть испытателем?

— Не совсем. Боюсь, что я не могу сказать вам слишком многого, во всяком случае, в данный момент. Скажу только, что вас и нескольких других воздушных асов отобрали для службы в одно подразделение, которое будет выполнять важные правительственные задания. Это, конечно, сопряжено с некоторым риском, но, согласившись сотрудничать с нами, вы окажете большую услугу своей стране. Понятно, платить вам будут больше, чем сейчас. Для начала две с половиной тысячи долларов в месяц. Хорошенько обдумайте наше предложение. Если оно вас заинтересует, позвоните мне завтра, и мы договоримся о следующей встрече. Вот еще что, — перед самым уходом спохватился Коллинз, — учтите еще один момент: если вы примете наше предложение, то вам придется пробыть полтора года без семьи.

Полночи Пауэрс, вместе с женой, обдумывал это туманное предложение. Решающую роль для молодых супругов, пожалуй, сыграла названная сумма. На следующий день летчик позвонил по оставленному ему номеру и сказал, что согласен. Назначили следующую встречу, во время которой Коллинз сообщил, что представляет ЦРУ. Если Пауэрс им подойдет, он будет работать на разведку по контракту, время исполнения которого зачтется ему как действительная военная служба. Летать он будет на самолете нового типа, поднимающемся на совершенно фантастическую высоту. Сразу после окончания тренировок летчик должен будет отправиться за границу и там приступить к выполнению задания.

— Учтите, — предупредил его Коллинз, — что часть вашей работы будет состоять из разведывательных полетов вдоль границ России с высокочувствительным оборудованием на борту, улавливающим сигналы радиостанций

и радиолокационных установок. Но это еще не все. Ваша главная цель — пролететь над территорией России. Запомните это.

Еще раз подумав, на следующее утро Пауэрс дал окончательный ответ. Он согласился. То, что отныне пилот был связан с всемогущим разведывательным ведомством, ребята из ЦРУ дали ему понять сразу же: даже на тестирование и инструктаж в Вашингтон он должен был ехать, как нелегал во вражеской стране: в штатском, под чужим именем, с поддельными документами, «легендой» для родителей и сослуживцев, с конспиративной встречей в гостинице. ЦРУ было удовлетворено по всем параметрам, и Пауэрс уже в апреле 1955 года, уволившись с военной службы, подписал с управлением секретный контракт. Контракт был предельно краток и составлялся, в сущности, лишь ради одного пункта — ответственности пилота за сохранение доверенной ему государственной тайны. Любое ее разглашение квалифицировалось в договоре как наносящее ущерб «национальной безопасности» США. Составлен он был в единственном экземпляре, который и остался в разведслужбе.

Сразу после подписания контракта Пауэрса и остальных завербованных летчиков направили для тренировок на базу Уотертаун. Расположение базы с точки зрения секретности было просто идеальным: она находилась в южной части невадской пустыни, и попасть туда можно было только по воздуху. Хоть Уотертаун и был надежно спрятан от людских глаз, все же будущим разведчикам для перестраховки выдали удостоверения гражданских служащих компании «Локхид», временно работающих на НАСА. Начались долгие недели напряженных тренировок на новом чуде шпионской техники. Первое, чем удивил «У-2» бывалых летчиков, так это стремительным набором высоты: для отрыва от земли требовался лишь короткий разбег в 300 м, после чего аппарат уходил ввысь под углом более 45. Детально знакомились летчики и с невиданной ими доселе фотоаппаратурой. В заключение всего курса обучения будущих крылатых разведчиков ознакомили с взрывным устройством и обучили искусству преодолевать пограничную полосу, ограды с электрическим током и обходить минные поля. Когда курс обучения был закончен, Пауэрса и всех пилотов его группы

осенью 1956 года перевели из Уотертауна на американскую базу Инджирлик в Турции. Всем им вручили новые удостоверения личности, где они значились вольнонаемными министерства ВВС, обслуживающими НАСА и имеющими право летать на самолетах означенного ведомства. Так началась служба Пауэрса в подразделении «10—10».

Каждый шпионский полет тщательно готовился. Много времени занимало изучение карты Советского Союза. В обязательную экипировку каждого пилота входил надувной резиновый плот, небольшой запас воды и продовольствия, компас, сигнальные ракеты, спички, пакет первой помощи и добротный зимний охотничий костюм. Кроме того, пилоту вручался составленный на 14 языках плакат с надписью: «Я американец и не говорю на вашем языке. Мне нужны пища, кров и помощь. Я не причиню вам вреда. У меня нет преступных намерений в отношении вашего народа. За помощь вас ждет вознаграждение». Для облегчения контакта с гражданами СССР ЦРУ давало каждому летчику 7,5 тысяч советских рублей, золотые наполеоновские франки и золотые кольца с часами.

В сентябре 1956 года подразделение «10—10» начало первые разведывательные полеты. Объекты разведки и очередность их фотографирования определяло ЦРУ после консультаций с военными, Комиссией по атомной энергии и другими ведомствами. Наряду с главной, определялась и запасная цель — в случае, если интересующий разведку район окажется покрытым облачностью, летчик, чтобы использовать каждый вылет с максимальной отдачей, должен был исследовать резервные цели.

Приказ о первом вылете застал Пауэрса врасплох. Он шел по территории зоны, когда внезапно его остановил командир отряда полковник Эд Перри и совершенно обыденным голосом произнес:

— Ну, вот вы и летите, Пауэрс.

— Когда?

— Если погода продержится, дня через два.

Такой срок давался летчикам, чтобы они могли подготовиться к полету, изучить карту, продумать различные маршруты. Свой первый разведывательный полет в советское воздушное пространство, в ноябре 1956 года, Пауэрс запом-

нил навсегда. Позднее он так опишет его в своих мемуарах: «Утром я еще раз внимательно просмотрел карты с маршрутами, нанесенными кодовыми цветами: синим, красным, коричневым. Синий обозначал общее направление; на этих участках допускалось некоторое отклонение от курса. Красные линии отмечали районы расположения объектов; их следовало придерживаться возможно точнее. По обе стороны от проложенного курса шли пометки, указывающие пункты включения той или иной электронной и фотоаппаратуры. Коричневым цветом были обозначены запасные базы — на тот случай, если я почему-либо не смогу вернуться в Инджирлик. После того как мне сообщили сводку погоды, офицер разведки спросил, не хочу ли я взять ампулу с цианистым калием. Я отрицательно покачал головой, так как боялся, что ампула разобьется в кармане и яд попадет на тело. Самолет уже подтянули на взлетно-посадочную полосу. По сигналу начал разбег, достигнув заданной высоты, лег на курс. Ровно через 30 мин после вылета потянулся к кнопке радиовызова. Самолет находился слишком близко от русской границы, поэтому обычный разговор мы заменили заранее разработанными кодовыми радиосигналами. Если все пойдет нормально и я смогу продолжать полет, пошлю в эфир два щелчка, которые примет база. В ответ она пошлет один щелчок, означающий: сигнал принят, продолжать полет как намечено. Если же я услышу три щелчка, значит, полет отменяется, тогда я должен немедленно развернуться и возвращаться на базу. Это будет мой последний радиоконтакт со своими. Я послал в эфир два щелчка. Через мгновение в ответ послышался один сигнал. Полет продолжался, я пересек турецкую границу между Черным и Каспийским морями и проник в воздушное пространство России...»[164]. Первый полет прошел удачно. Последующие уже не так запомнились Пауэрсу.

Испытания советских баллистических ракет в 1957 году прибавили работы подразделению «10—10». Однако возросла не только ценность полетов «У-2» над советской территорией, но и риск этих полетов. Поэтому для поощрения пилотам объявили, что все они награждены крестом «За летные боевые заслуги». Срок действия 18-месячного контракта подходил к концу, и ЦРУ предложило пилотам про-

длить его еще на один год. Пауэрс и еще несколько летчиков согласились, но выторговали право привезти на базу в Инджерлик свои семьи. Разведчикам скрепя сердце пришлось пойти на это нарушение инструкций, и молодая жена Пауэрса прибыла к нему в Турцию.

В ноябре 1958 года Пауэрс, один из немногих членов первоначального состава группы, продлил свой контракт еще на год. И вот в 1960 году перед пилотом поставили новую задачу. Это вторжение мало напоминало предыдущие операции — «У-2» впервые должен был пересечь всю территорию СССР. Поднявшемуся с базы в Пешаваре в Пакистане самолету предстояло пролететь 6 тысяч километров и приземлиться на норвежской базе Буде. Пауэрс был обязан охватить все объекты по маршруту Душанбе — Аральское море — Челябинск — Свердловск — Киров — Архангельск — Кольский полуостров — Кандалакша — Мурманск — Баренцево море. Обслуживающая бригада и самолет были заранее доставлены в Пакистан, а вскоре туда прибыл и Пауэрс.

Первоначально полет был назначен на среду, но несколько раз откладывался. И вот наконец на рассвете 1 мая Пауэрса разбудили и велели готовиться к полету. В 5 часов 20 минут по местному времени летчик уже сидел в кабине «У-2», ожидая окончательного приказа. Старт был назначен на 6 часов утра, но приказ о вылете задерживался. Наконец, к машине подбежал полковник Шелтон и объяснил причину задержки — ждали разрешения Белого дома. «Такое, — вспоминает Пауэрс, — случилось впервые. Обычно о санкции президента сообщалось задолго до полета. Мне предстояло лететь без радиосвязи с землей, поэтому в воздухе можно было надеяться только на секстант. Однако, поскольку все расчеты делались исходя из времени вылета в 6 ч утра, секстант становился бесполезным. Я был уверен, что полет отменят, и уже мечтал сбросить пропитанную потом одежду, как вдруг в 6 ч 20 мин поступил сигнал: взлет разрешен»[165]. Он немедленно завел двигатель и взлетел.

Многое в истории этого самого знаменитого шпионского полета, существенно повлиявшего на советско-американские отношения, до сих пор неясно. В частности, открытым остается вопрос: давал или не давал президент Эйзен-

хауэр санкцию на проведение этого перелета. Когда разразился крупнейший международный скандал и после попытки неуклюжего отрицания вашингтонская администрация все же взяла на себя ответственность за него, американский глава государства во всеуслышание заявил: «В качестве президента... я беру на себя полную ответственность за одобрение всех различных разведывательных программ, принятых нашим правительством для осуществления военной разведки и оценки ее данных»[166]. В беседе с главой аппарата Белого дома Ш. Адамсом Эйзенхауэр выразился еще конкретнее: «Я лично рассматривал каждый такой полет. Когда мне принесли план данного полета над Россией, я утвердил его вместе с другими, намеченными разведкой»[167].

Однако все эти признания нельзя рассматривать однозначно. Они делались, когда скандал бушевал вовсю, и в то время честь профессионального военного могла попросту не позволить Эйзенхауэру признать тот постыдный факт, что он не в состоянии контролировать собственную разведку. Перед лицом мирового и американского общественного мнения он, чтобы спасти честь мундира, был вынужден брать на себя ответственность за ее акцию. Кроме того, есть достаточно много данных, позволяющих считать, что президент к этой операции действительно был непричастен. Известно, что, стремясь к нормализации советско-американских отношений, Эйзенхауэр возлагал большие надежды на парижскую встречу в верхах руководителей США, СССР, Англии и Франции. По некоторым данным, именно тогда планировалось подписать договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах, который должен был стать первым шагом в ограничении гонки вооружений и началом конца «холодной войны». Президент отлично понимал значимость этого впервые открывающегося исторического шанса и едва ли поставил бы переговоры под угрозу срыва из-за какой-нибудь неуклюжей разведывательной акции. Еще в феврале 1960 году Эйзенхауэр заявил в консультативном совете по разведывательной деятельности: «Если один из разведывательных самолетов будет потерян в момент, когда мы будем заняты переговорами, меня тем самым могут лишить возможности предпринять элективные действия»[168].

Но ведь именно этого и хотели фанатично ненавидящие Советский Союз братья Даллесы! Бывший полковник ВВС США Ф. Праути прямо указывает, что перед встречей в Париже Эйзенхауэр запретил все полеты «У-2» над социалистическими странами. «Приказ президента был нарушен, — констатирует этот свидетель. — Кто-то расстроил встречу в верхах»[169]. Самолеты-шпионы дважды, сначала 9 апреля, а затем и 1 мая, вторгались в советское воздушное пространство. Обращает на себя внимание, что оба раза перед летчиками ставились сложнейшие трудновыполнимые задачи: первый раз одновременно облететь четыре секретнейших объекта, второй раз — впервые за операцию «Перелет» пересечь всю советскую территорию с юга на север. Провокационный и вызывающий характер полета Пауэрса усиливался еще и тем, что он был осуществлен 1 мая, в один из наиболее почитаемых советских праздников. Если самолет будет обнаружен, то этот полет трудно расценить иначе, чем намеренную пощечину руководству СССР. Вдобавок, как уже отмечалось выше, из-за задержки вылета Пауэрса лишили возможности точно ориентироваться в полете. «У-2» взлетел с пакистанской территории, а ЦРУ уведомило президента, как это явствует из его мемуаров, об исчезновении самолета, поднявшегося в воздух якобы с базы Адана в Турции. Заведомо ложные данные были представлены Эйзенхауэру и о маршруте полета. Все это в комплексе наводит на мысль о том, что операция с Пауэрсом была задумана и осуществлена Алленом Даллесом не столько против Москвы, сколько против собственного президента, вздумавшего договориться с русскими. Если это так, то летчика заведомо посылали на убой в надежде, что вызванный инцидентом скандал сорвет намеченную встречу в верхах.

Итак, быстро перелетев пакистанскую и афганскую территории, самолет Пауэрса 1 мая 1960 года в 5 часов 36 минут по московскому времени нарушил государственную границу СССР в 20 км юго-восточнее города Кировабада Таджикской ССР. Советские радары зафиксировали высоколетящий объект, и информация с южной границы немедленно пошла в Москву. Сообщение о вторжении самолета застало Хрущева во время подготовки к первомайской демонст-

рации. Иностранный самолет все увереннее проникал в глубь территории Советского Союза, и было неизвестно, какова его конкретная цель: разведывательная или, может быть, нанесение атомного удара? На совещании партийного руководства было принято решение: сбить нарушителя.

Поскольку понадобилось время на принятие решения, «У-2» был сбит уже в районе Свердловска, а всего полет Пауэрса над советской территорией продолжался 3 часа 17 минут. Летчик как раз делал записи после очередного поворота на 90 градусов, как вдруг раздался глухой удар, самолет резко рвануло вперед, и чудовищная оранжевая вспышка озарила кабину и половину неба. Самолет затрясло со страшной силой, и машина перевернулась и вошла в штопор. Вдобавок ко всему произошла разгерметизация кабины, и надетый на летчике высотный костюм раздулся, стесняя движения. Благоразумно решив сначала катапультироваться, а уж затем включать блок подрыва, Пауэрс отстегнулся от сиденья, и сразу же центробежная сила наполовину вытолкнула его из самолета. Летчик уже хотел раскрыть парашют, но тут почувствовал, как что-то удерживает его, словно привязывая к самолету. Это были трубки подачи кислорода, которые он забыл отсоединить. Судорожно задергавшись всем телом, Пауэрс оборвал кислородные шланги и на 10-километровой высоте все-таки покинул падающий «У-2». Ему сильно повезло — буквально через несколько секунд вторая зенитная ракета поразила самолет и разнесла его на мелкие обломки. Услышав взрыв и заметив спускающегося парашютиста, четверо жителей деревни Косулино поспешили к месту его приземления. Они помогли Пауэрсу погасить парашют и сняли с него шлемофон с каской, но, когда пилот обратился к ним на английском языке, крестьяне поняли, что перед ними иностранец. Действуя, как и предписывалось советским гражданам, они немедленно обезоружили Пауэрса, сняв с его пояса бесшумный пистолет и нож, отвезли в село и передали органам государственной безопасности.

Пауэрса немедленно отправили в Москву, а специально созданная бригада стала тщательнейшим образом собирать все сохранившиеся остатки самолета-шпиона. Затем последовала дипломатическая дуэль, в ходе которой официаль-

ный Вашингтон поначалу объяснял инцидент «случайным» залетом научно-исследовательского самолета НАСА в советское воздушное пространство (до Свердловска!), но, уличенный публично во лжи, был вынужден наконец признаться в санкционированной лично президентом крупномасштабной шпионской акции. Нечего и говорить, что все надежды Эйзенхауэра на парижскую встречу с треском провалились (рассказывают, что эта история так возмутила Хрущева, что, когда ему доложили о том, что американский летчик взят живым, он в гневе закричал: «Повесить!»). 17 августа 1960 года в Москве начался открытый судебный процесс над Пауэрсом, обнаживший сущность внешней политики США перед всем миром. Самого летчика приговорили к 10 годам лишения свободы, но через полтора года обменяли на арестованного в Америке советского разведчика Рудольфа Абеля. По возвращении в США он был полностью реабилитирован и устроился на работу в компанию «Локхид». В 1970 году Пауэрс написал книгу «Операция "Перелет"», после чего был уволен. Через семь лет он погиб в авиационной катастрофе.

Впрочем, курирующий программу «У-2» Р. Биссел, как и положено кадровому разведчику, предвидел, что недалек тот день, когда детище компании «Локхид» утратит свою неуязвимость. Поэтому-то он так настойчиво стремился еще больше усовершенствовать фотосистему, что надеялся установить ее на принципиально новом носителе. Этим носителем должен был стать спутник-шпион. Еще во время операции «Перелет» ЦРУ начало активно осваивать принципиально новую для себя сферу — космической разведки, работать над созданием ракеты, которая была бы способна вывести спутник-шпион на недосягаемую для советской ПВО высоту. Его усилия на этом направлении увенчались успехом, и уже в 1959 году на орбиту был выведен первый спутник фоторазведки КН-2, замаскированный под гражданский аппарат «Дискавери-1». Вскоре США имели уже не один спутник-шпион, и для эксплуатации их 6 сентября 1961 года было создано Национальное управление воздушно-космической разведки (НУВКР), объединившее усилия соответствующих подразделений ВВС, ВМС и ЦРУ. К этому времени фотоснимки стали поступать с высоты 90 миль, а их качество

уже не уступало качеству снимков, сделанных с «У-2» в 1956 году. Из космоса были сфотографированы советские базы ВВС и ракетных войск.

Техника получения снимков поначалу была довольно примитивной: капсулы с отснятой пленкой просто сбрасывались на землю, и по этому признаку советские спецслужбы поначалу с легкостью отслеживали, какой американский спутник является шпионским, а какой нет. Но, несмотря на этот недостаток, американская пресса справедливо назвала операцию «Корона» «поразительным успехом в сфере разведывательной деятельности и сбора данных об оснащенном ядерным оружием противнике». Столь явные успехи космической разведки делали фактически излишней операцию с «У-2», теперь самолеты-шпионы были уже не нужны. Этот факт является еще одним аргументом в пользу того, что провал Пауэрса был предопределен.

Война в эфире

Ни на минуту не прекращались сражения на полях психологической войны (этот термин вошел в обиход в 40-е годы с легкой руки американского разведчика Л. Фараго). Ударная роль в ней отводилась радио, которое заокеанские теоретики психологической войны давно окрестили «четвертым фронтом». Профессор П. Лайнбарджер так обосновывал его преимущества: «В настоящее время радио является самым массовым средством идеологического воздействия. Радио удобно. Его можно слушать нелегально, почти не опасаясь, что вас засекут. В расчете на душу населения радио — несомненно, наиболее дешевое средство распространения информации среди миллионов людей»[170]. Примерно такого же мнения приудерживался и бывший директор ЮСИА Л. Маркс: «Дешевый и легкодоступный транзисторный радиоприемник, работающий на батарейке, помогает людям... вступать в контакты с другими людьми, другими странами и другими идеями. Фактически это значит, что их можно... учить и им можно внушать идеи...»[171]. Если мы вспомним совсем еще недавние годы и ту роль, которую в воспитании диссидентов сыграли эти

самые транзисторные приемники, то согласимся, что так оно на самом деле и было.

Но на самом деле радиопропаганду придумали совсем не американцы. Они просто-напросто применили в своей работе нацистский опыт. Именно ведомство доктора Геббельса в 30-х годах. первым стало создавать подрывные радиостанции, направленные на конкретные страны, такие как «Юманите» или, скажем, «За Россию». Но тогда все это было сложнее, потому что радиоприемник был дорог и имелся далеко не в каждой семье. В эпоху транзисторов все стало намного проще.

Уже известное нам РСЕ вещало на европейские соцстраны. В качестве конечной цели там виделось свержение коммунистической власти и откол этих стран от Советского Союза. На СССР специализировалась радиостанция «Свобода». Первая ее передача на русском языке состоялась 1 марта 1953 года, а уже через несколько дней начались передачи на армянском, азербайджанском, грузинском языках. Вскоре ежедневные передачи «Свободы» велись на 17 языках народов СССР. Не менее быстрыми темпами увеличивался и объем радиопропаганды: в 1953 году ее передачи занимали 300 часов в неделю, в 1959 году — 460, в 1961 году — 1500 и в 1967 году — 1750 часов в неделю. Соответственно возрос и персонал «Свободы» — со 150 до 1200 человек. Во главе радиостанции стояло несколько десятков американцев, далее шли 200 немцев (хоть львиную долю средств «Свобода» получала от ЦРУ, но для маскировки и придания радиостанции статуса «независимой» она располагалась на «нейтральной» территории ФРГ) и около тысячи — эмигранты из СССР, говорившие на всех языках, на которых радиостанция вела вещание.

Следующим важным орудием радиовойны стал «Голос Америки», располагавший 115 мощными передатчиками по всему миру. Эта радиостанция вела круглосуточные передачи на 35 языках, причем 40% всего вещания предназначалось социалистическим странам. Передаваемая информация тщательно и умело подбиралась, чтобы исподволь «изменять взгляды и убеждать» слушателей. В специальной инструкции ЮСИА было записано: «Используйте радио, чтобы вызвать у людей бессонные ночи, самоубийства, дезертир-

ство, беспорядки, колебания, чтобы создать заботы, возбуждать беспокойство и подозрения». Даже простое внесение сомнений в мышление людей, имеющих твердые убеждения, расценивалось теоретиками психологической войны как большой успех. Стала разыгрываться и карта мусульманского сепаратизма. В 1958 году в Джакарте при непосредственном участии ЦРУ была создана исламская организация «Туркестан либерейтн» (Движение сторонников освобождения мусульман Туркестана). Целью ее было отторжение среднеазиатских республик от Советского Союза, а кадры для осуществления подрывных акций против СССР вербовались из эмигрантов-мусульман. В США возникло и «Объединение мусульман Средней Азии», возглавляемое агентом американской разведки И. Ширматовым. Помимо националистической карты, в идеологической войне активно разыгрывалась и религиозная колода во всех ее многочисленных ипостасях.

Чтобы не возвращаться больше к этой теме, заглянем несколько вперед. В 1975 году обе радиостанции объединились под одной крышей. В середине 80-х объем вещания подрывного радиосиндиката на Советский Союз составил 500 часов в неделю, круглосуточно, на 22 языках. Персонал обеих станций доходил тогда до 1800 человек, представляя собой сложную и порой взрывоопасную смесь эмигрантов первой, второй и третьей волны. Как бывшие гитлеровцы сосуществовали под одной крышей с сионистами, а монархисты — с убежденными демократами, знает только психолог этого замечательного коллектива. Впрочем, доллары имеют свойство примирить непримиримых и совмещать несовместимых. Бюджет станций в то время составлял более 150 миллионов долларов.

Но пропаганда — это только видимая часть айсберга. Есть у обеих станций и невидимая, тщательно скрываемая сторона их многотрудной деятельности. В Париже, на бульваре Сен-Жермен, до недавнего времени находилось, а может быть, находится и сейчас, любопытное подразделение радиостанции «Свобода» — «Отдел по изучению аудитории и эффективности радиопередач». Выполняет он примерно те же функции, что и отдел номер два в АРА. В процессе «изучения» сотрудники радиостанции не брезговали ника-

кими сведениями, но, как муравьи, каждый из которых тащит свою крупинку, сносили их на бульвар Сен-Жермен, откуда часть информации уходила на радиостанции, но большинство — прямым ходом в Лэнгли. .

Для внешнего мира обе радиостанции и сейчас принадлежат частным лицам. Но от своих работников истинную их сущность перестали скрывать достаточно быстро. Вот какую подписку давали все штатные сотрудники «Свободы»: «...ниже подписавшийся поставлен в известность о том, что радиостанция «Свобода» создана ЦРУ и функционирует на его средства. За разглашение этих данных виновные будут подвергаться штрафу в 10 тысяч долларов и тюремному заключению сроком до 10 лет»[172].

Вообще-то похоже на «страшилку» — ну кто, на самом деле, станет в Мюнхене арестовывать на 10 лет человека, разгласившего американскую шпионскую тайну. Но действовало безотказно. Впрочем, доллары действовали еще лучше.

Бриллианты шпионской короны

В целом агентурную войну ЦРУ проигрывало. Но бывали у американского разведведомства на этом поприще и удачи. И какие! Впрочем, мы знаем об этих агентах только потому, что они были все-таки разоблачены. Но до того они работали на разведку противника достаточно долго и успешно. Подробности их работы и задержания рассказываются в книге «Лубянка».

В январе 1958 года в американское посольство в Москве прибыл новый сотрудник, атташе административно-хозяйственного отдела Рассел Аугуст Лэнжелли. Органы безопасности имели некоторые основания подозревать, что этот господин совмещает должность дипломатического работника с призванием разведчика, тем более что вопреки протоколу на вокзале нового сотрудника встречал первый секретарь посольства, по совместительству кадровый разведчик Римстэд.

Лэнжелли взяли под пристальное наблюдение. Он вел себя безупречно и уже почти доказал, что является мирным

американским обывателем. Но затем он вдруг полюбил гулять по Москве в обществе атташе посольства по экономическим вопросам Уинтерса. Это было странно, и наблюдение продолжалось. А вскоре поступила и информация о том, что Уинтерс является кадровым сотрудником ЦРУ.

И вот в один из январских дней 1959 года Уинтерс, отправившись на очередную прогулку, опустил в почтовый ящик письмо. Наши оперативники это зафиксировали и без труда вычислили адресата, которым оказался подполковник интендантской службы Петр Семенович Попов, 1923 года рождения, проживающий в городе Калинине (ныне Тверь).

Как выяснилось позже, Попов восемь лет прослужил в ГРУ. Поэтому за ним, получившим на Лубянке ласковую кличку «Иуда», было установлено особо тщательное и изощренное наблюдение. Напротив его дома установили пост круглосуточного наблюдения (оснащенный приборами ночного видения). Контролировали всю его переписку, задействована была и служба радиоперехвата. Довольно скоро оперативники смогли добыть неопровержимые улики, и Попова задержали. Раскололся опытный разведчик мгновенно. Как выяснило следствие, агентом американской разведки он был с 1953 года...

Петр Семенович Попов родился в Калинине, в семье крестьян. Воевал. Великую Отечественную войну закончил порученцем при генерале Серове, который и рекомендовал его в ГРУ. С 1951 года Попов служил за границей — сначала в Австрии, потом в ГДР. В интенданты его перевели за любовную связь с жительницей Австрии. По одним данным, американцы поймали его на «медовой ловушке» (так называли способ вербовки, когда объекту подставляли женщину, а затем шантажировали). По другим, все было еще проще. Любовница — удовольствие дорогое, и, запутавшись в денежных делах, Попов сам пошел на контакт с американцами. Как бы то ни было, в то время, в 1953 году, вербовка офицера ГРУ была для американцев подарком судьбы. До такой степени, что специально для обслуживания ценнейшего агента в советском отделе ЦРУ было создано отдельное подразделение.

Руководителем Попова стал Джордж Кайзвальтер. Отношения между ними установились почти дружественные.

«Кайзвальтер без труда завоевал расположение и доверие Попова в ходе долгих бесед под выпивку. Ему ничуть не претила крестьянская простота Попова, и об их выпивках после удачных операций было хорошо известно сотрудникам ЦРУ, и многие были уверены, что Попов считал Кайзвальтера своим другом. И кто-то даже пошутил, мол, в одном советском колхозе у правления есть собственная корова, так как на деньги Кайзвальтера Попов купил телку своему брату-колхознику»[173].

В 1954 году Попова отозвали в Москву, но вскоре отправили сначала в Шверин (ГДР), затем — в Восточный Берлин. В 1958 году он вернулся в Москву и вскоре был арестован. Кстати, американцы придерживаются другой версии причин провала Попова. В декабре 1958 года он назначил Лэнжелли встречу в театре, на которую не явился. «В ЦРУ были обеспокоены отсутствием Попова в театре и совершили ошибку, стоившую ему жизни. По словам Кайзвальтера, Джордж Уинтерс, представлявший госдепартамент в Москве, неправильно истолковал указание по поводу письма Попову и отправил его по почте на домашний адрес в Калинин. Но... сотрудники КГБ регулярно напыляли специальное химическое вещество на обувь западных дипломатов, которое и помогло проследить путь Уинтерса до почтового ящика и изъять письмо, адресованное Попову»[174].

Впрочем, может быть, что сверхценного агента сдал кто-нибудь из «кротов», а все эти причины провала — лишь версии для открытой прессы.

За годы работы на американцев Попов «выдал четырех наших военных разведчиков и назвал ряд агентов из числа иностранцев, служивших для Попова источником разведывательной информации. Он сдал американцам несколько явок, используемых ГРУ, раскрыл более 80 офицеров военной разведки, сообщил сведения об организации и деятельности ГРУ, системе отбора и подготовки военных разведчиков, содержание нескольких разведывательных директив ГРУ, а также секретную информацию стратегического и политического характера»[175].

Самое интересное началось потом. Поскольку Попова задержали негласно и он сразу признался, стало возможным использовать его в оперативной игре с ЦРУ. Что и

было проделано. С одной стороны, американское разведведомство получило достаточное количество дезинформации, искусно переплетенной с правдивыми сведениями. А с другой — игра позволила выиграть время и переправить в безопасное место выданных Поповым нелегалов. Операция «Бумеранг» продолжалась около полугода, после чего, в завершение ее, Лэнжелли был взят с поличным при передаче шпионских материалов и выдворен из СССР.

Точно так же благодаря грамотной и профессиональной работе службы наружного наблюдения КГБ был изобличен еще один американский агент. В январе 1962 года, наблюдая за супругой второго секретаря посольства Джанетт Чизолм, работники госбезопасности вышли на полковника ГРУ Генштаба Советской Армии Олега Владимировича Пеньковского, кстати, зятя известного генерала Гапановича. Это был человек умный, чрезвычайно контактный, прекрасный организатор, но в то же время тщеславный и честолюбивый карьерист, любитель денег, ресторанов и женщин. Работая в госкомитете Совмина по координации научно-исследовательских работ, он исправно снабжал своих хозяев секретной информацией. А знал он много.

В отличие от Попова, который не подозревал, что он раскрыт, опытный работник разведки Пеньковский кожей чувствовал, что его «ведут». Но делали это грамотно, видимых оснований для беспокойства у шпиона не было, и он так и не перешел на нелегальное положение, хотя и очень нервничал. В октябре 1962 года Пеньковского задержали, а вскоре в Венгрии был арестован и человек, который осуществлял его связь с английской разведкой — коммерсант Грэвилл Винн.

Впрочем, начало шпионской деятельности Олега Пеньковского ничем не показывает его высокого профессионализма. Он... просто напечатал на пишущей машинке письмо правительству США и через встреченных на улице американских туристов переправил его в посольство. По-видимому, американцы не восприняли это предложение всерьез и не заинтересовались его автором. В декабре 1960 года изменнику повезло больше. Он познакомился в Винном и вскоре через него вышел на английскую разведку. Англичане же поделились новым приобретением с союзниками-аме-

риканцами. (По другим данным, англичане изначально действовали по просьбе американских коллег, поскольку сотрудникам ЦРУ, заинтересовавшимся обращениями Пеньковского, так и не удалось выйти с ним на связь.)

Знакомство с новым агентом обе разведки осуществили во время его командировки в Лондон. Причем знакомились чрезвычайно интенсивно. С 20 апреля по 6 мая состоялось 17 конспиративных встреч. «Во время своей первой поездки в Лондон Пеньковский передал оперативной группе семьдесят восемь листов секретных и совершенно секретных материалов, четыре фотокопии планов строительства пусковых площадок для ракетных установок, раскрыл характеристики ракет среднего радиуса действия, рассказал о ядерной программе СССР, назвал двадцать девять исключительно важных военных объектов в Москве. Рассказал Пеньковский и о методах работы ГРУ, о проводимых операциях ГРУ в Индии, Пакистане, Шри-Ланке и Лондоне, об уничтожении самолета-разведчика «У-2» в мае 1960 года»[176].

О характере агента Янга достаточно красноречиво говорит его заявление на конспиративной встрече с представителями обеих разведок в Лондоне. «Я не считаю себя просто одним из ваших агентов, — говорил он. — Нет, я ваш гражданин, ваш солдат. Я перешел к вам не для того, чтобы заниматься мелочами. Я считаю, что обладаю настолько необычными и особыми возможностями для разведработы, имея доступ к секретной информации, что смогу доказать это борьбой на переднем крае своей Королеве и Президенту». И добавлял: «Готов принять любое задание: взорву в Москве, что смогу. Выполню любое поручение».

Впрочем, от него требовалось совсем другое. Не взрывы, а информация. Кстати, еще штришок к портрету: во время следующей командировки ему показали приготовленные для него формы полковника английской и американской армии, в которых он даже сфотографировался. Знали ведь, что ему любо... Вообще, амбициозность этого человека скоро стала проблемой. Он не ограничивался передачей противнику секретных документов, но постоянно поучал, как победить Советский Союз (для этого надо было всего-навсего установить атомные мини-заряды в разных городах страны, а Москву уничтожить полностью), требовал организовать себе

встречу с президентом Кеннеди и английской королевой. Впрочем, ради такого агента можно было и потерпеть. Более того: Пеньковский, после выполнения своей миссии, мог выбирать любое из двух гражданств и любую страну проживания. Что интересно: хозяева действительно дорожили Янгом, всерьез рассматривая варианты его эвакуации за границу на случай опасности. Но не успели...

Являясь полковником военной разведки ГРУ и имея доступ к важной секретной информации, Пеньковский, по словам Т. Пауэрса, был «самым лучшим из когда-либо завербованных в России агентов ЦРУ». Чуть скромнее в оценке Р. Клайн, характеризовавший его как «самого ценного из агентов ЦРУ периода последних дней эры Даллеса и начала эры Мак-Коуна». В любом случае это был один из ценнейших агентов доперестроечного периода. За каких-нибудь два года работы Пеньковский передал обеим спецслужбам 105—106 микропленок (около 5 тысяч кадров) с информацией о военно-технических секретах СССР. О том, как ценили этот источник в Лэнгли, свидетельствует Р. Клайн: «Доклады о поступавших от Пеньковского данных были доступны в Вашингтоне лишь очень ограниченному кругу аналитиков, получивших на то специальный допуск. Документы эти являлись крайне ценным источником для оценки военного потенциала СССР. Благодаря похищенным Пеньковским документам обрели свое объяснение многие, до того нерасшифрованные, данные, полученные посредством аэрофотосъемок или радиоперехвата, не говоря уже о том, что, не будь этот источник информации столь обилен, мы вообще никогда не узнали бы о массе важных вещей. Данные Пеньковского о типах советских ракет сослужили американским разведчикам-аналитикам бесценную службу во время кубинского ракетного кризиса осенью 1962 года»[177].

«Я разнесу на куски ЦРУ!»

Возникновение под самым боком у Америки революционного режима на Кубе стало тяжелым испытанием для ЦРУ и чуть было не привело к расформированию этого ведомства. Как уже отмечалось выше, разведка

фактически проглядела кубинскую революцию и все следующие за ней негативные для США последствия. Когда нажим на Кубу на государственном уровне ничего не дал, ЦРУ, окрыленное прошлыми успехами в Иране и Гватемале, начало разрабатывать аналогичную подрывную операцию против нового гаванского режима. Именно в таком состоянии кубинская проблема и перешла по наследству от Эйзенхауэра к Кеннеди. Ссылаясь на решения предыдущего президента и давя на только что вступившего в должность Кеннеди своим огромным авторитетом, А. Даллес сумел выдавить из нового хозяина Белого дома согласие на проведение операции против Кубы. Как явствует из ставших известными впоследствии документов, и в этом случае всемогущий шеф ЦРУ вновь не остановился перед прямой дезинформацией главы государства.

Во-первых, от руководства США всячески скрывалась информация о реальной боевой мощи кубинской революционной армии. Во-вторых, чуть ли не вдвое была преувеличена численность сколоченной ЦРУ бригады эмигрантов. В действительности в операции приняло участие около 1300 человек, но нумерация наемников начиналась с номера 2500, чтобы создать впечатление массовости. Эту прямую и грубую дезу ЦРУ предназначало не только противнику на острове Свободы, но и собственному президенту. В-третьих, президента умышленно вводили в заблуждение на предмет прочности кастровского режима и всячески убеждали его в том, что стоит только высадить десант, как он рухнет. А. Даллес и Биссел торжественно заверили Белый дом, что «свыше 2500 кубинцев принадлежали к организациям сопротивления режиму Кастро, 20 тысяч сочувствовали им и что, как только бригада вторжения закрепится на острове, она может рассчитывать на помощь по меньшей мере четверти населения Кубы»[178].

Не ставя в грош принципиальную линию президента о недопустимости прямого американского вмешательства в свержение Кастро, руководство ЦРУ стремилось любой ценой начать активные действия, а там, под тем предлогом, что нельзя, мол, бросать уже начатую операцию, вынудить руководство США обрушить на Кубу всю мощь американской военной машины. Несмотря на сверхоптимистичные про-

гнозы, Кеннеди не очень верил в успех. Тогда, чтобы окончательно сломить президента и получить его санкцию, руководство ЦРУ инспирировало ультиматум гондурасского плантатора, на территории которого находился центр обучения кубинских наемников. Плантатор требовал, чтобы кубинцы покинули его владения к концу апреля 1961 года. Случись это, стращал Даллес президента, наемники разбегутся и их будет невозможно снова собрать, а вся информация об организации Америкой вторжения на Кубу неизбежно вылезет наружу.

Убежденный этими неотразимыми аргументами, Кеннеди разрешил начать операцию. Но в ней с самого начала все пошло не так. Предполагалось, что к началу вторжения Кастро должен быть убит. Попытки «убрать» вождя кубинской революции предпринимались ЦРУ многократно: только американская сенатская комиссия Черча обнаружила «конкретные доказательства» восьми подобных покушений на жизнь кубинского лидера, в то время как сам Кастро говорил о 24 покушениях. Ненавистного Вашингтону лидера пытались уничтожить то силами американской мафии, то с помощью различных экзотических предметов, словно взятых из фильмов о Джеймсе Бонде. В совокупности все эти «ужасные» планы рисовали печальную картину полной утраты организаторами тайной войны профессионализма. Неудивительно, что все разработанные в недрах Управления многочисленные планы убийства с треском провалились. Немногим лучше обстояло дело и с разработкой плана вооруженного вторжения на остров, который постоянно корректировали из-за выдвигавшихся президентом ограничений. В результате всего этого бедлама высадка кубинских эмигрантов в заливе Кочинос (интересно, что это название переводится как «залив свиней» — красноречивое совпадение!) стала крупнейшим провалом, который когда-либо постигал знаменитое американское разведывательное ведомство.

Первый этап операции начался 15 апреля налетом американских бомбардировщиков «В-26» на Кубу, для уничтожения авиации революционной армии. Акция была признана руководством ЦРУ как успешная, в действительности же кубинской авиации был причинен очень незначитель-

ный ущерб. Зато куда как значим был ущерб, нанесенный репутации США. Чтобы прикрыть столь явное и наглое попрание международного права, американцы утверждали... что бомбардировщики пилотировались разочаровавшимися в революции дезертирами из кубинских ВВС. Но эта версия была настолько наивна и шита белыми нитками, что правда почти немедленно выплыла наружу, и Америка предстала в неприглядной роли агрессора перед лицом всего мира. Доктрина правдоподобного отрицания, возводящая ложь в систему и высшую добродетель любой вашингтонской администрации, на этот раз не сработала.

Но, как и предполагали психологи из Лэнгли, Кеннеди не отменил уже начатое вторжение — раз начато, значит, надо продолжать, — и ЦРУ стало претворять в жизнь последующие этапы своего плана. К берегам Кубы были стянуты мощные силы американского военно-морского флота (на кораблях которого уже находился в полной боевой готовности батальон морской пехоты), и под его прикрытием на остров 17 апреля 1961 года высадились силы вторжения. Однако почти сразу же наемники, которым американцы обещали легкую победоносную прогулку по острову, натолкнулись на ожесточенное сопротивление местного вооруженного отряда, кубинская авиация полностью господствовала в воздухе, надежно отсекая высадившихся от подвоза боеприпасов и подкреплений, а подтянувшимся к Плайя-Хирон основным силам революционной армии понадобилось всего 72 часа для полного разгрома сил вторжения. Более тысячи человек было взято в плен, и почти все они заявили, что их обманули ЦРУ. Сама американская разведка, по данным У. Колби, потеряла на Плайя-Хирон 10 своих кадровых сотрудников — и это несмотря на категорический запрет президента на участие в операции американцев.

Хорошо еще, что Кеннеди вовремя остановился и отклонил требования А. Даллеса и Биссела, поддержанные частью генералитета, об открытом вторжении на остров вооруженных сил США. Но все равно катастрофический провал секретной операции, и притом не где-нибудь, а у себя под боком, покрыл Америку несмываемым позором. Понимая, что из-за этой авантюры ЦРУ не кто-нибудь, а в первую очередь его администрация и он сам, как глава государ-

ства, оказались вываляны в грязи с головы до ног, президент не без оснований винил во всем А. Даллеса. Под влиянием первого приступа гнева Д. Кеннеди воскликнул: «Я разнесу на тысячи кусков ЦРУ»[179] — но, остыв, все-таки здание в Лэнгли не разнес, ограничившись отставкой Аллена Даллеса с поста главы шпионского ведомства. Но главным следствием провала кубинской авантюры была даже не отставка Даллеса, а изменение положения ЦРУ. Звездный час этого ведомства, начавшийся после успехов в Иране и Гватемале, кончился вместе с эрой Даллеса: отныне это разведывательное управление больше не являлось священной коровой ни в глазах президентов, ни в глазах американской прессы. Ореол избранности и исключительности ЦРУ сильно поблек после провала на Плайя-Хирон.

Итак, Кеннеди не уничтожил ЦРУ, хотя имел все основания быть этим ведомством, мягко говоря, недовольным. Свое недовольство он выразил иным, традиционным для англосаксов, способом, включив разведку в господствовавшую в государстве сложную систему сдержек и противовесов. В результате президентского недовольства у прежде всемогущего и в определенной степени неподконтрольного разведывательного ведомства появился сильный конкурент. В октябре 1961 года, спустя 14 лет после образования ЦРУ, президент США, с подачи и в соответствии с рекомендациями тогдашнего министра обороны Р. Макнамары, приказал создать новую структуру — Разведывательное управление министерства обороны, сокращенно РУМО.

У каждого из трех родов американских войск — армии, авиации и флота — как это и положено, традиционно существовала своя собственная разведка. Военные разведки действовали подчас несогласованно, дублировали друг друга, а временами и открыто соперничали между собой. Создание РУМО не означало ликвидацию прежних военных разведслужб — новая структура была призвана упорядочить их работу. Ему было предоставлено право координации и контроля за всеми тремя разведслужбами. Начальник РУМО получал задания от министра обороны и Комитета начальников штабов и подчинялся только министру обороны и Совету по разведке США. Кроме того, с самого начала новой структуре были переподчинены все работающие за рубежом во-

енные атташе, вне зависимости от того, к какому роду войск они принадлежали. Очень быстро сложилось разделение труда, согласно которому высшее руководство Пентагона и государства стало получать два вида военной разведывательной информации: стратегическую и тактическую. Стратегическая развединформация исходила в основном от РУМО, а тактическая — соответственно от разведуправлений сухопутных сил, военно-морских и авиации.

Помимо официально декларируемой цели — упорядочивания ведения военной разведки, — создание РУМО явно преследовало неофициальную, недекларируемую, но лежащую на поверхности цель — создать реальный противовес ЦРУ, в качестве которого не могла выступать ни одна из трех прежних военных разведок. Нечего и говорить, что это было совершенно ясно Аллену Даллесу. Он с самого начала активно воспротивился созданию РУМО, а когда это не удалось, постарался всеми силами сузить рамки деятельности опасного конкурента. Движимый же ведомственным честолюбием министр обороны изо всех сил защищал право на «адекватное существование» своего детища. Исход этой подковерной схватки был легко предсказуем: имея поддержку президента, Пентагон без труда одолел противника, и РУМО было не только организовано, но и получило право создать за границей собственную агентурную сеть, неподконтрольную ЦРУ.

Немаловажным «штрихом к портрету» этой бюрократической интриги является личность первого начальника РУМО. Им стал генерал-лейтенант авиации Д. Кэролл, возглавлявший новую структуру разведывательного сообщества с 1961 по 1969 год. Из всей его биографии стоит выделить только одну особенность — в прошлом Кэролл был первым помощником заместителя директора ФБР, что сделало легко предсказуемым позицию этого могущественного ведомства в разгоревшейся схватке с живой легендой шпионажа. Это была последняя проигранная схватка Аллена Даллеса: в октябре 1961 года, как уже говорилось, было создано РУМО, а уже 23 ноября того же года шеф ЦРУ получил «почетную» отставку.

...И снова о карибском кризисе

Конфликт между Кубой и США (а точнее, между США и СССР, стоявшим за спиной Фиделя) вскоре привел к новому острейшему международному кризису, чуть было не завершившемуся глобальной ядерной войной между сверхдержавами. Убрав Даллеса за провал на Плайя-Хирон, президент Кеннеди продолжал проводить, хотя и более осторожно, прежний стратегический курс по отношению к своему островному соседу. В конце ноября 1961 года глава США подписал меморандум о начале осуществления проекта «Мангуста», предусматривавшего «использование имеющихся у нас средств... для оказания помощи Кубе в свержении коммунистического режима»[180]. План «Мангуста» состоял из 33 пунктов и предусматривал целый набор акций на Кубе — от сбора разведывательной информации и организации саботажа до использования вооруженных сил США для поддержания восстаний на острове. Центральное место в проекте занимали шпионаж, подрывная пропаганда и диверсии, которые, по мнению американских аналитиков, должны были способствовать «вызреванию восстания» на острове Свободы. Отлично понимая, что Куба может противостоять США лишь благодаря помощи социалистических стран, в первую очередь СССР, новое руководство ЦРУ предлагало сделать все от них зависящее для нарушения или, по крайней мере, осложнения этого сотрудничества. Хорошим способом осложнить эти отношения казалась организация нападений на персонал официальных представительств соцстран в Гаване. 31 августа 1962 года в проект «Мангуста» была официально включена задача провоцирования инцидентов между кубинцами и представителями социалистических стран на второй фазе операции. В протоколе заседания от 9 сентября зафиксировано особое пожелание обсудить вопрос о нападениях на советский персонал на Кубе[181].

Непрекращающиеся попытки США свергнуть революционный режим на острове вынудили Кастро просить, а Хрущева согласиться на более существенную военную поддержку кубинской революции. В обстановке строжайшей секретности в Москве было принято решение о размещении на Кубе ракетно-ядерного оружия для сдерживания Вашинг-

тона. Операции присвоили кодовое название «Анадырь», и в ее рамках с 12 июля по 22 октября 1962 года по морю и по воздуху на Кубу было переправлено 43 тысячи солдат и офицеров, 24 пусковые установки «Р-12», 42 ракеты «Р-12» (считая 6 учебных), несколько десятков ядерных боеголовок и несколько самолетов-носителей «Ил-28». По своим техническим характеристикам советское ядерное оружие на Кубе было способно поразить территорию США вплоть до линии Филадельфия — Сент-Луис — Даллас — Эль-Пасо. И ЦРУ, и недавно созданное РУМО благополучно прозевали переброску советского ядерного оружия под самый бок Америки, что вписало еще одну главу в историю провалов разведывательного сообщества США. Р. Клайн, пытаясь спасти честь мундира, в своих мемуарах утверждает, что американские аналитики просто не верили, что Хрущев окажется настолько глуп, чтобы послать на Кубу ядерное оружие, и во всем ЦРУ один только его новый директор Маккоун считал, что ракеты уже размещаются на острове. В действительности же американские разведки, сколько их было, просто-напросто прохлопали операцию «Анадырь».

Уже осенью от своих агентов на острове американцы начали получать информацию, что на Кубе разворачиваются ракеты средней дальности, но не придали ей особого значения. Один из шпионов видел возле Гаваны колонну из 24 грузовиков, семь из которых везли нечто напоминающее большие трубы, покрытые брезентом, а на одной из машин было что-то похожее на радар. Много лет спустя Уоррен Фрэнк, работавший в 1962 году в ЦРУ, рассказал, что в то время американские эксперты из этого ведомства попросту не смогли понять смысл советских действий. В аналитическом докладе от 19 сентября 1962 года утверждалось, что Советский Союз размещает на острове ракеты ПВО. Лишь после урегулирования кризиса, отметил У. Фрэнк, ЦРУ узнало, что размещенные на Кубе советские ракеты имели ядерные боеголовки. (Странные какие: ведь сами американцы вовсю создавали военные базы и размещали атомное оружие у советских границ. Какое ослепление помешало разглядеть такие же действия другой стороны?)

Однако и советское оружие ПВО тоже интересовало американцев, да еще как! Поэтому они решили воспользо-

ваться удобным случаем и украсть новейшую зенитную ракету. Подобной ракетой, как они знали, был сбит самолет Пауэрса на фантастической высоте в 20 километров. У самих США тогда столь мощных ракет ПВО не было, и лишь только аналитики из ЦРУ сделали в сентябре свой доклад, как за дело взялось РУМО. Быстро разработав, сконструировав и приделав к вертолету железную руку, спецы из Пентагона начали в обстановке строжайшей секретности на военно-воздушной базе во Флориде тренироваться в захвате десятиметровой железной трубы с воздуха. Несмотря на то что операция отрабатывалась в обстановке самых строжайших мер безопасности, о ней тут же узнала как советская разведка, так и кубинская контрразведка. В Москве получили из Вашингтона следующее донесение: «Совершенно секретно. Американские военные специалисты проявляют большой интерес к советским зенитных ракетам, находящимся на Кубе. Они очень высоко оценивают боевые свойства этих ракет и считают их очень эффективным и совершенным видом оружия, в чем они убедились после того, как был сбит самолет «У-2» над Кубой. По их заявлению, США пока не располагают таким оружием. <...>

В связи с большой ценностью, которую представляют советские ракеты для специалистов, в Пентагоне в срочном порядке разрабатывают план похищения образца советской зенитной ракеты с Кубы и доставки ее в США.

Резидент Комитета государственной безопасности при Совете Министров Союза ССР. № 856.5.XI.62 году»[182]. Так что агенты в США у нас были, и еще какие! С такой разведкой Хрущев мог себе позволить отказаться от плана «открытого неба».

Получив предупреждение, советские военные приняли усиленные меры безопасности, и американцам так и не удалось осуществить этот план. Но вскоре им стало совсем не до того. 14 октября приятное заблуждение, что Советский Союз разместил на Кубе лишь ракеты ПВО, рассеялось. В тот день самолет-шпион «У-2» сфотографировал поле около города Сан-Кристобаль, расположенного неподалеку от кубинской столицы. Тщательное изучение полученных снимков привело экспертов ЦРУ к выводу, что на них изображено строительство ракетной базы. Кстати, что сами раке-

ты сфотографированы не были — вывод об их присутствии сделали, анализируя фотографии подъездных путей и другого оборудования, необходимого для размещения ракетно-ядерного оружия. Вот как, несколько приукрасив собственное ведомство, об этом пишет Р. Клайн: «Дело было в понедельник, 15 октября, далеко за полдень. Неожиданно эксперты по расшифровке фотографий взбудоражили меня сообщением о результатах работы «У-2», а мои специалисты по ракетам заверили, что из снимка следует, что СССР располагает усовершенствованным видом ракет, который позволит ему удвоить число ядерных боеголовок, нацеленных на США»[183]. После этого и была поднята тревога.

В течение тринадцати дней мир находился на волоске от тотальной ядерной войны, и благодарить за этот кризис надо, в числе первых, американскую разведку. Именно она своими топорными действиями чуть не привела к началу войны. Внезапно осознав опасность и потеряв голову, ЦРУ резко активизировало разведывательные полеты «У-2» над Кубой. Утром 27 декабря 1962 года, в районе города Банес, один такой самолет-шпион был сбит советскими силами ПВО при фотографировании позиций стратегических ракет. Пилотировавший машину майор ВВС Р. Андерсен погиб. Как только об этом стало известно, военные из Пентагона насели на президента, требуя, чтобы тот отдал приказ о вторжении на Кубу. С трудом сдерживая натиск генералов, Кеннеди срочно связался с Хрущевым, настаивая, чтобы советский руководитель экстренно урегулировал кубинский кризис, иначе президент будет не в силах удержать ястребов из Пентагона и начнется третья мировая война. Лишь оперативный ответ Хрущева спас мир от ядерной войны, детонатором к которой чуть было не стал инцидент с самолетом-шпионом — очередная глупость американской разведки. Впрочем, глупость ли это?

Понятно, что, внезапно узнав о присутствии советских ракет у себя под боком, американцы жизненно нуждались в оперативной развединформации. Однако тогда уже действовала система космической разведки — стоило ли посылать в небо над Кубой «У-2»? В том, что Советский Союз располагает новейшим зенитным оружием, способным сбивать эти самолеты, американцы имели случай убедиться еще два

года тому назад, на примере Пауэрса. Знали они и то, что это оружие уже развернуто на Кубе, а предугадать, что советские войска будут сбивать самолеты-шпионы над своими позициями, также не составляло большого труда. Вряд ли являлась для ЦРУ загадкой и реакция собственных военных в случае подобного инцидента. Исходя из всего этого, действия ЦРУ во время карибского кризиса трудно назвать как-то иначе, чем преднамеренным провоцированием войны, причем провоцированием с целью загладить свою собственную оплошность. Что хуже — быть настолько глупыми или настолько безответственными? Впрочем, если бы война началась, этот вопрос уже не имел бы никакого значения...

Свою посильную лепту в провоцирование мировой войны внес и упомянутый уже Пеньковский, двойной агент английской и американской разведок. Арестован он был в самый пик карибского кризиса, когда советские и американские войска были приведены в полную боевую готовность, и достаточно было одной искры, чтобы вспыхнул пожар новой мировой войны. Чувствуя, что он раскрыт, и не обольщаясь насчет возможного приговора, Янг решил уничтожить вместе с собой и все человечество. Улучив момент, Пеньковский успел подать американцам установленный на случай чрезвычайных обстоятельств телефонный сигнал. Но вместо сообщения о провале он просигнализировал, что СССР готовит ракетно-ядерное нападение на США. Эта выходка вполне могла бы стать той самой искрой, если бы не новый директор ЦРУ. Хорошо информированный о личностных особенностях «ценнейшего агента», Маккоун просто поморщился и даже не дал команду перепроверить полученный из Москвы сигнал. На состоявшемся вскоре суде Пеньковский был признан виновным и вскоре расстрелян. Времена тогда были не бериевские, но все же вполне суровые.

Во время карибского кризиса 1962 года ЦРУ не вызвало прямого недовольства президента, как год назад. Однако отношения между Кеннеди и этим не так давно всемогущим ведомством продолжали оставаться напряженными. То, что президент уволил Аллена Даллеса и поставил во главе ЦРУ своего человека, лишь смягчило, но не разрешило проблему. Глава государства так горько жаловался сенатору Смазерсу по поводу самовольной ликвидации разведслужбой южно-

вьетнамских руководителей Дьема и Нью! «Я помню, — вспоминал сенатор, — что президент Дж. Кеннеди был в ужасе от идеи политических убийств. Он говорил, что ЦРУ часто устраивало дела без его ведома и что это не доставляло ему никакой радости. Он жаловался, что ЦРУ почти автономно. Он сказал мне, что, как он считал, ЦРУ организовало уничтожение Дьема и Трухильо. Он был здорово потрясен и возмущен этим. Он хотел установить контроль над тем, что делает ЦРУ»[184]. Сам Кеннеди пережил Дьема всего лишь на три недели и не успел осуществить свое намерение. Одна из популярных версий убийства президента указывает на ЦРУ как организатора и вдохновителя этого преступления века. В любом случае, основания для этого «устранения» у разведведомства были, не так ли?

Глава 9

НОВЫЕ ПЕСНИ НА СТАРЫЙ МАНЕР

(1965—1981)

Эпоха Брежнева (до начала президентства Рейгана)

Вьетнамская авантюра, или Война миров

Кеннеди получил в наследство от своего предшественника Эйзенхауэра проблему Кубы, а оставил своему преемнику в Белом доме Джонсону проблему Вьетнама. В обоих случаях у американских спецслужб была своя точка зрения на эти больные проблемы и уже готовый план действий. Но если упирающегося Кеннеди почти силком приходилось втаскивать в кубинскую авантюру, то с Джонсоном дело обстояло почти наоборот. Новый президент горел желанием продемонстрировать Америке и всему миру силу и решимость своего характера, в отличие от осторожного предшественника. Он громогласно заявил (намекая на Кеннеди), что не будет беззаботно сидеть в кресле-качалке и наблюдать, как коммунисты захватывают одну страну за другой. Как пораженческий, был отвергнут выстраданный Кеннеди тезис о том, что мощь Америки «имеет свои лимиты» (имея в виду возможность администрации США влиять на международные события). Разгорающийся конфликт во Вьетнаме представлял удобнейший случай продемонстрировать безграничную мощь Америки. И элита США, как политическая, так и военная и разведывательная, с готовностью за этот случай ухватилась.

Аналитики спецслужб США быстро составили необходимые прогнозы. В них говорилось об ужасных вещах, а именно — что победа коммунистов во Вьетнаме будет иметь катастрофические последствия чуть ли не для всего

мира, и уж в любом случае, для всей Азии. Естественно, США с готовностью взяли на себя миссию спасения мира от смертельной опасности. Но для вовлечения крупных американских сил в действия непосредственно на передовой линии фронта нужен был благовидный предлог. Им стал знаменитый инцидент 5 августа 1964 года в Тонкинском заливе, когда, по официальной версии, северо-вьетнамские катера напали на американские эсминцы. Хотя после провала вьетнамской авантюры ЦРУ делало все возможное, чтобы откреститься от своей роли в вовлечении в нее США, многие аналитики настаивают на том, что именно это разведведомство стояло у истоков развязывания вьетнамской войны: «В 1964 года спровоцированные ЦРУ вооруженные столкновения в Тонкинском заливе дали возможность президенту Джонсону санкционировать бомбардировки Демократической Республики Вьетнам»[185] в Тонкинском заливе.

После инцидента Белый дом без труда добился от конгресса почти единогласной резолюции, которая уполномочивала президента США «предпринять все необходимые шаги, включая использование вооруженных сил» по пресечению «коммунистической агрессии» в Юго-Восточной Азии. Вне зависимости от того, кто конкретно — ЦРУ или Пентагон — стоял за провоцированием Тонкинского инцидента, суть его не меняется. Это была тщательно сфальсифицированная акция, вполне сопоставимая по своей подлинности с «инцидентом», выдуманным Гитлером для развязывания Второй мировой войны. Правда всплыла в 1971 году, когда выяснилось, что проект исторической резолюции конгресса был готов уже 25 мая 1964 года, задолго до того, как произошел сам Тонкинский инцидент, ставший непосредственной причиной ее принятия. Может быть, некоторое объяснение удивительной прозорливости авторов резолюции даст меморандум, который еще раньше, 17 марта 1964 года, министр обороны Р. Макнамара представил руководству США. Там излагался план «постепенно усиливающегося открытого военного нажима» на коммунистический Северный Вьетнам. 2 июня того же года американские «верхи», кстати, при участии директора ЦРУ Д. Маккоуна, обсуждали даже вопрос о применении ядерного ору-

жия во Вьетнаме. Резолюция конгресса, напомним, была принята 7 августа.

На поднявшейся после нападения волне военной истерии Пентагон без особого сопротивления начал бомбардировки Северного Вьетнама. 1 апреля 1965 года руководство США приняло решение о массовом использовании в Индокитае сухопутных войск, и практически сразу же президент Джонсон отправил в Южный Вьетнам 50-тысячный американский контингент. Естественно, при соотношении военных потенциалов США и Вьетнама Вашингтон питал надежды на быструю и эффектную победу, и отнюдь не самым слабым из источников этих надежд были оптимистические рапорты ЦРУ и РУМО. Но война имеет свою логику. Блицкрига не получилось, и через три года во Вьетнаме сражалось уже 550 тысяч американских солдат и офицеров. Глубоко застряв во Вьетнаме, американцы попробовали было решить дело вводом своих войск в соседние Лаос и Кампучию, но лишь еще глубже увязли в Индокитае.

Соединенные Штаты любой ценой стремились добиться победы. А тем временем Советский Союз, а с ним и весь социалистический лагерь примерно такими же темпами наращивали помощь вьетнамским коммунистам. Помогали оружием, товарами, военными советниками. На целых десять лет Вьетнам превратился в арену самого явного, самого ожесточенного и самого кровопролитного противоборства двух сверхдержав. Нечего и говорить, что в этой схватке СССР, ограничивающийся в основном оказанием военной и материально-технической помощи, был в гораздо более выгодном положении, чем США, вынужденные посылать на далекую войну все больше и больше собственных солдат. Получилась как бы Вторая мировая война наоборот. Кроме того, в глазах всего мира, не говоря уже о самих вьетнамцах, Вашингтон представал безжалостным поработителем и палачом вьетнамского народа, а Москва — его бескорыстным другом. Не было единодушия и у населения США. Из-за того, что американские потери во Вьетнаме намного превысили потери США за Первую или Вторую мировые войны или войну в Корее, там развернулось массовое движение за скорейшее окончание этой войны.

Десятилетнее противостояние в столь далекой от обеих сверхдержав Юго-Восточной Азии завершилось в 1975 году полной победой Вьетнама, который в результате войны объединился и примкнул к социалистическому лагерю. Американцы были вынуждены покинуть Индокитай. Это самое позорное в истории США поражение наглядно — наглядней некуда! — продемонстрировало Вашингтону реальные пределы его мощи. Позорное поражение во Вьетнаме, случившееся, несмотря на всю колоссальную военно-техническую мощь гигантской сверхдержавы, нанесло глубочайшую моральную травму всему американскому обществу, от простых граждан до правительственной элиты. Его последствия были многообразны, но одно из них заслуживает быть отмеченным особо: фиаско в Индокитае во многом определило оборонительную позицию Вашингтона в других направлениях его внешней политики, включая сюда и отношения с Москвой. В большей или меньшей степени «вьетнамский синдром» действовал на американское руководство вплоть до прихода в Белый дом Рейгана.

В ходе десятилетней американской агрессии во Вьетнаме далеко не лучшим образом проявило себя и разведывательное сообщество США, в первую очередь ЦРУ. Начать с того, что оно не сумело предвидеть развития, исхода и последствий этой авантюры. Далее: несмотря на то что ЦРУ бросило во Вьетнам очень крупные силы (оно держало в Сайгоне 700 (!) разведчиков под руководством будущего директора ЦРУ У. Колби, которые работали под прикрытием Управления помощника посла по особым поручениям), американское разведывательное управление так и не смогло наладить в стране эффективной разведки и одолеть противостоящее ему Министерство общественной безопасности Вьетнама. Наконец, разведчики — тоже люди! ЦРУ в Индокитае оказалось причастным к целому ряду грязных дел: вербовке наемников, геноциду и торговле наркотиками. Бывший сотрудник ЦРУ Ф. Снепп, сам находившийся во Вьетнаме, так оценил работу родного ведомства в этой стране: «Возможно, мы так никогда и не узнаем обо всех вьетнамских провалах и неудачах ЦРУ. По сей день слишком много вопросов остается без ответа. Но, исходя из того, что твердо установлено, можно заключить, что эвакуация, в ходе ко-

торой было пожертвовано столько жизней, провалено столько секретов и предано столько агентов, друзей и соратников, легла на ЦРУ несмываемым пятном позора. Со времен неудачной высадки в бухте Кочинос в 1961 году ЦРУ не оказывалось в ситуации, когда оно ставило на карту так много и по глупости все это теряло»[186]. Слова эти относятся к бегству американцев из Сайгона, но могут служить характеристикой деятельности ЦРУ на протяжении всех десяти лет вьетнамской авантюры.

Первые шаги к разрядке

Несмотря на эту горячую точку планеты, а быть может, благодаря ей, советско-американские отношения в это сложное время потеплели и развивались позитивно. Помимо Вьетнама, хотя бы на время отучившего американцев от высокомерных претензий на роль господина мира, объективную основу этого потепления составило сбывшееся наконец-то достижение Советским Союзом реального паритета с США по ракетно-ядерным вооружениям. Более или менее точные цифры в этой области были преданы гласности лишь в последнее время.

Во время карибского кризиса 1962 года американцы по ядерным боезарядам обладали почти двадцатикратным превосходством над СССР. Естественно, советское руководство стремилось, пусть даже ценой максимального напряжения сил страны, ликвидировать смертельно опасное для Советской России превосходство соперника как по атомному оружию, так и по средствам его доставки. Но прогнозы не сбылись, потому что только чрезвычайные обстоятельства позволяют достичь чрезвычайных темпов, но уж если они достигнуты... А. Докучаев пишет: «Наращивание советских межконтинентальных ракет шло в конце 60-х годов быстрыми темпами. С 1965-го по 1969-й количество шахтных пусковых установок выросло на 300 единиц. К 1969 году СССР опередил США по количеству МБР и достиг стратегического баланса. Главный упор делался на тяжелые Р-36 [..- 9], которые несли заряд мощностью 20—25 мегатонн, и не менее крупные челомеевские РС-10 [..-11] с зарядом

мощностью 1—2 мегатонны»[187]. Советская военная машина раскрутилась на полную мощность.

Все это вынудило нового американского президента Никсона в 1970 году с горечью признать примерное равенство сил обеих сверхдержав: «Революция в технике изменила природу военного равновесия сил... И Советский Союз, и Соединенные Штаты приобрели способность наносить непоправимый ущерб друг другу, независимо от того, кто ударит первым»[188]. В других своих выступлениях глава Белого дома с еще большей горечью констатировал, что «бесспорное преимущество Соединенных Штатов в стратегической мощи» уступило место «стратегическому балансу, в котором ядерные силы США и СССР сравнимы».

Однако, признавая умом равенство советской и американской военной мощи, американская элита никак не могла принять этого сердцем. Об истинных мотивах поведения тех, кто продолжал стремиться к безоговорочному американскому военному превосходству над СССР, кто раздувал шумиху о «русской угрозе», поведал бывший сотрудник Пентагона Д. Эллсберг: «Жажда прибыли, желание создать рабочие места и заполучить голоса тех, кто связан с военной промышленностью, вовсе не были единственным мотивом для подобных предостережений, хотя, разумеется, они играли свою роль. Стратеги, президенты и «государственные деятели» в мире бизнеса считали, что испытание русскими новых видов оружия и средств доставки создает зловещую опасность. Их страх сводился к тому, что русские смогут когда-нибудь достигнуть потенциала для ответного удара, приблизительно эквивалентного нашему, и тем самым ликвидировать наш решающий перевес, позволяющий нам ударить первыми»[189]. Как видим, не угроза национальной безопасности, но угроза доминирующему положению США на планете и возможности безнаказанно нанести первыми ядерный удар двигало американскую гонку вооружений.

Так было и на этот раз: влиятельные силы в США тут же предприняли попытки сломить установившийся баланс в свою пользу. Во имя американского военного превосходства над СССР подвергались безжалостной цензуре даже выводы собственной разведки — в тех случаях, когда она стремилась все-таки дать объективную картину. Так, напри-

мер, в конце 1969 года помощник президента по национальной безопасности и видный деятель в администрации Никсона Киссинджер получил от Совета национальных оценок ЦРУ проект национальной разведывательной оценки советских стратегических программ и усилий за прошедший год. В документе ведущими аналитиками ЦРУ делался «твердый вывод, что Советы не добиваются стратегического превосходства». По их оценке, не было никаких свидетельств того, что СССР стремится изменить в свою пользу стратегический баланс в мире, добиться возможности нанесения первого ядерного удара по американской территории и т.п. Однако именно в тот момент военно-политическая элита Вашингтона стремилась получить от законодателей очередное крупное ассигнование на вооружение. Поэтому им было необходимо от экспертов разведки совсем другое заключение — о том, что Советский Союз стремится обрести возможность первым нанести по США ракетно-ядерный удар. И министр обороны М. Лэйрд, активно поддержанный Т. Киссинджером, немедленно потребовал исключить неугодный вывод из проекта оценки СНО. В результате еретический вывод экспертов ЦРУ был изъят из основного раздела доклада и помещен в качестве примечания к нему. А что такое примечание? Кто и когда относился к нему всерьез?

Умело манипулируя информацией, на основании которой принимались важнейшие политические решения, и обладая другими многочисленными рычагами воздействия, «ястребы» с легкостью убедили вашингтонскую администрацию сделать попытку изменить военно-стратегический баланс в свою пользу. Именно при администрации Никсона произошел переход (точнее, перевод) гонки вооружений из количества в качество. Если до 1969 года главным на этом направлении было стремление добиться решающего количественного превосходства над СССР в средствах доставки ядерного оружия (в 50-х годах с помощью стратегической авиации, в 60-х — благодаря межконтинентальным баллистическим ракетам), то теперь, когда количественная гонка стала бесперспективной, основная ставка была сделана на качество ядерного оружия. А именно — введение на вооружение армии США разделяющихся атомных боеголовок. В 1968 году были проведены первые испытания МБР «Ми-

нитмен-3» с разделяющимися головными частями индивидуального наведения, а в 1970 году — аналогичные опыты с баллистической ракетой подводного базирования «Посейдон-С-3». В те же 70-е годы США построили 41 атомную подводную лодку с баллистическими ракетами. В то время подобных подлодок не было ни у одной армии мира.

Хоть упор и был сделан на качественном аспекте гонки вооружений, количественная сторона не осталась внакладе. По подсчетам американских экспертов, в 70-е годы каждый день в вооруженные силы США поступало в среднем по 3 ядерных заряда. Если в 1960 году стратегические ракетно-авиационные силы Америки могли доставить к целям 2 тысячи ядерных зарядов, то в 70-х годах — уже более 5 тысяч, а к середине 80-х — свыше 12 тысяч.

Однако советское руководство не позволило Вашингтону уничтожить достигнутый с таким трудом военно-стратегический паритет. Теперь СССР без труда выдерживал количественную гонку вооружений, а попытка американцев перевести ее в качественную плоскость дала им лишь временное незначительное преимущество: к середине 70-х годов разделяющиеся ракетные боеголовки индивидуального наведения были уже и у Советского Союза. Как ни неприятно это было американцам, но примерное равновесие сил между обеими сверхдержавами упорно сохранялось. Стремление Америки добиться превосходства лишь привело мир к ситуации, которую образно и со знанием дела описал Г. Киссинджер (внесший, кстати, и свой посильный вклад в ее создание): «Сверхдержавы часто ведут себя как два ощупью пробирающихся по комнате тяжеловооруженных слепца, каждый из которых полагает, что ему грозит смертельная опасность от другого, которого он к тому же считает вполне зрячим. Обоим следует знать, что часто в недосказанности, компромиссе и неясности заключается сущность политики. Тем не менее каждый из них склонен приписывать другому последовательность, дар предвидения и четкость, которых ему самому, как он знает по собственному опыту, недостает. Конечно, через какое-то время эти два слепца могут нанести огромный вред друг другу, не говоря уже о комнате»[190].

Наряду с попытками вновь добиться решающего военного превосходства над СССР, в американской политике тех

лет действовала и другая тенденция. Она была порождена шоком от карибского кризиса, осознанием факта паритета с противником и интуитивным предчувствием, что изменить равновесие в свою пользу не удастся — во всяком случае, в ближайшее время. Речь идет о политике разоружения и разрядки. Эта линия имела в американской элите гораздо меньше сторонников по сравнению с гонкой вооружений, и потому проводилась намного слабее и непоследовательнее.

Как мы помним, необходимость разрядки первым осознал еще президент Эйзенхауэр, которому не кто иной, как ЦРУ, не дало пойти по этому пути. Первые шаги сделал Кеннеди и, наряду с Вьетнамом, оставил разрядку в наследство своим преемникам. Стремительно крепнущая ядерная мощь Москвы вынуждала Вашингтон заняться поиском возможностей договориться с ней если не по основным вопросам, то хотя бы в тех областях, где у обеих сверхдержав имелись сходные интересы. Так, уже в 1967 году президентом Джонсоном был подписан трехсторонний англо-советско-американский договор о космосе. Самым главным в этом договоре было обязательство стран-участниц «не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения». Благодаря этому соглашению было очень своевременно предотвращено распространение гонки ядерных вооружений на космос. Безусловно, это в равной степени отвечало как интересам СССР, так и США.

Да, обе сверхдержавы противостояли друг другу во многих областях, и рассматривали одна другую как наиболее вероятного противника. Но тем не менее у них был еще один мощный общий интерес в этой сфере. И Россия, и Америка были кровно заинтересованы в сохранении своей общей монополии на ядерное оружие, составлявшее основу их военной мощи. Никто не хотел увеличения количества вероятных противников, размахивающих атомной бомбой. Плодом этого взаимного стремления предотвратить появление новых ядерных государств (с наличием подобного оружия у Англии, Франции и Китая поневоле приходилось мириться) стало появление договора о нераспространении ядерного оружия, подписанного 12 июля 1968 года.

Следующий прорыв ледяного панциря, сковавшего совет-

ско-американские отношениях произошел во время визита президента Никсона в Москву в мае 1972 года. В ходе этой встречи на высшем уровне был подписан целый ряд документов, главными из которых стали Основы взаимоотношений между СССР и США, Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений. В Основах были зафиксированы 12 принципов, призванных заложить фундамент стабильных и мирных отношений между двумя сверхдержавами. Первым был провозглашен принцип мирного сосуществования: стороны «будут исходить из общей убежденности в том, что в ядерный век не существует иной основы для поддержания отношений между ними, кроме мирного сосуществования». Как известно, этот принцип включает в себя невмешательство во внутренние дела другого государства, признание за каждым народом права свободно избирать свой социально-экономический и политический строй, строгое уважение суверенитета и территориальной целостности другого государства.

Правда, во всей своей последующей деятельности по отношению к СССР Соединенные Штаты успешно попирали это торжественно принятое на себя в 1972 году обязательство. Причем началось это не при Картере или Рейгане, а уже при том же Никсоне. Не успели высохнуть чернила на Основах взаимоотношений, а госдеп уже запросил от конгресса очередную порцию денег для финансирования идеологической войны против СССР. Столь откровенный цинизм по отношению к только что заключенным договоренностям вызвал открытый протест даже у некоторых американских законодателей. «У меня не укладывается в голове, — заявил по этому поводу сенатор Д.У. Фулбрайт, — как правительство может предлагать американским налогоплательщикам дать еще 38 миллионов долларов на поддержку радиостанций «Свободная Европа» и «Свобода», когда всего лишь несколько дней назад граждане нашей страны видели, как их президент в Москве обращался к народу Советского Союза и заверял, что мы верим в право каждой страны выработать свой курс, избрать систему и идти собственным путем без вмешатель-

ства других стран»[191]. Впрочем, четкое понимание того, что слово есть сотрясение воздуха и в этом качестве недорого стоит, всегда было неотъемлемой чертой политики Вашингтона практически при любой администрации.

Бессрочный договор по ПРО устанавливал у СССР и США по два разрешенных комплекса средств перехвата ракет, в 1973 году сокращенных даже до одного у каждой из сторон. Кстати, одним из важнейших ключевых положений этого договора было обязательство сверхдержав «не разрабатывать, не испытывать и не размещать системы ПРО или их компоненты в космическом пространстве» (статья 5). В то время этот договор, вместе с временным соглашением, играл стабилизирующую роль, а отраженный там тезис о равной безопасности сверхдержав исключал даже возможность постановки вопроса об односторонних преимуществах той или иной стороны. Как нам уже известно, сейчас Америка, пользуясь распадом Советского Союза, готовится попрать и этот бессрочный договор, составляющий одну из важнейших основ мировой стабильности. Чего стесняться, когда его действие больше не обеспечивается советской военной мощью!

Соглашения, заключенные в Москве, уменьшили опасность начала ядерной войны и открыли дорогу для дальнейших договоренностей по разоружению. Кроме того, Никсон подписал в советской столице торговое соглашение и соглашение о сотрудничестве в исследовании и использовании космоса в мирных целях. Импульс, данный во время московской встречи, имел и некоторое продолжение: в 1973 году было подписано соглашение между СССР и США о предотвращении ядерной войны, а венцом и зримым символом советско-американского сотрудничества в космосе стал состоявшийся в 1975 году совместный полет «Союза» и «Аполлона».

Учет изменившегося не в пользу Америки глобального соотношения сил повлиял и на официальные доктрины Вашингтона. На смену доктрине гибкого реагирования Кеннеди пришла в 1971 году доктрина «реалистического сдерживания (устрашения)». Суть ее состояла в приспособлении претензий США к установившемуся балансу сил с учетом научно-технических достижений. В целом же Никсон, по

словам Киссинджера, руководствовался новой ролью США — как мировой державы, балансирующей между антикоммунизмом и умиротворением. Сам советник президента все еще лелеял идею «ограниченной» ядерной войны. Исходя из постулата о технологическом преимуществе США над СССР, он полагал, что Америка имеет большую возможность вести тактическую ядерную войну, являющуюся «стихией будущего». Киссинджер призывал строить вокруг этой идеи всю военную политику США и «дипломатию великой державы, могущей диктовать сами пределы военного конфликта». Однако любому здравомыслящему человеку было очевидно, что «ограниченная» ядерная война может моментально перерасти в неограниченную, а попытки в одностороннем порядке устанавливать пределы военного конфликта с треском провалились во Вьетнаме. Если это не получилось в обычной войне — то что уж говорить о ядерной! Нет, эти идеи, в свете перспектив разрядки, становились совсем уж непопулярными. (Кстати, о разрядке: даже эффективное сотрудничество в космосе не помешало американцам годом раньше определить в качестве целей для своего ядерного удара почти 900 советских городов — каждый с населением свыше 25 тысяч человек.)

«Убивать русских за то, что они — русские!»

Уотергейтский скандал (в котором непосредственным образом участвовало ЦРУ), способствовал приходу в Белый дом президента Картера. При нем постепенно начал намечаться поворот советско-американских отношений — снова в сторону ухудшения. Идеологическим обоснованием нового курса стала развязанная при этой администрации шумная пропагандистская кампания «в защиту прав человека». Эта позиция давала США как бы моральное право вмешиваться во внутренние дела развивающихся и социалистических стран. А главным объектом защиты были, естественно, граждане СССР. Конечно, право на защиту имели далеко не все люди, и функцию разграничения «чистых» от «нечистых» США присвоили себе.

Впрочем, кампания «борьбы за права человека в Советском Союзе» только началась при Картере, но задумывалась гораздо раньше. Основные ее положения были сформулированы еще в 1972 году на 28-м Всемирном сионистском конгрессе и последовавшей за ним сессии Всемирного еврейского конгресса — естественно, в одном аспекте — прав евреев в СССР. Довела до ума эту сионистскую идею, распространив ее на все население СССР, состоявшаяся в Иерусалиме международная конференция советологов. Тамто и были разработаны основные лозунги будущей пропагандистской кампании, начатой четыре года спустя президентом Картером.

Нечего и говорить, что кампания эта была изначально, мягко говоря, не очень корректной. Естественно, в брежневском Советском Союзе было не все хорошо с правами человека (а где, скажите, с ними хорошо — в США, что ли?). Но что это было по сравнению с грубейшими нарушениями прав человека в странах «третьего мира», в том числе и в многочисленных, поддерживаемых Америкой диктаторских режимах? Если кровавые преступления этих режимов и становились порой достоянием гласности, то о них вашингтонская администрация мгновенно «забывала», сосредоточив весь огонь своей критики исключительно на советском блоке. Трудно точно сказать, верил ли сам Картер в столь горячо пропагандируемые им права человека — может быть, и верил, каких только чудес не бывает под солнцем! — но у подавляющего большинства радетелей этих прав как в его ближайшем окружении, так и среди советских диссидентов преобладал цинично-прагматичный подход. Диссидентам это было элементарно выгодно. У американцев тоже были свои, далеко не идеалистические интересы. Оказывавший огромное влияние на выработку внешнеполитической стратегии Картера З. Бжезинский впоследствии писал в мемуарах, что он «видел в правах человека средство заставить Советский Союз перейти к обороне в идеологической сфере»[192]. Еще более откровенно высказалась по этому поводу В. Новодворская в приложении к газете «Московская правда» «Новый взгляд» в июле 1994 года: «Я лично правами человека накушалась досыта. Некогда и мы, и ЦРУ, и США использовали

эту идею как таран для уничтожения коммунистического режима и развала СССР. Эта идея отслужила свое, и хватит врать про права человека и про правозащитников. А то как бы не срубить сук, на котором мы все сидим»[193].

Поворот от сотрудничества к конфронтации был обусловлен объективно, уже самой расстановкой сил в американской элите. Но, как это часто бывает, глубокие объективные причины проявлялись субъективным образом. В то время роль субъективного фактора сыграл вышеупомянутый помощник президента Картера по вопросам национальной безопасности Збигнев Бжезинский. Потомственный польский аристократ, он, кроме фамилии, унаследовал от своих предков также и традиционную польскую нелюбовь к России и русским. Это качество оказалось востребованным в США. Благодаря поддержке Рокфеллера, Бжезинский входит в ближайшее окружение президента и постепенно начинает оказывать гораздо большее влияние на формирование американской внешней политики, чем даже сам госсекретарь, занимавшийся этим по должности. Благодаря усилиям Бжезинского, в американском антисоветизме существенно усилился русофобский элемент. И ни для кого не было секретом, какой именно народ обеспечивает мощь и сплоченность бывшей Российской империи. Но к 1980 году Вашингтон стал проводить новую политику, которая, как писал американский журналист Д. Чейс, была направлена «скорее против русской нации, чем против всемирной коммунистической идеологии». Безусловная заслуга в этом принадлежит помощнику президента.

Но начал он не с этого. Бжезинский начал постепенно внушать всем и каждому в администрации, а в первую очередь президенту, что необходимо отказаться от чрезмерного упора на американо-советские отношения и что ни в коем случае нельзя превращать Советский Союз в центральный элемент американских интересов в мировой политике. Это выглядело прилично и даже разумно. Впрочем, особо своей заветной цели он никогда не скрывал и охотно выражал излюбленной формулой, краткой и точной: «Россия должна быть раздробленной и находиться под опекой». Расчленение Советского Союза любой ценой и под любым предлогом — в этом было кредо Бжезинского.

Легко сказать — но как сделать? Надежды на разрушение могущественной сверхдержавы основывались на многонациональном характере населения СССР, и на постепенном снижении в нем числа русских. В этих целях следовало всячески поощрять политическую активность нерусских народов. В записке для госдепартамента Бжезинский писал: «Децентрализовать империю [советскую] — значит вызвать ее распад... и любая значительная децентрализация — даже исключительно в экономической сфере — усилит потенциальные сепаратистские настроения среди граждан Советского Союза нерусской национальности. Экономическая децентрализация будет неизбежно означать политическую децентрализацию»[194].

Подлинное отношение Бжезинского к русскому народу вырвалось наконец наружу во время одного совещания 1977 года, о котором поведал западногерманский журнал «Шпигель». На сверхсекретном заседании в подземной оперативной комнате Белого дома ему объясняли американский стратегический план ведения ядерной войны против СССР: сначала удар должен быть нанесен по советским ядерным силам, чтобы максимально ослабить мощь ответного удара, затем по обычным вооруженным силам, а потом по промышленным целям. План был составлен безупречно с точки зрения военной стратегии, но бывший польский аристократ остался недоволен.

— А где критерии уничтожения русских? — спросил он.

После нескольких секунд удивленного молчания докладчик попытался объяснить помощнику президента, что советские города и проживающее в них гражданское население не рассматриваются «единым планом» как отдельные цели. Но поскольку большинство промышленных объектов расположено в городах, автоматически вместе с ними будет уничтожена и значительная часть советских граждан.

— Нет, нет, нет! — вскричал Бжезинский. — Я имел в виду отнюдь не всех советских граждан. Я имею в виду только русских.

Поскольку докладчик был изумлен до глубины души, Бжезинский снизошел и разъяснил ему суть своей позиции:

— Русские господствуют в Советском Союзе, русские — враги, если мы хотим предотвратить войну, то следует запу-

гать русских. Если же система сдерживания не сработает, необходимо убивать прежде всего русских. Если убивать русских именно за то, что они русские, то можно было бы ускорить распад русской империи[195].

Американцы были удивлены этим «моментом истины». Но для русского историка тут ничего необычного нет. Даже став американцем, помощник президента остался в душе польским шляхтичем и теперь навязывал свою наследственную русофобию американской политике. Причем успешно. Завороженные и просветленные идеями тотального геноцида русских, стратеги из Пентагона, пишет «Шпигель», начали разрабатывать новые формы ядерной войны, которая не просто бы превратила Советский Союз в «сплошную мусорную свалку», но и привела бы к расколу между его народами и уничтожению политической системы. В их глазах эта война приобретала даже некоторые гуманные черты, поскольку в ходе предполагалось убивать не всех, а по возможности не трогать союзные государства и нерусские народы СССР. Конечно, последние должны были заслужить себе жизнь, подняв восстание против русских.

Ученые и военные быстро откликнулись на новый социальный заказ. Профессор Калифорнийского университета Г. Гертнер в 1981 году писал: «Во Второй мировой войне многие окраинные республики хорошо выполнили функцию буфера, приняв на себя первоначальный ущерб, который нес вермахт. В ядерной войне случится противоположное. Немедленные и концентрированные разрушения будут нанесены центральным районам Великороссии». Разработчики геноцида старались учесть, по возможности, все: «Есть важные соображения с точки зрения климата. Ветры понесут продукты радиации на самые густонаселенные районы России. С ноября по март ветры преимущественно дуют с юга и запада в их направлении, а с апреля по октябрь — с севера и запада также к этим центрам. Это увеличивает опасность сильного радиоактивного заражения, ибо направления ветров локализируют его. Коротко говоря, направления ветров на протяжении всего года гарантируют, что первоначальная радиация (особенно смертоносная) покроет наиболее густозаселенные районы»[196]. И все во имя «прав человека»!

Конец разрядки

Тем не менее процесс разоружения имел свою инерцию, и после многочисленных советско-американских переговоров и консультаций Брежнев и Картер наконец в июне 1979 года подписали договор о разоружении ОСВ-2. Нечего и говорить, что этому изо всех сил противился Бжезинский, который упорно пытался увязать глобальные вопросы ракетно-ядерного разоружения с разными, явно Второстепенными на их фоне, проблемами. Бывший госсекретарь Картера Вэнс в своих мемуарах прямо пишет, что Бжезинский саботировал его попытки добиться улучшения отношений с СССР. В деле с ОСВ-2 ему всячески помогал тогдашний директор ЦРУ Тэрнер. Его возражения против тех или иных положений договора основывались, как правило, на том доводе, что невозможно обеспечить контроль за его исполнением «национальными американскими средствами». Когда же договор ОСВ-2 был все-таки подписан, Бжезинский активней всех включился в кампанию против его ратификации сенатом США.

Подлинный подарок потомку польских аристократов сделало само советское руководство. Оно успешно повторило американскую ошибку с Вьетнамом и ввело войска в Афганистан. Забыв о бревне в собственном глазу (не прошло и пяти лет с момента окончания вьетнамской войны), вашингтонская администрация немедленно развязала истеричную пропагандистскую кампанию по поводу «советского Вторжения в Афганистан» и с готовностью ухватилась за новый предлог для ликвидации процесса разрядки и разоружения. Подавляющая часть американской элиты с радостью вернулась к «эре конфронтации», решив еще раз опробовать метод «тотального» наступления на Советский Союз и социалистический лагерь, по возможности, во всех без исключения областях. Своего апогея эта политика достигла при Рейгане, но перелом начался уже в конце президентства Картера.

Решив высечь Кремль за экспансионизм хворостиной, Картер в первые же дни 1980 года обнародовал свои «10 пунктов». Самые важные из них содержали экономические санкции (эмбарго на продажу СССР зерна, запрет на поставку

передовых технологий и запрет советского рыболовства в американских водах) и ответные военно-политические шаги (возобновление поставок оружия Пакистану, кооперация в военных делах с Китаем и эскалация военного присутствия США на Ближнем Востоке). В плане моратория на культурные и прочие обмены был провозглашен бойкот Московской олимпиады 1980 года. Однако этот бойкот обернулся против самих США: Олимпиаду в советской столице сорвать не удалось, а у советской сборной лишь прибавилось медалей.

Гораздо более болезненным для нас было официально принятое в декабре 1979 года союзниками по НАТО, а фактически навязанное Вашингтоном своим партнерам соглашение о размещении в Западной Европе 600 американских крылатых ракет и «Першингов-2» с ядерными боеголовками. Эти ракеты средней дальности теперь были способны поражать цели в глубине советской территории, что делало их мощным стратегическим оружием. Размещение их в Западной Европе, по оценке американских военных экспертов, представляло собой «обход ограничений, содержащихся в Договоре ОСВ-2». Хотя официальная пропаганда НАТО и представляла развертывание этих ракет в Европе как оборонительный «ядерный зонтик» над западной частью европейского континента, в действительности это была не слишком даже замаскированная попытка сломать сложившийся в Европе и мире военно-стратегический паритет и изменить глобальный баланс сил в свою пользу. А помимо этой явной цели, у вершителей мировой политики из Белого дома была еще и скрытая цель, в духе их излюбленной концепции «ограниченной» ядерной войны. Размещая свое тактическое ядерное оружие у самых границ СССР, они еще и выводили из-под ответного удара территорию США. Правда, при этом под удар подставлялись союзники США в Западной Европе, но зато им отводилась почетная роль «ядерного оппонента» Советского Союза. Естественно, радости европейцам это не прибавило.

Логическим завершением всего этого процесса стало подписание Картером в июле 1980 года президентской директивы № 59, модифицирующей, с учетом новых условий, американскую стратегию на случай ядерной войны с

СССР. Согласно ей, США должны были наносить «избирательные» ракетно-ядерные удары по командным пунктам и иным стратегическим военным объектам Советского Союза. Грядущая ядерная война мыслилась одновременно и как «ограниченная», и как «продолжительная». Поскольку размещены ракеты были в Западной Европе, не составляло никакого труда догадаться, где и за чей счет Вашингтон собирался продолжительно вести «ограниченную» ядерную войну. Нет, ничего не изменилось до времен Дьенбьенфу, когда американцы, планируя ядерный удар по вьетнамской территории, «забыли» о присутствии там еще и союзных французских войск. Впрочем, и «ограниченной» планируемую войну можно было назвать лишь с очень большой натяжкой. По данным американской печати, принятый в декабре 1982 года новый интегрированный план нацеливания ядерного оружия США (SIOP) включал около 40 000 целей на территории стран социалистического лагеря.

Параллельно резко усилился экспансионизм США и в «третьем мире». Даже раньше подписания директивы № 59, а именно в январе 1980 года, была провозглашена «доктрина Картера». Суть ее заключалась в декларировании права Соединенных Штатов по своему усмотрению применять вооруженную силу в районе Персидского залива. Непосредственной причиной провозглашения доктрины была заинтересованность Америки в ближневосточной нефти, но истинные корни подхода находились глубже. К тому времени Соединенные Штаты зависели от импорта не только нефти, но и других видов минерального сырья. По американским же подсчетам, из-за рубежа в страну, во всевозрастающих масштабах, ввозилось более половины из 24 наиболее важных минералов, при прекращении поступления которых в США могло остановиться производство самой разнообразной продукции — от телевизоров до боевых самолетов.

Глава 10

ГЛАВНЫЙ СОЛДАТ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Ведомство шатается, но не сдается

Но что же наш главный герой — Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов Америки? Положение его за это время несколько осложнилось. Начать с того, что в 1970 году всемогущий директор ФБР Гувер приказал своим подчиненным порвать все связи с ЦРУ. Это решение было обусловлено как растущим вмешательством разведуправления во внутренний сыск в самой Америке, неприкосновенной вотчине шефа ФБР, так и, по оценке «Нью-Йорк таймс», результатом «давнего недоверия между обеими организациями». В итоге «все сотрудничество в области контрразведки, если не считать символического, между двумя ведомствами с тех пор прекратилось»[197].

Однако это были лишь цветочки. Ягодки ЦРУ начало собирать в 1972 году, когда по заданию администрации Никсона люди из ведомства перед очередными выборами залезли в штаб-квартиру демократической партии, впрочем, с вполне мирными намерениями — всего лишь для того, чтобы установить там подслушивающие устройства и сфотографировать партийные документы. Взломщики действовали так неумело и непрофессионально, что были пойманы. Разразился грандиозный скандал. «Уотергейт» потряс всю Америку, вынудил президента Никсона подать в отставку и, по словам самих заокеанских исследователей, «лег на ЦРУ несмываемым пятном». Трудно сказать, что тут было хуже — то, что занимались грязным предвыборным шпионажем, или то, что попались.

Атмосферу того времени нам помогают понять горькие сетования бывшего сотрудника ведомства Р. Клайна: «Од-

нако кандидат в президенты Картер не смог понять, что ситуация в этом смысле изменилась — он то и дело поминал «Уотергейт, Вьетнам и ЦРУ» как нечто ставшее позором США. Те, кто еще продолжал смешивать в одну кучу «Уотергейт, Вьетнам и ЦРУ», отчасти помогли Картеру стать в ноябре 1976 года президентом».

Уотергейт вывалял ЦРУ в грязи и в очередной раз пошатнул его позиции — впрочем, и с тем и с другим уже вроде бы и смирились, но вот последовавший через два года удар оказался для некогда всемогущего разведведомства самым страшным за всю его историю и теоретически был даже способен покончить с его существованием. В декабре 1974 года газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала длинный список злоупотреблений ЦРУ, и в том числе длившуюся 20 лет (!) операцию по слежке за американскими гражданами внутри страны (операция «Хаос»). На волне начавшихся разоблачений ЦРУ припомнили все: и убийства зарубежных политических лидеров, и преступные эксперименты над сознанием с целью контролировать поведение человека, и многое другое. Для расследования этих грязных дел президент Форд создал комиссию Рокфелла, в конгрессе с этой же целью был образован комитет Пайка, а в сенате — комитет Черча.

И все же, несмотря на гневные филиппики в адрес разведуправления, даже эти расследования не нанесли ему существенного урона. Да, ЦРУ было облито грязью с головы до ног, в глазах рядовых американцев оно стало ассоциироваться не с собранием бесстрашных суперменов, а с мастерской дел грязных, подлых и нечистоплотных, и публичный образ главной разведслужбы страны более чем потускнел. Но шпионское ведомство это мало волновало: организационно ЦРУ не было раздроблено и эффективный контроль за его деятельностью так и не был установлен. Чего и требовалось добиться. Более того, существует достаточно распространенное мнение, что большая часть разоблачений была ловкой пропагандистской уловкой самого ЦРУ, выставившего на всеобщее обозрение свои мелкие грешки и скрывшего за ними более существенные преступления. А разоблачение опытов по манипулированию сознанием стало своего рода рекламной акцией могущества Лэнгли.

Однако эти разоблачения все-таки не могли не повлиять на эффективность работы спецслужбы. Р. Клайн стенает по этому поводу: «Недолгое пребывание в ЦРУ Шлесингера, как и время последующих оборонительных действий Колби, было не чем иным, как междуцарствием, периодом, когда ЦРУ своим прямым делом заниматься не могло и почти им не занималось. [...] После Уотергейта многие утратили доверие к правительственным учреждениям, и это (плюс наскоки на ЦРУ прессы и конгресса) катастрофически сказалось на эффективности работы Управления как в самих США, так и за рубежом, чуть ли не полностью сведя ее на нет»[198]. Понятно, что один из бывших руководителей ЦРУ намеренно льет слезы — крокодиловые! — и существенно сгущает краски, стараясь всячески преувеличить бедствия, выпавшие на долю родного ведомства. Но тем не менее неприятности были, и в результате как штат, так и размах операций Лэнгли пришлось на время свернуть. Пришедший при Картере к руководству ЦРУ адмирал Тэрнер для начала уволил 200 опытных сотрудников агентурных служб, а затем сократил на 600 человек штат, занятый тайными операциями и шпионажем. Впрочем, даже горячий апологет ЦРУ Р. Клайн признает, что эти сокращения были оправданы с административной точки зрения. Да и причиной их стало не желание ослабить ЦРУ, а стремление нового директора, бывшего моряка, перетащить к себе на новую работу как можно больше людей из ВМФ. Однако кадровыми сотрудниками управления эти сокращения были восприняты как чистки, что и не могло не сказаться на эффективности деятельности службы.

Все эти пертурбации имели еще одно важное, но тщательно скрываемое от глаз непосвященной публики последствие — перераспределение власти и влияния в американском разведывательном сообществе. Ослаблением ЦРУ немедленно воспользовалось сверхсекретное Агентство национальной безопасности. В докладе сенатского комитета по разведке прямо говорилось, что «с точки зрения бюджета наиболее влиятельным лицом [в разведывательном сообществе] является директор Агентства национальной безопасности, который, занимая также пост главы Центральной службы безопасности, руководит осуществлением крупней-

шей отдельной программы, заложенной в бюджете разведки США»[199]. Где деньги, там и власть, и уже руководивший ЦРУ в 1966—1973 годах Р. Хелмс горько жаловался, что он, как глава разведсообщества, теоретически несет стопроцентную ответственность за всю разведывательную деятельность США, в то время как фактически он контролирует менее 15 процентов разведывательных операций сообщества (по другим оценкам — менее 10%).

Лидерство среди американских разведслужб однозначно захватило АНБ. Это видно не только по бюджетным ассигнованиям, но и по прямой численности сотрудников: «К 1978 году Оперативное управление ЦРУ сократилось с максимальной численности в восемь тысяч человек, которую оно имело в разгар войны во Вьетнаме, до менее чем четырех тысяч. Хотя АНБ также пострадало от сокращений, особенно сразу после окончания вьетнамской войны, к 1978 года число его сотрудников составляло все еще 68 203 человека, что превышало численность сотрудников всех других разведывательных ведомств, вместе взятых»[200]. Нетрудно догадаться, что и основной вклад в дело шпионажа против СССР в то время вносило также АНБ, но из-за атмосферы сверхсекретности, плотно окутывающей это агентство, мы почти не знаем ничего о деятельности АНБ.

ЦРУ быстро восстановило утраченную численность. Если, по данным американской прессы, к 1980 году численность всего разведывательного сообщества Соединенных Штатов составляла 155 тысяч человек с бюджетом в 13 миллиардов долларов[201], то численность самого ЦРУ в данный период равнялась 14 тысячам человек с 1 миллиардом долларов[202]. То есть ведомство и по численности и по финансированию составляло примерно 1/10 разведсообщества. Тем не менее даже утратившее лидирующее положение в американском разведсообществе и в какой-то степени ослабленное в семье американских разведок ЦРУ продолжало оставаться серьезным противником. О масштабах его деятельности говорит уже одно то, что, по признанию самого его руководства, ЦРУ ведет военный, политический и экономический шпионаж в 150 странах мира. Только за период с 1961 года до середины 70-х годов оно, по официальным данным Вашингтона, осуществило почти 900 «крупных скры-

тых акций и несколько тысяч более мелких»[203]. Большая их часть была направлена прямо или косвенно против Советского Союза. «Я не хочу, — заявил директор ЦРУ при Картере С. Тэрнер, — чтобы осталась хоть тень сомнения относительно того, что Советский Союз — главный объект разведки и должен впредь являться таковым»[204]. Это были не пустые слова: гораздо позднее новый глава ЦРУ Тенет обронил, что прежде его ведомство направляло 65% всех средств на борьбу со своим главным противником — СССР[205]. Ведомственные инструкции конкретизировали задачу. Так, в одной из них говорилось: «Целью нашей деятельности является внедрение в Советскую Армию. Прямой путь, обещающий наибольший успех, — это вербовка агентов непосредственно в рядах Советских Вооруженных Сил»[206].

Утонувшая подлодка и улетевший «МИГ»

Некоторые действия ЦРУ против СССР все-таки стали достоянием гласности. Одной из наиболее успешных операций того времени стал знаменитый «Проект Дженифер», состоявшийся в начале 70-х годов.

Предыстория этой акции такова. В 1968 году советская подводная лодка «К-129» с бортовым номером 574 (ПЛ-574), находящаяся на боевом патрулировании в Тихом океане, была непреднамеренно протаранена следившей за ней американской подводной лодкой «Суордфиш». Расколовшаяся от сильного удара советская подводная лодка унесла с собой в пучину океана жизни 98 моряков. У нее на борту были три баллистические ракеты подводного старта с ядерными боеголовками большой мощности и две ядерные торпеды. Их изучение способно было дать в руки американцам поистине бесценную информацию о советском ракетно-ядерном оружии, его компонентах, топливе и т.п. Американские эксперты заявляли: «Мы никогда не видели русской техники, и нельзя себе представить, насколько полезно было бы знать ее размер, ее вес, как она изготовлена и какой использован металл. Если даже ни то ни другое не будет представлять интереса, мы

будем знать, насколько правильными или неправильными были наши разведывательные оценки всех этих лет»[207].

Но как ни ценны были эти данные, однако безмерно важнее для специалистов американской разведки были секретные коды и шифровальная аппаратура, находившиеся на затонувшей лодке. Заполучив их, американцы смогли бы легко расшифровать многие тысячи перехваченных ими радиограмм советского ВМФ, код которого они так и не смогли разгадать. Это позволило бы аналитикам из ЦРУ, АНБ и РУМО получить план действия боевой службы советских подводных лодок по всему миру, четко представить себе систему развертывания и управления силами ВМФ Советского Союза. Более того, вычленив основы разработки шифров конца 60-х годов и сопоставив их с данными текущего радиоперехвата с помощью сверхмощных ЭВМ, возможно было бы определить систему выработки новых советских шифров. Одним словом, игра стоила свеч и американцы решили любой ценой поднять затонувшую подлодку или, если не получится, то хотя бы часть ее.

Советское руководство, не получив от ПЛ-574 очередного сигнала связи, организовало поисково-спасательную операцию. Два месяца наши корабли и самолеты исследовали вероятное место исчезновения подлодки, но все их поиски остались безрезультатными. ПЛ-574 сочли затонувшей, проанализировали различные вероятные причины ее гибели, и на этом была поставлена точка. По привычке к тотальной секретности, Кремль хранил гробовое молчание по поводу случившейся трагедии, и это было ошибкой. Тот факт, что ПЛ-574 затонула в международных водах и не было никаких официальных заявлений, в той или иной форме декларирующих права СССР на ее обломки, делало предстоящую акцию ЦРУ как бы даже законной с точки зрения международного права. С помощью средств технической разведки американские спецслужбы уже довольно точно знали место гибели советской подлодки, и, после того как наши прекратили спасательно-поисковые операции, на место трагедии для точного определения координат отправились оснащенная поисково-разведывательным оборудованием американская подлодка «Хеллибад» и сверхсекретное судно ВМС США «Мизар». После двух месяцев напряженных поисков

они смогли не только найти лежащую на дне океана ПЛ-574, но и сфотографировать ее на большой глубине.

Установив точное местонахождение затонувшей советской субмарины, американцы решили перейти к основной фазе операции — ее подъему. «Проект Дженифер» был одобрен лично президентом Никсоном и носил сверхсекретный характер, и о ее подлинном масштабе знал лишь крайне ограниченный круг лиц. Выполнение этой чрезвычайно важной операции было поручено ЦРУ.

Чтобы тщательнее замаскировать операцию, руководство разведки решило действовать через частное лицо — миллиардера Говарда Хьюза. Последний был собственником сети авиалиний, электронных компаний и предприятий по добыче нефти, так что ни у кого не должен был вызвать подозрений его интерес к добыче нефти либо иных полезных ископаемых со дна океана. На деньги ЦРУ, выделившего на эту операцию 350 миллионов долларов, миллиардер построил два специально спроектированных для операции судна: платформу «Гломар эксплорер» и док-понтон HSB-1. Их технические характеристики были во многом необычными для своего времени. Так, док-понтон, способный поднимать с больших глубин грузы весом до 800 тонн, был оборудован гигантскими захватами-щупальцами, изготовленными по форме обводов корпуса ПЛ-574. Естественно, что оба судна числились собственностью Хьюза и вели исследования в океане как бы в его интересах.

После окончания строительства «Гломар эксплорер» в июле 1973 года отправился на ходовые испытания к берегам Никарагуа, якобы для глубоководной добычи марганца. Успешно пройдя испытания, необычное судно летом 1974 года направилось к Гавайям, в район гибели советской подводной лодки. Экипаж его состоял из 170 человек. Все они были служащими-контрактниками ЦРУ (всего в этой операции, в той или иной форме, разведуправление задействовало свыше 4 тысяч человек). Разведка советского ВМФ быстро засекла американский корабль, однако определила его как гражданскую плавающую платформу с оборудованием для бурения морских скважин. Советский разведывательный корабль обнаружил проводимые на «Гломар эксплорер» работы по состыковке труб и спуску их в воду.

Усыпив бдительность советской стороны, корабль ЦРУ приступил к самой операции. Нарастив до 5 километров длину труб, американцы опустили ко дну Тихого океана док-понтон со стальными подводными захватывающими щупальцами. Уникальную операцию при помощи подводных телекамер с большой степенью точности контролировали операторы ЦРУ. Благодаря этому была обеспечена ювелирная точность выполняемых манипуляций, и металлические клешни сомкнулись на корпусе затонувшей советской подводной лодки. Однако радость экипажа «Гломар» оказалась преждевременной: когда док-понтон был уже почти на поверхности, ПЛ-574 внезапно разломилась на две части в месте пробоины. Кормовая часть подлодки, где были размещены баллистические ракеты и рубка шифровальщика, опять рухнула на пятикилометровую глубину. В руках, а точнее, в металлических клещах, ЦРУ остались первые два носовых отсека с торпедами, оснащенные ядерными боеголовками, и тела шестерых погибших подводников.

«Гломар эксплорер» со своей драгоценной добычей поспешил вернуться в Гонолулу, где специалисты ВМС США немедленно начали обследование поднятой половины. Тела погибших советских моряков были захоронены в океане, по принятому в СССР ритуалу — во избежание возможных дипломатических осложнений. Лэнгли праздновало победу и мечтало довести «Проект Дженифер» до логического конца, тем более что все необходимое — точные координаты отломившейся половины ПЛ-574 и необходимое для ее подъема оборудование — уже имелось. У. Колби обратился к президенту с просьбой дать разрешение на продолжение операции, которая должна была принести американцам долгожданные советские шифры и ядерные ракеты. ЦРУ шло к небывалому триумфу.

Однако случилось то, чего никакие аналитики предвидеть не могли. Одна из бандитских группировок Лос-Анджелеса совершила налет на офис Говарда Хьюза, где хранилась документация по «Проекту Дженифер». Вторжение в офис миллиардера зафиксировала полиция, а вместе с ней на место преступления прибыла и орда жадных до сенсаций репортеров. Один из документов попал в руки акул пера, и 19 апреля 1975 года на страницы мировой печати выплесну-

лась сенсационная история о сверхсекретной операции ЦРУ по подъему советской субмарины с ядерным оружием. Оправившись от первоначального шока, Москва заявила Вашингтону решительный протест, одновременно приготовившись, при необходимости, вооруженной силой пресечь продолжение «проекта Дженифер». В районе гибели ПЛ-574 целых полгода несли боевое дежурство корабли советского ВМФ, получившие приказ любой ценой, вплоть до бомбежки всего района не допустить подъема со дна океана оставшейся половины подлодки.

Если силовые действия Москвы были успешны, то дипломатические — нет. Ссылки МИД на то, что подъем судна противоречит международному праву, американский госдепартамент парировал тем, что о гибели ПЛ-574 не было нигде официально объявлено. Другую претензию Москвы — о кощунственном нарушении вечного покоя советских моряков — американцы отклонили на том основании, что тела погибших были перезахоронены по всем советским ритуалам, в доказательство чего они представили пленку, запечатлевшую эту траурную церемонию. Однако, чтобы не накалять отношений с Кремлем, Белый дом принял решение не производить подъем второй половины подводной лодки. ЦРУ было вынуждено подчиниться этому решению и, так и не заполучив вожделенные советские шифры, закончить «Проект Дженифер», который, хотя и не принес ожидаемых результатов, тем не менее считается успешной операцией американского разведывательного управления.

Другой эпизод можно расценить не только как успех военной разведки, но и как акцию промышленного шпионажа, а также как редкое ротозейство советских специалистов. Во время учений в ГДР американцы сняли на пленку состоявший на вооружении в ЗГВ советский понтонно-мостовой парк (ПМП), обладающий уникальными техническими характеристиками и не имеющий аналогов в мире. Наведение переправы с его помощью американцы снимали безо всякого риска — в СССР этот парк не считался секретным и съемкам зарубежных наблюдателей никто не препятствовал. Серьезной охраной промышленных секретов у нас тогда никто не занимался.

По полученным кинокадрам не составило большого труда изготовить и чертежи. Пользуясь тем, что уникальный механизм не был запатентован, американские фирмы, получившие от своих спецслужб всю документацию, в 1972 году начали совершенно открыто выпускать точные копии советского ПМП, присвоив ему только английское название — «Риббон бридж». Таким образом, благодаря пренебрежению международным правом, уникальная советская разработка обогатила армии США, ФРГ и других стран НАТО.

Еще одной бесспорной удачей американской разведки можно считать акцию по изучению новейшего по тем временам советского самолета «МИГ-25». Опытный образец этого мощного сверхзвукового истребителя-перехватчика был создан КБ Микояна в 1967 году, а в серийное производство он был запущен с 1970 года (в СССР производился до 1984 года). Почти сразу новым советским оружием, естественно, заинтересовались спецслужбы США. 6 сентября 1976 года пилот этого истребителя В. Беленко угнал свой самолет в Японию, приземлившись в аэропорту Хакодате. Окончательной ясности во всей этой истории нет до сих пор. По официальной советской версии, пилот потерял ориентировку и случайно попал в Японию, где был немедленно подвергнут специальной психологической обработке, в результате чего запросил политического убежища в США. Американцы же настаивали, что В. Беленко бежал из СССР по политическим мотивам.

Как бы то ни было, но самолет улетел. На месте посадки советского истребителя в Японии совершенно «случайно» оказалось около 20 американских экспертов по самолетостроению, разобравших попавший к ним в руки бесценный образец военной техники потенциального противника, что называется, до последнего болта. Несмотря на то что СССР в жесткой форме потребовал немедленного возвращения самолета, японцы тянули время до тех пор, пока американцы не закончили его изучения. Сделано это было самым тщательным образом: исследована вся аппаратура и вооружение «МИГа», взяты пробы стекла и металла. Американцы запускали его двигатели, и включали бортовую РЛС, и даже облетали захваченный истребитель своими самолетами, измеряя сверху спектр теплового излучения. В конце концов,

японцы вернули «МИГ», но после работы экспертов ЦРУ его возвратили в разобранном виде. Информация досталась американцам, а жесткие претензии Москвы — японцам. Впрочем, ничего другого никто и не ожидал. И без того было ясно, что СССР дорого обойдется предательство В. Беленко. Дорого именно в материальном плане: в срочном порядке пришлось менять всю начинку состоящих на вооружении «МИГов» и секретный шифр «Я — свой», дающий возможность отечественным РЛС отличать свои самолеты от чужих.

Техника хороша, агенты — не очень

Разумеется, перечень акций американских разведслужб этими операциями далеко не исчерпывается. И большинство этих акций имели одну общую черту, особенно возобладавшую во Второй половине 70-х годов. Возглавивший разведуправление при Картере адмирал Тэрнер представлял из себя образец убежденного технократа, делавшего ставку в основном на технические средства разведки, при некотором даже пренебрежении «человеческим фактором». Правда, большинство этих технократических акций достаточно оперативно пресекались советской контрразведкой. «Можно упомянуть, — вспоминает бывший начальник Второго (контрразведывательного) главного управления КГБ Р. Красильников, — в частности, об установке в районе Можайска в 1975 году специального радиоэлектронного устройства, закамуфлированного под древесный пенек. Оно предназначалось для перехвата радиоизлучений находящихся в этом районе оборонных объектов с автоматической передачей информации на пролетающий разведывательный спутник. Оба устройства были тайно установлены разведчиками московской резидентуры ЦРУ Ветерби и Корвиным. Этой операции предшествовало фотографирование местности разведывательными спутниками»[208].

Не менее важным направлением были перехват и прослушивание телефонных переговоров официальных лиц Советского Союза. Тут американцы не брезговали ничем.

Бывший помощник министра обороны США Р. Перл рассказывал, что американское посольство в Москве занималось электронным шпионажем еще в 1972 году. Для этого даже была образована специальная группа «Гамма-гаппи», состоявшая из специалистов разведки и оснащенная новейшим электронным оборудованием.

Но группа «Гамма-гаппи», по крайней мере, работала в тепле и под крышей. А вот в другом случае специалистам ЦРУ потребовалось в буквальном смысле спускаться в пучины моря — Охотского. Узнав, что в 60 км от берегов Камчатки проходит подводный кабель Министерства связи СССР, американцы в 1979 году провели достаточно рискованную спецоперацию «Айви беллс» по подключению к кабелю. В операции были задействованы подводная лодка и подводные пловцы, установившие сложнейший комплекс специальной аппаратуры. Эта аппаратура была столь совершенна, что, не присоединяясь к кабелю, могла улавливать идущие по нему электромагнитные импульсы. Чтобы полностью исключить возможность обнаружения подслушивающих устройств, американцы сконструировали их таким образом, что при поднятии кабеля на поверхность моря для ремонта или для инспекции аппаратура автоматически отключалась и оставалась на дне.

Самым сложным в сверхсекретной операции «Айви беллс» была доставка перехваченной информации в США. Для этого дважды в год ЦРУ направляло в Охотское море специально оборудованную субмарину, с которой высаживались водолазы. Подводные пловцы с помощью мини-подлодки или робота находили «жучок», снимали с него заполненные пленки и устанавливали новые. Поскольку кабель считался практически неуязвимым, важная информация передавалась по нему открытым текстом или кодировалась не самыми сложными шифрами. В результате в Лэнгли исправно получали важную информацию о результатах запусков советских баллистических ракет, проводившихся в районе Камчатки.

Однако вскоре американцам, абсолютно уверенным, что их суперсовершенную подслушивающую технику невозможно обнаружить, пришлось испытать горькое разочарование. В 1981 году несколько советских военных кораблей сосредо-

точились в столь хорошо знакомой им точке Охотского моря, а советские водолазы отыскали и сняли «жучок».

Ну и, конечно, в США бурными темпами развивалась космическая разведка, любимое детище всех американских технократов. Ее технические средства непрестанно совершенствовались. На снимке, сделанном из космоса в 1966 году, достаточно четко была запечатлена советская база бомбардировщиков близ Долона, в Казахстане. По оценкам экспертов, уже эта довольно ранняя фотография «продемонстрировала способность систем видовой информации раннего предупреждения различать тяжелые бомбардировщики и транспортные самолеты». Практичные американцы активно вкладывали деньги в эту сферу, и с 1960 по 1969 год расходы на военную деятельность в космосе увеличились более чем в четыре раза. Скоро прежние фотографии стали детскими игрушками по сравнению с многоспектральными системами наблюдения, к которым перешло разведсообщество США. Теперь разведка велась одновременно в нескольких участках электромагнитного спектра. Так, например, делалось одновременно три цветных фотоснимка интересующего объекта, для каждого из которых использовалась пленка, чувствительная лишь к узким участкам видимого или инфракрасного спектра. Параллельно с этим, объект фиксировался с помощью радиолокационной аппаратуры и устройством, регистрирующим пассивное тепловое излучение. Сопоставление всех этих изображений, полученных в различных диапазонах спектра, резко расширило объем информации, которую удавалось получить об объекте. «Вместе взятые, эти данные составляют весьма полную информационную картину, включающую в себя характеристики строительных материалов, из которых построены различные объекты на земной поверхности, дорог и других объектов, содержание воды в почве, проводимые земельные работы, а также существующие стартовые шахты для ракет с замаскированными дерном выходами, данные о высоте деревьев и других объектов, о разнообразии растительности и распространенных во флоре заболеваниях, о типах и характере залегания горных пород, о засоленности и загрязненности водоемов, о температуре, давлении и влажности атмосферы на разных высотах»[209].

Ко второй половине 60-х годов США израсходовали на различные космические программы 35—40 миллиардов долларов, но полученная в результате информация, как минимум, в десяток раз окупала произведенные затраты. «Так, если попытаться определить реальную цену американских систем космической разведки, пришлось бы начать с 350—400 миллиардов долларов. Действительная же «стоимость» разведывательных спутников значительно превышает стоимость всех бомбардировщиков дальнего действия, всех межконтинентальных ракет и всех атомных подводных лодок (вместе с базирующимися на них ракетами) и всего ядерного оружия, созданного к настоящему времени.

Авторство этой столь масштабной оценки принадлежит не кому-то несведущему, а лично президенту США. Во время недавней (1967 года. — *Авт.*) поездки по штату Теннесси Линдон Джонсон подчеркнул, что разведывательные спутники представляют собой уникальнейшие аппараты, которые когда-либо создавались в США. Президент Джонсон отметил также, что, поставляя подробную информацию об имеющихся в социалистических странах вооружениях, спутники позволяют главе исполнительной власти без колебаний и с чувством полной уверенности принимать решения»[210].

Постоянно совершенствуя космическое направление, американцы в 1971 году вывели на орбиту спутник-шпион «Биг берд» («Большая птица»), который исправно снабжал своих хозяев «экстраординарными фотоснимками» советских военных объектов. Он имел только один недостаток: на нем не было передающих устройств. Отснятую фотопленку надо было сбросить с борта «Большой птицы» на землю, там поймать, проявить, отпечатать, и лишь после этого можно было обрабатывать полученную информацию. Кроме того, что было не менее важно, по этому же признаку советские службы наблюдения однозначно идентифицировали «Биг берд» как шпионский спутник и приняли соответствующие меры предосторожности.

Этот существенный дефект исправил спутник-шпион нового поколения «КН-11», запущенный в космос в декабре 1976 года. Он уже не сбрасывал на землю капсулы с пленкой, а с помощью электронных сигналов передавал каче-

ственное телефото. Благодаря этому эксперты ЦРУ и РУМО получили возможность непосредственного слежения за тем, что происходило на территории СССР и его союзников. Да и советские спецслужбы поначалу не квалифицировали спутник как шпионский, и при прохождении «КН-11» над военными объектами средства маскировки против фоторазведки не применялись. Американцы получили возможность заглянуть даже в пусковые шахты советских ракет, люки которых не задраивались при пролете над ними нового чуда шпионской техники. Не удивительно, что благодаря этому двойному преимуществу «КН-11» называли «лучшим подарком» Картеру, только что пришедшему в Белый дом.

Однако существенное преимущество США в области космической разведки сохранялось недолго. Через год СССР уже знал о существовании сверхсекретного «КН-11». Естественно, что после этого при подлете нового спутника к советским военным объектам на них стали применять необходимые средства маскировки.

Итак, в сфере технической разведки дела у американцев находились на должном уровне. Однако этого никак нельзя было сказать об агентурной работе. «В пятидесятые — семидесятые годы резидентуре в Москве пришлось испытать немало неудач и поражений. Был разоблачен и привлечен к уголовной ответственности ряд американских агентов (Попов, Пеньковский, Огородников, Филатов, Нилов, Капустин, Калинин, шпионская пара — Григорян—Капоян и другие); задержаны с поличным сотрудники резидентуры Келл, Питерсон и ряд других. Последовала череда неизбежных в таких случаях выдворений провалившихся сотрудников ЦРУ из Советского Союза, дипломатические демарши Министерства иностранных дел СССР и заявления ТАСС»[211]. В результате жесткого противодействия КГБ, на территории СССР американской разведке пришлось отказаться от использования многочисленных способов вербовки новых агентов, широко применяемых им во всех остальных странах. Волей-неволей они ограничились двумя категориями лиц: советскими гражданами, завербованными за границей, и «инициативниками» в Советском Союзе, добровольно вызвавшимися работать на ЦРУ. Причем первых передавали на связь посольской резидентуре Лэнгли в Москве только

в том случае, если они располагали допуском к достаточно важной информации и больше не имели возможности выезжать за границу.

Представление об агентах первой категории вполне дает дело Филатова. Он служил в аппарате военного атташе советского посольства в Алжире и был ценной находкой, поскольку отличался жадностью и любовью к женскому полу. Оба столь ценных для потенциального агента качества были видны невооруженным глазом, и ЦРУ не пришлось затруднять себя утонченными методами вербовки. К нему просто подослали красивую сотрудницу, и, засняв происходившее между ними, взяли сексуального партнера, что называется, голыми руками. Напуганный и подкупленный, Филатов быстро согласился работать на ЦРУ. От новых хозяев он получил кличку Блиц и зажигалку с вмонтированной фотокамерой, с помощью которой он должен был фотографировать секретные документы ГРУ Генштаба. Связь с ним была продумана до мелочей. Сотрудник Московской резидентуры В. Крокетт, проезжая на машине по набережной Москвы-реки, в условленном месте выбрасывал из автомобиля контейнер, замаскированный под мусор — кусок дерева, грязную тряпку или пакет из-под молока. Через несколько минут прогуливавшийся в этом районе Филатов подбирал этот «мусор». Однако в момент контакта оба они — и шпион, и лжедипломат-резидент — были схвачены сотрудниками КГБ. Нет, не зря ЦРУ доверяло агентов московской резидентуре только в крайнем случае, когда иного выхода не было.

Подобным же способом в 1974 году был завербован другой советский дипломат, получивший кодовую кличку Весы. Им стал кадровый советский разведчик Л. Полещук, посланный по линии КГБ в советское посольство в Непале. Там горе-разведчик со скуки решил попробовать «сладкой жизни». Он залез в посольскую кассу, проигрался в рулетку и для покрытия недостачи не придумал ничего лучшего, как занять деньги у американского дипломата Д. Беллингхэма, своего коллеги из ЦРУ. Тот и взял его тепленьким. В счет долга Полещук согласился работать на американцев. Он получил инструкции, средства для тайнописи и радиосвязи... и пропал. По возвращении в СССР агент Весы, боясь разобла-

чения, уничтожил все полученные шпионские материалы и прервал связь с Лэнгли до 1985 года. И деньги не отдал.

Что касается «инициативников», то в качестве примера можно привести двух жителей солнечной Армении — Григоряна и Капояна. Один работал в службе наружного наблюдения КГБ Армении, другой — в ереванском отделении «Аэрофлота». Они, что называется, «нашли друг друга» и сговорились предложить США свои услуги. Записку с этим предложением они, на трассе Москва — Ереван, передали американскому военному атташе Причарду. Тот, естественно, был кадровым военным разведчиком и предложение вполне оценил. Информацию он передал по инстанции, и в 1973 году в Ереван для установления контакта с новоиспеченными агентами отправился сотрудник посольства Д. Уайтхед. Почти два года добровольцев совместно использовали ЦРУ и РУМО, пока в 1975 году при тайниковой операции по связи с ними не был задержан с поличным сотрудник посольства Э. Келли.

После этого провала резидентура при американском посольстве в Москве больше не решалась проводить встречи со своими агентами нигде, кроме Москвы и Ленинграда, где у американцев имелось консульство. В этот период самым ценным для ЦРУ кадром из «инициативников» стал А. Толкачев (кодовая кличка «Сфера»). Работая ведущим конструктором в НИИ «Фазотрон», разрабатывавшем электронное оборудование для советских оборонных систем, он сумел добывать настолько ценную информацию, что стал для ЦРУ агентом № 1 в Советском Союзе. Поступавшие от него сведения шла напрямую к главе Лэнгли Тэрнеру, который лично докладывал ее президенту США.

Это была крупная удача американской разведки, но она, в общем-то, являлась результатом случайности. Толкачева не только никто не вербовал, но его кандидатуру чуть было не отбросили из-за осторожности Тэрнера (опасаясь провокаций со стороны КГБ, глава ЦРУ дал добро своим подчиненным в американском посольстве в Москве лишь после четвертого (!) обращения Толкачева). В целом же сами кадровые сотрудники разведведомства крайне низко оценивают агентурную работу в период президентства Картера: «Там, где были нужны первоклассные агенты, мы их совсем

не имели. Мы не могли проводить секретных операций даже за углом в магазине, а не то что там, за «железным занавесом»[212]. При всей своей мощи все разведывательное сообщество США не располагало в Советском Союзе ни одним агентом высокого класса. Д. Пойндекстер по этому поводу признавался: «В те давние годы нам была известна общая мощь Советской Армии, но мы не имели понятия о том, что происходит в Политбюро. У нас также были малые возможности заниматься тайными операциями»[213].

Но при всем при этом именно в 70-е годы разведуправление США предприняло очередной шаг в деле реализации идей А. Даллеса и начало создавать в СССР агентуру влияния. Агент влияния не был шпионом в строгом смысле этого слова. Он не похищал секретную информацию, не передавал ее на Запад, не убивал и не осуществлял всех прочих традиционных функций разведчика. Его задача была иной: на каком бы посту он ни работал, целенаправленно проводить там политику, направленную против своего народа, руководствуясь интересами не своей страны, а Вашингтона. Понятно, что это трудная тема. Слишком многие современные отечественные демократические и государственные деятели кровно заинтересованы в том, чтобы информация об этой стороне деятельности ЦРУ никогда не вылезла наружу. О том, что агенты влияния в нашей стране существовали, их было немало и они были на высоких постах, можно догадаться по ходу так называемых российских реформ, которые похожи скорее не на реформы, а на диверсии. Но о подлинных размахах этой сверхсекретной акции ЦРУ, наверное, мы узнаем еще очень не скоро.

КГБ был осведомлен об этой стороне деятельности ЦРУ. В 70-х годах был составлен доклад «Планы ЦРУ о приобретении агентуры влияния среди советских граждан», фрагменты которого обнародовал в 1991 году В. Крючков: «В последнее время ЦРУ США разработало планы по активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезорганизацию социалистической экономики. В этих целях американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния среди советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой

Советского Союза. ЦРУ разработало программу индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривая приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную политическую и идеологическую обработку. Руководство ЦРУ планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи. По замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность агентов влияния будет способствовать созданию трудностей внутриполитического характера в Советском Союзе, задержит развитие нашей экономики, заставит вести научные изыскания по тупиковым направлениям»[214]. К несчастью, данные об этой акции, да и то фрагментарные, были обнародованы слишком поздно. Пересекретничали...

Игры аналитиков

К тому времени ЦРУ получало колоссальный объем информации, поступавшей из множества источников, и регулярно выдавало аналитические доклады по Советскому Союзу. Однако доклады эти далеко не всегда были объективны. Отчасти это происходило из-за нехватки достоверной и качественной информации, от которой, при всем обилии данных, разведка все равно продолжала страдать. Но не в меньшей степени причиной необъективности становились различные внутриполитические соображения.

Иногда выкладки ЦРУ подгонялись под требования текущего момента столь топорно, что это придавало докладам Лэнгли анекдотический характер. Так, например, когда в 1975 году надо было протащить через конгресс рекордно раздутый бюджет Пентагона, к законодателям явился директор ЦРУ Колби вместе с директором РУМО Грэхэмом и поведали, что Советский Союз, оказывается, расходует на оборону аж на 50% больше средств, чем Америка, и продолжает наращивать эти затраты — в то время как ассигнования США в этой сфере сокращаются. Вскоре ЦРУ составило новый «страшный» доклад, о котором «Нью-Йорк таймс» в

начале 1976 года писала: «Центральное разведывательное управление приходит к заключению, что оно недооценило, возможно, более чем на 50% долю советских экономических ресурсов, выделяемых на оборону. В прошлом ЦРУ обычно считало, что Советский Союз выделяет 6—8% своего общего валового национального продукта на оборону... Хотя ЦРУ все еще занято пересмотром этой оценки, официальные лица, участвующие в исследовании, говорят: теперь уже ЦРУ придет к заключению, что 10—15% советского валового национального продукта тратится на оборону»[215]. В том же году аналитики Лэнгли поведали министру обороны, что военные расходы СССР постоянно росли на 5% в год и составили 200 миллиардов долларов. (Чтобы по достоинству оценить масштаб этой цифры, скажем, что в 1975 году официальный национальный доход Советского Союза составил 362 миллиарда рублей.) Конечно, и в этот раз не замедлила произойти «утечка» информации, сенсационные данные попали в прессу, незамедлительно поднявшую, несмотря на отдельные голоса скептиков, крик о «советской угрозе».

В конце 1976 года произошла очередная «утечка» данных из национальной разведывательной оценки стратегических целей СССР на ближайшие 10 лет. Эксперты ЦРУ однозначно предсказывали, что Советский Союз «будет добиваться военного превосходства» над Америкой. В январе 1977 года, за десять дней до вступления в должность президента Картера, обещавшего в ходе предвыборной кампании на 5—7 миллиардов долларов сократить военный бюджет Пентагона, ЦРУ обнародовало доклад, в очередной раз открывавший глаза изумленной общественности на агрессивность русских. Оказалось, что Москва расходует на военные цели на 30 миллиардов долларов больше, чем Вашингтон. В середине 1978 года ЦРУ официально призналось перед всем миром, что много лет ошибалось в оценке советских военных расходов и что СССР в действительности тратил на оборону в два раза больше, чем раньше считали аналитики из Лэнгли.

Удвоить советскую военную мощь ЦРУ смогло путем самых примитивных статистических махинаций. А именно: резкого приуменьшения стоимости в рублях сложной тех-

нологии США, резкого же увеличения стоимости вооружений СССР как в долларах, так и в рублях и перерасчета соотношения курса рубля и доллара. Только за счет перерасчета цен по новой методике советская военная мощь выросла аж на 90%. Естественно, ракет и самолетов при этом не прибавилось, все манипуляции были чисто виртуальными.

Аналогичным образом, только с точностью до наоборот, обстояло дело с оценкой советского нефтяного потенциала. В 1977 году ЦРУ выпустило пресс-бюллетень «Перспективы добычи советской нефти», где утверждалось, что добыча нефти в СССР достигнет пика в 1978 году, после чего начнется ее падение. Очень скоро, утверждали аналитики Лэнгли, Советский Союз превратится в импортера нефти и, вместе со своими союзниками из Восточной Европы в 1985 году будет вынужден ввозить от 3,5 до 4,5 миллионов баррелей в день. Нехватка собственной нефти автоматически подтолкнет Кремль к экспансии на Ближний Восток. Несмотря на то что объективные данные никак не подтверждали гипотезу об истощении запасов нефти в СССР, глава ЦРУ Тэрнер в 1980 году вновь предрек Советскому Союзу «нефтяной кризис», ведущий к усилению агрессивности Москвы в отношении нефтедобывающих стран Персидского залива.

И здесь причина подобных оценок тоже лежит на поверхности. Все выкладки ЦРУ о советской нефти и советской экспансии на юг были необходимы Вашингтону для обоснования провозглашенной как раз в это время «доктрины Картера» в отношении Персидского залива. Разговоры о потенциальном советском вмешательстве в этом регионе прикрывали и оправдывали резко возросшее там реальное американское вмешательство.

К слову сказать, подобная услужливость аналитиков, подгонявших данные под требования текущей политической конъюнктуры, весьма плачевно сказалась на уровне профессионализма как ЦРУ, так и РУМО. В результате в 1979 году американские разведслужбы умудрились «проглядеть» исламскую революцию в Иране. Выискивая потенциальную советскую угрозу на Среднем Востоке, они не заметили появления реальной угрозы со стороны мусульманского фундаментализма.

В социалистических странах ЦРУ продолжало проводить прежнюю стратегическую линию. Оно, по-прежнему делало все возможное для расшатывания там власти коммунистов, чтобы если не вывести эти государства из зоны советского влияния, то хотя бы создать там для Москвы максимальное количество проблем. К прежним объектам подрывной деятельности добавился еще один: им стал Афганистан после ввода в эту страну советских войск. Как пишет в своих мемуарах З. Бжезинский, уже весной 1979 года он отдал приказ Тэрнеру резко активизировать агентурную сеть ЦРУ в Афганистане и вокруг него[216]. Предполагалось создать в соседнем Пакистане лагеря для «мусульманских повстанцев», вооружить и обучить их, а затем с их помощью дестабилизировать ситуацию в Афганистане.

В конце ноября 1979 года американская разведка собрала предводителей военных и политических афганских антиправительственных группировок для координации их действий. Параллельно в Лэнгли был разработан план военного переворота и расчленения Афганистана. Одно время в воздухе носились даже идеи открытой интервенции в эту страну, заблаговременно включенную в зону действия центрального командования США. Швейцарская пресса писала, что на начало 1980 года планировалась воздушно-десантная операция, в ходе которой обученные и вооруженные в Пакистане войска должны были захватить все крупные афганские города. Однако присутствие в стране Советской Армии сорвало эти планы. Еще на одну Корею американские власти так и не решились. Боясь прямой конфронтации с СССР, Белый дом согласился лишь санкционировать тайную операцию Лэнгли по закупке в Египте советского оружия, оставшегося там со времен активного сотрудничества Москвы и Каира, и переправки его через Пакистан, при помощи тамошней контрразведки афганским моджахедам. На их вооружение в 1980—1981 годах Вашингтон ассигновал около 50 миллионов долларов, такую же сумму дала Саудовская Аравия. Основным направлением действий США в Афганистане в то время стала программа «изматывания» Советской Армии.

Против Советского Союза действовали и остальные члены американского разведывательного сообщества. Сверх-

секретное АНБ занималось в основном электронным шпионажем. О конкретных его операциях известно крайне мало, но должное представление о масштабах деятельности этого ведомства дает «конечный продукт». Согласно докладу Главного ревизионного управления, в 1980 году АНБ засекречивало от 50 до 100 миллионов документов в год — больше, чем все другие правительственные учреждения США, вместе взятые. Если перевести это количество документов на вес, то ежедневное производство секретной документации в АНБ составляло почти 40 тонн, а еженедельное — в среднем 200 тонн. Вопрос качества остается открытым...

Глава 11

«БОМБЕЖКА НАЧНЕТСЯ ЧЕРЕЗ ПЯТЬ МИНУТ!»

Эпоха Рейгана и развал Советского Союза

Их не устраивала система!

Победа Р. Рейгана на выборах и его приход в Белый дом в начале 1981 года открыли новую страницу в советско-американских отношениях — страницу ненависти. И прежние руководители США рассматривали СССР как своего главного противника в упорной борьбе за мировое господство. Однако никто из них не помышлял о немедленном уничтожении враждебной сверхдержавы — этот желанный миг виделся в более или менее далекой перспективе. Рейган же фанатично ненавидел Советский Союз. Наша страна представлялась ему исключительно как «империя зла», которую необходимо немедленно уничтожить или, по крайней мере, приложить все силы к тому, чтобы это состоялось как можно скорее. Именно при Рейгане была заложена та сверхагрессивная политика США по отношению к Советскому Союзу, которая во многом способствовала разрушению СССР, хотя ее творец уже не занимал президентского кресла в Белом доме.

Исследовательский центр «Фонд наследия» поспешил разработать для нового президента стратегический план «Доктрина освобождения». Этот план был изложен в целом ряде секретных документов под общим названием «Мандат на руководство». (Сам Рейган как-то назвал «Мандат» своей настольной книгой.) СССР виделся американским экспертам как империя, образованная «по расходящимся от центра к периферии четырем концентрическим кругам». В первый, самый близкий к Кремлю, круг входили тер-

ритории, аннексированные большевиками сразу после революции — Армения, Грузия и Украина. Ко второму кругу были отнесены те республики, которые достались СССР в 1939 году в результате заключения союза с Гитлером — Молдавия и Прибалтика. В третий круг вошли государства, попавшие под руку Москвы после окончания Второй мировой войны и в результате кубинской революции — государства Восточной Европы, «захваченные у Японии Курильские острова» и Куба. Четвертый круг представлял «границу советской империи» и включал в себя Южный Йемен, Вьетнам, Мозамбик, Анголу, Лаос, Камбоджу, Эфиопию, Никарагуа и Афганистан. Аналитики подчеркивали: «Средства реализации «Доктрины» и ее ближайшие цели в каждом из концентрических кругов советской империи различны, и США для каждого круга должны выработать соответствующую политику»[217]. Так, например, рекомендовалось предоставить помощь антисоветским повстанцам в «третьем мире» и борцам за политические свободы в Восточной Европе и СССР (как будто бы ее не предоставляли и без рекомендаций). Итоговой целью «Доктрина освобождения» объявляла окончательный демонтаж советской империи, после чего — внимание! — колоссальные природные богатства Советского Союза должны были стать потенциальным источником жизнеобеспечения США на XXI век. Расчлененной и «демократизированной» России план отводил роль «исключительно ресурсовывозящей страны»[218]. До чего же все-таки прав был Ретт Батлер, циничный герой бессмертного бестселлера «Унесенные ветром»: «Войны ведутся из-за денег!» А «освобождение народов» и «права человека» представляют собой лишь фиговый листочек. Конечно же, все знают, что под ним — но в приличном обществе говорить об этом не принято.

Проштудировав «Доктрину», Рейган начал активно воплощать ее в жизнь. Решено было сперва измотать СССР в «третьем мире», причем особое внимание в «четвертом поясе» придавалось Никарагуа, по причине ее близости к США, и Афганистану, который окружение нового президента мечтало превратить в советский Вьетнам. Была резко активизирована военно-техническая помощь афганским повстанцам — в среднем в то время им стало поступать оружия на 100 миллионов долларов ежегодно. Наряду с

передачей самого современного оружия (так, например, зенитные ракеты «Стингер» моджахеды получили гораздо раньше, чем многие союзники США по НАТО), ЦРУ щедро делилось с «духами» данными спутниковой и иных видов разведки, координировало их действия, подсказывало наиболее оптимальную тактику, обучало в тренировочных лагерях, прозванных «университетами ЦРУ», и т.д. «Пустить Советам кровь», заставить СССР дорого заплатить за оккупацию Афганистана — такие настроения преобладали как среди руководства США, так и среди непосредственных исполнителей этой программы. Объем помощи, направляемой афганским антиправительственным силам, все время нарастал: так, если в 1983 году моджахеды получили от США 10 тысяч тонн вооружения и боеприпасов, то в 1985 году — уже 50 тысяч тонн. В результате, по отзывам самих же американских экспертов, Афганистан стал самой крупной тайной войной ЦРУ, стремившегося, кроме прочего, добиться того, чтобы Советская Армия в этом регионе понесла максимальные потери.

Не довольствуясь атакой на «внешний круг советской империи», Вашингтон решил начать наступление на ее центр и мобилизовать для этого своих союзников. Выступая с речью в английском парламенте 8 июня 1982 года, Рейган объявил ни много ни мало крестовый поход против коммунизма и призвал всех партнеров США присоединиться к этому «маршу свободы и демократии, который приведет к тому, что марксизм-ленинизм останется на пепелище истории». Поход, по замыслу его инициатора, должен был быть «тотальным», поскольку он предусматривал резкую конфронтацию с «империей зла» во всех областях — военной, экономической, политической и идеологической. Сокровенные желания Рейгана изобличает его шутка, сделанная во время пробы микрофона 11 августа 1984 года: «Дорогие американцы! Я рад сообщить вам, что только что подписал закон, навсегда объявляющий Россию вне закона. Бомбежка начнется через пять минут!»[219] Нет сомнения, что, будь у президента США возможность, он пошел бы к своей заветной цели именно этим путем. Но мечты мечтами, а советская ядерная мощь вынуждала Рейгана продвигаться гораздо более длинным и извилистым маршрутом.

В марте 1982 года он подписал директиву СНБ-32, ставящую тактической целью США «нейтрализацию усилий Советского Союза, предпринимаемых с целью сохранения власти в Восточной Европе». Документ провозглашал курс на:

1) тайную поддержку подпольной деятельности, направленной на свержение власти коммунистов в регионе;

2) интенсификацию психологической войны, прежде всего с помощью радиостанций «Голос Америки» и «Свободная Европа»;

3) поиск дипломатических и торговых способов ослабления зависимости польского правительства от Москвы.

«В результате мы сочли Ялтинскую конференцию недействительной» — так охарактеризовал атмосферу этого совещания Э. Миз, один из тогдашних членов Совета национальной безопасности. Таким образом, консультативный орган заокеанского государства, которому победа во Второй мировой войне досталась даром, с легкостью перечеркнул все послевоенное устройство в Европе, оплаченное миллионами жизней жителей многострадального континента. Высшее руководство США принялось проводить эту линию в качестве своей официальной политики.

Не случайно в директиве СНБ-32 из всех стран Восточной Европы поименно была упомянута одна только Польша. Это государство было самым слабым звеном в «третьем круге советской империи», и Вашингтон стремился сделать все от него зависящее, чтобы Польша стала такой же болевой точкой для Москвы, как и Афганистан. Для этого имелось достаточно объективных условий. В этой стране были традиционно сильны антирусские настроения, в ней, единственной из государств социалистического лагеря, имелось массовое антикоммунистическое движение, объединяющее в своих рядах представителей интеллигенции и рабочих. А благодаря тому, что Польша находилась в самом центре Организации Варшавского Договора, свержение там коммунистического режима и выход страны из блока мог иметь самые роковые последствия для всего соцлагеря.

Ставка стратегами США была сделана на возглавляемую Лехом Валенсой «Солидарность», с которой ЦРУ при помощи католической церкви, израильской разведки и американских профсоюзов оперативно установило контакт.

Каждый год американская разведка платила этому «независимому» профсоюзу в среднем по 8 миллионов долларов и поставляла необходимую технику. Швейцер отмечает: «В 1985 году Польша, находившаяся в сердце советской империи, стала местом битвы между двумя сверхдержавами. Москва поддерживала правительство Ярузельского, оказывая ему экономическую помощь, в то же время охватывая щупальцами советской государственной, разведывательной и военной власти. А Вашингтон продолжал тайную акцию финансовой и материальной помощи подполью, пересылая «Солидарности» также необходимую и существенную информацию разведки»[220].

Не довольствуясь вторжением в советскую сферу влияния в «третьем мире» и в Восточной Европе, Рейган решил ударить и по самому Советскому Союзу. Местом удара он безошибочно выбрал ту область, где СССР был особенно уязвим, а американцы особенно сильны. Министр обороны К. Уайнбергер так охарактеризовал идею своего президента: «Замысел заключался в том, чтобы делать ставку на нашу силу и их слабость. А это значило — делать ставку на экономику и технологию»[221]. ЦРУ, уже во главе с новым руководством, проделало детальнейший анализ советской экономики на предмет выявления ее наиболее уязвимых мест, и уже в мае 1982 года Рейган подписал восьмистраничную директиву, определяющую стратегию Вашингтона по использованию слабых сторон экономики СССР. В ней ставилась цель ее подрыва путем «насильственного вовлечения Москвы в технологические гонки».

Творческая мысль Вашингтона на этом не остановилась, и в ноябре 1982 года на свет появилась директива СНБ-66, открыто провозгласившая целью США подрыв всей экономики СССР путем атаки на ее «стратегическую триаду» — базовые средства, являющиеся основой советского народного хозяйства. Венцом же всего планирования стала принятая в январе 1983 года директива СНБ-75, в которой целью Вашингтона объявлялись «фундаментальные изменения в советской системе». Один из авторов этого документа советолог Р. Пайпс так оценивал сущность своего творения: «Директива СНБ-75 означала разрыв с прошлым. Это первый документ, утверждавший, что дело не только в поведе-

нии Советского Союза, но и в самой советской системе. Директива четко формулировала, что нашей следующей целью является уже не сосуществование с СССР, а изменение советской системы. В основе директивы лежала убежденность, что изменение советской системы с помощью внешнего нажима вполне в наших силах»[222]. Как видим, сами американцы признаются в том, что за всеми криками о «советской угрозе» и о стремлении Кремля навязать свою систему всему миру лежала не обеспокоенность судьбами мира, а всего лишь категорическое нежелание США следовать принципу мирного сосуществования, в приверженности которому они официально расписались чуть ранее. Цель тоже была ясна: навязать всему миру, и в первую очередь Советскому Союзу, угодную себе систему правления. (Ну и о ресурсах, конечно, нельзя забывать...) Директива СНБ-75 дипломатично формулировала следующие «рабочие принципы»:

1) США не одобряют существующей сферы влияния СССР за пределами государства и будут стараться уменьшить ее;

2) США не будут участвовать в улучшении состояния советской экономики и в то же время сделают все, чтобы ограничить пути, ведущие к этой цели (директива указывала в первую очередь на технологии, кредиты и твердую валюту, зарабатываемую на экспорте энергоносителей);

3) США будут искать все возможности, позволяющие уменьшить уровень советского влияния за границей[223].

Это лишь преамбула данной директивы, полный текст которой остается засекреченным до сих пор.

Как они ковали поражение СССР

Не ограничиваясь различными формами экономической войны и заметным усилением давления на наиболее уязвимые звенья зоны влияния СССР, побуждавшее Кремль тратить максимум усилий на поддержание своего контроля над Польшей и Афганистаном, Рейган решил резко взвинтить ставки (в первую очередь финансовые) в гонке вооружений. Упор делался не на количественное, а на качественное наращивание вооружений, в чем, по мнению американских экспертов, СССР было особенно трудно кон-

курировать с США. Помимо дальнейшего наращивания и модификации ракетно-ядерного вооружения, президент США решил одним махом взломать существующее глобальное равновесие между двумя сверхдержавами и, в нарушение подписанного США договора по ПРО, распространить гонку вооружений на космос.

Сущность американского подхода к использованию околоземного пространства задолго до Рейгана великолепно сформулировал его предшественник в Белом доме Джонсон: «Британцы господствовали на море и руководили миром. Мы господствовали в воздухе и были руководителями свободного мира с тех пор, как установили это господство. Теперь это положение займет тот, кто будет господствовать в космосе»[224]. Подхватив его идеи, Рейган в своем обращении к народу 23 марта 1983 года объявил о начале новой программы, получившей название «Стратегической оборонной инициативы» (СОИ). Речь шла о создании в космосе на основе новейших компьютерных, лазерных и прочих ультрасовременных технологий общенациональной противоракетной обороны. Предлог для столь широкомасштабной (и безумно дорогой) программы был уныло традиционный — защита США от советской ракетной угрозы, что и был призван сделать космический «зонтик». Понятно, что если одна из двух сверхдержав становилась защищенной от ракетно-ядерного удара другой, то это давало ей колоссальное преимущество над противником и в корне меняло стратегический баланс сил. Естественно, подобная перспектива мало радовала Советский Союз.

Втягивая СССР в изматывающую и дорогостоящую гонку вооружений в космосе, США принялись ежегодно тратить на военно-космические программы более 7 миллиардов долларов. А всего на СОИ планировалось ассигновать 26 миллиардов долларов. Однако — и этот нюанс предпочитали не рекламировать — объективное несовершенство технологий неизбежно вело к тому, что СОИ, пусть даже и в полностью развернутом виде, неспособна была выполнить ту задачу, для которой она предназначалась согласно официальным заявлениям Вашингтона — защитить США, хоть в сколько-нибудь значительных масштабах, от первого советского ядерного удара. По оценкам как отечественных, так и

западных экспертов, предлагаемая Рейганом СОИ имела смысл только в одном-единственном случае: если США нанесут первый ядерный удар по СССР. Тогда 10—20% уцелевших советских ракет — «космический зонтик» действительно станет эффективной преградой. Ущерб же от отдельных советских ракет, все-таки прорвавшихся через лазерную систему ПРО, будет ликвидирован силами гражданской обороны. В результате Америка уничтожит противника и выйдет победителем из третьей мировой войны, избежав «неприемлемого ущерба». Так что инициативу СОИ можно было назвать «оборонной» только в том общеизвестном смысле, что лучший способ обороны — это нападение.

Точно оценить эффективность СОИ можно было только в процессе использования — то есть в случае войны. Но к этому, похоже, не стремился даже Рейган, прекрасно понимая, что даже одна прорвавшаяся на американскую территорию советская ракета все равно положит конец его президентству. СОИ была нужна ему для другого — загнать с ее помощью СССР в финансово-политическую западню. Чтобы нейтрализовать эту новую для себя угрозу, Москва должна была выложить огромные суммы из своего ограниченного бюджета. Кроме того, спешно перевооружившись, США могли возобновить переговоры о разоружении с позиции силы. Американский эксперт С. Тэлбот так оценивал стратегию нового президента по этому вопросу: «Соединенные Штаты должны настаивать на резких сокращениях в наиболее современных и мощных видах советских вооружений. Не допускать сравнимых сокращений в существующих американских силах. Результатом соглашений о контроле над вооружениями должна стать по меньшей мере перекройка с головы до ног советских арсеналов и обеспечение таких изменений в ядерном балансе, которых Соединенные Штаты не смогли добиться усилиями своей собственной военной программы. [...] С тех пор как у власти стала администрация Рейгана, главная цель контроля над вооружениями свелась к тому, чтобы навязывать СССР совсем новую структуру арсеналов, которая отвечала бы больше американскому вкусу и которая потребовала бы того, чтобы Советы пустили на металлолом свое новейшее, дорогостоящее, мощное и наиболее ценное оружие»[225].

Впрочем, тогда еще не было растиражировано столь популярное позднее высказывание одного из американских экспертов — о том, что самым выгодным для СССР было бы взорвать все свои ракеты на своей территории. В этом случае русским была бы обеспечена быстрая и легкая смерть в то время, как остальной мир (не исключая Америки) был обречен на медленное умирание от радиоактивного заражения. Ядерное оружие еще считалось способом ведения войны, а не бомбой в чемоданчике смертника-террориста. Самая главная непригодность программы СОИ была в том, что СССР и США находятся на одной планете.

Кроме военного шантажа, одним из наиболее излюбленных средств внешней политики США был шантаж экономический. Они издавна набили себе в этом руку. Так, например, призывая именно этим способом свергнуть ненавистный Вашингтону режим Альенде, американский посол в Сантьяго Э. Корри писал своему руководству: «При режиме Альенде не будет разрешено послать в Чили ни один болт, ни одну гайку... Мы сделаем все возможное, чтобы обречь чилийцев на предельные лишения и нищету»[226]. Теперь администрация Рейгана решила использовать этот метод не только против стран «третьего мира», но и против сверхдержавы.

Новый суперагрессивный курс по отношению к СССР в военной, политической и экономической сферах органически сочетался у администрации Белого дома со всесторонней и детально разработанной психологической войной. Теперь она была направлена не только против рядового населения, но и против руководства страны, чтобы посеять в Кремле страх и неуверенность. Для нажима в этой области годилась и угроза СОИ, и старательно создаваемый образ Рейгана как невменяемого сумасшедшего, и ряд других тайных мер. Следует сказать, что тут Вашингтону еще и чрезвычайно повезло. После смерти Брежнева должность генсека ЦК КПСС поочередно, менее чем на год, занимали старые и больные Ю. Андропов и К. Черненко, которые явно не были равноценными соперниками американского лидера. Потом американцам повезло еще больше — после них к власти пришел М. Горбачев, по поводу которого существуют более чем обоснованные подозрения, что он являлся американским агентом влияния. Именно при нем произошел

столь желанный для всех врагов России окончательный «демонтаж советской империи». Сначала советские войска ушли из Афганистана, затем «Солидарности» и стоящим за ее спиной американцам была сдана Польша, после чего последовал распад Варшавского Договора при одновременном сохранении и даже расширении (за счет ГДР) НАТО и под конец, под аккомпанемент воинствующего национализма и русофобии, в 1991 году произошел развал Советского Союза. Уничтожение великой сверхдержавы велось за дымовой завесой разговоров о «демократизации» и советско-американском разоружении, сопровождавшихся (только с советской стороны) активным разрушением якобы выдуманного «образа врага». Впрочем, в этой области не без плюсов: теперь «образа» врага создавать не надо — на его месте существует враг вполне реальный.

Но, как бы ни велика была роль личности в истории, сама американская пресса при анализе причин победы США в «холодной войне» на первое место ставила все же методы войны экономической. Так, газета «Крисчен сайенс монитор» 15 августа 1989 года писала: «Великое долларовое наступление на Советский Союз успешно развивается. 30 тысяч ядерных боеголовок и оснащенная по последнему слову техники самая большая армия в мире оказалась не в состоянии прикрыть территорию своей страны от всепроникающего доллара, который уже наполовину уничтожил русскую промышленность, добил коммунистическую идеологию и разъел советское общество. СССР уже не в состоянии сопротивляться, и его крушение специалисты предсказывают в течение ближайших двух-трех лет... Нам же следует отдать должное тому великому плану, который вчерне разработал еще президент Тафт, отшлифовал президент Рузвельт и последовательно выполняли все последующие американские президенты»[227].

И снова шпионаж

Одну из главных ролей в реализации своей антисоветской стратегии Рейган отводил, разумеется, ЦРУ. Поскольку именно это ведомство должно было вести

тайную, ничем не сдерживаемую войну против «империи зла» по всему миру, именно при этом президенте происходит «реабилитация» Лэнгли, сотрудников которого начинают превозносить как «героев тайной войны». В 1983 году Рейган особо отметил, что «интересы США наилучшим образом обеспечиваются проведением тайной деятельности» и что Америка «имеет право на такую деятельность»[228].

Во главе ЦРУ Рейган поставил ветерана УСС Уильяма Кейси. По сравнению со своими предшественниками в ЦРУ, Кейси добился небывало высокого статуса в американской иерархии власти. Во-первых, он получил ранг члена кабинета и возможность официально участвовать в формировании внешней политики Белого дома. В самом Белом доме он имел не только личный кабинет, но и возможность неограниченных контактов как с президентом, так и с остальными членами СНБ. «Он был, — особо подчеркивает П. Швейцер, — самым могущественным директором ЦРУ в истории Америки и имел круглосуточный доступ к президенту»[229].

Во время Второй мировой войны Кейси был консультантом Управления по вопросам экономической войны (ставшей с тех пор его излюбленным коньком) и к исходу войны создал агентурную сеть на территории Германии, где американцы прежде не могли похвастаться особыми успехами. Именно тогда и сформировались те методы работы шефа ЦРУ, которые он многие годы спустя использует в борьбе против СССР. Хорошо знавшие его сотрудники отмечали: «Замысел ведения Америкой экономической войны против Советского Союза родился в голове у Кейси практически во время Второй мировой войны. Так что никого не должно удивлять то, что он надеялся разорить Советы»[230]. С этой целью Кейси, как бы ни был он загружен, обязательно каждый день выкраивал по одному часу для чтения рапортов агентов по советской экономике. Советский Союз новый глава Лэнгли ненавидел всеми силами души. Любимым предметом его размышлений было — где больнее всего ударить по Советам, как им навредить, пустить им кровь, причинить максимально возможный ущерб. Того же он требовал и от своих подчиненных.

Для ведения объявленного крестового похода против коммунизма были мобилизованы все имеющиеся силы. Помимо

ЦРУ в первую очередь под его знамена было поставлено все остальное американское разведывательное сообщество, численность которого на 1983 год превышала 150 тысяч человек, а бюджет — 6 миллиардов долларов. Компетентные советские авторы отмечают: «Новым элементом в деятельности иностранных спецслужб, проявившимся в 80-е годы, стало подключение к подготовке и проведению агентурных операций на территории нашей страны легальных военных резидентур РУМО. Ранее это категорически запрещалось. Но наступательная доктрина Рейгана, видимо, потребовала мобилизации всех наличных разведывательных сил»[231]. Однако этих сил, по-видимому, оказалось маловато, и Вашингтон подключил к наступлению на «невидимом фронте» не только разведслужбы всех своих официальных союзников по НАТО, но и спецслужбы всех стран, на которые он имел хоть какое-то влияние. Наличию там таких американских сателлитов, как Япония, Израиль или Пакистан, естественно, удивляться не приходится, однако наряду с ними были задействованы разведки таких формально нейтральных государств, как Австрия и Ватикан, а также малозначительных в глобальной игре стран «третьего мира» типа Судана, Марокко и Сенегала. Весь потенциал «свободного» мира в области «тайной войны» был собран в один американский кулак и обрушен на СССР.

И все-таки, несмотря на агрессивность и напористость, американской разведке все равно особенно гордиться было нечем. Вплоть до расцвета горбачевской перестройки КГБ довольно эффективно нейтрализовывал давление ЦРУ на советской территории. Но, по сравнению с прежними временами, успехи все же были. Наши контрразведчики так оценивают результаты усилий своих заокеанских противников в этот период: «Надо полагать, что в восьмидесятые годы ЦРУ за счет целенаправленных усилий по вербовке советских граждан как в самом СССР, так и за рубежом, удалось создать агентурную сеть в наших важных ведомствах и учреждениях, в частности, в Министерстве иностранных дел, Министерстве обороны, на некоторых объектах оборонной промышленности, в нескольких научно-исследовательских институтах. К сожалению, не составили исключения внешняя и военная разведка и даже контрразведка»[232]. Чрезвычайно важную роль по связи с агентами играла группа

американских разведчиков под дипломатической «крышей»: «Посольская резидентура в Москве задумывалась как основной исполнитель разведывательно-подрывной деятельности американских спецслужб на территории Советского Союза. В ее функциональные задачи должно было входить: проведение операций по вербовке и связи с агентами из числа советских граждан, а также проведение акций технической разведки»[233]. Хорошо осведомленный по этому поводу Колби, один из бывших директоров ЦРУ, как-то сказал, что «вся сила Центрального разведывательного управления исходит от его заграничных резидентур».

Пытаясь, в отличие от предшественников, делать упор на агентуру, практичный Кейси не забывал все же и о техническом шпионаже. Помимо продолжавших динамично развиваться космических средств разведки, Лэнгли предприняло в этой сфере ряд крупных операций. Одной из них стала сверхсекретная акция «Бильярдный шар», проведенная силами посольской резидентуры в 1980—1985 годах ЦРУ стало известно, что в подмосковном городе Троицке находится оборонное предприятие, занятое разработкой лазеров. Поскольку этот важный объект находился в закрытой зоне, попасть туда американцам было практически невозможно. Слежка из космоса также поначалу ничего не давала — до тех пор пока на одном из снимков разведчики не увидели, что на трассе Москва — Троицк началось рытье траншей для прокладки телефонного кабеля. Основываясь на снимках из космоса, аналитики ЦРУ спланировали операцию по подключению к телефонному кабелю сложного подслушивающе-записывающего устройства. Действуя согласно инструкциям, исполнитель без особого труда нашел в небольшой чаще колодец, залез туда и установил на кабеле шпионскую аппаратуру. Информация записывалась на кассеты, которые американские разведчики заменяли на новые в среднем два раза в год. Естественно, обслуживанием супержучка занималась посольская резидентура. В числе исполнителей этой акции советская печать упоминает следующих сотрудников ЦРУ: Л. Томаса, Д. Койла и Д. Макмэхена. Несмотря на соблюдавшуюся всеми участниками полную секретность, операция «Бильярдный шар» была пресечена КГБ через пять лет.

Другая крупная американская акция в сфере технической разведки окончилась трагически и повлекла за собой массовую гибель людей. Речь идет о печально известном «Боинге-747». В ночь с 31 августа на 1 сентября 1983 года этот пассажирский южнокорейский лайнер Вторгся в советское воздушное пространство в районе Дальнего Востока. Не отвечая на запросы советских служб слежения, «Боинг» все дальше и дальше углублялся в воздушное пространство СССР, пока не был сбит советским истребителем. Экипаж и все пассажиры погибли.

Причастность ЦРУ к этой трагедии несомненна. Во-первых, пассажирский лайнер сопровождал американский разведывательный самолет «РС-135». Причем, как стало известно впоследствии, он был не один: «Полет «Боинга-747» был строго синхронизирован с полетом разведспутника «Феррет-Д». Космический шпион появился над Чукоткой в ночь на 1 сентября, в 18 часов 45 минут, и в течение примерно 12 минут летел восточнее Камчатки и Курильских островов, прослушивая советские радиоэлектронные средства, работающие в обычном режиме. На следующем витке «Феррет-Д» появился над Камчаткой как раз в момент Вторжения самолета-нарушителя, фиксируя деятельность советских радиотехнических средств, изменивших интенсивность работы. Наконец, было установлено, что третий виток с абсолютной точностью совпал с последующим, третьим, этапом полета «Боинга-747» над Сахалином»[234]. Американцы сверхцинично спланировали эту разведывательную акцию, прикрывшись более чем сотней жизней ни в чем не повинных людей. Они надеялись, что СССР не станет атаковать пассажирский самолет, который спокойно сможет окончить свою шпионскую миссию. Когда же их расчеты не оправдались и нарушитель был сбит, именно американцы первыми подняли истеричную кампанию, обвиняя Советский Союз в жестокости и бесчеловечности и представляя его в образе кровожадного монстра. Что же касается невинно погибших пассажиров «Боинга», то руководители Вашингтона с легкостью их списали, приплюсовав к тому миллиону человек, которые, согласно подсчетам бывшего сотрудника ЦРУ Д. Стокуэлла, погибли в результате «тайных операций» этого ведомства. Как верно подчеркнул Рейган, интересы США лучше всего обеспечиваются именно такими способами.

Третья крупная операция технической разведки, получившая в Лэнгли кодовое наименование «Абсорб», также началась на Дальнем Востоке в конце 1985 года. Одна японская гражданская компания решила отправить в Гамбург контейнер с декоративными цветочными горшками. Отправляясь из Японии в ФРГ, груз должен был проследовать транзитом через СССР и проехать по железным дорогам практически через всю советскую территорию, от Находки до Ленинграда. Однако, когда советские таможенники вскрыли контейнер, они обнаружили в нем, помимо горшков, еще и уникальную электронную лабораторию: «Она способна обнаруживать источники радиоактивности, регистрировать и накапливать информацию об интенсивности, спектральном составе и суммарной дозе нейтронного и гамма-излучений, фиксировать пройденное расстояние, атмосферное давление, температуру, определять с большой точностью географические координаты, а также производить панорамную фотосъемку по маршруту движения контейнера. Отсюда и наиболее вероятное назначение комплекса — разведка районов с повышенной радиоактивностью, связанной с производством, хранением, транспортировкой ядерных материалов, в том числе ядерного оружия, и военных объектов, оснащенных ядерным оружием»[235]. Однако и эта крупная акция ЦРУ, потребовавшая немалых денежных затрат, окончилась провалом на начальной фазе.

Гораздо лучше у шпионского ведомства шли дела за пределами СССР. Превратив Афганистан в самую болевую точку советской империи, вашингтонская администрация, постоянно наращивающая военную помощь моджахедам, ставила теперь своей целью не просто изматывание там Советской Армии, а достижение над ней военной победы. Лэнгли занималось не только переправкой оружия и новейших средств связи афганским моджахедам, не только их обучением, но и предоставляло им чрезвычайно ценную разведывательную информацию. Для этого спутник-шпион «КН-11» был так скорректирован на орбите, чтобы собирать больше информации об Афганистане. Полученные снимки с выводами о маневрах и операциях Советской Армии еженедельно передавались пакистанской разведке, помогавшей афганским антиправительственным силам определять цели своих атак. Благодаря этому стали возможны сложные операции, требовавшие точно-

сти и слаженности действий. Не отставало от ЦРУ и АНБ, которое сконцентрировало свои подслушивающие устройства на Афганистане и Советской Средней Азии. С помощью электронной разведки американцы прослушивали все переговоры советской авиации в этом регионе и оперативно передавали полученные сведения моджахедам.

Однако Кейси, рвавшийся в крестовый поход на Советский Союз не меньше Рейгана, не хотел останавливаться на достигнутом. Не желая ограничиваться Афганистаном, он мечтал перенести войну в граничащую с ним Среднюю Азию, которую не без оснований считал ахиллесовой пятой СССР. Во время одного из своих регулярных визитов в Пакистан директор ЦРУ заявил местным коллегам: «Опасностью для Советского Союза является этническая напряженность. Это последняя многоэтническая империя, и в конце концов народы бросят свой вызов. Северный Афганистан — это трамплин для советской Средней Азии. И это как раз мягкое подбрюшье Советов. Мы должны переправлять туда литературу, дабы посеять раздор. А потом мы должны послать туда оружие, чтобы подтолкнуть локальные восстания»[236]. По сути дела, это был замысел прямой вооруженной агрессии США против СССР, напоминающий операцию по высадке солдат на Кубе. Нападение и на этот раз предполагалось осуществить чужими силами, но планированием, финансированием и руководством операции занимались американцы.

Перед военной интервенцией надо было провести идеологическую обработку местного населения, и эксперты ЦРУ по психологической войне, решив сыграть на религиозных чувствах советских мусульман, выбрали Коран и книги о зверствах Красной Армии в этом регионе во время Гражданской войны. Нечего и говорить, что Лэнгли немедленно оплатило печать многотысячного тиража и пересылку его в Пешавар. Тем временем пакистанские спецслужбы тщательно отбирали кандидатуры на роль разведчика-раздатчика пропагандистской литературы на соседней с Афганистаном советской территории. В результате был выбран этнический узбек под псевдонимом Вали Бек. В 1984 году он переправился через пограничную Амударью и успешно выполнил возложенную на него миссию. Советские мусульма-

не с готовностью брали пропагандистскую литературу и изъявляли желание помогать исламистам. Сразу после удачной вылазки разведчика на советскую Среднюю Азию ЦРУ закупило несколько сот резиновых лодок для перевозки через Амударью литературы и афганских моджахедов, призванных составить костяк местных антисоветских групп.

Когда почва была идеологически взрыхлена, настала пора активных действий. С 1986 года начинаются рейды афганских моджахедов на советскую территорию. Атакам подвергались военные и промышленные объекты, устраивались диверсии, гибли люди, а некоторые из советских мусульман перебегали к своим афганским братьям по вере. Однако, в отличие от Афганистана, осторожные американцы не предоставляли моджахедам спутниковые снимки для террористических операций в советской Средней Азии. Слишком точные нападения на расположенные вдали от границы объекты могли бы вызвать подозрения о причастности к ним ЦРУ, а этого в Вашингтоне пока не хотели. Но на дипломатическом уровне Белый дом прозрачно намекал Кремлю, что если русские не уйдут из Афганистана, то война может распространиться и на советскую Среднюю Азию. Памятуя о том, что в начале XX века именно военные поражения приводили к революциям в России, элита США стремилась любой ценой устроить СССР поражение в Афганистане.

Новоявленные «крестоносцы» усиливали свои удары и по другим слабым звеньям советской империи. Наряду со все возрастающей финансовой помощью польской «Солидарности», ЦРУ с 1986 года начало финансирование чешской оппозиции, представленной подпольными группами «Хартия-77» и «Светские католики». Поскольку они объединяли лишь немногих интеллектуалов и до польской массовости им было далеко, то и гонорары были гораздо скромнее — по нескольку тысяч долларов в год. Все же подпитываемая из-за океана оппозиция в Восточной Европе достаточно быстро росла. Надо думать, не без подсказки аналитиков из США она объединилась, и в конце 1986 года 122 диссидента из Польши, ЧССР, ГДР и Венгрии подписали совместный призыв к народам своих стран свергнуть советское иго. Поскольку совместное письмо было составлено в точном соответствии с рейгановской директивой СНБ-32, на подписантов немедленно про-

лился щедрый долларовый дождь. Текст письма оперативно был выдан в эфир контролируемыми ЦРУ радиостанциями «Свобода» и «Свободная Европа». Пользуясь капитулянтской политикой Горбачева, Вашингтон наращивал финансовую подпитку оппозиции до тех пор, пока она оказалась не в состоянии свергнуть в своих странах коммунистические режимы и, выйдя из советской сферы влияния, передать Восточную Европу под американский контроль.

Толкачев и другие

Рассмотрим несколько фрагментов агентурной сети, созданной ЦРУ в СССР ценой больших усилий и больших затрат. Мы уже писали об агенте Сфера, предложившем свои услуги американцам в 1978 году и вскоре ставшем для них агентом № 1 на советской территории. Своим заокеанским хозяевам Толкачев продавал всю информацию, какую только мог узнать в своем НИИ — в первую очередь секреты электронного оборудования советской авиации и других систем, применяемых в Вооруженных Силах СССР. Работал он настолько серьезно и успешно, что о его существовании узнали не благодаря оплошности связника из резидентуры, как обычно, а потому, что в КГБ стали поступать сигналы об утечке информации о советских ВВС.

Адольф Георгиевич Толкачев был не просто «инициативником», но, можно сказать, инициативником в превосходной степени. Решив работать на американцев, он с редкой настойчивостью бомбардировал посольство письмами с предложениями о сотрудничестве до тех пор, пока ему не ответили. Для этого ему пришлось написать четыре (!) письма. Причина была проста и до невозможного прозаична — деньги. Он откровенно торговал оборонными секретами, и не просчитался. При аресте в квартире Толкачева было обнаружено 600 тысяч рублей (до перестройки это была совершенно фантастическая сумма), и еще 200 тысяч он, почуяв опасность, сжег у себя на даче. Сумма гонораров тоже косвенно говорит об эффективности агента Сфера и важности поставляемой им информации. Что же касается главной цели... то Адольф Георгиевич оказался в положении

бухгалтера Корейко — так же как и знаменитый «подпольный миллионер», он, имея уйму денег, не имел возможности их тратить. Получилось, что, идя на сотрудничество с ЦРУ ради денег, он сотрудничал с американцами «за идею». Какая насмешка судьбы!

Сначала он выносил секретные документы из своего НИИ «Фазотрон» во время обеденного перерыва по изготовленному для него в ЦРУ поддельному пропуску и фотографировал их дома, а затем, получив от американцев вмонтированный в брелок для ключей мини-фотоаппарат, начал снимать их в туалете института. Толкачев по роду работы имел доступ к секретам ВВС и ПВО. На допросе он признавался: «За указанный период я передал американской разведке большое количество различной информации на 236 фотокассетах и 5 мини-аппаратах с заснятыми мной 54 секретными и совершенно секретными научно-исследовательскими работами и документами... общим объемом 8094 листа. Помимо фотопленок, я передал американским спецорганам ряд письменных сообщений с совершенно секретной информацией по ряду вопросов военного характера»[237].

Лэнгли щедро платило изменнику, но эти затраты с лихвой окупались: по оценке американских экспертов, в случае войны у ВВС США благодаря полученной от Толкачева информации об электронной технологии советской авиации было бы бесспорное превосходство в воздухе. Суперценный источник всячески холили и лелеяли. В одном из писем хозяева так оценивают его вклад в усиление оборонной мощи США: «Вы должны твердо усвоить, что передаваемая вами инфомация, попросту говоря, считается бесценной. Ее значимость была доведена до внимания высших уровней нашего правительства... потеря такой информации явилась бы тяжелым ударом для нашего правительства и серьезно отразилась бы на нашем государственном положении как сейчас, так и многие годы спустя...»[238].

Связь Толкачева с посольской резидентурой была продумана до мелочей. Она включала в себя и безличные контакты с помощью тайников, и односторонние передачи европейского радиоцентра, и личные встречи по специально разработанному графику с условными звонками по телефону, зажженным светом в квартире, открытой форточкой, книгой

с белой обложкой в левой руке и прочей шпионской атрибутикой. На протяжении нескольких лет с агентом Сфера встречались пять оперативников посольской резидентуры. Шестому, П. Стомбау, занимавшему пост второго секретаря посольства США в Москве, не повезло: он был арестован прямо на месте встречи в 1985 году и выслан из СССР.

Потребовалась долгая и сложная работа, чтобы найти агента Сферу. Допрашивал Толкачева Председатель КГБ Чебриков в следственном изоляторе Лефортово. Толкачев признался в шпионской связи с американской разведкой под воздействием предъявленных ему неоспоримых улик.

По халатности самих американцев был почти сразу арестован их агент в КГБ — также упоминавшийся в нашей книге агент по кличке Весы. Оказавшись в 1985 году прикомандированным к советскому посольству в Нигерии, Полещук поспешил восстановить свою связь с ЦРУ. Выслушав все, что он мог рассказать на момент встречи, американцы приготовились использовать агента Весы в Управлении внешней контрразведки КГБ, куда он должен был вернуться после командировки в Африку, и вручили ему средства для тайнописи. Зная жадность Полещука, ему для начала решили выделить 20 тысяч рублей, которые он должен был забрать уже на месте, в Москве, из тайника, замаскированного под булыжник. Закладку посылки поручили разведчику «глубокого прикрытия» П. Залаки, работавшему в административно-хозяйственном отделе посольства. Как и было приказано, тот заложил тайник на указанном месте, но за ним следили. Таким образом был раскрыт агент Весы.

Третий агент исправно снабжал, пока мог, ЦРУ информацией об Институте США и Канады АН СССР. Это был В. Поташев, старший научный сотрудник по военно-политическим вопросам этого института, добровольно предложивший свои услуги американцам в 1981 году. Пройдя ускоренный курс обучения, агент Медиан начинает продавать ЦРУ информацию о своем институте, его сотрудниках, проблемах и научных разработках, которыми они занимаются, а также и другие известные ему сведения. Однако чрезмерная активность «американиста», явно выходящая за круг его служебных обязанностей, относительно быстро привела к тому, что им заинтересовался КГБ.

И все же, несмотря на успехи, шпионскую дуэль КГБ — ЦРУ в 80-е годы, точнее, в первую их половину, американцы явно проиграли. Тогда Второе главное управление КГБ пресекло около 30 шпионских операций американских спецслужб, в результате чего первоочередная цель Кейси — вербовка агентов за «железным занавесом» — так и не была достигнута. В конкретных цифрах итог шпионской схватки выглядел следующим образом: «Вот печальный для Центрального разведывательного управления и его посольской резидентуры в Москве итог восьмидесятых годов: семеро сотрудников захвачены с поличным советской контрразведкой при проведении разведывательных акций и выдворены из Советского Союза; четверо оперативников высланы из нашей страны в порядке ответных мер и более тридцати раскрыты в средствах массовой информации как участники конкретных шпионских операций. Далее разоблачены и обезврежены двадцать два агента из числа советских граждан; прекращены две крупные технические операции; перехвачены более десяти «инициативников», которые могли бы стать активными американскими агентами»[239]. Но, хотя разгром посольской резидентуры в Москве и оказался трагичен почти для всех ее рядовых агентов, он совершенно не затронул «агентов влияния» — предусмотрительные американцы строго-настрого запретили посольской резидентуре выходить с ними на контакт, а связь их с ЦРУ осуществлялась лишь за пределами СССР.

Нефтяной заговор

Однако все эти и многие другие удары при всей их важности, масштабности и болезненности для СССР были все же Второстепенными в схватке сверхдержав. Основной удар Лэнгли и Белый дом направили против советской экономики. Как свидетельствуют хорошо знавшие его люди, весь первый год своего пребывания в кресле директора ЦРУ Кейси старательно изучал состояние советской экономики и к весне 1982 года почувствовал, что держит руку на ее пульсе. Как-то раз в беседе он так выразил свое видение положения дел у Советов: «Это мафиоз-

ная экономика. Они крадут у нас технологии, необходимые для их выживания. Единственный путь, которым они могут добыть твердую валюту, — это экспорт нефти по высоким ценам. Это все так запутано, что если мы хорошо разыграем нашу карту, то колосс рухнет»[240].

Для нанесения решающего удара в экономической войне нужен был точный анализ ситуации, а для составления последнего требовалась разносторонняя информация. Эту жизненно необходимую ему информацию директор ЦРУ черпал не только из подчиненного ему ведомства, но, в значительной степени, от американских бизнесменов, имевших экономические контакты с СССР. (Сотрудничество бизнеса и разведки, как мы помним, было традиционным.) Хорошо ориентируясь на месте, фирмачи охотно шли на сотрудничество с ЦРУ и по возвращении из Советского Союза писали для шпионского ведомства рапорты об увиденном. Представители компаний не только предоставляли разведывательную информацию о состоянии советской экономики, но нередко прямо указывали Лэнгли на советских граждан, перспективных в плане вербовки. В своем стремлении услужить разведке они не ограничивались ролью информаторов и наводчиков. «Почти 200 крупнейших американских предприятий, — пишет хорошо информированный П. Швейцер, — не только делились информацией с Управлением, но и служили прикрытием для агентов ЦРУ»[24].

Основной целью стратегии американской элиты стало резкое сокращение притока в СССР твердой валюты. Согласно секретным выкладкам ЦРУ, 80% валюты советская экономика получала от продажи за рубеж энергии и энергоносителей, в первую очередь нефти и газа. Ключевым звеном во всем этом бизнесе была цена на нефть, поскольку, во-первых, мировые цены на природный газ ориентировались на уровень цен на нефть, а во-вторых, основными платежеспособными покупателями советского оружия были мусульманские нефтедобывающие страны. Резкий рост этих цен в 70-х годах принес Советскому Союзу огромную прибыль, и можно было предположить, что ее резкое падение принесет СССР не менее огромные убытки. Американские аналитики подсчитали, что от каждого повышения цены за баррель нефти на 1 доллар СССР получает дополнительной

прибыли около 1 миллиарда долларов в год, и наоборот. Цена нефти на мировых рынках, подчеркивали эксперты Лэнгли, является существенным фактором, от которого зависит состояние советской экономики. Как только У. Кейси прочел этот доклад, он в экстазе воскликнул: «Мы можем их уложить!»

Основным производителем нефти в мире являлась Саудовская Аравия, сильно зависимая от Вашингтона и с охотой поддерживавшая его в антисоветских операциях в Афганистане и Средней Азии. США использовали все свое официальное и неофициальное влияние на эту страну, в результате чего с августа 1985 года Аравия начала выбрасывать на мировой рынок огромные партии нефти. Цена одного барреля немедленно скатилась с 30 до 12 долларов. Эта крупнейшая акция экономической войны, которую так обожал новый шеф ЦРУ, нанесла СССР колоссальный ущерб. Только за счет падения цен на нефть советская экономика стала в среднем терять около 13 миллиардов долларов в год. Параллельно с этим упали и цены на газ, что также обошлось советской казне в новые миллиарды. К этому же моменту Вашингтон приурочил девальвацию доллара, что в среднем стоило СССР еще 2 миллиарда долларов ежегодно. Падение цен на нефть немедленно заставило исламские страны снизить закупки советского оружия, и уже в 1986 году продажа вооружений уменьшилась на 20%, и СССР потерял еще 2 миллиарда долларов. Ущерб был огромен. Весь баланс советской торговли был нарушен. В секретном докладе ЦРУ отмечалось, что, если в первом квартале 1984 года сальдо СССР от торговли с Западом было положительным и составляло 700 миллионов долларов, то уже в первом квартале 1985 года оно было отрицательным, и дефицит измерялся 1,4 миллиарда долларов.

Хотя цены на газ автоматически ориентировались на цены на нефть, США не упустили возможности еще больше навредить СССР и в этой области. Речь идет о противодействии проекту «Уренгой-6» по транспортировке газа из Сибири в Западную Европу. Советское руководство планировало построить две линии газопровода, ежегодный доход от которых предварительно оценивался в 15—20 миллиардов долларов (все доходы СССР оценивались в 32 миллиарда

долларов). ЦРУ и Белый дом были чрезвычайно встревожены этим проектом, расценивая его как дойную корову для Москвы, способную стабильно приносить валюту, и решили любой ценой помешать его реализации.

Препоны советскому газовому проекту США ставили на двух уровнях. На официальном уровне Рейган оказал беспрецедентное давление на своих западноевропейских союзников, чтобы они отказались от закупок русского газа. Однако экономическая заинтересованность европейцев в этом проекте была столь велика, президент США наткнулся на такое упорное сопротивление своих партнеров по НАТО, что зашаталось единство самого блока. (И опять все тот же американский эгоцентризм: в маниакальном стремлении досадить Советам ЦРУ даже не соизволило просчитать потенциальные последствия своих планов для союзников.) Тем не менее выкручивание рук принесло определенные плоды, и Западная Европа вдвое ограничила закупки советского газа.

На неофициальном уровне ЦРУ, учитывая технологическую слабость нефтегазовой промышленности СССР, делало все возможное для срыва поставок производимого на Западе оборудования для газопровода и осуществляло технологическую дезинформацию в том случае, если советские представители пытались добыть необходимые сведения нелегальным путем. Так, например, подобным образом агентам КГБ был передан состав комплектующих газовой турбины. Но, когда собранные по этим чертежам турбины были установлены на газопроводе, выяснилось, что из-за внутренних дефектов они в принципе не могут работать. Естественно, что пуск газопровода был задержан.

В результате этих усилий крупномасштабный проект был реализован лишь в половинном объеме: от второй линии пришлось вообще отказаться, а первая линия газопровода была введена в строй на два года позже, на чем СССР потерял от 15 до 20 миллиардов.

Технологическая война

Следующим из первоочередных объектов пристального внимания ЦРУ и Белого дома стал советский

импорт западных технологий. Решено было любой ценой перекрыть этот канал, тем самым существенно затруднив СССР модернизацию промышленности и заставив пойти на новые большие траты. Как и в предыдущем случае, США начали действовать на двух уровнях. Сначала аналитики разведки определили, в каких технологиях больше всего нуждается Советский Союз.

Собственно, ЦРУ пыталось это сделать с конца 70-х, но так и не смогло справиться с этой задачей. Однако Кейси помог случай. Сотрудник КГБ, В. Ветров, работавший в отделе науки и техники Первого главного управления, начал сотрудничать с французской разведкой, передавая ей все доступные ему материалы, касающиеся советского промышленного шпионажа. Получив их, можно было легко определить основные интересы Москвы в этой области. Благодаря налаженному Кейси сотрудничеству западных спецслужб в деле общего наступления на СССР, эти материалы были переданы ЦРУ. Предатель информировал Францию до конца 1982 года.

В 1983 году Кейси добился создания секретного Комитета разведки по делам передачи технологий, 22 отдела этого комитета неустанно следили за закупками технологий. Благодаря этому Кейси впервые узнал экономические потребности Советского Союза и какие новейшие западные военные и гражданские технологии он стремится заполучить.

После того как ЦРУ провело аналитическую работу, в дело вступил Белый дом. США не только резко ужесточили собственные экспортные правила, но и потребовали того же от своих союзников. Всесторонне была расширена деятельность КОКОМа (Координационного комитета по контролю за экспортом стратегических товаров в социалистические страны). Всеохватывающие запреты на экспорт были наложены не только на военные, но и на гражданские технологии. Причем следовать правилам КОКОМ принудили не только страны НАТО, но и не входящие в него нейтральные государства.

Практически лишившись возможности легально получать новейшие западные технологии, Советский Союз активизировал свои усилия по их нелегальной добыче. По западным оценкам, к 1986 году число агентов КГБ и ГРУ, занятых про-

мышленным шпионажем, резко возросло. Однако аналитики Лэнгли предвидели подобный оборот дела, и с начала 1984 года ЦРУ и РУМО начали совместно осуществлять сверхсекретную программу дезинформации, призванную нанести еще больший ущерб экономике СССР. Участвовавшие в ней специалисты вспоминают, что к этой идее они пришли в результате анализа проведения спецоперации за советский газопровод. Один из них так характеризует ее суть: «В принципе речь шла о доставке Советам фальшивых или частично фальшивых данных и информации, что заставляло их принимать неверные технологические решения. Короче говоря, мы вносили сплошной хаос и беспорядок»[242].

Труд по реализации этой программы американские спецслужбы поделили между собой: военные занимались фабрикацией подложных оборонных технологий, а ЦРУ — гражданских, в первую очередь касающихся нефти и газа. Эксперты из Лэнгли самым скрупулезным образом проанализировали советские пятилетние планы на предмет определения тех отраслей экономики, которые больше всего нуждались в получении новейших западных технологий. После этого составлялась соответствующая подложная документация, в которую включали какой-нибудь неустранимый дефект, который было чрезвычайно трудно сразу обнаружить. Затем документы подбрасывались посредникам для перепродажи советской разведке. Сколько времени и миллиардов долларов потерял СССР в результате этой акции — точно сказать трудно. Но не подлежит сомнению, что в результате этой тщательно проведенной операции технологической дезинформации возможности Советского Союза пользоваться плодами промышленного шпионажа резко сузились.

Даже перестройка не намного облегчила жизнь шпионскому ведомству. Пользуясь политикой Горбачева и все усиливающимся сепаратизмом, Лэнгли постаралось оправиться от удара середины 80-х годов и восстановить шпионскую сеть на территории СССР. Несмотря на все усилия и сверхблагоприятный климат, быстро эту задачу все равно решить не удалось. Новый директор ЦРУ в 1987—1991 годах У. Уэбстер так оценивает положение дел в своем ведомстве: «Информация из Советского Союза была отрывоч-

ной. ЦРУ не смогло предсказать краха Советского Союза»[243]. В целом согласен с ним и его преемник Р. Гейтс, занимавший кресло директора в Лэнгли с 1991 по 1993 год: «Кто бы мог подумать еще пять лет назад, где мы окажемся сегодня! Информация об СССР была слабой, так как агентурная сеть нашей разведки как раз в это время была свернута»[244]. Однако, несмотря на всю свою слабость, ЦРУ постаралось внести посильный вклад в дело «демократизации» Советского Союза. Вот пример: когда националисты Литвы взяли курс на отделение, там оказался гражданин США литовского происхождения Эйве Андрюс, профессиональный военный разведчик, в прошлом — инструктор афганских моджахедов. В январе 1990 года он становится консультантом департамента охраны края по вопросам обучения партизанской войне и проведению террористических актов. Занятия не ограничивались голой теорией. Под непосредственным руководством американского шпиона литовские сепаратисты устраивают серию взрывов в местах проживания советских военных и провоцируют столкновения с армией. За свои деяния Эйве был всего лишь выслан из СССР, но, незадолго до кровопролития в Вильнюсе, он опять возвращается в Литву. Когда в январе там пролилась кровь, американский разведчик был военным советником литовского парламента и постоянно находился в здании Верховного Совета, координируя оттуда действия боевиков.

Как видим, на протяжении всей своей истории американское «разведывательное сообщество» не ограничивалось сбором информации о Советской России, но всегда активно вмешивалось во внутренние дела нашей страны, пытаясь, по мере возможности, спровоцировать и максимально усилить неблагоприятные для русского народа тенденции. Хоть не ЦРУ было главным виновником развала СССР, оно сделало все, что от него зависело, чтобы этот крах наступил. Правда, ни Рейган, ни Кейси не дождались, пребывая на своих постах, распада Советского Союза, на который они потратили так много сил.

Глава 12

«КГБ ПОД КРОВАТЬЮ»

Энглтон, Голицын и Кулак

Раннеперестроечный диссидентский психоз по поводу всевидящего ока органов был лишь слабым отражением, тенью тени того, что творилось в Америке 50-х годов. Агентов КГБ видели везде, «рука Москвы» тянулась из-за каждой двери. И, наряду со знаменитым Маккарти, свой неоценимый вклад в создание обстановки сумасшедшего дома внес начальник Управления контрразведки ЦРУ Джеймс Энглтон.

Джеймс Энглтон, сын кавалерийского офицера-янки и очаровательной мексиканки, в молодости обожал поэзию, издавал литературный журнал, выращивал орхидеи и увлекался рыбалкой. Позже романтический юноша отдал свое сердце секретной службе. Это была не работа, не увлечение — это была любовь на всю жизнь. Во время Второй мировой войны Энглтон служил в рядах секретной службы США в Италии, где занимался обнаружением и нейтрализацией вражеской агентуры. Способного молодого офицера заметили. Вскоре после войны он был принят на службу в ЦРУ.

За какие-то шесть лет Энглтон сделал головокружительную карьеру, став главой внешней контрразведки ЦРУ, то есть фактически вторым человеком в управлении. Его отношение к делу определяется одним словом: это был фанатик. Фанатичный приверженец своего ведомства и столь же фанатичный враг СССР. Даже в 60-е годы критическое слово, сказанное в кабинетах ЦРУ по поводу Маккарти и маккартизма, могло стоить неосторожному сотруднику многих неприятностей. А отношения с Даллесом, другом и единомышленником, а позднее почти столь же теплое расположение друга и последователя Даллеса, главы ЦРУ Хелмса

создали Энглтону совершенно исключительное положение в ведомстве. Он стал практически никому не подконтролен и мог посвятить всего себя борьбе за чистоту рядов ЦРУ. А враг был рядом, враг коварный и вездесущий — КГБ.

На беду Центрального разведывательного управления, в декабре 1961 года в посольстве США ЦРУ в Хельсинки пришел и попросил политического убежища майор КГБ Анатолий Голицын. Человек этот был известен ЦРУ: Голицына перевезли в Штаты и приступили к допросам. В свою очередь, перебежчик потребовал немедленной встречи с президентом Кеннеди и 15 миллионов долларов на создание фонда своего имени с целью свержения советского режима. В заключении психиатра ЦРУ было сказано, что Голицын — параноик и страдает манией величия.

Когда американские спецслужбы потеряли к нему интерес, он обратился к британской контрразведке. По его заявлениям выходило, что английские спецслужбы буквально нашпигованы «кротами» — агентами КГБ. Никаких конкретных сведений он не дал, однако намекнул, что один из высокопоставленных чинов МИ-5 — агент Москвы, вследствие чего был замечен Энглтоном, который снабдил Голицына всеми необходимыми материалами, вплоть до секретных досье советского отдела.

И Голицын развернулся. КГБ был всюду. Охлаждения отношений СССР с Югославией и Китаем было мистификацией КГБ, чтобы обмануть Запад. В самой Москве всей жизнью управлял некий «внутренний КГБ», о котором не знали даже советские спецслужбы, но почему-то знал Голицын. Британская и французская спецслужбы были пронизаны агентурной сетью под кодовым названием «Сапфир». Что же касается самого ЦРУ, то оно было буквально нашпиговано агентурой.

Получив такое подтверждение своим подозрениям, Энглтон тут же начал широкомасштабную охоту за «внутренними шпионами». Под подозрение попало около сорока высокопоставленных чинов ЦРУ и почти все рядовые сотрудники. Охота за «кротами» стала навязчивой идеей. Контрразведка заводила все новые и новые дела, пытаясь сплести из них «заговор КГБ». Вот только изобличить никого не удавалось. Но это подтверждало только то, что КГБ мастер-

ски владеет конспирацией. А в 1964 году подозрения Энглтона были доказаны самым убедительным образом. Дело в том, что был у него друг...

В юности Энглтон несколько лет провел в Великобритании. С тех пор этот невысокого происхождения янки на всю жизнь преисполнился благоговения перед британской аристократией и британским этикетом. Он одевался на английский манер, говорил с английским прононсом. А в 1944 году познакомился и подружился с родовитым англичанином, безупречным джентльменом, преисполненным аристократизма и обаяния. Это был сотрудник Интеллидженс сервис Ким Филби...

В мае 1951 года, когда сотрудники британской разведки Гай Берджесс и Дональд Маклин бежали в СССР, Филби, их друг, тоже попал под подозрение. Однако Энглтон верил в невиновность своего друга, при встречах был с ним предельно откровенен. Объем информации о ЦРУ, передаваемый советским разведчиком в Москву, был колоссален. Когда в 1963 году Филби, в свою очередь, бежал в СССР, это было для Энглтона страшным ударом. И укрепило его в том, что КГБ вездесущ. Уж если этот...

Выловить агентов КГБ в недрах собственной службы Энглтону так и не удалось. Что ему удалось блестяще — так это почти на десять лет парализовать деятельность советского отдела. Вершины же вся эта паранойя достигла тогда, когда один из его подчиненных — Клар Петти — установил слежку за собственным шефом, решив что Голицын — подстава КГБ, а сам Энглтон — внутренний агент Москвы, поскольку за всю историю существования ЦРУ никто не причинил ему столько вреда, сколько эта парочка. Известная логика в этом, надо признаться, была...

В 1975 году, когда сенатская комиссия расследовала всякие «мелочи» работы ЦРУ, вроде тотальной слежки за американскими гражданами, Энглтон заявил, что это расследование — тоже происки КГБ, и руководит ими Ким Филби из «московского центра».

В 1978 году, уже будучи в отставке, Энглтон совершил такое, что даже у знавших его сотрудников ЦРУ, что называется, челюсти отпали. Он рассказал писателю Эдварду Эпштейну о действующем агенте ФБР в КГБ, проходящем

под кличкой Федора — Алексее Исидоровиче Кулаке. Кстати, до сих пор не выяснено — был ли он «кротом» или агентом-перевертышем, который работал все-таки на КГБ. Потому что внезапный переход на сторону американцев не очень-то сочетается с биографией и характером этого человека.

Кулак родился в 1922 году. С началом войны, окончив ускоренный курс артучилища, ушел на фронт. Воевал героически, был шесть раз ранен, получил звание Героя Советского Союза. После войны работал в атомной промышленности, в 1958 году получил направление на работу в КГБ. Отличался ответственностью, честностью и прямотой. И вдруг — такой поворот биографии. В 1962 году, едва прибыв в Штаты, Кулак предложил свои услуги ФБР, мотивируя это решение тем, что его не ценят и не продвигают по службе (а какая служба, если он к тому времени только окончил разведшколу).

«За годы сотрудничества Кулака с ФБР он раскрыл сведения о сотрудниках КГБ в Нью-Йорке, сообщал о ежегодных заданиях резидентурам по сбору информации в области науки и техники, а также перечни вопросов, которые интересовали руководство разведки... Шеф ФБР Эдгар Гувер безоговорочно доверял Федоре, а за полученные сведения ФБР выплатило ему, по некоторым данным, 100 тысяч долларов»[245]. Вместе с тем ФБР подкидывало Кулаку и информацию. Американцы утверждают, что это были либо документы с низким грифом секретности, либо сведения о технологиях, на внедрение которых в СССР ушло бы лет двадцать. Но тем не менее к концу работы в США Кулак был награжден двумя орденами — Красного Знамени и Красной Звезды. Значит, КГБ вовсе не считало добытую им информацию малоценной.

Удивительно, но ни в 1973 году, когда произошла серьезная утечка информации в прессу в Америке, ни даже в 1978 году, после того как Кулака фактически сдал Энглтон, с ним так ничего и не случилось. Это объясняется все той же тотальной подозрительностью — спецслужбы не верят никому — ни своим, ни чужим. «Первоначально в Ясеневе не поверили в разоблачение Эпштейна и посчитали его тонкой провокацией ЦРУ. Но все же разобраться в этом деле было поручено управлению «К» ПГУ во главе с О. Ка-

лугиным. (Обратите особое внимание на эту фамилию! Мы еще встретимся с этим человеком. — *Авт.*) К концу 1980 года проводившая расследование группа вышла на Кулака, которого поставили под скрытое наблюдение. Но оно ничего не дало. Кулак не имел никаких компрометирующих связей, вел замкнутый образ жизни, не сорил деньгами и совершенно не интересовался секретными документами. Более того, он абсолютно не проявлял служебного рвения и все чаще прикладывался к бутылке в рабочее время»[246]. Все же таки его сначала перевели в действующий резерв, а затем потихоньку отправили в отставку. После смерти Кулака в 1983 году дело было закрыто, а его награды выставлены в музее ПГУ. И только после \вербовки Эймса стало известно, кто на самом деле был Федора.

Жертва «кротомании»

Перейдя на сторону КГБ, Голицын заявил, что следующий за ним перебежчик будет подставой. Следующим оказался Юрий Носенко, сын министра судостроения СССР, протеже Устинова, первого заместителя Хрущева и председателя Совнархоза. Впервые на контакт со спецслужбами он вышел в 1962 году, через полгода после бегства Голицына. А стал перебежчиком в 1964 году.

Первая же информация, которую сообщил Носенко, ввергла посвященных из советского отдела КГБ в состояние паники. Это было сообщение о том, что КГБ интересуется сотрудником посольства США по фамилии Абидян. Этот дипломат не был разведчиком. Его использовали только один раз, попросив проверить надежность одного из тайников. Но этим тайником пользовался самый ценный в то время агент ЦРУ — Пеньковский. Но московскому резиденту эту информацию не сообщили — он тоже был взят под подозрение как агент КГБ. Поэтому никто не дал Пеньковскому команды «лечь на дно», и он был благополучно выявлен и арестован. Борьба с КГБ в данном случае сработала в интересах КГБ.

Сообщил Носенко и другую важную информацию. Дело в том, что Ли Харви Освальд, убийца президента Кеннеди,

несколько лет жил в Советском Союзе. Естественно, возникли подозрения, что убийство Кеннеди тоже направлялось из Москвы. Оказывается, Носенко самолично изучал дело Ли Харви Освальда и пришел к выводу, что этого психически неустойчивого человека нельзя использовать в качестве агента и политическое убежище ему и его жене предоставили только потому, что Освальд грозил покончить с собой. К убийству президента США КГБ никакого отношения не имеет.

Когда Носенко договаривался об условиях перехода, ему обещали единовременное вознаграждение 60 тысяч долларов и по 25 тысяч долларов в год. Вместо этого он получил допросы, детектор лжи, одиночное заключение. «Сотрудник ЦРУ начал кричать, что я лгу, и в комнату немедленно ворвалось несколько охранников. Они приказали мне встать к стене, раздеться и обыскали меня. После этого повели наверх, в одну из комнат на чердаке. Там была лишь металлическая кровать, прикрепленная к полу. Никто ничего мне не сказал, сколько я буду здесь находиться и что со мной будут делать... Через несколько дней два сотрудника ЦРУ начали допросы. Тон допросов был грубым и враждебным. Затем они перестали приходить...

Меня держали в этой комнате до конца 1964 года или до начала 1965-го. Принуждали вставать каждый день в 6 часов утра и не разрешали ложиться до 10 часов вечера. Условия были очень плохие. Я мог пользоваться душем только один раз в неделю, раз в неделю мог бриться. Мне не давали зубной щетки и зубной пасты, кормили очень плохо. Я все время испытывал голод. Мне не разрешали ни с кем разговаривать, не давали читать. Не разрешали даже подышать свежим воздухом или посмотреть в окно. Единственное окно в комнате было плотно закрыто решеткой и шторами, дверь в комнату была обита железом, а за дверью меня стерегли круглые сутки два охранника. Единственной мебелью в комнате была узкая кровать и электрическая лампа. Летом в комнате было очень жарко»[247]. Конечно, это не ГУЛАГ, но по американским меркам условия были действительно очень плохие. Затем его перевели в другое место — в бетонный бункер, построенный специально для него. Условия там были не лучше, с той разницей, что летом было

нежарко, зато очень холодно зимой. После двухлетнего пребывания в бункере ему разрешили тридцатиминутную прогулку во дворе с высокими бетонными стенами, откуда было видно только небо. Официально это именовалось условиями повышенной безопасности, чтобы русские не расправились с перебежчиком. На самом же деле в нем по-прежнему продолжали видеть агента КГБ.

В ноябре 1967 года его перевели на конспиративную квартиру, условия стали получше. И только в 1969 году, после того как его дело попало к сотруднику отдела безопасности Брюсу Соли, Носенко освободили. Его приняли на работу консультантом в ЦРУ и даже выплатили обещанные деньги (в сумме это составило 137 тысяч долларов).

Носенко в судьбе своей был не одинок. Жертвами охоты на «кротов» в то время стали 22 советских перебежчика. Остается только сожалеть, что она кончилась...

Мертвый шпион тоже может играть

Шпионская карьера и разоблачение Александра Огородника столь колоритны, насыщены такими головокружительными подробностями, что легли в основу сюжета фильма по сценарию Юлиана Семенова «ТАСС уполномочен заявить...». Мало кто знает, что этот известный фильм во многом воспроизводит реальные события.

В 1975 году в КГБ поступила информация о том, что ЦРУ активно вербует некоего советского гражданина. Известно о нем было то, что он часто встречается со своей дамой сердца в отеле «Хилтон» и что недавно попал в автомобильную аварию. По этим данным довольно быстро вычислили третьего секретаря посольства в Колумбии Александра Огородника.

Огородник (он же Трианон) по возвращении повел себя странно. Отказавшись от хорошего места в Институте Латинской Америки, он полгода не работал – по-видимому, чего-то ждал. И дождался. Желанной для него оказалась скромная должность второго секретаря Управления планирования внешнеполитических мероприятий в МИДе. Новая работа обеспечивала доступ к секретной документации. К тому вре-

мени Огородник уже был «под колпаком», и наблюдение, установленное за ним, медленно, но верно приносило плоды. Удалось обнаружить тайник, в котором находились микропленки с инструкциями ЦРУ, планом связи, местами закладки тайников и расписанием агентурных радиопередач.

Арестовали Трианона летом 1977 года. Тут же провели обыск, в ходе которого нашли шпионское снаряжение. Огородник сознался и, более того, пожелал дать письменные показания. На столе лежала обычная ручка, на которую никто не обратил особого внимания. Огородник взял ее... надкусил колпачок и упал мертвым.

И тут-то начинается самое интересное. Используя арестованного агента, планировалось взять с поличным, как обычно, и связного резидентуры. Но агент был мертв! Это было очень обидно, тем более что он сохранил многочисленные послания «хозяев», где были указаны около 30 тайников, условия и способы связи. Очередная тайниковая операция под кодовым названием «Лес» была назначена на ближайшее время.

И тогда, используя данные наблюдения и проанализировав все известные факты, органы КГБ начали сложнейшую оперативную игру. Надо было прочитать мысли мертвого шпиона. «Местонахождение тайника не было известно, но здесь неожиданную помощь оказали сами американцы, рекомендовавшие своему агенту подходить к тайнику со стороны Можайского шоссе. Это явно указывало на то, что «Лес» находится на территории парка Победы на Поклонной горе... Очевидно, что перед выходом на операцию Огородник должен был припарковать свою «Волгу» в заранее обусловленном месте, о расположении которого оставалось только догадываться. Контрразведчикам были известны традиционные маршруты следования сотрудников посольской резидентуры и самого Агронома (так, не без юмора, прозвали Огородника на Лубянке. — *Авт.*). Исходя из этого, загримированный под Огородника работник КГБ припарковал машину на наиболее вероятную стоянку, служившую американцам сигналом...»[248]. Однако в тот день никто на свидание не явился. Как потом узнали, расшифровав очередную радиограмму, связник в парке все-таки был — вице-консул посольства США Марта Петерсон. Однако она так удачно

вела себя, что служба наружного наблюдения не приняла ее за иностранку. Она положила в условленное место контейнер, а затем взяла его обратно, так как за ним, естественно, никто не явился.

Но это еще не было провалом операции — просто неудачей. Вскоре пришла новая радиограмма, устанавливающая новую дату встречи. И снова изучение всех материалов. На этот раз и место встречи, и все подробности подготовки и постановки сигналов удалось установить абсолютно точно. Марту Петерсон задержали за закладкой контейнера. Во время задержания дама дралась и материлась совсем как местная хулиганка.

Кстати, в контейнере, замаскированном под кусок угля, вместе с деньгами, золотом, шпионским снаряжением и ядом была трогательная записка для случайного прохожего. «Товарищ! Ты проник в чужую тайну. Деньги и ценности возьми, остальное выброси в глубокое место реки. И забудь обо всем. Ты предупрежден!»[249]

Может ли генерал быть предателем?

Когда военные контрразведчики докладывали руководству о необходимости проверки Дмитрия Федоровича Полякова, один из бывших заместителей председателя КГБ, от которого зависела санкция на углубленную проверку, заявил: «Генерал-разведчик не может быть предателем...» Американцы могли бы его поправить. Агента по кличке Топ Хэт, он же Бурбон, он же Дональд Ф., бывший шеф ЦРУ Д. Вулси называл «драгоценным камнем в короне».

В 1961 году сорокалетний Поляков работал в США в военно-штабном комитете ООН, а фактически был резидентом советской военной разведки в Нью-Йорке. Тогда-то он и предложил свои услуги ФБР. Американцы утверждают, что сделано это было по идейным соображениям. Как пишет журнал «Тайм»: «Себя он считал русским патриотом, который разочаровался в советской системе». Однако сам Поляков свои мотивы объяснял так: «В основе моего предательства лежало как мое стремление где-нибудь открыто высказывать свои взгляды и сомнения, так и качества моего

характера — постоянное стремление к работе за гранью риска. И чем больше опасность, тем интереснее становилась моя жизнь».

По оценке главного военного прокурора СССР генерал-лейтенанта Катусева, последствия его деятельности для Советского Союза были тягчайшими. Он «раскрыл организационные структуры ряда учреждений Министерства обороны и Генерального штаба, их штат, техническую оснащенность, формы, методы и направленность в работе. Продавал шифры, коды и другую совершенно секретную информацию. Поставил под угрозу жизнь и безопасность многих советских разведчиков-нелегалов, открыл их источники информации. Буквально каждый шаг наших разведчиков становился известен тем, против кого они работали. Поляков также раскрыл заинтересованность нашей страны в развитии, совершенствовании некоторых областей науки и техники, создал возможность для западных спецслужб готовить и передавать нам дезинформацию, а также принять правительствами стран НАТО закон об экспортном контроле в торговле с СССР и его союзниками, сорвал проведение ряда важнейших советских внешнеполитических инициатив, направленных на смягчение международной обстановки... Не гнушался даже такими «мелочами», как перефотографирование и передача за рубеж телефонных справочников Минобороны и нескольких годовых комплектов закрытого журнала «Военная мысль»[250].

Одна конкретная деталь: по оценке того же «Тайм», технические данные на советские противотанковые ракеты позволили США успешно противостоять этому оружию в Ираке, во многом обеспечив в этой войне победу американского оружия.

Бестрепетно предавал Поляков и своих товарищей по работе. Он сам вспоминал на одном из допросов: «В порядке моей перепроверки, а заодно и закрепления моих отношений с ними Майкл (представитель ФБР. — *Авт.*) предложил мне назвать сотрудников советской военной разведки в Нью-Йорке. Я без колебаний перечислил всех известных мне лиц, работавших под прикрытием представительства СССР»[251]. Всего же за 25 лет работы Поляков выдал 19 нелегалов, более 150 агентов, раскрыл принадлежность к раз-

ведке около 1500 офицеров. Со всеми вытекающими отсюда последствиями — арестами, приговорами, самоубийствами... На одном из допросов на вопрос, не было ли ему жалко тех, кого он выдавал — нелегалов, которых он сам же готовил к работе за границей, Поляков ответил кратко: «Это была моя работа. Можно мне еще чашечку кофе?»[252]

Опытный разведчик, он прекрасно представлял себе уровень советских спецслужб и отлично знал, что у каждой разведки есть свой почерк, по которому успешно ищут ее агентов. Он не признавал американских инструкций, отлично понимая, что приемы ЦРУ КГБ знает в совершенстве. Инструкции для своих хозяев он составлял сам. Так, генерал не признавал тайников (на которых обычно и брали агентов). Для передачи информации использовался специально для него сконструированный передатчик, которым, проезжая в троллейбусе, Поляков «выстреливал» в посольство огромный объем информации. Сеанс связи длился 2,6 секунды.

К концу 70-х годов американцы в общении с Поляковым уже не проявляли никакой инициативы, безропотно выполняя инструкции своего более опытного агента. Он «учил» их достаточно жестко. Так, в 1972 году его пригласили — вполне официально — на прием в посольство США в Москве. Руководство ГРУ санкционировало этот визит, и генералу пришлось туда пойти. Во время приема ему передали записку, которую Поляков уничтожил не читая и после этого надолго прекратил всякие контакты с ЦРУ. И все же взяли его по небрежности американцев: он дважды использовал один и тот же код. По крайней мере, такова официальная версия причин его провала.

Все же не совсем понятно, во имя чего он работал на американцев. Он отказывался от крупных сумм, понимая, что их некуда тратить. По информации журнала «Тайм», сумма его гонораров составляла не более 3 тысяч долларов в год. Он не думал об эмиграции, у него в СССР была семья: дети, внуки. Профессиональный разведчик, он ни секунды не обольщался по поводу того, чем занимается, и не имел никаких иллюзий относительно возможного приговора. Но нашей стране предательство генерала Полякова стоило очень дорого.

И в разведке не без двоечников

А вот майор военной разведки Геннадий Александрович Сметанин сделал не только все ошибки, которые мог совершить, но даже и ту, которую совершить не мог — он, как и генерал Гроу, вел дневник, куда методично записывал все, что могло бы заинтересовать американцев. Сметанин был «инициативником» — в 1984 году он сам явился к американскому военному атташе в Португалии и предложил свои услуги. Его мысль была проста: торговать информацией, сколотить небольшое состояние и перебраться на постоянное жительство в США. Озадаченные такой откровенностью, американцы долго присматривались к майору, даже проверили его на детекторе лжи, и наконец решили, что это не подстава. Для начала новому агенту выдали 265 тысяч долларов, которые он и стал отрабатывать. Вскоре Сметанину стала помогать жена, работавшая техническим сотрудником в посольстве.

Практические занятия по шпионажу майор Сметанин блестяще провалил. Прекрасно осведомленный о правилах конспирации, он тем не менее не просто их игнорировал, а, можно сказать, шел поперек. Резко изменил поведение, перестал конфликтовать с сослуживцами, зато пристрастился к теннису и ходил играть на корт, посещаемый известными резидентуре американскими разведчиками. Его жена стала блистать на приемах в посольстве в дорогих платьях, с бриллиантовыми украшениями, что не говорило — кричало о том, что доходы супругов не ограничиваются зарплатой сотрудников посольства. Но сам Сметанин явно нервничал и, выходя на улицу, откровенно пытался оторваться от возможного наблюдения. Ну и дневник... Это уж ни в какие ворота не лезет. Позже этот документ стал главной уликой на процессе. В общем, в роли агента Сметанин продержался всего год.

Еще более «удивительная» история произошла со старшим лейтенантом военной разведки Александром Ивановым в июне 1981 года. Перед закрытием зала ресторана «Советский» (бывший «Яр») одна из уборщиц нашла на полу возле столика «дипломат». В чемоданчике оказались разные бумаги и пачка «Мальборо», а в пачке... вместо сига-

рет — письмо: «Господа! Предлагаю свои услуги по обеспечению вас и вашего руководства совершенно секретной и предназначенной для ограниченного круга лиц информацией, касающейся деятельности органов Министерства обороны, КГБ и МИД СССР. Обладаю широким кругом информированных знакомых...» И так далее. Уборщицы тут же отправили чемоданчик на Лубянку. В КГБ достаточно быстро установили автора. Им и оказался старший лейтенант Иванов.

Иванов был обижен на Управление ГРУ. Карьера его начиналась прекрасно. Уже в 21 год он получил первую загранкомандировку... Но амбициозность, карьеризм, любовь к ресторанам — эти «прекрасные» черты характера быстро проявились, причем в таком масштабе, что Иванова пришлось откомандировать обратно. Тогда-то он и обиделся.

Позже Иванову все-таки удалось установить вожделенный контакт — на пляже. Дальше вербовка развивалась по обычной схеме. Однако ни новоявленный агент, ни его куратор не знали, что они уже давно находятся под наблюдением КГБ. Вскоре его куратор был арестован, а троим американским кураторам пришлось спешно покинуть страну.

* * *

В целом 80-е годы были годами особого успеха советских спецслужб. Генерал-майор КГБ Вячеслав Широнин оценивает их следующим образом: «Американское разведывательное сообщество за всю свою историю не несло таких потерь, как в период восьмидесятых годов (а точнее, всего-то за 5—6 лет). Причем раскрыты были особо оберегаемые, тщательно законспирированные агенты, расставленные на наиболее важных направлениях разведывательно-подрывной деятельности. В тот же период была парализована деятельность не менее двух десятков американских кадровых разведчиков, которым со скандалом пришлось покинуть страну»[253]. О наших разведчиках и агентах в США мы, естественно, знаем меньше. В 1987 году был арестован сержант

морской пехоты Клейтон Лоунтри, охранник посольства США. Как оказалось, ему удалось проникнуть в сверхсекретный блок коммуникационных программ посольства — «жемчужину ЦРУ». Более того, сержант-умелец фактически превратил ее в подслушивающее устройство. Немало шуму наделала и история разоблачения и ареста высокопоставленного сотрудника ЦРУ Эймса и некоторых других его коллег по работе в обеих разведках.

Глава 13

ПЕРЕСТРОЙКА — ЭТО НЕ ГЛУПОСТЬ. ЭТО ДРУГОЕ

С начала реформ в России прошло 15 лет. Время вполне достаточное, чтобы посмотреть на происшедшее с некоторой высоты, тем более что первые результаты уже известны и первые выводы сделаны. Конечно, можно все, что было в это время со страной, объяснить исключительно процессами, происходившими в обществе, тем более что предпосылки были — на пустом месте и трава не растет. А то, что разворачивалась реформа как по написанному в предыдущих главах, — это американские аналитики из ЦРУ хорошо просчитали.

Можно, конечно, поверить в полную самопроизвольность происходящего. В то, что тогда принимались как раз те законы, которые развалили экономику. В то, что совершенно случайно в прессе возникали кампании по обработке массового сознания о разъединении СССР. Теория вероятностей это допускает. Равно как допускает она и то, что рассыпанный на полу типографский шрифт может сложиться в «Войну и мир». Если кто верит — пожалуйста.

А для тех, кто в «демократию» и оные ценности больше не верит, давно уже ясно, что в нашей «перестройке» не обошлось без режиссеров. Конечно, не они ее сделали — без объективных причин даже производство колбасы не перестраивают, не то что государство. Но они сумели «оседлать волну», вызванную этими самыми объективными причинами, и развернуть процесс в нужном направлении с помощью, в общем-то, простых технологий, против которых имеются простые контртехнологии. Почему эти контртехнологии вовремя не сработали — отдельный разговор.

В ожидании «часа Х»

Сначала была Польша. Эта страна, удобная по многим причинам, послужила детонатором взрыва, который разнес на куски социалистический лагерь. Там «преобразователям» повезло — удалось вовлечь в процесс «освобождения от коммунизма» не только интеллигенцию, но и рабочих — через профсоюз «Солидарность». Роль «Солидарности» в польских событиях всем известна. Менее известно другое — то, что только в 1980 году, например, ЦРУ через АФТ-КПП переправило в Польшу для «Солидарности» 150 тысяч долларов. Еще менее известно то, что задолго до начала событий в Польше радио «Свободная Европа» под видом информации о каких-то листовках, якобы распространяемых в стране, передало подробную инструкцию по технологии создания «подпольного фронта общественного сопротивления»: как создавать подпольные группы и правила конспирации, как изготавливать листовки.

Член палаты представителей конгресса США, входивший в подкомитет по разведке, Генри Хайд, открытым текстом говорил: «В Польше мы делали все, что делается в странах, где мы хотим дестабилизировать коммунистическое правительство и усилить сопротивление против него. Действиями из Польши, направленными вовне, было инспирировано аналогичное сопротивление в других коммунистических странах Европы».

В середине 80-х годов президент США Рейган подписал секретную директиву № 75, где говорилось, в частности, о создании в социалистических странах «внутренних оппозиционных сил» (прозападных). «В директиве говорилось о том, что в основу конкретных действий должна быть положена «программа демократии и публичной дипломатии». Этой программой, в частности, предусматривалось выделение на ближайшие два года 85 миллионов долларов для подготовки будущих руководящих кадров и создания прозападных политических партий и профсоюзов в соцстранах, а также странах «третьего мира», придерживающихся социалистической ориентации. На создание «национального и интернационального рабочего движения» ассигновалось 17,8 миллиона долларов, а на издание и распространение литературы,

опровергающей «марксистскую диалектичекую философию» — около 3,5 миллиона долларов»[254]. То есть президент выделил 85 миллионов долларов на тайные операции против социалистических стран.

Интересовала американцев, конечно, не Польша. Она если кому и нужна, так только соседям немцам, традиционно имеющим к ней территориальные и прочие претензии. И не страны «народной демократии» интересовали американцев. Работу в этих государствах они рассматривали только как первую стадию децентрализации и последующего распада «советской империи», препятствующей американцам достигнуть мирового господства. Причем желательно было, чтобы на месте России вообще не осталось государств, способных в более или менее отдаленной перспективе серьезно влиять на положение в мире. К этому великому событию — переходу от тайных операций к тайной войне против СССР — спецслужбы США готовились начиная с 1946 года. В начале 80-х процесс вступил в новую фазу, и Польша была одним из проявлений произошедших изменений. Другим внешне незаметным, но чрезвычайно важным проявлением стала резко возросшая активность американской разведки.

Сразу же после того, как Рейган «объявил войну» СССР, руководители ЦРУ провели переговоры с разведками других стран — членов НАТО об активизации работы против СССР и о координации усилий в этой области. Затем последовала массовая высылка наших представителей. Только в 1983 году в ведущих капиталистических странах были объявлены персонами нон грата 107 работников посольств и прочих представительств, из которых 78 были работниками спецслужб. Особенно усердствовала Франция, выславшая 47 человек.

Ни для кого не секрет, что работа разведки под дипломатическим прикрытием — дело совершенно обычное. Власти любой страны прекрасно о ней осведомлены, принимают как неизбежное зло и, за исключением особо скандальных случаев, вроде поимки работника резидентуры с поличным, репрессивных мер не принимают. Ясно, что на смену высланным разведчикам тут же прибудут другие, затем последуют ответные меры и придется заново налаживать работу

собственной резидентуры в СССР. Тогда возникает вопрос: во имя чего все это проделывалось? Ну, во-первых, чтобы продемонстрировать отношение к стране, а во-вторых, для того, чтобы, пока вновь прибывшие освоятся на «рабочем месте», пользуясь вынужденным перебоем работы советской разведки, усилить работу по вербовке выезжающих за границу советских граждан. Только за 1981—1983 годы КГБ получило сведения об активной разработке 300 советских граждан за рубежом. А сколько таковых остались неизвестными? Каким количеством новых агентов пополнился актив ЦРУ?

Причем особое внимание теперь проявлялось не только по отношению к тем, кто мог владеть секретной информацией, но и с упреждением — к тем, кто имел шансы занять какие-либо видные партийные и государственные посты.

Это была настоящая массированная атака. Информация о вербовке поступала из самых разных стран, в том числе стран «третьего мира» и даже союзников по социалистическому лагерю. Везде, где появлялись советские граждане, тут же оказывались и вербовщики. Методы становились более грубыми и жесткими. Время от времени поступали сведения даже о применении, например, психотропных средств. В частности, они достаточно часто использовались в работе с нашими военнопленными в Афганистане.

Появился в деятельности ЦРУ и еще один новый штрих — возросшее количество «небрежностей» по отношению к тем агентам, которые не представляли больше ценности для американцев. Их фактически «сдавали» КГБ — должно быть, экономили деньги.

В 1982 году наши специалисты решили «почистить» здания советских представительств за рубежом. И обнаружили несколько сотен подслушивающих устройств. «Жучки» были везде — в посольствах, консульствах, жилых домах. В Нью-Йорке в жилом доме только одного из советских представительств их нашли 50 штук.

Активизировалась и работа американской разведки внутри СССР. В Москве и Ленинграде произошло серьезное обновление кадров резидентур. Усилились меры конспирации — использовали машины с тонированными стеклами, манекены и даже маски, к вящему веселью оперативников из на-

ружного наблюдения КГБ. Ну и, естественно, вовсю использовали технические средства. «Только в 1985 году военные разведчики США, Великобритании, ФРГ, Франции, Италии, Канады и Японии совершили 520 разведывательных поездок по нашей стране. Из них 133 — американцы, 115 — англичане, 106 — французы, 47 — разведчики ФРГ»[255]. Но больше, чем какие-либо иные признаки о том, что что-то готовится, говорил новый метод, внедренный ЦРУ.

Под «глубоким прикрытием»

В 80-е годы ЦРУ приступило к реализации программы «глубоких прикрытий». По времени она странным образом совпала с началом активной экономической войны против СССР. В программе участвовали и кадровые разведчики, и так называемые «профессиональные агенты» — нечто среднее между просто агентом и разведчиком. Кстати, многие из таких агентов потом переходили в кадры ЦРУ. Работа велась в основном под коммерческой «крышей». Задействованы были и благотворительные организации, и религиозные, и экологические, и всевозможные фонды и ассоциации.

Подготовка кадров велась в массовом порядке, и, что также было ново, разведчики стали работать группами по 4—5 человек, используя старый конспиративный принцип «пятерок». Друг друга члены групп не знали, им был известен только руководитель, который, в свою очередь, держал контакт с сотрудником резидентуры. Задание в полном объеме было тоже известно только руководителю, остальные лишь выполняли его фрагменты. Уже сам профессионально-подпольный принцип организации показывал, что «час Х» приближается. Игры кончились, началась серьезная работа.

В 1984 году директор ЦРУ Кейси провел специальное совещание с разведчиками групп глубокого прикрытия. КГБ сработал как надо, и вскоре доклад шефа ЦРУ уже изучали в Москве. Из него выяснилось, что около двухсот крупнейших американских фирм предоставляли прикрытие для агентов. А всего сотрудников групп в то время насчитывалось

уже около трех тысяч человек. Дело в том, что работа в крупной кампании была для разведчиков не слишком удобна — слишком много людей приходилось посвящать в дела «особых сотрудников». Поэтому в бизнесе в качестве «крыши» ЦРУ предпочитало использовать небольшие частные или смешанные фирмы, ассоциации, торговые организации, юридические конторы. Иной раз, для простоты жизни, они были легендированными — то есть их создавало само ЦРУ, регистрируя на подставных лиц. Кстати, в ходе экономической реформы нередко обнаруживалось, что хозяев многочисленных оффшорных фирм найти невозможно — налицо были только их представители, которые конкретным производством не занимались, но чрезвычайно активно интересовались производством «вообще». Кто сейчас может сказать, сколько фирм созданы были для коммерческих целей, а сколько выполняли еще и разведывательную роль?

Но вернемся в 1984 год, когда разведчиков из групп глубокого прикрытия было всего около трех тысяч. Чем они занимались? Зачем вообще нужно столько разведчиков, нацеленных на долговременную работу? Первое, что они делали, — это собирали так называемую «индикаторную» информацию, то есть любые сведения в самых разных областях. Имея такую информацию, можно с большой долей вероятности прогнозировать развитие событий. И наконец, самая главная задача — знакомиться с большим количеством людей, непосредственно или через которых можно проникнуть в государственные органы, как можно ближе к вершинам власти. Формировать «на вырост», в упреждающем порядке так называемую «агентуру влияния».

Кто такие «агенты влияния»?

В число тайных операций спецслужб издавна входят и акции влияния, занимая в них немаловажное место. Это акции, в которых нужные действия производятся не руками американских разведчиков, а руками их местных союзников, более или менее отдающих себе отчет в том, что они делают. Агенты влияния существовали всегда. В чистом виде это агент, от которого не требуют, чтобы

он фотографировал документы, или брал пробы грунта возле заводского забора, или совершал диверсии. От него требуется только одно — находясь на своем месте, делать все возможное, чтобы в стране проводилась политика, выгодная его хозяевам. Вот и все.

Что такое хороший агент влияния, можно показать на примере представителя Министерства финансов Российской империи в Париже в начале XX века, банкира Рафаловича. Его связи и друзья во французской прессе обходились России в 200 тысяч рублей ежегодно. Но зато, пользуясь этими связями, он добивался миллионных кредитов на чрезвычайно выгодных условиях. Тогда свыше четверти французских внешних кредитов приходилось на Россию. И дипломатов не высылали.

Эти агенты не приобретаются голой вербовкой. Их воспитывают долго, упорно, ненавязчиво, их обхаживают и прикармливают в полном соответствии с народной мудростью, что «чей хлеб ем, того и песню пою». Иной раз людей откровенно покупают, но нередко и используют втемную. По большому счету, и гарвардский консультант из русских «прорабов перестройки», и какой-нибудь марширующий с плакатиком на демократическом митинге инженер — оба являются агентами влияния, но один получает немалые деньги за лекции, изданные за границей книги, а то и напрямую, другого же просто используют, и в качестве награды за свою деятельность он имеет лишь моральное удовлетворение.

Михаил Любимов в своем чрезвычайно изысканном и запутанном эссе «Морж, плотник и агенты влияния» обозначил роль этих людей в том, что произошло в Советском Союзе. «Мы еще, увы, не воздали должное западной демократии и ее «агентам влияния» в ЦК КПСС и других ведомствах, которые, виртуозно прикрываясь идеями Маркса — Ленина и качая на руках не блещущих интеллектом вождей, стягивали партию с безжизненных скал большевизма в долины цивилизации. Это они, многоопытные «кроты», подъели корни у партии; это они придумали все эти «хельсинкские процессы» и навязали их лидерам, развесившим уши от счастья прослыть миролюбцами, но кожей чувствовавшим, что все эти «корзины» и «права человека» до добра не доведут. И не довели, все закончилось перестройкой»[256].

•

Подготовка этих кадров была чрезвычайно проста. В конце 80-х — начале 90-х годов широкое распространение получила, например, «учеба» или «стажировка» молодых советских политиков, профсоюзных работников, бизнесменов, студентов за рубежом. Для более опытных и власть имущих практиковались поездки для «обмена опытом». Во многих случаях за этими поездками стояла вербовка — иногда вербовка агентов, а иногда просто сторонников «западного образа жизни», которые, вернувшись домой, усердно и бесплатно проводили нужную для США политику.

«Как-то в один из приездов в Москву бывшие американские разведчики в пылу откровенности за ужином в подвальном ресторанчике на Остоженке бросили неосторожную фразу:

— Вы хорошие парни, ребята. Мы знаем, что у вас были успехи, которыми вы имеете право гордиться. Даже ваши поражения демонстрировали мощь вашей разведки. Но придет время, и вы ахнете, если это будет рассекречено, какую агентуру имели ЦРУ и госдепартамент у вас наверху»[257].

Джордж Сорос, «открыватель» закрытых обществ

Как начинались перестройки и кто их начинал, можно проследить на примере деятельности знаменитого фонда Сороса. Джордж Сорос образовал свой фонд в начале 80-х и назвал его Фондом открытого общества. В качестве целей он декларировал: поддерживать стабильность «открытых» обществ и открывать «закрытые». О деятельности фонда в обществах первой категории что-то не слышно, зато во вторых он развернулся вовсю.

К тому времени подрывные радиостанции давно уже взрыхлили почву в странах Восточной Европы. Для начала Сорос предложил стипендии в США «инакомыслящим интеллектуалам из Восточной Европы». Можно только догадываться, но догадываться с большой долей уверенности, какие на самом деле цели преследовала эта «учеба». Однако страны Восточной Европы не горели желанием отпускать своих интеллектуалов, тем более инакомыслящих, учиться в

США. А эмигрантов учить не было смысла: после обучения стипендиаты должны были возвращаться назад. Иначе зачем все это и начинать?

И Сорос стал организовывать отделения фонда в социалистических странах. Для начала он выбрал Венгрию. К тому времени — к началу 80-х — у него уже были помощники, стипендиаты фонда. Обзавелся он и превосходным представителем — им стал Миклош Весарелий, участник венгерских событий 1956 года, бывший пресс-секретарь Имре Надя. Стартовала программа с мелкой благотворительности: обеспечение некоторых институтов и библиотек ксероксами, стипендии писателям и ученым-обществоведам. Принцип был один, и сформулировал его позднее сам Сорос.

«Мы приняли за правило поддерживать практически любую стихийную, неправительственную инициативу. Мы давали гранты экспериментальным школам, библиотекам, любительским театральным труппам, ассоциации игры на цитре, добровольным общественным организациям, художникам и художественным выставкам, культурным и исследовательским проектам... Мы тщательно соразмеряли свою деятельность, чтобы программы, нравящиеся правительству, перевешивали те, которые могли вызвать подозрение у чиновников от идеологии. Мы поддержали ряд самоуправляющихся колледжей (студенческие общежития, где студенты разработали свои собственные учебные программы). Позднее из них выросла Ассоциация молодых демократов, которая сыграла большую роль в переходе к демократии...»[258].

Несколько растерявшиеся венгерские власти сначала замалчивали деятельность фонда Сороса, отчего он приобрел ауру полулегальности и еще большую популярность, затем даже стали участвовать в его работе. Но было уже поздно, фонд приобрел репутацию «руки подающей» для тех проектов, для которых не находилось достаточных денег у правительства. Затем была Польша. Здесь успешно работала программа стипендий и стажировок в Оксфорде. Потом Чехословакия, Румыния, Болгария. Но главным объектом помощи был Советский Союз. Сам Сорос признается, что в «преобразование» советской системы он вложил гораздо больше времени, денег и сил, чем во все

остальные. Деятельность фонда давно уже переросла рамки частной благотворительности.

Деятельность фонда в СССР началась в августе 1987 года. «Большая делегация из Советского Союза, — вспоминает Джордж Сорос, — была проездом в Нью-Йорке по пути на конференцию советско-американской дружбы в Чаппадуике. Среди них была Татьяна Заславская, с которой я очень хотел познакомиться. Я пригласил к себе всю делегацию, и моя жена Сьюзан устроила обед на 150 человек. Было очень тесно, но всем, похоже, прием понравился. Мы договорились встретиться еще раз в Чаппадуике, где мы долго разговаривали и обнаружили, что у нас много общего...

27 сентября 1987 года было полностью сформировано правление. В него вошли: Юрий Афанасьев, историк; Григорий Бакланов, главный редактор журнала «Знамя»; Даниил Гранин и Валентин Распутин, писатели; Тенгиз Буачидзе, грузинский филолог; Борис Раушенбах, специалист по космическим исследованиям и религиозный философ; Татьяна Заславская, социолог. Мясников и я стали сопредседателями, оба с правом «вето», а Аксенов и Нина Буис — нашими заместителями»[259].

Почти все эти имена еще в нашей памяти — они входят в число первых «прорабов перестройки». Под стать именам были и объекты, выбранные для оказания помощи. Два проекта по изучению истории сталинского периода, архив неправительственных организаций, альтернативная группа городского планирования, ассоциация адвокатов, исследование исчезающих языков Сибири и экологии озера Байкал и т.п. — всего 2 тысячи проектов. Их участники навсегда остались благодарны западной демократии.

Удача не сопутствовала представителям фонда только в Китае. Сначала и там их приняли очень хорошо. Но потом их главный сторонник в правительстве, Бао Дун, был отстранен от власти, и деятельность соросовцев прекратилась. Как признается сам основатель фонда, Китай не был готов принять его детище, поскольку там было «слишком мало независимой и инакомыслящей интеллигенции».

Вспомним о «Гарвардском проекте»

Зато у нас «независимой и инакомыслящей общественности» было много. И не только из «птенцов Сороса». Было кому подхватить идеи, вброшенные в общество. Идеи эти были не простые, а сформулированные с тонким знанием человеческой психологии вообще и психологии русского человека в частности. В этой связи нелишне будет еще раз вспомнить о так называемом «Гарвардском проекте» — источнике, превратившемся потом в мощную реку советологии. К началу 80-х годов изучением СССР в США занимались уже 170 исследовательских центров с соответствующим финансированием.

Этот проект, о котором мы уже писали — одна из секретных научных рабработок, на которые опирался Даллес. Подготовлен он был в 1949—1951 годах, и на него было ассигновано несколько миллионов долларов. В процессе работы сотни советских людей из числа «перемещенных лиц» подвергались специальным психологическим исследованиям, чтобы создать обобщенный портрет «гомо советикус». Эта научная разработка предваряла психологическую войну. Тогда в качестве программы-минимум называлась цель — преодолеть в сознании советских людей культ Ленина. Затем предполагалось пойти дальше, разрушая в душах людей само понятие патриотизма, заменив его «общечеловеческими ценностями» — сугубо экспортный вариант идеологии, ибо в Соединенных Штатах патриотизм всячески приветствуется. Естественно, американский...

К середине 80-х годов в СССР появился мощный слой «диссидентов» и «диссидентствующих», в основном среди людей с высшим и средним специальным образованием. Этим и воспользовались. Внутри страны к тому времени ситуация созрела. Марксизм-ленинизм выродился в догматический псевдорелигиозный курс, партийная верхушка стала сборищем карьеристов, народ, утративший идеологию и развращенный социальным иждивенчеством, полностью потерял инстинкт защиты своего образа жизни. Осталось только ждать кончины очередного вождя.

Все началось с жеста доброй воли. В последнее время в стране нагнеталась атмосфера страха перед грядущим апока-

липсисом — ядерной войной. (Символом этого психоза можно считать фильм «Письма мертвого человека», живописующий ужасы жизни сразу после атомной бомбежки.) После прихода к власти Рейгана обстановка нагнеталась все больше и больше. И вдруг появляется Горбачев и в качестве доказательств мирных намерений вводит односторонний мораторий на ядерные испытания. Тем самым обеспечивает себе популярность у людей, уставших бояться. Что очень странно. Зачем нагнетать атомный психоз внутри собственной страны.

А затем в общество вбросили колоссальное количество новой информации, которую не только простые люди, но и специалисты не успевали осмыслить. Рука об руку шли так называемые «гласность» и «деидеологизация» государственной жизни. Гласность, естественно, была достаточно односторонней и подталкивала страну в одном направлении. «Деидеологизацию» тоже следовало бы употрелять с приставкой не «де-» а «контр-» — это была простая замена одной идеологии на другую, не менее тоталитарную и агрессивную, чем коммунистическая. Процесс облегчался шоковой терапией «возвращения к исторической правде», то есть разоблачением «кровавых злодеяний» сталинизма в духе и стиле радио «Свобода». Национальный стыд парализовал национальную гордость. Теперь с народом можно было делать все, что угодно. Деятельность перестроечной прессы еще ждет своего летописца. Конечно, у нас традиционно силен был государственный контроль над прессой, но контроль-то исходил от ЦК, и редакторов крупнейших газет назначало ЦК, а кто в то время был секретарем по идеологии? Александр Яковлев.

Процесс шел успешно. Марксистско-ленинская схоластика к тому времени давно всем надоела, и ее довольно быстро и успешно удалось заменить «общечеловеческими ценностями». Параллельно с восполнением «белых пятен истории» тот же «Огонек» был заполнен «лаковыми миниатюрами» из западной жизни. Вспоминаются почему-то восторженные оханья какого-то побывавшего в Израиле автора по поводу сказочного по вкусу продукта йогурта, восхитительного бутербродного маргарина и необыкновенного пло-

да киви. Мы едим теперь и йогурты, и киви. Но стоило ради этого великую державу рушить?

Мы не зря сейчас вспомнили именно про йогурт и киви. Эта приманка для нашего человека, как валерьянка для кота — грубо, но безотказно. В конце 80-х годов Россия по уровню жизни занимала место на грани второго и третьего десятков мира, что, кстати, совсем неплохо для нашего климата и наших расстояний. Между тем — «догнать и перегнать Америку» был самым передовым лозунгом. Вот на этом нас и взяли. Времени прошло совсем немного, и читатели среднего возраста без труда вспомнят истеричную «колбасную» кампанию в средствах массовой информации, когда вернувшиеся из-за границы журналисты, писатели, деятели искусства на страницах самых популярных изданий расписывали «потребительский рай», в котором они имели счастье побывать. А в качестве контраста любой человек мог пойти в ближайший магазин и лицезреть пустые прилавки. Это не значит, что продовольствия в стране не было — сейчас витрины и прилавки полны, а едим мы в среднем в полтора раза меньше. Просто на руках у населения было слишком много денег. Но кто это понимал? Одной из декларируемых целей перестройки была «достойная жизнь», под которой подразумевалось достижение того же уровня потребления, что и на Западе.

Но вернемся, однако, к колбасе, которая и послужила главной приманкой, ибо широкие массы обещанием свободы слова, печати, собраний и прочего не заманишь. Другое дело достижение строя, при котором можешь есть слаще и одеваться лучше. Это понятно всем. Единственным средством для достижения колбасного рая виделась «рыночная экономика». При этом апологеты реформы стыдливо умалчивали о том, что все те страны, которые находятся в «таблице потребления» ниже России, тоже входят в мировой рынок. Безмолвно предполагалось, что уж с нами-то этого не случится. (В результате «реформ» уже к 1995 году по вожделенному уровню потребления наша страна скатилась на 116 место.)

Трансформация государства и общества началась с «улучшения» социализма. О «социализме с человеческим лицом»

сейчас уже никто не вспоминает — а ведь именно под этим лозунгом началось «избавление страны от командно-административной системы» — первый шаг к экономической реформе. Как мы узнали уже значительно позже, эту ситуацию спроектировал еще Збигнев Бжезинский в своем докладе «План игры. Геостратегическая структура ведения борьбы между США и СССР». Он писал: «Любая значительная децентрализация — даже исключительно в экономической сфере — усилит потенциальные сепаратистские настроения среди граждан Советского Союза нерусской национальности. Экономическая децентрализация будет неизбежно означать политическую децентрализацию».

Что делал в Литве Андрис Эйве?

Как только ослабла государственная власть, тут же начал главенствовать приоритет местных законов над союзными. И сейчас же на национальных окраинах поднял голову сепаратизм. В Литве взлет активности «Саюдиса» странным образом совпал с визитом одного из главных «прорабов перестройки» — секретаря ЦК КПСС по идеологии Александра Яковлева. (Кстати, в КГБ его в то время считали «агентом влияния» ЦРУ, но, по понятным причинам, версии этой ходу не было.) Очень быстро идеология «Саюдиса» стала обнаруживать откровенно нацистские черты. «Литва — для литовцев!» — под таким лозунгом шел «Саюдис» к власти. Его лидер, первый президент Литвы Витаутас Ландсбергис — личность достаточно примечательная. Сын видного государственного деятеля довоенной Литвы, который в 1941 году приветствовал фашистов, а после войны обосновался в Германии, яростный националист и... по совместительству агент КГБ. Специальная комиссия литовского сейма, выяснявшая вопрос «парламентарии и спецслужбы», не пощадила первого президента Литовской республики. Не случайно одно из первых дел, которое он сделал, придя к власти, было уничтожение КГБ Литвы.

О том, какой смысл вкладывал Ландсбергис в понятие свободы и демократии, красноречиво говорит следующий

эпизод, приведенный генерал-майором КГБ Широниным. «20 февраля 1992 года в вечерних новостях литовского телевидения прозвучало изложение статьи из «Вашингтон пост», которая опубликовала секретный документ Пентагона, содержащий план основных оборонных мероприятий. По этому плану, Литва была включена в сферу жизненных интересов США». Предусматривалось, что в случае «вторжения российских войск в Литву США и НАТО начнут широкомасштабную войну с Россией». Комментарий Ландсбергиса по поводу столь опасных для всего человечества планов США был весьма циничным: «Мы не можем возмущаться тем, что США озабочены сохранением демократии и свободы в Литве»[260]. В этой связи можно вспомнить, что и гитлеровский строй назывался национал-социализмом — тоже социализм, только для одной нации. По аналогии, назовем национал-демократией демократию, для сохранения которой ее адепты готовы поставить под угрозу жизнь всей планеты. Вот только почему Ландсбергис решил, что в случае полномасштабной войны между СССР и США его крохотная Литва уцелеет?

Когда в Литве издевались над «русскоязычным населением» и когда в Баку и Чечне убивали русских, Запад, возмущавшийся прежде, глухо и упорно молчал. Теперь, после бомбежек Сербии, нас это уже не удивляет. Конечно же, в борьбе за права человека борцам небезразлично, права какого человека они защищают. Бомбежки оправданы, потому что на американских геополитических весах один албанец стоит, как минимум, тысячу сербов. А русские, по-видимому, идут с обратным знаком — чем больше русских, тем меньше вес.

Экономическое положение в Литве было нелегким — впрочем, как и везде. Народу это, естественно, не нравилось. За несколько дней до литовских событий в республике резко подняли цены, и дирижеры умело «указали» на Москву. Во всем был виноват Центр, а спасение одно — в независимости. А для закрепления литовской независимости должна была пролиться кровь. Нужна была кровь борцов за свободу, нужно было «кровавое воскресенье» — чтобы оправдать революцию. То, что кровь пролилась, неудивительно. Удивительно другое — «согласованность» действий армии

и саюдистов. Казалось, и те и другие делали все для того, чтобы произошла кровавая давка у телецентра, в которой погибло несколько человек.

И тут снова в странном качестве выплывает фигура первого президента СССР. Вот что пишет бывший член бюро ЦК Компартии Литвы на платформе КПСС Юозас Ермолавичюс: «В январе 1990 года, когда Горбачев приезжал к нам, я понял, что он отлично знает механизмы разрушения Советского Союза. И чем дальше, тем больше я убеждался, что он ведет себя таким образом, чтобы не помешать действию этих механизмов. Более того, сам действует в соответствии с той же логикой... под управлением тех же зарубежных сил». И дальше с горечью заявляет: «Мы не смогли предотвратить трагедию. Горбачев поставил задачу войскам, «Саюдис» поднял толпу. Столкновение развязало руки провокаторам»[261].

Впоследствии Горбачев утверждал, что он ничего не знал о событиях в Литве. Оставим в стороне рассуждения о профпригодности президента, который не знает, что происходит в республике. Дело в том, что он прекрасно все знал. За несколько дней до описываемых событий делегация конгресса демократических сил Литвы приехала в Москву. Их принимал Нишанов и сказал, что президент знает об обстановке в республике и что по указанию Горбачева подготовлен Указ о введении прямого президентского правления в Литве, который мог бы разрядить обстановку. Но Горбачев Указ не подписал, а спустя несколько дней заявил, что он ничего не знал, и отмежевался от действий армии. В подобной ситуации президент Эйзенхауэр предпочел сорвать важнейшую встречу в верхах и публично заявить, что его правительство занимается шпионажем, лишь бы не расписаться в неспособности контролировать ситуацию в стране и не признавать, что его спецслужбы действовали без его ведома.

За литовскими событиями (как позднее — за московскими — августа 1991 года) чувствуется опытный менеджер. Тот же Юозас Ермолавичюс вспоминает: «То, что провокация была заранее спланирована, подтверждают многие факты. Когда обострилась ситуация, вызванная резким повышением цен, в Вильнюс еще за два-три дня до трагического

13 января понаехала масса зарубежных представителей, журналистов. Они заходили даже в здание ЦК. Некоторые в разговорах наивно спрашивали: «Почему не выполняется план?» Видимо, речь шла о плане январских событий, отрежиссированных за рубежом». Вероятно, кровопролитие планировалось на пару дней раньше.

Во время литовских событий в Вильнюсе находился один очень интересный человек. Андрис Эйве, американец литовского происхождения, в прошлом военный разведчик, и не просто разведчик, а инструктор афганских моджахедов. В Литве он был консультантом департамента охраны края. Чем конкретно занимался Эйве 13 января — неизвестно, но можно догадываться: в то время он выполнял функции военного советника при парламенте и весь день провел в здании Верховного Совета Литвы. После он же организовывал взрывы в местах дислокации Советской Армии и столкновения боевиков «Саюдиса» с военнослужащими, есть факт, что он лично участвовал в них. КГБ Литвы перед своим расформированием успел передать информацию об Эйве в Москву.

И в Тбилиси — Фред Вудрафф?

В августе 1993 года, вечером, на дороге близ Тбилиси погиб от пули американский дипломат, сотрудник посольства США Фред Вудрафф. То, что в Грузии 93-го года кого-то застрелили, пусть даже и дипломата, ни в коей мере не удивительно. Правда, в момент убийства он находился в компании Эльдара Гоголадзе — начальника охраны Шеварднадзе. Но самое интересное началось потом. В то время в СССР находился с визитом глава ЦРУ Джеймс Вулси. Так вот: он тут же вылетел в Тбилиси, чтобы забрать тело погибшего, который оказался кадровым сотрудником его ведомства.

Впрочем, к тому времени особое внимание США к Грузии и ее лидеру уже не было секретом от мира. Американская пресса открытым текстом писала, что Запад в долгу перед Шеварднадзе. По предложению бывшего госсекретаря Джеймса Бейкера ЦРУ усиленно заботилось о его безо-

пасности. Спецподразделение «Дельта» помогло наладить охрану главы Грузии, американцы снабдили его специальной, гарантированной от прослушивания линией правительственной связи и даже передали для охраны двести комплектов военного обмундирования.

И бывший первый секретарь Компартии Грузии, бывший министр иностранных дел СССР не остался в долгу перед опекунами. Незадолго до гибели Вудраффа, 5 августа 1993 года, газета «Вашингтон пост» разразилась сенсационным сообщением, к которому не смогли остаться лояльными даже ультрадемократические «Известия». «Вашингтон пост» сообщила, что «госдепартаментом разработана и ждет подписи президента Клинтона директива о новой роли США как посредника в спорах на бывшей советской территории. «Дипломатический арбитраж» должен был, по замыслу, опираться на тот факт, что у многих участников конфликтов отношения с Вашингтоном лучше, чем с Москвой»[262].

От такой откровенности американские власти несколько запаниковали. В спешном порядке был проведен брифинг для российских журналистов в Москве и Вашингтоне — замысел правительства США не так поняли. Но Шеварднадзе понял. В марте 1994 года, во время поездки по США он доказывал Клинтону, что в Грузии необходимо международное военное присутствие. «Без решающего участия Соединенных Штатов очень трудно увидеть урегулирование конфликта», — заявил он той же «Вашингтон пост». Логическую цепочку проследить нетрудно. Сначала «голубые каски» — разумеется, в отличие от Сербии, без советских подразделений. Затем — американские войска, а следом — ядерные ракеты на территории Грузии. Тогда план не сработал.

Но некоторую выгоду в Закавказье американцы получили. Опять проговорилась пресса. На сей раз газета «Бостон глоб» сообщила, что ЦРУ секретно закупает современные советские вооружения, которые армия оставила в новообразовавшихся республиках. «Усилия ЦРУ в этом направлении впечатляют по своим результатам — США уже имеют в своем распоряжении бывшие советские баллистические ракеты и новейшие боевые самолеты». Газета откровенно писала, что большая часть вооружений попадает в

Штаты через Азербайджан и Грузию и что Шеварднадзе — друг двух последних госсекретарей США.

Руководитель ГДР Эрих Хонеккер был давним другом СССР. Незадолго до смерти он прямо писал о роли Горбачева и его министра внутренних дел в планировании перестройки. На основе конкретных материалов он обвиняет Горбачева и Шеварднадзе в том, что был их прямой сговор с США и ФРГ «по демонтажу социалистической системы». Хонеккер считал, что «обновление ГДР», закончившееся присоединением к ФРГ, и дальнейшее развитие событий в СССР были запрограммированы в Вашингтоне после закулисных переговоров Горбачева и Шеварднадзе с руководством США еще на «заре перестройки»[263].

«Горячие точки» угадывали по журналистам

О том, кто стоял за кулисами «перестройки», достаточно красноречиво говорит следующий факт. В феврале 1993 года все та же как-то уж слишком информированная «Вашингтон пост» писала: «В разгар политического кризиса в Советском Союзе в июне 1991 года мэр Москвы, Гавриил Попов, нанес незапланированный визит в посольство Соединенных Штатов. После нескольких минут тривиальной беседы, предназначенной для подслушивающей аппаратуры КГБ, Попов взял лист бумаги и написал: «Мне нужно срочно передать послание Борису Николаевичу Ельцину. Возможен переворот. Ему следует немедленно вернуться в Москву». Продолжая беседу как ни в чем не бывало, американский посол Джек Мэтлок взял ручку и вывел одно слово: «Кто?» В ответ Попов написал имена трех лиц: премьер-министра Валентина Павлова, председателя КГБ Владимира Крючкова и министра обороны Дмитрия Язова. «Я немедленно сообщу в Вашингтон», — написал в ответ Мэтлок...»[264].

Как же получилось, чтобы высокопоставленные политические единомышленники сообщались друг с другом, используя посольство чужой страны. Чего хотел Попов — информировать Ельцина о происходящем или передать американ-

цам новую информацию? Мы получали лишнее доказательство того, кто стоял за событиями начала 90-х годов и... еще одно имя потенциального агента влияния. Кстати, в США было издано собрание сочинений бывшего мэра Москвы — в 8 томах!

Положение действительно складывалось для реформаторов неприятное. Референдум 17 марта 1991 года недвусмысленно высказался за сохранение СССР. Над Горбачевым нависла угроза снятия с поста. И все равно, вопреки всему, готовилось подписание нового союзного договора, игнорирующего итоги референдума, и назначено оно было на 20 августа. Надо было что-то делать — а что может быть лучше в сложной ситуации, чем «маленькая победоносная война»? И вот в июне один «столп демократии» отправился с визитом в США за советом, а другой — на отдых в Форос. Кстати, Крючков и Язов образовали рабочую группу для возможного введения ЧП с ведома Горбачева. Стоит ли удивляться, что они в самый разгар событий поехали за инструкциями в Крым? Но Михаил Сергеевич переиграл всех.

Основные события разворачивались в столице, остальная страна наслаждалась «Лебединым озером» и копала картошку. А в Москве «демократы» вывели на улицу распаленные истеричные толпы. Организаторы беспорядков явно отыгрывали вильнюсский сценарий. И натравливание толпы на милиционеров и сотрудников госбезопасности, и попытка сбросить памятник Дзержинскому на Лубянке (спасибо Вучетичу за хорошую работу — если бы памятник тогда не устоял, число жертв насчитывалось бы десятками), и, наконец, несмышленные мальчишки, кидающиеся под танки — нужна была кровь! Уникальный народ москвичи. В 93-м году — выстрелы, танки на улицах — и плотной стеной стоящие зрители. И дальнейшие события были как бы оправданы. Горбачев был «спасен», Ельцин стал героем. А вскоре последовало и то главное, ради чего заваривалась вся каша — Беловежское соглашение, развал Союза.

Деятелей ГКЧП подержали некоторое время в тюрьме и потихоньку амнистировали — выпустить их было выгоднее, чем судить, ведь суд привлекает внимание общественности. А вот генерал Варенников от амнистии отказался, потребовал суда, на котором даже государственный обвини-

тель заявил, что «заговора, по сути, не было». Но все это уже было после драки — ведь Союз-то не восстановишь. Однако внезапно в августовских событиях выплыл один нюанс — странное поведение западных репортеров. Вот что сказал на суде Варенников: «По обе стороны баррикад была молодежь. Ее и на провокацию подтолкнули: засаду сделать в полутора километрах от Белого дома, на Садовом кольце. Там заблаговременно посадили американских и других кино- и телерепортеров, чтобы они снимали эпизод, о котором никто не знал, ни милиция, ни, конечно, войска, осуществлявшие патрулирование и попавшие в засаду». Никто не знал — но кто-то ведь журналистов привел. Спрашивается — кто? Андрис Эйве, что ли, из Литвы пожаловал?

«В те дни сотрудники КГБ, — вспоминает генерал-майор Широнин, — контролировавшие действия ряда иностранных разведчиков, прикрывавшихся журналистскими удостоверениями, предугадывали по их перемещениям «горячие точки» Москвы, которые могли стать эпицентром событий. Срочная их передислокация от Белого дома к Садовому кольцу вначале была для контрразведки непонятной. Но когда там произошла трагедия с поджогом БТР и гибелью трех молодых людей, все встало на свои места»[265].

Глава 14

СПЕЦСЛУЖБЫ И ПЕРЕСТРОЙКА

«Выкидыш»

По мере прозрения и понимания сути перестройки отношение народа к чекистам меняется. От ненависти, окружавшей их десять лет назад, не осталось и следа. Новый президент России не скрывает своей работы в разведке, и это ему не только не во вред, но, наоборот, прибавляет популярности. Все те качества спецслужб, которыми демократы пугали нас в начале перестройки — жесткая внутренняя организация, дисциплина, тотальный контроль — теперь работает на КГБ, оставляя русскому человеку слабую надежду, что, может быть, есть в государстве какая-то сила, еще не до конца коррумпированная. И по мере того, как мы узнаем, что же на самом деле происходило в государстве, все чаще выплывает вопрос: а куда смотрел КГБ? Пусть все обманывались, но разведчик обязан видеть вещи, как они есть. Почему всесильные органы позволили произойти тому, что произошло?

Нет, органы не обманывались. Более того, планы действия по развалу России поступали к ним нередко в первозданном виде — в качестве директив, сообщений о совещаниях в американских верхах и в ЦРУ. Они имели информацию об усилиях по раздуванию сепаратизма, по развалу Союза, по развязыванию гражданской войны, по установлению внешнего контроля над Советской Армией. Вся информация обобщалась и своевременно докладывалась Горбачеву. Президент молчал. Никаких намеков на то, что он получал эти материалы, ни в его словах, ни в его действиях не прослеживалось.

Тогда председатель КГБ Крючков пошел на отчаянный шаг — выступил на закрытом заседании Верховного Совета СССР. В его сообщении содержалась информация о пла-

нах Запада по развалу страны. (Кстати, именно в этом сообщении впервые прозвучал термин, известный сейчас любому школьнику — «агентура влияния»). Шаг был действительно отчаянный — депутаты, естественно, ничем не помогли, зато президент Горбачев обиделся и вообще перестал читать сообщения КГБ. Крючков же не сделал ничего, кроме участия в опереточном образовании под названием ГКЧП. Лучше бы он воздержался от этого шага. Несмотря на то что председатель КГБ не привлекал к своей «путчистской» деятельности практически никого, все равно его участием воспользовались, чтобы разгромить российские спецслужбы. «Демократам» нужен был только повод, и этот повод они получили.

По интенсивности кадровых перестановок разгром спецслужб, последовавший за августом 1991 года, можно сравнить разве что с бериевскими чистками. По интенсивности, но не по результатам. Бериевские назначенцы 1939 года к началу войны сумели создать лучшую разведку и контрразведку в мире. Ельцинские назначенцы не создали ничего — они умели только разрушать. Зато разрушали они от души!

За четыре года в КГБ сменилось семь руководителей. Подбирали их исключительно по принципу лояльности и принадлежности к команде президента. Каждый пришедший начинал с кадровых перестановок, расставлял на ключевых постах своих людей, исходя из тех же политически-приятельских мотивов. Потом снимали его, приходил новый начальник, и все начиналось сначала.

В результате этой чехарды единая система была расчленена, многих профессионалов уволили, другие ушли сами. В Москву отозвали около половины состава заграничных резидентур. На Лубянке заседали общественные комиссии по реформированию органов, в состав которых входили такие «эксперты», как, например, Глеб Якунин. А в стране уже начало нарастать недовольство политикой демократического правительства. И российская демократия начала показывать клыки тоталитаризма.

Иначе говоря, после августа 1991 года в органы госбезопасности пришла полноценная политическая чистка. Чистили кадры, пытались почистить и архивы. Тут уже был

личный интерес — многие «герои сопротивления» очень боялись находившихся там досье на самих себя, содержавших не только историю диссидентства, но и, например, историю стукачества бывших диссидентов. При этом основная задача — охрана государственной безопасности — реформаторов совершенно не интересовала. А может быть, не интересовала намеренно.

В итоге новым руководителем КГБ стал Бакатин — черная фигура в истории российских спецслужб. Бывший инженер-строитель, бывший секретарь обкома КПСС, горбачевский министр внутренних дел — типичный партийный назначенец, чужой в ведомстве и совершенно не знающий дела. На посту министра внутренних дел вел себя более чем странно. Сначала он отменил институт милицейских осведомителей, более того, по приказу министра были уничтожены их личные дела. Стоит ли удивляться, что милиция стала хуже ловить преступников. Агентурный аппарат, который создавался десятилетиями, был зачеркнут одним росчерком пера и теперь мучительно создается снова.

По поводу нового начальника на Лубянке не обольщались. Но никто не ждал от него такой активности. Для начала он приказал расследовать возможную причастность КГБ к покушению на Папу Римского в мае 1981 года. Версию о «следе КГБ» в этом деле в свое время инициировало ЦРУ. Но мировое сообщество не принимало ее всерьез. И новый шеф российских спецслужб начал таким образом демонстрировать миру свои демократические позиции. Расследование не дало никаких результатов, о чем Бакатину пришлось доложить Горбачеву. При этом на докладной он написал: «За недолгие дни работы в КГБ я убедился, что чекисты не только хорошо хранят тайну, но и умеют заметать следы». Мол, мы-то с вами, Михаил Сергеевич, знаем правду...

Затем Бакатин занялся поисками следов отмывания денег КПСС и перекачки их на Запад. С тем же результатом. Потом предложил Олегу Калугину подобрать себе должность в КГБ. Но генерал отказался, согласившись лишь поучаствовать в расстановке кадров. Тогда шеф КГБ, для отдохновения, занялся дискредитацией своего ведомства в беседах с журналистами — посыпал голову

пеплом по поводу «прошлых преступлений» и обещал избавить органы от «чекизма».

Но апофеозом деятельности Бакатина стал широкий жест, которым он передал американцам схемы подслушивающих устройств, размещенных в посольстве и других представительствах США. История получила огласку, и даже перестроечные власти поняли, что с демонстрацией дружбы и открытости демократическому сообществу они переборщили. Бакатина с Лубянки убрали. Разгромить КГБ он не смог — система была спроектирована с колоссальным запасом прочности. В органах первому демократическому начальнику присвоили ласковое прозвище «выкидыш».

Американцы пишут законы для России

Вскоре после августа 1991 года началась попытка реализации секретного проекта ЦРУ «Проект в защиту свободы». Согласно ему, в разработке нового российского законодательства по контролю за спецслужбами должны были принять участие эксперты США. К делу они подошли серьезно, даже провели два «круглых стола» совместно с нашими экспертами — в подмосковном пансионате «Лесные дали» и в доме прессы.

Известная демократическая деятельница Галина Старовойтова в свое время внесла в парламент закон о запрете на профессии, «закон о люстрации», тот самый, которым в свое время славилась Германия. Правозащитники всего мира выступали против запрета на профессии, как не соответствующего основным правам человека. А у нас одна из основных правозащитниц предложила его принять.

А американский фонд «Наследие» даже подготовил программу реформ, которую предложил Ельцину. Согласно этому документу, деятельность контрразведки России, например, должна была быть сведена только к борьбе с преступностью и терроризмом. А вообще идеи были разные. Например, на одной из встреч прозвучало требование раскрыть нашу агентуру на Ближнем Востоке. Что же касается ино-

странных разведок — то они на нашей территории как бы и не работали. На широкий жест Бакатина адекватного американского ответа не последовало, но об этом никто не говорил. Тем более что впереди был очень важный для американцев процесс — задуманная реформаторами конверсия оборонных предприятий, от которой они рассчитывали получить свою немалую выгоду.

Ловля секретов в мутной воде

Кто и зачем придумал именно такой ход реформ? Говорить, что реформы провалились, значит, идти против истины. Они были абсолютно успешны, просто надо отличать декларируемые цели от подлинных. Теперь уже ни для кого не секрет, что капитал, за годы реформ вывезенный из страны, в несколько раз больше, чем все кредиты, полученные за годы перестройки, вместе взятые. На самом деле он еще больше, потому что наследство распродавалось спешно и за бесценок. Но если промышленные предприятия просто шли на кирпичи и металлолом, то продаваемые за символическую сумму уникальные технологии многократно обогащали покупателей. Видимо, не случайно законы писались таким образом, словно перед ними стояли две цели: обеспечить уничтожение российской экономики и помочь «друзьям» с Запада до дна выкачать нашу промышленность по части секретных разработок и ценных кадров.

В феврале 1993 года в Арзамасе-16 проходили двусторонние переговоры, на которых американцы прямо заявили, что рассчитывать на долларовое финансирование российская атомная промышленность может лишь в том случае, если передаст партнеру наши ноу-хау.

Особое преступление — конверсия. Для реализации программ конверсии оборонной промышленности сплошь и рядом привлекались иностранные партнеры — малоизвестные фирмы, обещавшие богатые инвестиции. На практике их участие ограничивалось знакомством с документацией предприятия, с информацией о перспективных изобретениях и разработках. Затем партнеры исчезали бесследно, инвестиции так и оставались обещанными. История приватизации

также пестрит именами фирм-однодневок, и здесь то же самое — знакомство с документацией, распродажа всего, что можно, и бесследное исчезновение.

С разоренных предприятий в массовом порядке уходили работники. Те, что похуже, увеличивали нагрузку на биржу труда. А те, что лучше и ценнее... Представители ЦРУ в то время сообщали в свое ведомство, что «правительство РФ практически утратило способность контролировать массовый исход из страны своих военных и ученых, поскольку в России нет централизованной автоматической базы данных, содержащей информацию о лицах, обладающих государственными тайнами, а выдающее загранпаспорта МВД России не справляется с лавиной заявлений коммерческих фирм, в срочном порядке выправляющих клиентам паспорта и визы». В 1992 году в США был принят специальный закон, который предоставлял особый статус для ученых из СНГ. По данным спецслужб, к концу 90-х годов в США уехало около ста тысяч ученых и специалистов. А по некоторым данным, их число превышает двести тысяч. И ЦРУ, конечно, принимает в этом перемещении умов самое активное участие.

Если нашу оборонку и не удалось выжать, как лимон, то благодарить за это надо не Ельцина и не добрых дядюшек из ЦРУ, а все того же товарища Берия, который создал в свое время такой режим секретности оборонных предприятий, что его остатков хватило и на перестройку. Какое-то время по инерции отставным занудам-полковникам из первых отделов удалось продержаться. А потом спецслужбы, оправившись от реформ, снова активно занялись охраной государственных секретов.

В последнее время нас прямо-таки утомили стенаниями по поводу несчастной судьбы американца Эдмонда Поупа. С одной стороны, конечно, жалко больного человека, приговоренного к длительному сроку в нашей тюрьме. А с другой — на что он рассчитывал? Этот американский бизнесмен в молодости не памперсами торговал, а был сотрудником военно-морской разведки США. Теперь он приехал в нашу страну поживиться на распродаже российской промышленности — за технологиями, которые могли бы заинтересовать Пентагон. Как бывший разведчик, он прекрасно знал, что любые военные ноу-хау являются секретной ин-

формацией, а как гражданин промышленно развитой страны, должен был понимать, что ждет застигнутых охотников за секретами.

Газета «Вашингтон пост» излагает историю Поупа, всячески отмазывая своего подопечного от обвинения в шпионаже. Оказывается, он не шпионил, а всего лишь занимался... поисками информации о новейшей торпеде «Шквал». Эта торпеда, скорость которой доходит до 300 километров в час — уникальная разработка, аналогов которой не было и нет в мире. По версии газеты, на этой охотничьей тропе его интересы пересеклись с попытками канадской разведки нелегально заполучить торпеду, и ФСБ, решив, что Поуп тоже принимает участие в этой операции, арестовала его. Оказывается, Поуп «охотился за «Шквалом» многие годы и как раз в этот момент занимался покупкой технической информации о торпеде. (Кстати, вместе с ним задержали и московского ученого, который в свое время участвовал в разработке «Шквала».)

Нет, Поуп не шпион — он честно «полагал, что продажа этой информации была одобрена российским правительством...». То, что коммерсант «полагает», что сверхсекретной информацией торгуют с ведома правительства — это можно допустить. После того как Бакатин передал американцам схемы подслушивающих устройств, допустить можно все. Но то, что бывший разведчик, вполне способный оценить степень секретности информации, даже не удосужился проверить, так ли это, чтобы не нажить себе неприятностей, мягко говоря, удивляет. А еще больше удивляет, что покупал он сведения частным образом, ибо только таким образом можно их купить у бывшего разработчика торпеды, и при этом считал, что государство это одобряет... Может быть, подобными доводами можно заморочить голову американской домохозяйке — но нас-то зачем за дураков держать? Кто из россиян в такое поверит?

Впрочем, «Вашингтон пост» все время проговаривается. «В 90-е годы, — пишет газета, — Поуп совершил не один десяток поездок в Россию, с легкостью убеждая российских инженеров и директоров заводов предоставить описание своих технологий, отдельные из которых были весьма важными. Крах коммунизма привел к тому, что заводы и

конструкторские бюро искали работу. «Эд, бывало, встречался с группой инженеров, человек пять соглашались встретиться с ним и поговорить, а остальные толпились за дверью, — говорит близкий друг Поупа. — Эд пытался получить столько сведений о технологиях, сколько было возможно... Его идею можно выразить словами: «Вы рассказываете мне о своих секретах, я — о своих»[266].

Уже из этого отрывка виден уровень легальности работы Поупа в России. Инженеры у нас технологиями не торгуют, им это по рангу не положено. Но и это еще не все. «Многие русские были страшно злы на Поупа, потому что он был большой говорун и любитель размахивать деньгами, но денег не давал», — рассказывает человек, который наблюдал, как Поуп работает. Впрочем, по сведениям газеты, ученому, который участвовал в конструировании торпеды, он заплатил 30 тысяч долларов. Шпион он или не шпион — но он за хорошие деньги покупал секретную информацию, и российский суд соответствующим образом оценил его коммерческую деятельность — она потянула на 20 лет тюрьмы. Отчасти из-за того, что Поуп серьезно болен, а отчасти, вероятно, из-за поднятого шума, после осуждения президент Путин помиловал его из соображений гуманности. Но помилование — никоим образом не отмена приговора.

Тридцать лет страха

Опертехник советской резидентуры в Нью-Йорке Николай Чернов любил заграничные кабаки. Это его и сгубило. Как-то раз, еще в 1963 году, он поехал с сослуживцем на оптовую базу за стройматериалами для ремонта помещений. В ходе сделки они присвоили 200 долларов, которые поделили между собой. А на следующий день, когда Чернов приехал за покупкой, его уже ждали. Предъявили фотокопии документов и фотографии, изображавшие его в ночном клубе. За это в то время наказывали строго. И Чернов согласился работать на американцев. По работе он занимался фотографированием документов, проходящих через резидентуру. Американцы были чрезвычайно заинтересованы в этой информации: узнав, какие документы попа-

ли к русским, они могли вычислить их источник. Фактически американцы получили доступ к средствам тайнописи и документам, проходящим через резидентуру.

Однако много сделать Чернов не успел — срок загранкомандировки кончался. Что любопытно и некоторым образом характеризует этого человека: перед отъездом ему предложили назвать сумму вознаграждения. Он назвал: две тысячи долларов и десять тысяч рублей (по другим данным, пятьдесят тысяч). Почему именно эта сумма? Доллары — на сувениры начальству, чтобы обеспечить себе следующую командировку. А рубли? Он рассчитывал, что года через три опять сможет поехать за границу. Десять рублей на тысячу дней — как раз и будет десять тысяч. Почему именно червонец? На еду, одежду и прочие насущные нужды ему вполне хватало зарплаты. Не хватало лишь десятки в день на выпивку. (По другим данным, на бутылку водки ежедневно, а в выходной день сходить с дамой в ресторан.)

Однако прошло три года, четыре, а желанной командировки все не было. В 1968 году Чернова перевели на работу в международный отдел КПСС. Он фотографировал и фотографировал — любые документы с грифом «секретно». А командировки все не было. Почему американцы не установили с ним связь? А кто их знает... Может, не так уж нужен был...

Только в 1972 году Чернов снова выехал за границу — в качестве дипкурьера. Кроме диппочты с собой он вез более трех тысяч кадров с секретными документами — надеялся наконец рассчитаться с американцами и забыть всю эту историю, как страшный сон. Однако рассчитаться не удалось. Поняв, что увязает все глубже, Чернов со страху начал пить — да так, что допился до белой горячки. Дважды покушался на самоубийство. Из аппарата ЦК его, естественно, уволили, американцам он тоже стал не нужен. Сменил несколько мест работы, а тут и пенсия подошла. Он поселился в Подмосковье, завел себе небольшое хозяйство.

Арестовали Чернова в 1991 году, спустя почти двадцать лет после той, последней, командировки. Сдал его, по официальной версии 91-го года, генерал Поляков, а по более поздним данным — Эймс, один из наших «кротов» в ЦРУ (о них речь впереди). Приговорили его к 8 годам, но через пять

месяцев Ельцин своим указом помиловал Чернова, которому к тому времени исполнилось 64 года.

С одной стороны, можно считать, что свое наказание он получил. Тридцать лет постоянного ожидания ареста, тридцать лет страха. Но с другой стороны... «В 1962 году Чернов непосредственно занимался обработкой секретного «Альбома управляемых ракетных снарядов ВМС США», полученного от ценного агента Дрона. Уже в июле того же года американские спецслужбы начали проводить розыскные мероприятия по установлению лица, передавшего этот документ советской разведке. В сентябре того же года Дрон был арестован и осужден к пожизненному заключению... В марте 1964 года в Лондоне английская контрразведка арестовала ценного агента Барда, осужденного впоследствии к 21 году тюремного заключения... В 1977 году к 18 годам лишения свободы за шпионаж в пользу СССР был осужден командующий войсками ПВО Швейцарии бригадный генерал Жан-Луи Жанмэр... В результате передачи американскими спецслужбами французской контрразведке информации о деятельности ГРУ на территории Франции в середине 70-х годов была выявлена и ликвидирована практически вся агентура ГРУ в этой стране...»[267]

Это все следы деятельности только одного человека, причем не самого осведомленного в структуре ГРУ.

Не спешите нас хоронить!

Мы все перечисляем и перечисляем предателей, и создается впечатление, что войну спецслужб американцы выиграли. Но не будем спешить. Отправимся лучше по ту сторону океана и посмотрим, а как там у них обстоит дело со шпионскими историями и агентами КГБ? Наиболее ценных агентов (из числа тех, о которых стало известно) КГБ приобрел как раз в то время, когда в СССР начинался развал — во второй половине 80-х годов.

Эдвард Ли Говард был, может быть, не самым лучшим человеком на земле. По крайней мере, с нашей разведкой он сотрудничал не из коммунистических убеждений, как Филби. Его привели туда обида и денежный интерес. В

1981 году Говард поступил в оперативное управление ЦРУ, где его начали готовить к работе в Москве. Однако в СССР ему отправиться не пришлось. Подвел детектор лжи — в ходе проверки обнаружилось, что он скрыл пристрастие к наркотикам, алкоголю и склонность к мошенничеству. Последовало увольнение из ЦРУ, которое жестоко обидело несостоявшегося разведчика, да и денег стало не хватать. В итоге в 1985 году он обратился с предложением услуг в советское посольство в Австрии.

У нас Роберта (псевдоним Говарда в советской разведке) оценили, и еще как. Работу с ним курировал сам начальник Первого главного управления (разведки) Владимир Крючков. Говард посвятил КГБ в то, что знал сам — методы оперативной работы ЦРУ, рассказал об активных мероприятиях, в том числе и против СССР, назвал псевдонимы нескольких важных агентов в СССР. За эту работу ему неплохо платили. Кстати, именно благодаря Говарду был раскрыт один из лучших агентов ЦРУ в СССР Адольф Толкачев. Но вскоре перебежчик Юрченко сдал и самого Говарда.

А дальше начинается история вполне в духе шпионского фильма. По полученным данным в ФБР быстро вычислили Роберта. Говарду предъявили обвинение в контактах с КГБ, но он ни в чем не сознался, а изобличить его не смогли. Однако дело было только во времени, и тогда он решил бежать. Как-то вечером с женой Говард выехал из дома на автомобильную прогулку. Машину вела Мэри. На повороте он посадил вместо себя манекен, а сам выпрыгнул в кусты. Маневр был проведен столь удачно, что наружное наблюдение ничего не заметило. Сам же Говард отправился в Хельсинки, а оттуда — в Москву.

Скандал был колоссальный. У ЦРУ и ФБР из-под самого носа удрал уже почти изобличенный советский агент. Пока его жену допрашивали в ФБР, Говард получил политическое убежище в Советском Союзе. 7 августа 1986 года в «Известиях» было опубликованно: «В Президиум Верховного Совета СССР обратился гражданин США, бывший сотрудник ЦРУ Говард Эдвард Ли с просьбой о предоставлении ему политического убежища в СССР. Свою просьбу он мотивировал тем, что вынужден скрываться от спецслужб США, которые необоснованно его преследуют. Руководствуясь гу-

манными соображениями, Президиум Верховного Совета СССР удовлетворил просьбу Говарда Эдварда Ли, и ему предоставлено право проживания в СССР по политическим мотивам». Здесь не отвечают истине только два слова: «необоснованно» и «гуманные». Все остальное — правда.

До августа 1991 года он чувствовал себя в полной безопасности. Однако после «путча» его переселили из закрытого поселка в Подмосковье в Москву и лишили охраны. А в сентябре 1991 года начальник разведотдела ФБР Томас Дьюхэдуэй в интервью газете «Вашингтон таймс» сказал, что США следовало бы оказать нажим на СССР, настаивая на выдаче Говарда в обмен на экономическую помощь. Времена были смутные, и Говард занервничал. Он отправился сначала в Венгрию, потом в Швецию, но нигде не мог избавиться от преследований ФБР и в итоге вернулся в Россию, где и благополучно затерялся.

С Говардом нашей разведке повезло сильно, но ненадолго. А сильно и надолго повезло с Эймсом. Разведчик и сын разведчика, Олдрич Хейзен Эймс в 1962 году, в 21 год, начинает работать в ЦРУ, в должности аналитика архивного отдела оперативного управления. Постепенно его все больше стала увлекать работа в разведке, и в декабре 1967 года Эймс был зачислен в штат оперативного управления, в центральный аппарат отдела СССР и Восточной Европы (СВЕ) оперативного управления ЦРУ. Однако первые же загранкомандировки показали, что к оперативной работе он мало способен, как человек замкнутый и неконтактный. Мечты об оперработе пришлось оставить, ограничившись службой в штаб-квартире ЦРУ, планированием и анализом операций. Это у него получалось неплохо. Затем — до 1981 года он работал в нью-йоркском отделении ЦРУ.

Все изменила новая командировка — в Мексику. Там Эймс встретил атташе по культуре колумбийского посольства Марию дель Росарио Касас Дупюи, которая вскоре стала его второй женой. А вскоре после командировки он был назначен начальником отдела контрразведки отдела СВЕ. Бракоразводный процесс с первой женой, жизнь с Марией Росарио, пристрастие к алкоголю — все это требовало денег. Эймс залез в долги — и всего-то 50 тысяч долларов. Но именно эта сумма повернула его судьбу.

•

Впрочем, есть и еще одна версия причин того, что Олдрич Эймс предложил свои услуги советской разведке. Советник по информации посольства СССР в Вашингтоне Сергей Дивильковский, который лично знал Эймса, считает его диссидентом, характеризует как «человека умного, думающего, начавшего сознавать во многом неправедный, имперский характер внешней политики США и понявшего истинную цену прикрывавшего ее мифа о «советской угрозе», интеллигента, накопившего изрядную дозу неприязни к «масскультуре» и прочим псевдоценностям «американского образа жизни»[268]. 16 апреля 1985 года охраннику советского посольства некий человек передал конверт, подписанный «Генералу Андросову. Резиденты КГБ». Внутри была записка: «Я, Олдрич Х. Эймс, работаю начальником контрразведывательного подразделения в отделе СВЕ ЦРУ. Я служил в Нью-Йорке под псевдонимом Энди Робинсон. Мне нужно 50 тысяч долларов в обмен на информацию о трех агентах, которых мы в настоящее время вербуем в Советском Союзе».

Надо ли говорить, что это предложение в КГБ было встречено с восторгом. Заместитель Андросова Виктор Черкашин, побоявшись доверить информацию шифровальщикам, вылетел в Москву и доложил о новом агенте лично Крючкову. Кроме них об Эймсе знали еще два сотрудника МИД — и больше никто, даже начальник разведки Примаков и президент России Ельцин. Должно быть, именно поэтому Эймс сумел благополучно проработать на Россию девять лет, пережить демократическую вакханалию в КГБ и не стать еще одним подарком ЦРУ от Бакатина.

50 тысяч долларов он получил при первой же встрече. А вскоре ему сообщили, что его работа оценивается в несколько миллионов долларов. Но агент того стоил. Кроме прочего, благодаря Эймсу удалось выкопать всех «кротов» в советских спецслужбах. По приблизительными данным, с его помощью было раскрыто 17 агентов ЦРУ. Есть основания всех агентов, раскрытых после 1985 года, отнести на счет Эймса.

1. Дмитрий Поляков — генерал-майор ГРУ, завербован в 1961 году. В 1986 году арестован и расстрелян.

2. Олег Гордиевский — полковник ПГУ КГБ, завербован СИС в 1974 году. В июле 1985 года нелегально выехал из СССР.

3. Леонид Полещук — подполковник ПГУ КГБ, завербован в 1974 году. В 1985-м арестован и расстрелян.

4. Борис Южин — полковник ПГУ КГБ, завербован в 1975 году. В 1986 году арестован и осужден на 15 лет лишения свободы.

5. Владимир Пигузов — полковник ПГУ КГБ, завербован в 1975 году. В 1985 году арестован и расстрелян.

6. Сергей Бохан — полковник ГРУ, завербован в 1978 году. В 1985-м отказался возвращаться в СССР.

7. Владимир Поташев — научный сотрудник Института США и Канады АН СССР, завербован в 1981 году. В 1986 году арестован и осужден на 13 лет лишения свободы.

8. Валерий Мартынов — подполковник ПГУ КГБ, завербован в 1982 году. В 1985-м арестован и расстрелян.

9. Сергей Моторин — майор ПГУ КГБ, завербован в 1983 году. В 1985 году арестован и расстрелян.

10. Геннадий Сметанин — полковник ГРУ, завербован в 1983 году. В 1986 году арестован и расстрелян.

11. Сергей Воронцов — майор Московского УКГБ, завербован в 1984 году. В 1985 году арестован и расстрелян.

12. Геннадий Варенник — подполковник ПГУ КГБ, завербован в 1985 году. Тогда же арестован и расстрелян.

13. Владимир Васильев — подполковник ГРУ, завербован в 80-е годы, в 1985 году арестован и расстрелян.

14. Олег Агранянц — сотрудник МИД СССР, завербован в 80-х годах. В 1985 году отказался возвращаться с СССР и попросил политическое убежище в США.

15. Сергей Илларионов — сотрудник ПГУ КГБ, завербован в 1990 году. В 1991 году после получения указания вернуться в Москву тайно бежал в США.

16. Вячеслав Баранов — полковник ГРУ, завербован в 1989 году. В 1992 году арестован и осужден на 6 лет лишения свободы.

К ним можно добавить еще изобличенного разведчика одной из соцстран. Так что 2,7 миллиона долларов, которые Эймс получил от нашей разведки, сравнительно с его вкладом сумма довольно скромная.

•

Пустячок, но интересно: в августе 1991 года Эймса назначили руководителем так называемой «рабочей группы по КГБ», в задачу которой входило окончательное разрушение КГБ СССР. Для этого надлежало добиться, чтобы российский парламент урезал на 90% бюджет ПГУ, которое занималось внешней разведкой. Из этого ничего не получилось, но сам факт существования такой группы говорит о многом. Так американцы ответили на услужливость господина Бакатина.

В ФБР и ЦРУ утверждают, что Эймс был арестован в результате долгого поиска, предпринятого после многочисленных провалов агентуры ЦРУ в СССР в 1985—1987 годах. По поводу его провала существуют разные мнения. Одни считают его результатом ошибки руководства КГБ, которое слишком поспешно арестовывало выданных Эймсом «кротов». Другие — что во многом виноват он сам, поскольку явно жил не по средствам, что не могло не привлечь внимания. Но кое-кто уверен в другом.

«Я могу с уверенностью предположить, что Эймса предали, — так считает генерал-лейтенант ГКБ в отставке Николай Сергеевич Леонов, бывший начальник аналитического управления ПГУ и заместитель начальника разведки, не последний в спецслужбах человек. — И предали в Москве. Долгие годы я лично занимался технологией обеспечения связи с нашей агентурой в США. В течение десяти последних лет она срабатывала безупречно, была неуязвимой. Прокол был невозможен. Все эти рассказы о компрометирующих материалах против Эймса, якобы найденных в его мусорных ящиках, об обративших на себя внимание расходах рассчитаны на дураков. Эймса, как и Уокера, которого якобы предала сама жена, «сдали» в Москве. И сделали это лица, имевшие служебное отношение к делу Эймса»[269]. Арест Эймса был скандалом, и еще каким. Во избежание лишнего шума и неудобных вопросов суд был закрытым и быстрым. 28 апреля 1994 года он был осужден на пожизненное заключение за шпионаж и... уклонение от уплаты налогов с денег, полученных им от русских. Мария Росарио также была осуждена на пять лет. Все их имущество было конфисковано. Впрочем, супруги успели приобрести собственность в Колумбии, до которой американцам

было не дотянуться. Эймсу все это было уже не нужно, но его жена после окончания срока вернулась на родину. Кстати, у нас в начале 90-х годов смертную казнь за шпионаж отменили, а в США после дела Эймса, наоборот, ввели. Так-то вот...

Но и это было еще не все. Через два года после скандала с Эймсом был разоблачен еще один «крот» российской разведки в ЦРУ — Гарольд Николсон, еще через месяц — Эдвин Питтс. И совсем недавно — Роберт Хансен, человек, имя которого, как утверждает ФБР, в КГБ узнали только после его разоблачения. Наши, естественно, по этому поводу молчат насмерть.

4 октября 1985 года советский дипломат Виктор Дегтярь получил по почте пакет, в котором был конверт со «Вторым» адресом: «Не открывать! Немедленно передать этот конверт Виктору Ивановичу Черкашину». В конверте было письмо: «Дорогой мистер Черкашин! В самое ближайшее время я отправлю мистеру Дегтярю пакет с документами. Они имеют отношение к высшей степени секретным проектам различных подразделений разведывательного сообщества США...» И т.д. Подписано письмо было буквой «В». Как и генерал Поляков, В. работал по собственным правилам. Будучи профессиональным разведчиком, он прекрасно знал приемы американской контрразведки, потому-то успешно проработал 15 лет.

18 февраля 2001 года был арестован ветеран ФБР, специальный агент Роберт Хансен. В 1985 году он получил назначение в нью-йоркское отделение контрразведки, а вскоре Черкашин получил письмо В. Начиналась эра компьютеров, и новый сотрудник, с готовностью помогавший всем и во всем, имел доступ почти ко всем файлам общенациональной базы ФБР. Он регулярно предупреждал об операциях контрразведки против советских разведчиков, а вскоре передал КГБ информацию о компьютерной сети, объединявшей все подразделения американской разведки. В 1987 году Хансен возглавил аналитическую группу ФБР по вопросам Советского Союза. И почти тут же КГБ получил секретный доклад ФБР, содержащий фамилии агентов КГБ, согласившихся работать на США.

Американские спецслужбы искали «крота», но никто никогда и не думал о Хансене. Он был настолько безупречен, что его даже не проверяли на детекторе лжи. Ярый антикоммунист, член консервативной католической организации «Opus Dei», отец шестерых детей. Один из его коллег сказал: «Я бы скорее заподозрил в предательстве президента, нежели спецагента Хансена». И тем не менее...

Согласно информации, после ареста Хансена, опубликованной в прессе, за свою работу на КГБ он получил 1,4 миллиона долларов. С другой стороны, в одной из записок он писал: «Я жертвую собой ради вас, а в ответ получаю молчание. Простое «спасибо» от вас было бы мне дороже любых денег». Так что интерес, как видим, был не только меркантильным. Сам Хансен вину свою не признает, все обвинение, насколько известно, строится на его письмах в Москву. Особый вопрос — как ФБР получило эти письма. Арест последовал вскоре после исчезновения первого секретаря постоянного представительства России при ООН Сергея Третьякова. Правда, американцы утверждают, что Третьяков тут ни при чем: «просто в руки ФБР попали некоторые документы из Москвы». Но кто-то же их передал — и этот кто-то явно не американец.

Рамону (один из псевдонимов Хансена) грозит смертная казнь. За время работы на КГБ он, по утверждениям ФБР, передал свыше 6 тысяч секретных документов и сдал нескольких агентов. Но есть и особая причина для особой злости: он провалил одну из крупнейших и самых дорогих (вероятно, самую крупную и дорогую после проекта перестройки) операцию против России.

Мы уже писали, как в 50-е годы ЦРУ вырыло туннель из Западного Берлина в Восточный, чтобы прослушивать советские телефонные переговоры. О подкопе СССР известил наш агент в британской разведке Джордж Блейк, и, пользуясь туннелем, наши успешно спецназначением гнали для американцев дезу. А в 90-е годы такой же туннель прорыли под российским посольством в Вашингтоне, надеясь с его помощью прослушивать все, что происходит в нем. Этот-то тоннель и сдал КГБ агент Рамон. Строительство явно новое, послеперестроечное, и очень хорошо иллюстрирует заверения наших демократов об эпохе дружбы и

открытости с США. Причем, в отличие от «жучка», на котором не написано «Made in...», тоннель имеет определенную государственную принадлежность: не Моссад же его прорыл, в самом деле... Так кто же, спрашивается, после этого «кроты»?

А в целом, если в геополитическом плане наша страна потерпела поражение (будем надеяться, что временное), то в части взаимоотношений спецслужб большинство экспертов склоняется к мнению, что полувековой матч сведен с ничейным счетом. Операция — контроперация, вербовка — контрвербовка. Раньше американцы особо гордились тем, что им удалось завербовать большое количество сотрудников советских и российских спецслужб. Но, когда после дела Эймса они решили устроить серьезную охоту на «кротов» у себя, то уже к 1987 году число сотрудников американских спецслужб, работавших на иностранные разведки (в основном, на российскую) перевалило за 120 человек. И это не считая Хансена, который один стоит неведомо какого количества агентов. Когда председатель КГБ СССР Владимир Крючков спросил начальника нелегальной разведки ПГУ КГБ Юрия Дроздова: «А сколько вообще нужно иметь агентуры, чтобы знать, что происходит в мире?» — тот ответил: «Не так уж много, пять-шесть человек, а вся остальная агентура должна обеспечивать их, отвлекать от них внимание»[270]. Хансен, как и Эймс, явно из этих пяти-шести человек. Так что, как в песне поется: «Не спешите нас хоронить!»

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О «ГЛАВНОМ ПРОТИВНИКЕ»

Об американских спецслужбах написано немало книг и статей, выпущено на большие и малые экраны изрядное количество телевизионной продукции. Львиная доля всего этого достается американской разведке — Центральному разведывательному управлению, созданному в 1947 году, в начале холодной войны Запада, возглавляемого Вашингтоном, с Советским Союзом, главным противником Соединенных Штатов в то время.

Тема конфронтации спецслужб, разведки и контрразведки привлекает многих западных и отечественных исследователей. На этом поприще трудятся маститые писатели и публицисты, журналисты и газетчики, ученые-политологи, историки и юристы, представители многих других профессий, решившие специализироваться в этой сфере. Все весомее становится поток мемуаров, выходящих из-под пера бывших сотрудников спецслужб, в том числе руководителей разведки и контрразведки. Возник особый вид литературы, отличной от модного ныне детективного жанра, авторы которой, действуя в меру отпущенных им способностей и доступа к материалам, стремятся раскрыть тайны спецслужб, с которыми те, в свою очередь, расстаются весьма неохотно. И ЦРУ в этом отнюдь не исключение, несмотря на принятые в США законодательные акты о «свободе информации». Спецслужбы же, конечно, поступают правильно, оберегая свои секреты, выпуская в свет дозированную информацию о своих делах. Ведь утечка информации, скажем, из недр разведки — это ее неудача, порой весьма крупная и труднопоправимая. И очень болезненная, конечно, в зависимости от существа материалов, которые делаются достоянием противника или попадают в средства массовой информации без санкции самого хозяина.

Книга «Главный противник» А. Колпакиди и О. Лемехова относится как раз к этому виду литературы о спецслужбах. Оба автора уже известны в России своими публикациями о спецслужбах. Новая книга продолжает тему деятельности Центрального разведывательного управления. Но она

охватывает более широкий спектр вопросов, показывая исторический фон акций американской разведки против нашей страны, историю конфронтации наших государств с момента победы Великой Октябрьской социалистической революции и создания Советского государства. История — хороший учитель, ее уроки необходимо помнить, изучать и усваивать.

Я бы назвал книгу «Главный противник» политическим памфлетом. Правда, дело не в форме, а в содержании, не в том, что профессионалам, всем тем, кто серьезно занимается историей спецслужб, их деятельностью, в основном знакомы приведенные в книге факты и версии. В «Главном противнике» интересны обобщение большого использованного авторами материала, его анализ, некоторые оценки. Вот что в связи с этим приходит на ум. Безусловно необходимо, чтобы российские граждане не забыли истории, помнили о жесткой конфронтации нашей дипломатии, вооруженных сил, спецслужб — разведки и контрразведки с недругами. В том числе с теми, кого совсем недавно именовали главным противником. Напомню, что в правящих сегодня в России кругах термин «противник» применительно к Вашингтону полностью отброшен. Его заменяют усердно другими понятиями, например — «партнерские отношения», а лидеров стран, с которыми не ладили, зачисляют в разряд «друзей». Можно было бы понять возникшую любовь, если бы она основывалась на взаимности, или, на худой конец, объяснялась бы дипломатической любезностью и житейской вежливостью. Между тем односторонняя умиленность не может не настораживать. Достаточно напомнить о «китах» нынешней стратегии Вашингтона — о пристрастии к однополярному миру, к глобалистской политике; о стремлении окончательно сломать военно-стратегический паритет между нашими странами, в частности, путем декларированного отказа от соглашения 1972 года по ПРО, об упорном проталкивании военного блока НАТО на Восток втягиванием в альянс все новых и новых государств, расположенных в непосредственной близости от России, в том числе тех, кто недавно входил в состав этого самого «главного противника».

Россия приемлема для Соединенных Штатов лишь в качестве слабого и послушного союзника, безропотно вы-

полняющего приказы Вашингтона, сырьевого придатка, обширного рынка сбыта производимых на Западе товаров, поставщика интеллектуальных кадров — пока такие возможности у нашей страны окончательно не иссякнут.

Конечно, понятие «главный противник» по отношению к Соединенным Штатам ныне совершенно не однозначно, да и в прежние времена следовало отделять, например, государственные институты от широких народных масс. В некоторых кругах нашей страны уверены, что у нас нет врагов. Прозападные клиенты, расплодившиеся в нашей стране во множестве, усиленно проводят линию на то, что России при всех обстоятельствах, особенно в нынешней обстановке, следует безоглядно «дружить» с Вашингтоном. В ход пущены все рычаги воздействия на общественность, в том числе через подконтрольные им средства массовой информации. Своеобразная агентура влияния!!

Мне представляется бесспорным одно — спецслужбы США, Центральное разведывательное управление, как основной орган агентурной разведки и осуществления подрывных акций, в обозримом будущем нельзя исключать из категории тех, за кем необходимо зорко наблюдать и решительно срывать их действия, направленные против нашей страны. Какие бы проблемы ни возникали. Обстановка, в частности, настоятельно требует активизации сотрудничества спецслужб наших стран в бескомпромиссной борьбе с международным терроризмом, где бы он ни проявлялся.

Авторы «Главного противника», как мне думается, вовсе не призывают к «джихаду» против Вашингтона. Но давайте все-таки будем реалистами, трезво оценивающими действительность — и прошлую, и настоящую. Ну а будущее — придет и его надо разумно приближать, памятуя, что оно должно быть приемлемыми для обеих сторон.

Читатель, несомненно, почерпнет из книги «Главный противник» немало любопытного и полезного для оценки деятельности американских спецслужб в разные периоды конфронтации США и СССР, США и России. Или, по меньшей мере, освежит в своей памяти многое из того, что до сих пор остается в арсенале ЦРУ и активно используется американской разведкой против нашей страны. Нельзя не обратить внимания на патриотичность книги, на ее государ-

ственную направленность, на боль, испытываемую авторами за Россию в обстановке обрушившихся на нее бед и невзгод, на их негодование и презрение к предателям и перевертышам, способствовавшим развалу великой державы.

Центральное разведывательное управление, его руководители приложили немало усилий к тому, чтобы распространить миф о том, что чуть ли не главная роль в разгроме СССР, в устранении с мировой арены «главного противника» принадлежит именно ЦРУ, а в более широком плане — Вашингтону. К сожалению, этот миф проник в нашу страну, находя сторонников среди поклонников США и плохо информированных людей. При этом получила хождение еще одна бессовестная ложь — о том, что деятельность советских спецслужб в последние годы якобы была сплошь «черным пятном» и не была препятствием для разведывательно-подрывных акций ЦРУ против Советского Союза. Я решительный противник этих злонамеренных мифов — и того, что СССР пал жертвой Центрального разведывательного управления, и того, который пытается возложить вину за развал Советского Союза на нашу разведку и контрразведку.

В книге «Главный противник» содержится немало свидетельств того, как Вашингтон стремился повергнуть своего соперника в холодной войне, как американские лидеры громко афишировали свои намерения ликвидировать социализм как общественную систему. Полагаю, что Соединенные Штаты, их спецслужбы и, в первую очередь, Центральное разведывательное управление сделали немало, чтобы ослабить Советский Союз. И все же, мне представляется, решающие факторы, определившие в конечном счете судьбу нашей страны, лежат во внутреннем кризисе, в проблемах экономики, в разложении значительной части верхушки государства и КПСС. Бесспорно, ЦРУ было «толкачом» многих негативных явлений, вызревавших в Советском Союзе, но ЦРУ было не в состоянии разрушить социалистическое государство. Это признают и многие в руководстве Центрального разведывательного управления, для которого августовские события 1991 года оказались довольно неожиданным «подарком». Кризис в советском обществе, лукавая поддержка Западом определенных сил в руководстве нашего государства, в некоторых кругах интеллигенции

породили обширную «пятую колонну», которая и свершила черное дело развала и уничтожения Советского Союза.

Авторы книги «Главный противник», рассматривая эту тему, приводят факты ответственности американской разведки за то, что произошло в СССР в 1991 году. Вместе с тем в книге, как мне думается, осторожно формулируется сама роль американцев в развале Советского Союза. Полагаю, что такой осторожный подход авторов к этой острой проблеме правомерен. У меня нет сомнений, что эта горькая для нашей страны тема еще ждет своих объективных исследователей, и в свое время будут поставлены все точки над «i».

Пора, пожалуй, вернуться к самой книге, которая, на мой взгляд, заслуживает внимания современного читателя тем, что ставит целью ликвидировать некоторые «белые пятна» в истории советско-американских и российско-американских отношений, напомнить о малоизвестных и подзабытых страницах летописи прошлого. Ведь многие в нашей стране не знают об активном участии Соединенных Штатов, их дипломатии, вооруженных сил и спецслужб в военной интервенции Антанты против Советской России и в кровопролитной гражданской войне. Наверное, для многих будет интересна подоплека развязанной США подрывной деятельности в условиях упрямого дипломатического непризнания Вашингтоном Советской России и СССР и организованной им блокады нашей страны. Например, действия американской разведки под прикрытием АРА — администрации помощи голодающим. Начинают забываться недружественные акции США в период Второй мировой войны. Тускнеет в памяти новых поколений людей в нашей стране весь период холодной войны, когда происходили ожесточенные схватки американских и советских спецслужб, когда случались нередкие вооруженные столкновения, когда мир оказывался на самом краю ядерного холокоста. Собственно говоря, не столько «стираются», сколько сознательно вытравляются из памяти ангажированными политиками и подвластными им средствами массовой информации. Повторюсь: история жестоко мстит и за «забывчивость», и за злостное искажение исторической правды.

Значительное место в книге А. Колпакиди и О. Лемехова уделено развенчанию усиленно насаждаемого Вашингтоном мифа о «всемогуществе» и «благородстве» американской разведки. По моему мнению, дело не только в оперативных ошибках Центрального разведывательного управления — в книге «Главный противник» приводятся примеры таких стратегических и тактических промахов (прогнозы «неизбежности» поражения СССР в войне с фашистской Германией; грубые просчеты на Кубе и во Вьетнаме; неспособность предвидеть обладание Советским Союзом в короткие сроки ядерным оружием и средствами его доставки к целям, сделавшие США уязвимыми для ответного удара, и т.д.). Разведслужбы не застрахованы от неудач — это аксиома, которую, правда, признают не все. Неприемлемо другое — варварские приемы в разведывательно-подрывной деятельности, увлечение иных руководителей Соединенных Штатов и подчиненных им шефов разведки так называемыми «тайными операциями (ликвидация неугодных США режимов и государственных, политических и военных лидеров; стремление Вашингтона манипулировать общественным мнением своей собственной страны и за рубежом, препарирование ЦРУ разведывательной информации в интересах воздействия на руководство страны; двойные стандарты в оценке полученных материалов и т.д.).

На таком пути, убежден, Центральное разведывательное управление подстегают крупные неудачи, чреватые серьезными осложнениями в мире. Последние примеры такого рода — явные и сознательные перекосы в оценках международного терроризма, угроз, которые он несет непосредственно Соединенным Штатам, неспособность своевременно выявить и предупредить террористические акты на Нью-Йорк и Вашингтон.

И в заключение хочу подчеркнуть следующее. Отечественную историю нужно знать и принимать без изъятий и искажений. Книга «Главный противник» при некоторых ее недочетах вносит в сложный процесс познания острейшего противоборства двух общественно-политических систем определенную лепту. Она должна заинтересовать тех, кто хочет прикоснуться к истории деятельности спецслужб Со-

ветского Союза и России в борьбе с очень сильным противником. Противостояние разведки и контрразведки, действующих не сами по себе, а как часть государственного механизма, присущими им методами и средствами, — закономерное явление. На разведслужбы противника не следует обижаться — их враждебную деятельность надо умело вскрывать и решительно пресекать.

Генерал-майор в отставке
Р.С. Красильников

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Антисоветская интервенция и ее крах. М., 1967.
2. Архив полковника Хауза. М., 1945. Т.4.
3. Асеевский А. ЦРУ: шпионаж, терроризм, зловещие планы. М., 1985.
4. Безыменский Л. «Балканский план» генерала Донована.
5. Белов А., Шилкин А. Диверсия без динамита. М., 1973.
6. Берец Я. Крах операции «Фокус». М., 1986.
7. Бирюков Д. Диверсанты от «Черной пропаганды».
8. Большаков В. Агрессия против разума. М., 1984.
9. Бурбыга Н. Предательство — нелегкая работа // Известия. 1991.
10. Вопросы истории. 1968. № 12.
11. Герэн А. Коммандос «холодной войны». М., 1972.
12. Грэвз У. Американская авантюра в Сибири. М., 1932.
13. Дивильковский С. Диссидент из ЦРУ по имени Эймс // Новости разведки и контрразведки. 1998. № 4.
14. Докучаев А. Сети шпионажа. М., 1996.
15. Дроздов Ю. Записки начальника нелегальной разведки. М., 2000.
16. Дроздов Ю. Нужная работа. М., 1994.
17. Заворотный С. Прокол Эймса в США был невозможен. Его предали в Москве // «Комсомольская правда». 1994. 22 декабря.
18. Иванов Р. Ф., Петрова Н. К. Общественно-политические силы СССР и США в годы войны. Воронеж, 1995.
19. Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов. Т.1. М., 1960.
20. История советских органов госбезопасности. М., 1977.
21. Караганов С. Бомба и президент // Новое время. 1988. № 5.
22. Керенский А. Ф. Союзники и Временное правительство. Современные записки. Париж. Т.55.
23. Киколо В. Лэнгли – 100 гектаров концентрированного шпионажа // Эхо планеты. 1997. № 42.
24. Клайн Р. ЦРУ от Рузвельта до Рейгана. Нью-Йорк., 1989.

25. Климов В. Почему «отмывают» шпиона? // Российская газета.

26. Кокорев А. А. Силовая «дипломатия» Вашингтона. М., 1985.

27. Коммунист. 1984. № 1.

28. Кондрашов С. Фред Вудрафф, Грэм Грин и другие // Известия. 1993. 21 августа.

29. Красильников Р. Призраки с улицы Чайковского. М., 1999.

30. Космос: каким его видят из Вашингтона. М., 1985.

31. Литовкин. Преступление генерала Полякова. // Известия. 1991. 26 января.

32. «Лубянка-2». М., 1999.

33. Любимов М. Морж, плотник и агенты влияния.

34. Мадер Ю. Империализм: шпионаж в Европе вчера и сегодня. М., 1984.

35. Мальков В.Л. Американские солдаты в Сибири // История СССР. 1991. № 1.

36. Мартин Дэвид. Зеркальный лабиринт. Цит. по: Совершенно секретно. 1992. №2.

37. Милитаризм США: военная машина, блоки, базы и акты агрессии. М., 1985.

38. Минаев В. Операция «Ход с черного хода». М., 1965.

39. Минаев В. Тайное становится явным. М., 1962.

40. Джон Минц. «Эдмонд Поуп и «Шквал». // Новости разведки и контрразведки. 2001 № 3—4.

41. Морозов Е. План «Анаконда». Элементы. 1993. № 4.

42. Николаев И. Под железной пятой. М., 1978.

43. Петрусенко В. В. Белый дом и ЦРУ. М., 1985.

44. Платонов О. А. Исторический словарь российских масонов XVIII — XX веков. М., 1996.

45. Полмар Н., Аллен Т. Энциклопедия шпионажа. М., 1999.

46. Прохоров Д., Лемехов О. Перебежчики. М.: Вече, АРИА-АиФ, 2001.

47. Пядышев Б.Д. Третья мировая — в бестселлерах и не только. М., 1980.

48. Свидетельство подполковника Эйхельберга // Новое время. 1988. № 34.

49. «Секретное оружие» Джорджа Сороса // Левая газета.1992. Декабрь.
50. Секретные планы Пентагона // Международная жизнь. № 3.
51. Сергеев Ф. Если сорвать маску... М., 1983.
52. Сергеев О. Тотальный шпионаж. М., 1984.
53. Сивачов Н. В., Языков Е. Ф. Новейшая история США. М., 1972.
54. Фогельзон Д. С. Американский шпион // Родина. 1994. № 5.
55. Швейцер П. Победа. Минск, 1995.
56. Широнин В. КГБ — ЦРУ. М., 1997.
57. Шлезингер А. М. Циклы американской истории. М., 1992.
58. Шпионаж Дворца головоломок. М., 1990.
59. Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. М., 1983.

1. Adams Sh. Firsthad Report! The Story of the Eisenhower Administration. N.Y., 1961.
2. Anderson J., Kalvelage C. American Government Like It Is. N.Y., 1972.
3. Archer J. The Russians and the Americans. N.Y., 1975.
4. B639582*1urns J. Roosevelt: the Soldier of Freedom. N.Y., 1970.
5. Colby W. And Forbach P. Honorable Men. My Life in hte CIA. N.Y., 1978.
6. Containment. Documents on American Policy and Strategy, 1945—1950. N.Y., 1978.
7. Eden A. Full Circle. Boston, 1960.
8. Eisenhower D. Waging Peace. 1956—1961. Y., 1965.
9. Foreign Relations of the United States. W., 1969. V.7.
10. Gerntner G. Strategic Vulnerability of a Multinationfl State. Political Science Quarterly. Summer 1981.
11. Harry S. Truman Library, President's Secretary's File.
12. Kennan G. Memoirs 1960—1963. V.2. Boston, 1972.
13. Polmar N. Strategic Weapons: An Introduction. National Strategy Information Center. N.Y., 1975.
14. Prouty F. The Secret Team. Englewood Cliffs, 1973.

15. Rosenberg D. A. Smoking Radiating Ruin at the End of Two Hours. International Security/ Winter 1981/82.

16. Rositzke H. CIA Secret Operations. N.Y., 1977.

17. Rudoy D. W. Armed and alone. The American Security Dilemma. N.Y., 1972.

18. Schlesinger A. M. Jr. A Thousand Days. John F. Kennedy in the White House. Boston, 1965.

19. Schlesinger A. M. Jr. Robert Kennedy and His Times. Boston, 1978.

20. Scoville H. <First use> of Nuclear Weapon. Arms Control Today. V.5. 1975. № 7—8.

21. Shacley Th. The Third Option. N.Y., 1981.

22. Talbott S. The Russians and Reagan. N.Y., 1984.

23. The memoirs of Richard Nixon.

24. Truman H. Memoirs. N.Y., 1965. V.2.

25. Tugwell R. A. Chronicle of Jeopardy, 1945—1955. Y., 1960.

26. War Report of the Office of Strategic Services. W., 1949. P. 99.

СНОСКИ

1 Минаев В. Тайное становится явным. М., 1962. С. 3—4.

2 Керенский А.Ф. Союзники и Временное правительство. Современные записки. Париж, Т. 55. С. 17.

3 Минаев В. Тайное становится явным. М., 1962. С. 6.

4 Антисоветская интервенция и ее крах. М., 1967. С. 17.

5 Архив полковника Хауза. М., 1945, Т. 4. С. 151—153.

6 Из истории Гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов. Т. 1. М., 1960. С. 8.

7 Антисоветская интервенция и ее крах. М., 1967. С. 31.

8 Мальков В.Л. Американские солдаты в Сибири. История СССР. 1991. № 1. С. 164.

9 Гревс У. Американская авантюра в Сибири. М., 1932. С. 239, 242.

10 Дэвид С. Фогельзон. Американский шпион. // Родина. 1994. № 5. С. 34.

11 Там же. С. 35.

12 Там же. С. 36.
13 Сергеев О. Тотальный шпионаж. М., 1984. С. 16.
14 Антисоветская интервенция и ее крах. М., 1967. С. 67.
15 Антисоветская интервенция и ее крах. М., 1967. С. 67.
16 Мальков В.Л. Американские солдаты в Сибири. История СССР. 1991. № 1. С. 167 — 168.
17 Свидетельство подполковника Эйхельберга // Новое время. 1988. № 34. С. 35.
18 Там же. С. 36.
19 Там же. С. 37.
20 Мальков В.Л. Американские солдаты в Сибири. История СССР. 1991. № 1. С. 167.
21 Там же. С. 168.
22 Антисоветская интервенция и ее крах. М., 1967. С. 67.
23 Дэвид С. Фогельзон. Американский шпион. Родина. 1994, № 5.
24 Коммунист. 1984. № 1. С. 102.
25 Антисоветская интервенция и ее крах. М., 1967. С. 76.
26 Вопросы истории. 1968. № 12. С. 54.
27 Сергеев С. Тотальный шпионаж. М., 1984. С. 27.
28 Клайн Р. ЦРУ от Рузвельта до Рейгана. Нью-Йорк, 1989. С. 39.
29 Там же. С. 67.
30 McLachlan Donald. Room 39. N.Y., 1968. P. 234—236.
31 Иванов Р.Ф., Петрова Н.К. Общественно-политические силы СССР и США в годы войны. Воронеж, 1995. С.205.
32 Там же. С. 205 — 206.
33 Сергеев С. Тотальный шпионаж. М., 1984. С. 34.
34 Иванов Р.Ф., Петрова Н.К. Общественно-политические силы СССР и США в годы войны. Воронеж, 1995. С.149 — 150.
35 Минаев В. Тайное становится явным. М., 1962. С. 65.
36 Клайн Р. ЦРУ от Рузвельта до Рейгана. Нью-Йорк, 1989. С. 74.
37 Там же.
38 Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1983. С. 84.
39 Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1983. С. 57.
40 Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1983. С. 96.
41 Сергеев С. Тотальный шпионаж. М., 1984. С. 35.

42 Иванов Р.Ф., Петрова Н.К. Общественно-политические силы СССР и США в годы войны. Воронеж, 1995. С. 294.

43 История советских органов госбезопасности. М., 1977.

44 Иванов Р.Ф., Петрова Н.К. Общественно-политические силы СССР и США в годы войны. Воронеж, 1995. С.157—160, 298 — 301.

45 Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1983. С. 29.

46 Безыменский Л. «Балканский план» генерала Донована. С.129—130.

47 Там же. С. 130.

48 Минаев В. Тайное становится явным. М., 1962. С. 70.

49 Burns J., Roosevelt: the Soldier of Freedom. N.Y., 1970. P. 459.

50 Сивачов Н.В., Языков Е.Ф. Новейшая история США. М., 1972. С. 170.

51 Широнин В. КГБ—ЦРУ. М., 1997. С. 73.

52 Новое время. 1980. № 8. С. 28—29. (Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1983. С. 34.)

53 Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1983. С. 33.

54 Там же. С. 31.

55 Там же. С. 32.

56 Минаев В. Операция «Ход с черного хода». М., 1965. С. 150.

57 Containment. Documents on American Policy and Strategy, 1945 — 1950. N.Y., 1978. P. 174.

58 Асеевский А. ЦРУ: шпионаж, терроризм, зловещие планы. М., 1985. С. 78.

59 Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1983. С. 39.

60 Там же. С. 40.

61 Там же. С. 40.

62 Там же. С. 41—42.

63 Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1983. С. 57.

64 Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1983. С. 59.

65 Там же. С. 64.

66 Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1983. С. 84.

67 Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1983. С. 65.

68 Минаев В. Тайное становится явным. М., 1962. С. 164—165.

69 Минаев В. Операция «Ход с черного хода». М., 1965. С. 145—146.

70 Truman H. Memoirs. N.Y., 1965. V. 2. P. 73—74.
71 Сергеев С. Тотальный шпионаж. М., 1984. С. 87.
72 Петрусенко В.В. Белый дом и ЦРУ. М., 1985. С. 50.
73 Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1983. С. 133.
74 Prouty F. The Secret Team. Englewood Cliffs, 1973. P. 61.
75 Петрусенко В.В. Белый дом и ЦРУ. М., 1985. С. 62.
76 Там же. С. 62.
77 Клайн Р. ЦРУ от Рузвельта до Рейгана. 1989. С. 21.
78 Shacley Th. The Third Option. N.Y., 1981. P. 6.
79 Prouty F. The Secret Team. Englewood Cliffs, 1973. P. 66—67.
80 Schlesinger A.M. Jr.Robert Kennedy and His Times. Boston, 1978. P. 455.
81 Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1983. С. 12.
82 Клайн Р. ЦРУ от Рузвельта до Рейгана. Нью-Йорк, 1989. С. 198.
83 «Лубянка-2», М., 1999.
84 Минаев В. Тайное становится явным. М., 1962. С.179.
85 Петрусенко В.В. Белый Дом и ЦРУ. М., 1985. С. 29.
86 Минаев В. Тайное становится явным. М., 1962. С. 179.
87 Клайн Р. ЦРУ от Рузвельта до Рейгана. Нью-Йорк, 1989. С. 136—137.
88 Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1983. С. 104—105.
89 Там же. С. 105.
90 War Report of the Office of Strategic Services. W., 1949. P. 99.
91 Широнин В. КГБ—ЦРУ. М., 1997. С. 76.
92 Минаев В. Тайное становится явным. М., 1962. С. 346.
93 Бирюков Д. Диверсанты от «Черной пропаганды».
94 Широнин В. КГБ—ЦРУ. М., 1997. С. 82.
95 Минаев В. Тайное становится явным. М., 1983. С. 212.
96 Минаев В. Тайное становится явным. М., 1983. С. 211.
97 Клайн Р. ЦРУ от Рузвельта до Рейгана. Нью-Йорк, 1989. С. 199.
98 Петрусенко В.В. Белый дом и ЦРУ. М., 1985. С. 15.
99 Пядышев Б.Д. Третья мировая — в бестселлерах и не только. М., 1980. С. 86.
100 Сивачов Н.В., Языков Е.Ф. Новейшая история США. М., 1972. С. 198.

101 Берец Я. Крах операции «Фокус». М., 1986. С. 14.

102 Сивачов Н.В., Языков Е.Ф. Новейшая история США. М., 1972. С. 199.

103 Караганов С. Бомба и президент // Новое время. № 5. С. 43.

104 Там же. С. 42.

105 Караганов С. Бомба и президент // Новое время. № 5. С.43.

106 Там же. С. 42.

107 Там же. С. 43.

108 Берец Я. Крах операции «Фокус». М., 1986. С. 13.

109 Rosenberg D.A. Smoking Radiating Ruin at the End of Two Hours // International Security/ Winter 1981/82. P. 34—39.

110 Секретные планы Пентагона // Международная жизнь. № 3. С. 104.

111 The memoirs of Richard Nixon. P. 377—378.

112 Polmar N. Strategic Weapons: An Introduction. National Strategy Information Center. N.Y., 1975. P. 27—28.

113 Scoville H. «First use» of Nuclear Weapon // Arms Control Today. Vol. 5. 1975. № 7—8.

114 Foreign Relations of the United States. W., 1969. V. 7. P. 530—531.

115 Милитаризм США: военная машина, блоки, базы и акты агрессии. М., 1985. С. 83.

116 Морозов Е. План «Анаконда» // Элементы. 1993, № 4. С. 24.

117 Милитаризм США: военная машина, блоки, базы и акты агрессии. М., 1985. С. 205—206.

118 Tugwell R.A. Chronicle of Jeopardy, 1945 — 1955. N.Y., 1960. P. 460.

119 Милитаризм США: военная машина, блоки, базы и акты агрессии. М., 1985. С. 204.

120 Пядышев Б.Д. Третья мировая – в бестселлерах и не только. М., 1980. С. 34.

121 Сергеев Ф. Если сорвать маску... М., 1983. С. 286.

122 Rudoy D.W. Armed and alone. The American Security Dilemma. N.Y., 1972. P. 35.

123 Минаев В. Операция «Ход с черного хода». М., 1965. С. 362.

124 Берец Я. Крах операции «Фокус». М., 1986. С. 16.
125 Там же. С. 20—21.
126 Сергеев Ф. Если сорвать маску... М., 1983. С. 76.
127 Colby W. And Forbach P.Honorable Men. My Life in the CIA. N.Y., 1978. P. 134.
128 Берец Я. Крах операции «Фокус». М., 1986. С. 51.
129 Там же. С.130—131.
130 Colby W. And Forbach P.Honorable Men. My Life in the CIA. N.Y., 1978. P. 135.
131 Kennan G. Memoirs 1960—1963. V. 2. Boston, 1972. P. 99.
132 Archer J. The Russians and the Americans. N.Y., 1975. P. 193.
133 Караганов С. Бомба и президент // Новое время. 1988. № 7. С. 39.
134 Кокорев А.А. Силовая «дипломатия» Вашингтона. М., 1985. С. 19.
135 Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М., 1992. С. 97.
136 Клайн Р. ЦРУ от Рузвельта до Рейгана. Нью-Йорк, 1989. С. 241.
137 Герэн А. Коммандос «холодной войны». М., 1972. С. 128.
138 Красильников Р. Призраки с улицы Чайковского. М., 1999. С. 146.
139 Герэн А. Коммандос «холодной войны». М., 1972. С. 106.
140 Красильников Р. Призраки с улицы Чайковского. М., 1999. С. 78.
141 История органов госбезопасности. С. 519.
142 Петрусенко В.В. Белый дом и ЦРУ. М., 1985. С. 71.
143 Сергеев Ф. Если сорвать маску... М., 1983. С. 21.
144 Платонов О.А. Исторический словарь российских масонов XVIII — XX веков. М., 1996. С. 127—128.
145 Широнин В. КГБ-ЦРУ. М., 1997. С. 76—77.
146 Harry S. Truman Library, President's Secretary's File.
147 Николаев И. Под железной пятой. М., 1978. С. 40—41.
148 Eden A. Full Circle. Boston, 1960. P. 151—153.
149 Николаев И. Под железной пятой. М., 1978. С. 41.

150 Rositzke H. CIA Secret Operations. N.-Y., 1977. P. 163.

151 Шпионаж Дворца головоломок. М., 1990. С. 31.

152 Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1983. С. 226—227.

153 Клайн Р. ЦРУ от Рузвельта до Рейгана. Нью-Йорк, 1989. С. 21.

154 Там же. С. 242.

155 Минаев В. Тайное становится явным. М., 1962. С. 211.

156 Шпионаж Дворца головоломок. М., 1990. С. 126.

157 Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1983. С. 151.

158 Сергеев Ф. Если сорвать маску... М., 1983. С. 5—6.

159 Eisenhower D. Waging Peace. 1956 — 1961. Y., 1965. P. 544.

160 Там же. С. 154.

161 Докучаев А. Сети шпионажа. М., 1996. С. 153—154.

162 Там же. С. 154.

163 Докучаев А. Сети шпионажа. М., 1996. С. 169.

164 Сергеев Ф. Если сорвать маску... М., 1983. С. 117—118.

165 Там же. С. 122.

166 Докучаев А. Сети шпионажа. М., 1996. С. 153.

167 Adams Sh. Firsthad Report! The Story of the Eisenhower Administration. N.Y., 1961. P. 456.

168 Докучаев А. Сети шпионажа. М., 1996. С. 152.

169 Петрусенко В.В. Белый дом и ЦРУ. М., 1985. С. 95.

170 Белов А., Шилкин А. Диверсия без динамита. М., 1973. С. 101.

171 Там же.

172 Бирюков Д. Диверсанты от «черной пропаганды».

173 Прохоров Д., Лемехов О. Перебежчики. М.: Вече, АРИА-АиФ, 2001. С. 153.

174 Там же. С. 156.

175 «Лубянка-2». М., 1999. С. 268.

176 Там же. С. 197.

177 Клайн Р. ЦРУ от Рузвельта до Рейгана. Нью-Йорк, 1989. С. 290.

178 Schlesinger A.M.Jr. A Thousand Days. John F.Kennedy in the White House. Boston, 1965. P. 247.

179 Петрусенко В.В. Белый дом и ЦРУ. М., 1985. С. 113.

180 Сергеев Ф. Если сорвать маску... М., 1983. С. 183.

181 Там же. С. 186.

182 Докучаев А. Сети шпионажа. М., 1996. С. 20—21.

183 Клайн Р. ЦРУ от Рузвельта до Рейгана. Нью-Йорк, 1989. С. 287.

184 Anderson J., Kalvelage C. American Government Like It Is. N.Y., 1972. P. 86.

185 Мадер Ю. Империализм: шпионаж в Европе вчера и сегодня. М., 1984. С. 21.

186 Полмар Н., Аллен Т. Энциклопедия шпионажа. М., 1999. С. 197.

187 Докучаев А. Сети шпионажа. М., 1996. С. 224.

188 Кокорев А. А. Силовая «дипломатия» Вашингтона. М., 1985. С. 11—12.

189 Большаков В. Агрессия против разума. М., 1984. С. 110.

190 Шлезингер А. М. Циклы американской истории. М., 1992. С. 86.

191 Сивачев Н. В., Языков Е. Ф. Новейшая история США. М., 1972. С. 313—314.

192 Пядышев Б. Д. Третья мировая — в бестселлерах и не только. М., 1980. С. 55.

193 Широнин В. КГБ—ЦРУ. М., 1997. С. 113.

194 Там же. С. 80.

195 Большаков В. Агрессия против разума. М., 1984. С. 14.

196 Gerntner G. Strategic Vulnerability of a Multinational State. Political Science Quarterly. Summer 1981. P. 211—219.

197 Николаев И. Под железной пятой. М., 1978. С. 35.

198 Николаев И. Под железной пятой. М., 1978. С. 320, 323.

199 Шпионаж Дворца головоломок. М., 1990. С. 100.

200 Там же. С. 102.

201 Сергеев С. Тотальный шпионаж. М., 1984. С. 221.

202 Швейцер П. Победа. Минск, 1995. С. 39.

203 Мадер Ю. Империализм: шпионаж в Европе вчера и сегодня. М., 1984. С. 219.
204 Сергеев С. Тотальный шпионаж. М., 1984. С. 4.
205 Киколо В. Лэнгли — 100 гектаров концентрированного шпионажа // Эхо планеты. 1997. № 42. С. 30.
206 Сергеев С. Тотальный шпионаж. М., 1984. С. 4.
207 Докучаев А. Сети шпионажа. М., 1996. С. 54.
208 Красильников Р. Призраки с улицы Чайковского. М., 1999. С. 58.
209 Космос: каким его видят из Вашингтона. М., 1985. С. 109—110.
210 Там же. С. 106.
211 Красильников Р. Призраки с улицы Чайковского. М., 1999. С. 81.
212 Швейцер П. Победа. Минск, 1995. С. 39.
213 Там же. С. 40.
214 Красильников Р. Призраки с улицы Чайковского. М., 1999. С. 329.
215 Петрусенко В. В. Белый дом и ЦРУ. М., 1985. С. 219.
216 Петрусенко В. В. Белый дом и ЦРУ. М., 1985. С. 235.
217 Широнин В. КГБ—ЦРУ. М., 1997. С. 91.
218 Там же. С. 8.
219 Большаков В. Агрессия против разума. М., 1984. С. 39.
220 Швейцер П. Победа. Минск, 1995. С. 366.
221 Там же. С. 16.
222 Там же. С. 224.
223 Там же. С. 225—226.
224 Космос: каким его видят из Вашингтона. С. 38.
225 Talbott S. The Russians and Reagan. N.Y., 1984. P. 52—53.
226 Сергеев С. Тотальный шпионаж. М., 1984. С. 253.
227 Широнин В. КГБ—ЦРУ. М., 1997. С. 70.
228 Петрусенко В. В. Белый дом и ЦРУ. М., 1985. С. 256.
229 Швейцер П. Победа. Минск, 1995. С. 14.
230 Там же. С. 56.
231 Широнин В. КГБ—ЦРУ. М., 1997. С. 106.
232 Красильников Р. Призраки с улицы Чайковского. М., 1999. С. 130.
233 Там же. С. 79.

234 Докучаев А. Сети шпионажа. М., 1996. С. 265.
235 Красильников Р. Призраки с улицы Чайковского. М., 1999. С. 207.
236 Швейцер П. Победа. Минск, 1995. С. 56.
237 «Лубянка-2». М., 1999. С. 318.
238 Там же. С. 319.
239 Красильников Р. Призраки с улицы Чайковского. М., 1999. С. 221.
240 Швейцер П. Победа. Минск, 1995. С. 180.
241 Там же. С. 313.
242 Там же. С. 313 — 314.
243 Красильников Р. Призраки с улицы Чайковского. М., 1999. С. 241.
244 Там же. С. 241.
245 Прохоров Д., Лемехов О. Перебежчики. М.: Вече, АРИА-АиФ, 2001. С. 236.
246 Там же. С. 239.
247 Дэвид Мартин. Зеркальный лабиринт. Совершенно секретно. 1992. № 6.
248 «Лубянка-2». М., 1999. С. 299.
249 Там же. С. 301.
250 Литовкин В. Преступление генерала Полякова // Известия. 1991. 26 января.
251 Климов В. Почему «отмывают» шпиона? // Российская газета.
252 «Лубянка-2». М., 1999. С. 322.
253 Широнин В. КГБ—ЦРУ. М., 1997. С. 46.
254 Там же. С. 93.
255 Там же.
256 Любимов М. Морж, плотник и агенты влияния // Огонек.
257 Дроздов Ю. Записки начальника нелегальной разведки. М., 2000.
258 Секретное оружие» Джорджа Сороса // Левая газета. 1992. Декабрь.
259 Там же.
260 Широнин В. КГБ—ЦРУ. М., 1997. С. 174.
261 Там же. С. 178.
262 Кондрашов С. Фред Вудрафф, Грэм Грин и другие // Известия, 1993. 21 августа.

263 Широнин В. КГБ—ЦРУ. М., 1997. С. 161.
264 Там же. С. 165.
265 Там же. С. 242.
266 Минц Джон. Эдмонд Поуп и «Шквал» // Новости разведки и контрразведки. 2001 № 3—4.
267 Бурбыга Н. Предательство — нелегкая работа // Известия. 1992. 7 марта.
268 Дивильковский С. Диссидент из ЦРУ по имени Эймс // Новости разведки и контрразведки. 1998. № 4.
269 Заворотный С. Прокол Эймса в США был невозможен. Его предали в Москве // Комсомольская правда. 1994. 22 декабря.
270 Дроздов Ю. Нужная работа. М., 1994. С. 123.

Содержание

Глава 1
ДИПЛОМАТИЯ ШТЫКА И ДОЛЛАРА 5
Глава 2
ОНИ ДЕРЖАЛИСЬ ДОЛЬШЕ ВСЕХ 49
Глава 3
ВЫНУЖДЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ 63
Глава 4
СОЮЗНИКИ ПОНЕВОЛЕ 71
Глава 5
ПРИНЦИП «ТОТАЛИТАРНОЙ ДЕМОКРАТИИ» ТОРЖЕСТВУЕТ 87
Глава 6
НОВАЯ ДУБИНКА «МИРОВОГО ЖАНДАРМА» 108
Глава 7
ПРОТИВОСТОЯНИЕ, ИЛИ ПОЧЕМУ НЕ НАЧАЛАСЬ ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ ВОЙНА 139
Глава 8
ЭПОХА ДАЛЛЕСА В АМЕРИКАНСКОЙ РАЗВЕДКЕ 176
Глава 9
НОВЫЕ ПЕСНИ НА СТАРЫЙ МАНЕР 238
Глава 10
ГЛАВНЫЙ СОЛДАТ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» 257
Глава 11
«БОМБЕЖКА НАЧНЕТСЯ ЧЕРЕЗ ПЯТЬ МИНУТ!» 280
Глава 12
«КГБ ПОД КРОВАТЬЮ» 307
Глава 13
ПЕРЕСТРОЙКА — ЭТО НЕ ГЛУПОСТЬ. ЭТО ДРУГОЕ 321
Глава 14
СПЕЦСЛУЖБЫ И ПЕРЕСТРОЙКА 342
НЕСКОЛЬКО СЛОВ О «ГЛАВНОМ ПРОТИВНИКЕ» 360

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА 367

СНОСКИ 370

Колпакиди А.И. Лемехов О.И.
К 61 **Главный противник. ЦРУ против России.** — М.: Вече, 2002. — 384 с., илл. (16 с.) (Особый архив)

ISBN 5-94538-007-5

Вся вторая половина XX века прошла под знаком противостояния двух сверхдержав — СССР и США. Они конкурировали всюду — на земле, в небесах и на море, в политике, геополитике, экономике. Причем явная конкуренция сопровождалась не менее упорным и ожесточенным тайным противостоянием. Истории Центрального Разведывательного Управления — одной из самых мощных и наиболее известной спецслужбы США, и ее работе против Советского союза и посвящена эта книга.

Александр Иванович КОЛПАКИДИ
Олег Игоревич ЛЕМЕХОВ

ГЛАВНЫЙ ПРОТИВНИК ЦРУ против России

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Редактор *Н.К. Попова*
Корректор *Н.К. Киселева*
Верстка *М.Ю. Евдокимов*
Разработка и подготовка к печати художественного оформления — «Вече-графика» *Д.В. Грушин*

Гигиенический сертификат №77.99.2.953.П.16227.11.00 от 29.11.2000 г.
129348 Москва, ул. Красной сосны, 24.
ООО «Издательство «Вече 2000» ИД №01802 (код 221) от 17.05.2000 г.
ЗАО «Издательство «ВЕЧЕ» ИД №05134 (код 221) от 22.06.2001 г.
ЗАО «Вече» ЛР № 040410 от 16.12.1997 г.

E-mail: veche@veche.ru
http: //veche.ru

Подписано в печать 20.03.2002. Формат 84x108 1/32.
Гарнитура «Антиква». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 12. Тираж 5 000 экз. Заказ № 5803.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

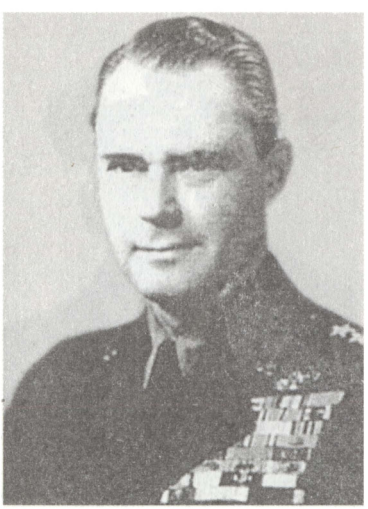
Директор УСС (Управление Стратегических Служб) Уильям Донован

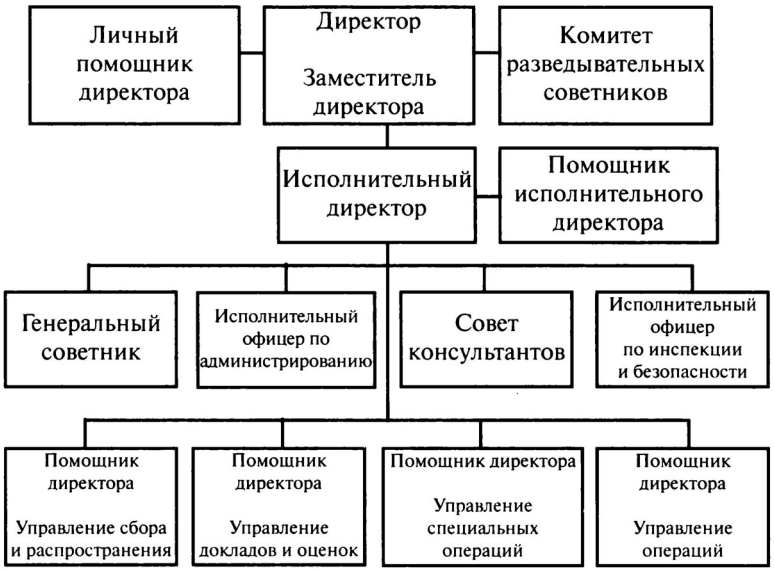
Памятник Уильяму Донована, установленный в главном холле здания ЦРУ

Директор ЦРУ (с 23.01 по 10.06.46 г.) Сидней Суэрс

Директор ЦРУ (с 10.06.46 г. по 01.05.47 г.) Хойт Ванденберг

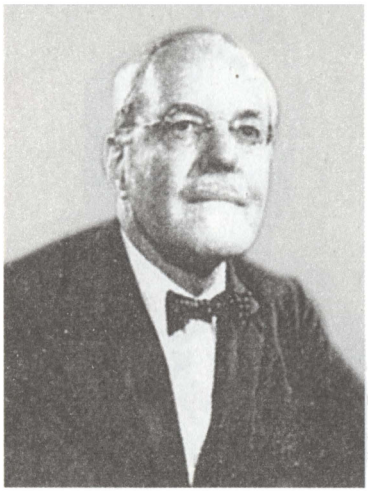
Структура ЦРУ в 1947 году

Директор ЦРУ (с 01.05.47 г. по 07.10.50 г.) Роско Хилленкотер

Директор ЦРУ (с 07.10.50 г. по 09.02.1953 г.) Уолтер Беделл Смит

Директор ЦРУ (с 09.02.53 г. по 29.11.61 г.) Аллен Даллес

Первый заместитель директора ЦРУ (с 23.04.53 г. по 31.01.62 г.) Чарльз Кэбелл

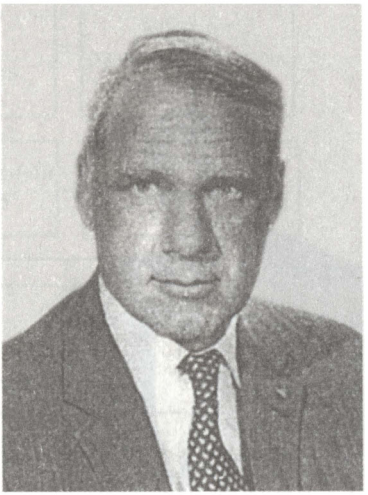
Директор ЦРУ (с 29.11.61 г. по 28.04.65 г.) Джон Маккоун

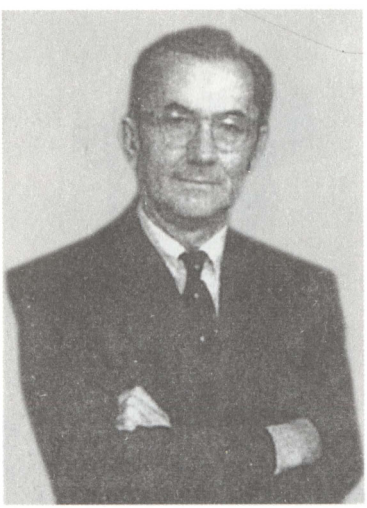
Директор ЦРУ (с 28.04.65 г. по 30.06.66 г.) Уильям Рейборн

Директор ЦРУ (с 30.06.66 г. по 02.02.73 г.) Ричард Хелмс

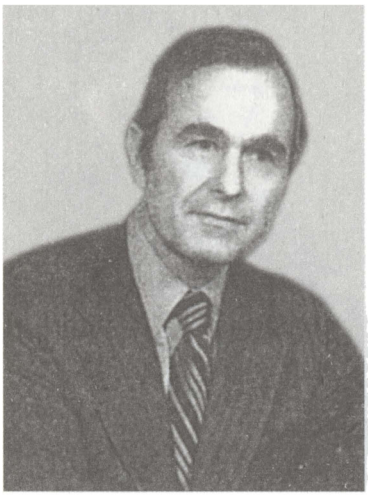
Директор ЦРУ (с 02.02. по 02.07.73 г.) Джеймс Шлезингер

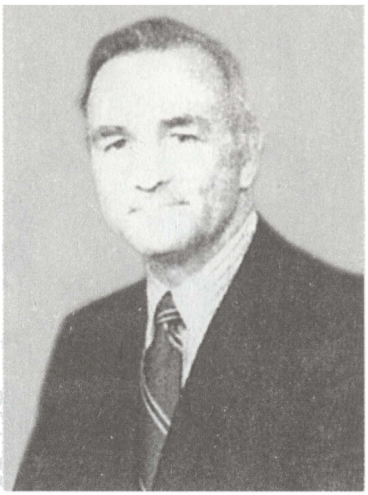
Директор ЦРУ (с 04.09.73 г. по 30.01.76 г.) Уильям Колби

Уильям Колби начал проводить реформы в ЦРУ

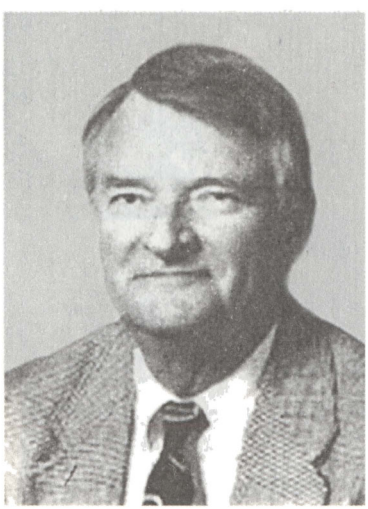
Директор ЦРУ (30.01.76 г. по 20.01.77 г.) Джордж Буш-старший

Директор ЦРУ (с 09.03.77 г. по 20.01.81 г.) Стенсфилд Тернер

Директор ЦРУ (с 20.01.81 г. по 29.01.87 г.) Уильям Кейси

Исполняющий обязанности директора ЦРУ (с 01.09. по 06.11.91 г.) Ричард Керр

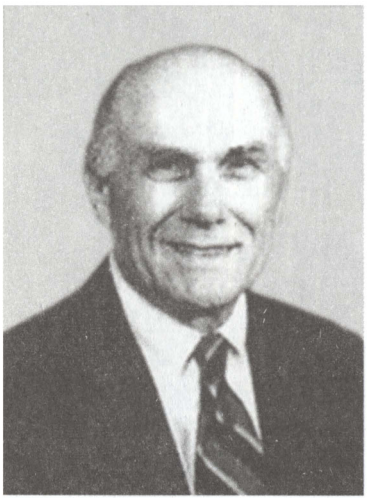
12 ноября 1991 года. Президент Джордж Буш-старший аплодирует назначению Роберта Гейтса пятнадцатым директором ЦРУ

Директор ЦРУ (с 10.05.95 г. по 15.12.96 г.) Джон Дейч

Директор ЦРУ (с 16.12.96 г..) Джордж Тенет

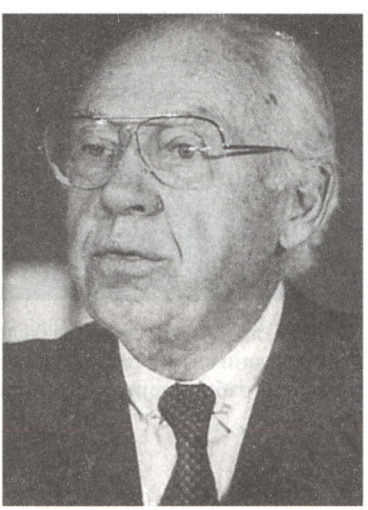
Дуглас Макичин, заместитель ЦРУ по разведке с марта 1993 г. по июнь 1995 г.

Джон Гордон, первый заместитель директора ЦРУ (с 31.10.97 г. по 01.07.2000 г.)

Статуя Натана Хэйла у главного входа в ЦРУ

Уильям Кейси втянул ЦРУ в скандал Иран-контрас

Здание, где находится подразделение иностранных операций ЦРУ, которое занимается разработкой и вербовкой дипломатов и офицеров разведки, работающих под дипломатическим прикрытием

Уильям Вебстер одел Уильяма М. Бейкера в костюм Шерлока Холмса в день, когда тот покинул пост работника, ответственного в ЦРУ за связи с общественностью

Юмор ЦРУ. Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не скажу

Эмблема ЦРУ

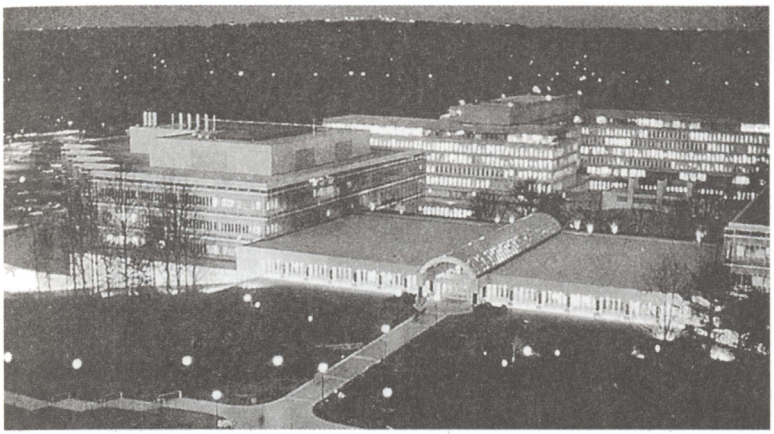
Эмблема разведки армии США

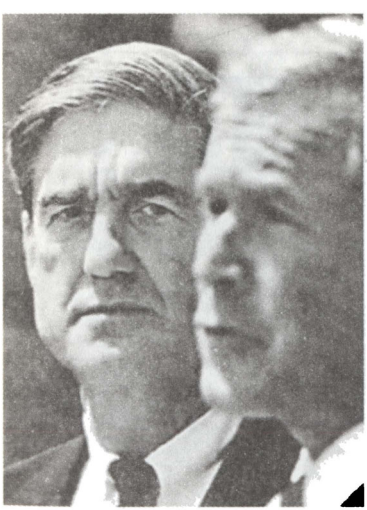
Эмблема Агентства национальной безопасности

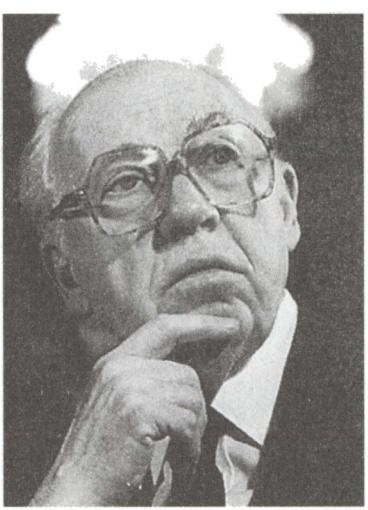
Эмблема Национального разведывательного управления США

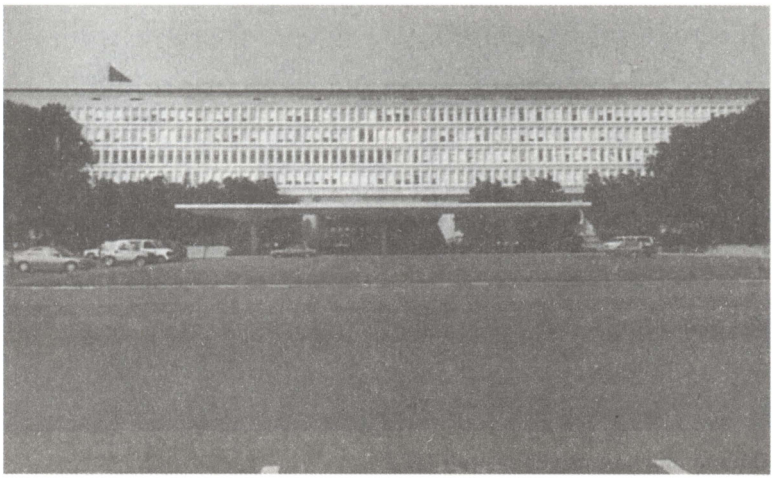
Общий вид комплекса зданий ЦРУ

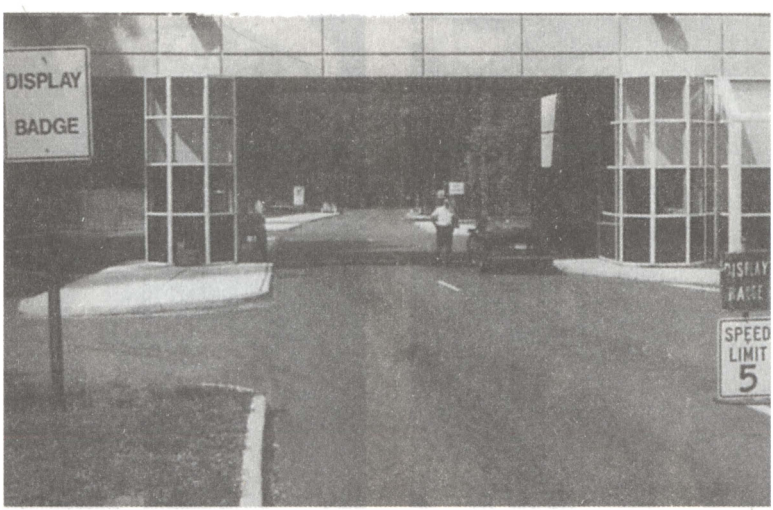
Джордж Буш-младший с директором ФБР Робертом Мюллером

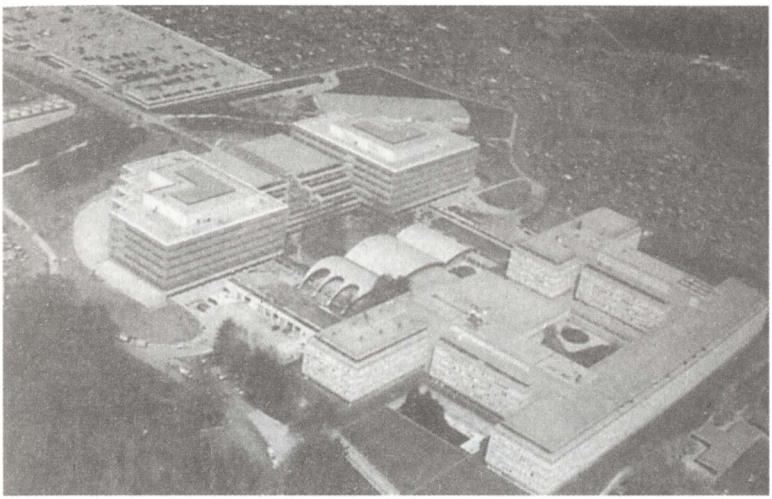
Уильям Кейси в задумчивости

Старое здание ЦРУ

Главный вход в старое здание ЦРУ

Новый комплекс зданий ЦРУ

Вход в новый комплекс ЦРУ

Агентство национальной безопасности, осуществляющее глобальное радиоэлектронное прослушивание

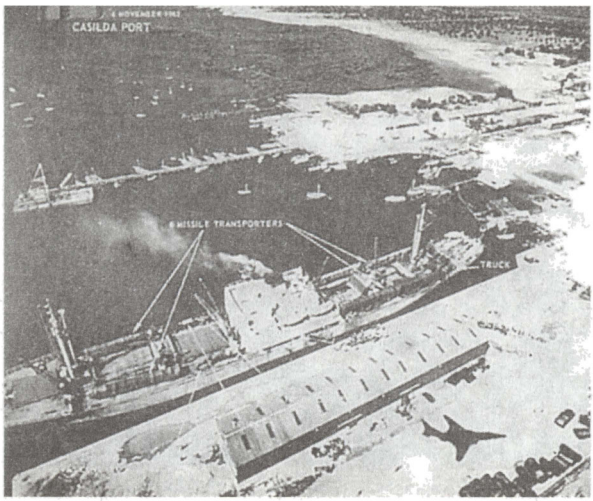
Здание ФБР

Август 1990 года. Бывший директор ЦРУ Джордж Буш-старший встречается с Уильямом Вебстером в новом здании ЦРУ. Слева – заместитель директора ЦРУ Ричард Керр

Самолет-разведчик Локхид У-2 •

Снимки, сделанные с американского самолета-разведчика. Советское судно «Волголес» с ракетами на борту

Сан Кристобаль. Пять советских ракет, доставленных на Кубу

100top.RU энциклопедия | библиотека | галереи
катастрофы | новости | рейтинги

Огромный интеллектуальный, образовательный и культурный потенциал, накопленный в книгах, выпущенных за 10 лет издательством «**Вече**», позволил открыть в декабре 2001 года образовательный интернет-портал, помогающий решать множество информационных и учебных задач. Это не просто рекламный сайт, а настоящий познавательный портал, призванный дать новую — электронную — жизнь книгам.

В новом качестве — с оригинальным программным обеспечением, системой поиска, многочисленными иллюстрациями — перед посетителями портала предстанут знакомые книги из серий «100 великих», «Самые знаменитые», «Великие тайны», «Тайны древних цивилизаций», «Военные тайны XX века» и многих других.

Несколько тысяч статей, размещенных на 100top.ru в разделе **«Энциклопедия»**, позволят прикоснуться к биографиям величайших людей человечества, ознакомиться с шедеврами мировой культуры, совершить путешествие в глубь мировой истории.

Посетители портала даже смогут бесплатно читать самые интересные книги в разделе «**Библиотека**». Кроме этого посетителям портала предлагаются разделы «**Словари**», «**Страны мира**», «**Галереи**», «**Катастрофы**», «**Новости**» (в двух последних информация выстроена тематически и обновляется каждые 3 часа).

Наш адрес в Интернете:
www.100top.ru

Нужен реферат? Вам сюда

БИБЛИОТЕКА УВЛЕЧЕНИЙ

Издательству

10 лет

Созвездие книг, жанров и серий

Наши адреса:
129348, г. Москва,
ул. Красной сосны, д. 24.
E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru
www.100top.ru

ВАЛЕНТИН ПИКУЛЬ

ИГРА & СПОРТ

ТАЙНЫ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ВСЕ ТАЙНЫ МИРА

ВСЕ МОНАРХИ МИРА

Magistri artium

ОСОБЫЙ АРХИВ

А. КОЛПАКИДИ
О. ЛЕМЕХОВ

ГЛАВНЫЙ ПРОТИВНИК

ЦРУ против России

Авторы книги, посвященной в основном ЦРУ, приводят факты ответственности американской разведки за то, что произошло в СССР в 1991 году, осмысливая роль США в развале Советского Союза. Также в книге на конкретных примерах и фактах прослежена преемственность планов США в отношении СССР/России, начиная с Октябрьской революции и заканчивая последним десятилетием XX века. Историкам, да и всей русской нации, еще предстоит осмыслить жестокие уроки истории, из которых своевременно не были сделаны выводы, что может повлечь за собой, как это не раз бывало, новые жертвы и разрушения.

ISBN 5-94538-007-5

100 Р

ОСОБЫЙ АРХИВ
А. КОЛПАКИДИ
О. ЛЕМЕХОВ
ГЛАВНЫЙ ПРОТИВНИК